4
В-78

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ 1998

Выпуск 2

Москва
1998

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

88537

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В.Виноградова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГЛОССЫ 1998

Выпуск 2

Москва
1998

4
В-78

Ответственный редактор:
доктор филологических наук **Т.В.Попова**

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
88537 20

Рецензенты:
доктор филологических наук **Г.К.Венедиктов**,
кандидат филологических наук **Л.В.Вялкина**,
кандидат филологических наук **М.И.Ермакова**

Данное исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
гранты №№ 96-04-06130, 97-04-06375

Второй выпуск коллективной монографии "Восточнославянские изоглоссы" посвящен комплексному лингвогеографическому изучению диалектов восточнославянской группы языков (русского, украинского и белорусского). Этот труд содержит не только карты, на которых показаны ареалы соотносительных диалектных явлений разных уровней языка, расположенных на всей восточнославянской территории, но и полные, монографического типа, комментарии-исследования этих явлений. В данном выпуске путем рекартографирования на картах представлены специально отобранные явления, важные для членения всего восточнославянского диалектного пространства. Результаты исследования могут быть использованы при разработке некоторых вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза, не получивших еще в славистике удовлетворительного решения.

Для языковедов - специалистов по славянским языкам.

© Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 1998 г.

Предисловие

В коллективной монографии "Восточнославянские изоглоссы" (далее ВСИ) впервые в славистике осуществляется лингвогеографический анализ диалектных явлений из области фонетики, морфонологии, морфологии, словообразования, синтаксиса, лексики и семантики на материале всех трех восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского) вместе взятых[1].

Монография ВСИ представляет собой новый тип лингвогеографического исследования. Этот труд содержит не только карты, на которых показаны территориальные варианты явлений в рамках всего восточнославянского диалектного пространства (его границы в ВСИ определены территориями, представленными в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ), но и полные, монографического типа, комментарии-исследования данных явлений.

Современное положение в области лингвогеографии характеризуется наличием преимущественно региональных и национальных атласов отдельных языков (исключение составляют ОЛА, ОКДА и ЛАЕ). Монография ВСИ принципиально отличается от атласов данного типа, так как является первым трудом, посвященным изучению в лингвогеографическом аспекте целиком одной г р у п п ы языков. Метод исследования диалектного материала в ВСИ также является иным: в данной монографии путем р е к а р т о г р а ф и р о в а н и я на картах представлены специально отобранные явления, важные для членения всего восточнославянского диалектного пространства. Кроме того, и в содержательном плане указанная работа имеет свои особенности. Так, каждый из ее выпусков посвящен исследованию не какого-либо одного языкового уровня (например, только фонетического, только морфологического или только лексического), как это принято в атласах традиционного направления, а явлениям разных уровней языковой системы. Целесообразность такого объединения р а з н о у р о в н е в ы х явлений в рамках

---

[1] Напомним, что идея о необходимости целостного лингвогеографического изучения диалектных явлений трех восточнославянских языков была высказана проф. Р.И.Аванесовым ещё в 1958 г. в докладе на IV Международном съезде славистов (см.: *Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б.* Лингвистическая география и структура языка. // "IV Межд. съезд славистов. Доклады". М., 1958, с.3).

одного лингвогеографического труда обуславливается прежде всего тем, что анализируемые языковые факты являются наиболее представительными и информативными с точки зрения диалектного членения восточнославянской языковой области в прошлом и настоящем (так, целый ряд одинаковых ареалов, показанных на разных картах ВСИ, очерчен изоглоссами и фонетических, и морфологических, и синтаксических, и лексических явлений, что, несомненно, только подтверждает объективный характер их выделения).

В настоящем, втором, выпуске данной монографии (первый выпуск вышел в свет в 1995 г. – см. "Восточнославянские изоглоссы. 1995", изд. "Наука". М., 1995) продолжается изучение тех явлений, которые имеют важнейшее значения для разработки ряда вопросов, связанных с проблемами восточнославянского глоттогенеза и этногенеза. Ранее изучение данных вопросов затруднялось тем, что диалектные материалы, интерпретированные в лингвогеографическом аспекте, принадлежали какому-либо одному из восточнославянских языков. С началом же публикаций выпусков ВСИ этот недостаток можно считать преодоленным, так как исследуемые в монографии явления и процессы характеризуют восточнославянское диалектное пространство в целом, без разделения его государственными границами. Именно о принципиальном преимуществе исследования всех родственных языков одной группы говорил в свое время Р.И.Аванесов, подчеркивая, что "многие проблемы не могут быть разрешены на материале одного языка, в изоляции от данных других близкородственных языков. Понятие отдельных языков (например, русского, украинского и белорусского) относится прежде всего к сфере социально-исторической, культурной, а не структурно-языковой. Ареалы самых различных языковых явлений нередко охватывают соседние территории близкородственных языков" (см.: *Аванесов Р.И.* О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии // ИАН ОЛЯ. М., 1964, № 6, с. 558). В монографии ВСИ карты, вошедшие в первый и второй ее выпуски, показывают ареалы соотносительных диалектных явлений, расположенных, как указывалось выше, именно на в с е й восточнославянской территории. Результаты проведенной работы убедительно свидетельствуют о том, что только такой аспект исследования дает возможность п о - н о в о м у интерпретировать многие, казалось бы, предельно ясные и не требующие дополнительного анализа факты, которые ранее могли быть изучены лишь на материале какого-либо одного из восточнославянских языков, в связи с чем целый ряд их характеристик оставался неучтенным.

Обращаясь к карте как к основному объекту исследования, считаем необходимым специально подчеркнуть, что диалектологическая карта, на

которой представлено то или иное явление, в ареалогическом плане может рассматриваться как отражение фрагмента исторического процесса столкновения и смешения языковых потоков различной хронологии и географической прикрепленности. Поэтому в данной работе авторы уделяют большое внимание интерпретации, как правило, достаточно сложной картины синхронного соотношения ареалов различных типов (компактные, размытые, кружевные, островные и т.д.). На основании лингвогеографического анализа диалектного материала в работе делаются определенные заключения, относящиеся не только к собственно географическому распределению различных соотносительных явлений (диалектных вариантов), но и к истории их возникновения.

Одной из центральных задач данного труда является поиск новых лингвогеографических (ареалогических) аргументов для решения некоторых фундаментальных и до сих пор остающихся дискуссионными проблем современной славистики. К ним можно отнести, например, следующие вопросы: каким было диалектное членение позднепраславянского языка; представлял ли собой общевосточнославянский праязык генетическое единство или же такое единство изначально отсутствовало; можно ли считать современную близость русского, украинского и белорусского языков результатом длительных конвергентных процессов и др. (см. подробнее: "Восточнославянские изоглоссы. 1995". М., 1995, раздел "Введение", с. 3-9). В связи с этим становится понятным, что охват как можно большего числа разноплановых явлений, существенных для всего восточнославянского диалектного пространства, и исследование их в лингвогеографическом аспекте (т.е. накопление новых карт) остается чрезвычайно актуальной задачей.

В результате проведенного лингвогеографического анализа разноуровневых явлений нельзя не отметить, что на картах, вошедших во второй выпуск ВСИ, нередко выделяются следующие ареалы: северо-восточный, северо-западный, северный, западный (без северо-западной части), юго-западный, украинский, белорусско-украинский и некоторые другие ареалы. Специальное внимание следует обратить на северный (или отдельно – на северо-западный и северо-восточный) и юго-западный ареалы, в которых могут быть отмечены одни и те же диалектные варианты некоторых фонетических, морфологических, синтаксических и лексических явлений. Большой интерес вызывает и общность в реализации отдельных явлений в украинских и южнобелорусских говорах; в ряде случаев к ним присоединяются и южнорусские диалекты, что дало основание Н.Н.Дурново сделать следующее заключение: "...Можно подумать, что в доисторическую эпоху говоры, образовавшие позднее м.-р. и б.-р. языки и

ю.-в.-р. наречие в.-р. языка, составляли одну группу" (см.: *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 211).

Нельзя не отметить, что к настоящему времени уже накоплен большой объем ценной информации о типах изоглосс (= ареалов), которые фиксируются в восточнославянском лингвистическом пространстве и которые репрезентируют явления различных языковых уровней. Эти данные позволяют все более уверенно говорить о правомерности гипотезы, согласно которой основу, истоки многих современных восточнославянских диалектных различий следует искать в глубокой древности – в правосточнославянских (племенных) диалектах. Карты и комментарии первого и второго выпусков ВСИ, рассматривающие важные для диалектов трех восточнославянских языков явления фонетики, морфонологии, морфологии, синтаксиса и лексики, во многом подтверждают это предположение.

Результаты лингвогеографического анализа явлений, представленных в данном выпуске ВСИ, убедительно свидетельствуют об эффективности и перспективности метода рекартографирования, применяемого авторами. Этот метод дает возможность расширить пространство лингвистических наблюдений и тем самым глубже проникнуть в суть анализируемых явлений. Изучение как известных, так и неизвестных ранее сходств и различий между восточнославянскими диалектами, выделение архаических и инновационных зон распространения различных диалектных явлений, внесение определенных коррективов в привычные представления об исследуемых явлениях – все это стало возможным в результате привлечения диалектного материала трех восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского) и переосмысления известных уже науке опубликованных данных.

Таким образом, систематизация, переосмысление и изучение методами рекартографирования диалектных данных русского, украинского и белорусского языков имеют исключительно важное значение для сравнительной характеристики восточнославянских диалектов и интерпретации их контактов, а также для разработки целого ряда кардинальных вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза, многие из которых до сих пор не получили еще в славистике удовлетворительного решения.

Мы надеемся, что данный выпуск ВСИ может явиться важным стимулом для активизации исследований в области исторической диалектологии и типологии славянских языков.

Т.В.Попова

Список сокращений названий атласов и программ, использованных в монографии*

[АУМ 1] – Атлас української мови. Ч. 1. Київ, 1984.

[АУМ 2] – Атлас української мови. Ч. 2. Київ, 1988.

[Вост. 1957] – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. М., 1957.

[Вост. комментарии, 1957] – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи. Справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957.

[ДАБМ] – Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск. 1963.

[ДАБМ, каментарыі] – Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы, каментарыі да карт. Мінск, 1963.

[ДАРЯ I] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Карты. М., 1986.

[ДАРЯ I, комментарии] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Вступительные статьи. Комментарии к картам. М., 1986.

[ДАРЯ II] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты. М., 1989.

[ДАРЯ II, комментарии] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Комментарии к картам. М., 1989.

[ДАРЯ III] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. Лексика. Синтаксис. (в печати).

[ДАРЯ III, комментарии] – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. Лексика. Синтаксис. М., 1997.

[Зап.] – Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы. (Рукопись).

[ЛГГБГ 1969] – Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.

[МУ 1957] – Методические указания к "Программе собирания сведений для составления "Диалектологического атласа русского языка" (под ред. Р.И.Аванесова, В.Г.Орловой). М., 1957.

---

* Работы, не вошедшие в этот список, даны в конце каждого раздела.

[Назарова 1985] – *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас Нижньой Прип'яти. Київ, 1985.

[ОКДА 1987] – Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1987.

[ОЛА 1994] – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1994.

[Праграма 1950] – Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.

[Програма 1949] – Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного аталасу украïнскої мови. Київ, 1949.

[Программа 1947] – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.: Л., 1947.

[С.] – Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы. (Рукопись).

[С.-Зап.] – Атлас русских говоров северо-западных областей СССР. (Рукопись).

[Ю.] – Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы. (Рукопись).

[Ю.-Зап.] – Атлас русских говоров юго-западных областей РСФСР. (Рукопись).

Л.Э.Калнынь

Протетические согласные перед лабиализованными гласными.

Программы собирания материала для трех восточнославянских диалектных атласов предусматривают получение информации о правилах фонетического оформления начала слов, восходящих к праформам с инициальными **и, *о, *ǫ, *je* [Программа 1947, 60; Програма 1949, 70; Праграма 1950, 34]. Соответствующие вопросы помещены в разделы, посвященные консонантным диалектным различиям, и ориентированы на 1) наличие ~ отсутствие согласного перед *о, у* и 2) качество этого согласного, что для бр. и укр. показано как *в* ~ *γ*/ *h* ~ *й*, а для рус. говоров ожидания ограничены губным согласным.

Наличие ~ отсутствие протезы перед инициальным гласным является производным от особенностей артикуляционной базы идиома, проявляющихся в правилах переключения артикуляционных органов из состояния паузы в вокальную артикуляцию, в данном случае в лабиализованный гласный. Альтернатива состоит в том, начинается вибрация голосовых связок одновременно с поступлением струи воздуха или же "струя воздуха взрывает препятствие в гортани и лишь вслед за этим происходит вибрация голосовых связок" [Брок 1910, 136; Селищев 1941, 219]. Последний способ артикуляции инициального гласного создавал эффект придыхания (фрикации), которое при известном усилении становится фрикативным согласным. П.С.Кузнецов условия развития такого согласного определял как "мягкий приступ, состоящий в постепенном переходе органов речи от состояния покоя к работе, требующейся для образования соответствующего начального гласного" [Кузнецов/Мейе 1951, 430].

Соблюдая точность, следует отметить, что термин "протеза" в литературе толкуется неоднозначно. Так, С.Б.Бернштейн протезой называет согласный, развившийся в прасл. в условиях зияния (между гласными). А согласный, выделившийся перед начальным гласным, С.Б.Бернштейн не относит к протетическим звукам, называя "вторичным согласным" [Бернштейн 1961, 186]. Однако более распространенным является употребление термина "протеза" именно в значении "добавочного звука в начале слова" [Лингв. словарь 1990, 402; Ахманова 1966, 368], что и принято в предлагаемой статье.

Говоря о развития вторичного согласного перед гласным, надо иметь в

виду и то, что это может быть производным от артикуляций гласного в любой позиции, а не только в начале слова. Например, в польских говорах губной спирант перед *о*, является результатом проявляющегося в любой позиций "вступительного более сильного округления губ" при образовании этого гласного [Klemiensiewicz 1955, 96] или антиципаций лабиализованного гласного [Topolińska 1982, 124]. В ситуации речь может идти о дифтонгическом континуанте **о*. В восточнославянских говорах наблюдения над нюансами артикулирования лабиализованных гласных - фрагментарны. Так, особое, отличное от литературного произношение *о* под ударением после твердых согласных показано в ДАРЯ на карте 42. Р.Ф.Пауфошима, исследуя фонетику севернорусских говоров, в том числе экспериментально, обнаружила, что в начале слова континуанты **о, *je* под нисходящим и восходящим ударением артикулируются неодинаково. В континуанте нисходящего ударения гласному предшествует "консонантный элемент типа смычно-гортанного согласного", а восходящего ударения - "консонантная протеза типа *в*". В последнем случае автор фиксирует и ситуацию сходную с упомянутой выше польской, а именно развитие вторичного *в* перед *о* после согласного (*хвоч'ем*) [Пауфошима 1983, 35].

Имеющихся сведений недостаточно для того, чтобы разделить на карте говоры, развившие вторичный согласный только в начале слова, с одной стороны, и в любой позиции, с другой. Поэтому далее рассматриваются явления, которые традиционно считаются результатом развития протетического согласного в начале слова.

Восточнославянские диалекты различаются наличием ~ отсутствием протезы перед *у, о,* частотой ее появления в разных говорах, ее качеством. Губная протеза может быть выражена билабиальным и лабиодентальным спирантом *w, в*, заднеязычная имеет вид фарингального или задненебного спиранта *h, γ*, среднеязычная - *й*. При этом можно было бы считать, что заднеязычная протеза, собственно, и является усиленным придыханием, артикуляционно соответствуя естественному прохождению звукообразующей струи от голосовых связок в ротовую полость. Именно протезу *h* перед лабиализованным гласным считал общеславянской чертой [Шахматов 1915, 57], но и, напротив, вторичным явлением, пришедшим на смену *w* [Мейе 1951, 68]. В любом случае при губной протезе на придыхание накладывается активность губ - о сходстве такой протезы и гласных заднего ряда П.С.Кузнецов писал: "Что же касается *w*, то оно образуется сближением губ (при произношении *v* сближается нижняя губа и верхние зубы), при произношении же гласных заднего ряда подымается задняя часть спинки языка, а губы большей частью округляются и иногда выпячиваются вперед" [Кузнецов/Мейе 1951, 431]. Как установлено в

истории русского языка, образованию губной протезы могло способствовать восходящее ударение на **о* [Шахматов 1915, 143].

Протеза при своем возникновении связана с фонетической позицией (вокальное начало слова). В современных диалектах эта связь отсутствует и наличие протезы является особенностью фонетики отдельных слов. Поэтому как в формулировке вопросов в программах атласов, так и в названии карт дается список слов (или отдельное слово), в которых может найти отражение явление протезы. Хотя протеза лексикализована, далее на картах это явление обозначено не как особенность конкретных слов, а как в известной мере обобщенная тенденция. Это достигается тем, что диагностическое значение при определении ситуации придается тому явлению, которое в записях представлено преимущественным количеством примеров. В то же время фонетика отдельных слов может отражаться на карте, если слово является носителем с нашей точки зрения более значимого для картографируемого сюжета признака. Это касается протез *γ, h* и *й*.

Связь протезы с фонетикой отдельных слов придает суждениям об этом явлении в конкретных говорах характер условности. Есть ответы на программу, в которых протеза не зафиксирована ни в одном из предложенных программой слов или отсутствие протезы отмечено наряду с *γ /h, в/w*. Но никогда нет гарантии, что без протезы не могут произноситься слова, которые в записях и на картах показаны как только имеющие заднеязычную или губную протезу. Тем более, что вопросы программ ориентированы на поиски протезы в говоре. Учитывая сказанное ранее, можно считать, что безвариантное присутствие протезы на карте носит конвенциональный характер.

Следует отметить, что непоследовательность/вариативность проявления протезы на отдельных фрагментах предлагаемой карты является следствием перенесения данных карт ДАБМ и АУМ на бланковку ВСИ. В соответствии с масштабом ВСИ, в рамках отдельных районов объединяются сведения, которые на картах ДАБМ и АУМ распределены по разным пунктам и в каждом из них репрезентуют безвариантную ситуацию. Выступая в качестве признака большей территории, те же данные образуют картину варьирования как по линии наличия ~ отсутствия протезы, так и ее качества. Поэтому карты ВСИ показывают более высокий уровень варьирования явления протезы, чем это имеет место в национальных атласах. Далее, по мере необходимости, мотивы, по которым варьирование протезы показано или нет, объясняется в тексте. Предварительно же отметим - если в материале представлено варьирование *в* //*γ* / *h* // Ø на карте отражается только качество протезы, но не ее отсутствие.

В восточнославянских диалектах появление протезы ожидается перед лабиализованными гласными *у* и *о*. Однако к объединению этих гласных на одной карте национальные атласы подходят по-разному. В АУМ протетические согласные перед *у* и перед *о* являются темой разных карт и констатируются независимо от ударности/безударности гласных. В ДАБМ и ДАРЯ, напротив, инициальные *у* и *о* объединены на одной карте. При этом рассматривается только ситуация с ударными гласными. Для *о* такое решение может мотивироваться тем, что в условиях аканья в начале слова выступает нелабиализованный гласный, возможно, по-иному относящийся к протезе. Но для *у* ограничение ударной позицией можно связать только с желанием соблюсти параллелизм в объяснении протезы перед *о, у*.

Разделение слов с инициальными *у, о* по разным картам, как это сделано в АУМ, кажется более правильным, поскольку позволяет показать нюансы явления, а не представлять его в привычно обобщенном виде. Повод для отдельного рассмотрения слов с инициальными *у* и *о* дает сам материал. Корпус морфем, которые могут выступать с инициальным *у* (из **и*, ** ǫ*), менее обширен, чем корпус морфем с инициальным *о* (из **о*, **je*). Количество последних повышено не только за счет корневых морфем, но и за счет префиксов, имеющих в своем начале *о*. При большем количестве морфем, содержащих определенную позицию, можно ожидать и большее разнообразие в проявлений протезы. Мотивы развития протезы перед *о* могут быть не актуальными для *у*. О роли восходящего ударения в развитии протезы перед *о* сказано выше. Кроме того появлению протезы благоприятствовала долгота *о*, как это показывает фонетика новых закрытых слогов в укр. [Соболевский 1907, 143; Шахматов 1915, 310; Мейе 1951, 68]. Наконец имеются наблюдения, согласно которым параллелизм в развитии протезы перед *о* и *у* имеет место отнюдь не всегда. Так, в белорусских говорах Восточного Полесья протеза *в* представлена перед *у*, а перед *о* более характерно отсутствие протезы [Крывіцкі, Падлужны 1984, 233]. Надо также иметь в виду, что гласные *о* и *у* могут различаться спецификой артикуляции лабиализованности. Как замечает С.С.Высотский, различие касается формы и величины отверстия рта, степени выпячивания губ. Интенсивность лабиализованности увеличивается параллельно с повышением ступени подъема гласного - на верхней ступени подъема лабиализованность выражена сильнее, чем на средней [Высотский 1967, 69]. О том, что повышение подъема непереднего гласного сопровождается усилением степени округления губ писал [Брок 1910, 18]. Сказанное означает, что *у* является более лабиализованным, чем *о*. А поскольку, по идее, лабиализованность гласного провоцирует губную протезу, можно ожидать, что более сильная лабиализованность действует

в этом плане более эффективно.

Учитывая изложенные обстоятельства, далее покажем распределение протезы и ее качество перед инициальными *у* и *о* на разных картах.

Протетические согласные перед инициальным *у*.

В АУМ наличие ~ отсутствие согласного перед инициальным *у* показано в качестве основного сюжета на следующих картах.

АУМ 1: Карта № 136 "Протетичний /в/ перед /у/ (*вухо, âóñà*)". К. № 137 "Протетичні /в/, /г/* (*вузький*)". К. № 138 – то же в (*вуж*). К. № 139 "Протетичні /в/, /г/, /й/ (*вулиця*)".

АУМ 2: К. № 122 "Протетичні /в/, /г/ перед *у* (*вулиця, вуж, вухо*)". К. № 123 "Протетичні /в/, /г/ перед *у* (*вузький*)".

Кроме того информацию о наличии ~ отсутствии протезы перед *у* и ее качестве можно извлечь из карт, посвященных другим темам.

АУМ 1: К. № 82 'вузол'. К. № 164 "Морфемна структура іменника *вугілля*". К. № 168 "Суфікси іменника *вулик*". К. № 321 'качка' (Anas domestica).

АУМ 2: К. № 147 "Суфікси іменника *вулик*". К. № 189 "Називний відмінок парних іменників (*вуса*)". К. № 296 'вузол'. К. № 368 'дядько' показывает, в частности, распространение слова *вуйко*; при этом в комментарии к карте перечислены пункты, в которых слово не имеет начального губного согласного.

В АУМ фонетика слов, начинающихся на *у*, варьируется в рамках следующих альтернатив:

вузький, вузол, вулик, вуж – Ø ~ *в* ~ *г*;

улица – Ø ~ *в* ~ *г* ~ *й* в АУМ 1, Ø ~ *в* ~ *г* в АУМ 2;

вухо, вуса – Ø ~ *в* в АУМ4, Ø ~ *в* ~ *г* в АУМ 2;

вугіль, утка показаны только в АУМ 1, где имеют *в* ~ Ø .

Информация, содержащаяся в АУМ 1 и 2 позволяет составить достаточно детальную картину употребления протезы, ее качества, ее отсутствия перед инициальным *у*. Здесь же мы используем материал ОЛА, отражающий рефлексацию инициальных **и*, **ǫ*. Это континуанты праформ **usta, *učiti, *uxo, *ujь, *ǫgъlъ, *ǫzkъjь, *ǫglь, *ǫsъ, *ǫžъ* [Вопросник 1965, 24].

В некоторых регионах показания АУМ и ОЛА расходятся. На карте комбинируются показания обоих источников.

В ДАБМ тема протезы перед лабиализованными инициальными

---

* Знаком *г* в АУМ обозначена заднеязычная протеза в виде фарингального согласного *h*.

гласными дается по-другому. Карта № 47 называется "Наяўнасць ці адсутнасць пратэтычных /в/, /γ/ ці /h/ перед пачатковымі націсканымі /о/, /у/".

На карте разного цвета кружками обозначена альтернатива *â ~ γ / h ~ Ø*.

Отмечено и варьирование ситуации в одном пункте. Карта № 48 посвящена отдельно слову *вуліца*, поскольку в нем заднеязычная протеза представлена на более широкой территория, чем это имеет место в других словах с начальным *у*.

В ДАБМ карта на протезу перед *у*, *о*, в отличие от АУМ, снабжена списком всех зафиксированных в ответах на программу слов, включая *вуліца*. Материал не приводится для тех пунктов, где губная протеза представлена безальтернативно [ДАБМ, каментарыі, 434]. В целом приводимый в комментарии список состоит из слов (даем русское написание) - *утка*, *ухо*, *умный*, *учится*, *улица*, *угол*, *уголь*, *усы*, *уж*. Сопоставление материалов комментария к карте № 47 со знаками на карте дает основание считать, что при составлении карты превалировало априорное представление об абсолютно параллельном развитии протезы перед *у* и *о* - при выборе знака эти гласные не отделяются друг от друга. Об этом позволяют говорить следующие наблюдения.

п. 137 имеет знак протезы *в*, хотя в комментарии примеров на *в* перед *у* нет; есть только *γу́л'ица*.

п. 139 имеет знак *в* // Ø, хотя без протезы зафиксировано только слово с инициальным *о* - *о́с'ен'*.

п.п. 249, 289 - знак *в* // Ø не может быть отнесен к *у*, так как записано только *ву́ха*, *ву́ліца*.

п.п. 343, 352, 392 - вообще нет примеров на *у*, а на карте дан знак Ø.

п. 384 имеет знак *в*, но записано только *у́л'іца*.

п. 389 - *ву́сы*, *на у́л'ицы*, а дан знак *в* // Ø, поскольку без протезы записано *о́з'ера* и т.д.

Информация, которую предлагает карта № 47 в ДАБМ, находится на таком заранее заданном уровне обобщения материала, когда лингвогеографическая фиксация явления подчинена уже установившимся представлениям. Считая, что проблему протезы следует индивидуализировать, из материала карты № 47 мы выносим на отдельную карту данные о словах, начинающихся на *у*. На эту же карту наносим фонетику слова *улица* [ДАБМ, карта № 48], если только в этом слове в говоре представлена заднеязычная протеза.

В ДАРЯ проблеме протезы посвящена карта 60 "Наличие или отсутствие протетического *в* перед ударенными /о/ и /у/". В основу карты положено утверждение, что "в употреблений протетического *в* не

обнаружено каких-либо различий, связанных с положением перед разными ударными гласными (*о* или *у*)" [ДАРЯ I, комментарии, 161]. В соответствии с этим, используемые на карте знаки относятся недифференцированно к гласным *у* и *о*. В этой связи следует сказать об обеспечении знаков фактами реальной фонетики. В комментарии к карте указано, что в ареале наибольшего сгущения примеров с протетическим согласным он в отдельных пунктах фиксируется в разном количестве слов - от 8 до 22 (имеются в виду слова с обоими гласными - Л.К.), а за пределами этого ареала, если протеза встречается, то в 1 - 2 и редко в большем числе слов. Далее дается список слов, которые в картотеке ДАРЯ зафиксированы с протезой перед инициальными *у*, *о*. Эта обобщенная информация не дает представления о частоте употребления протезы в конкретных пунктах. А между тем знаками карты передается как употребление, так и отсутствие протезы "в единичных случаях" [ДАРЯ I, карта 60]. Поскольку иллюстрация основных знаков карты состоит из двух слов для каждого гласного (*во́кна*, *во́сень*, *ву́тка*, *ву́чит*), то проблема единичности наличия / отсутствия протезы не вполне ясна - ведь если исходить из иллюстративных слов, то отсутствие протезы в одном из них одинаково создает ситуацию единичности как для наличия, так и для отсутствия протезы. Вопрос единичности - это компонент общей частотной характеристики явления, а на карте ДАРЯ такая характеристика отсутствует. Поэтому на предлагаемых ниже картах "единичное наличие" и "единичное отсутствие" интерпретируется как экспликация варьирования *в* // Ø.

В комментарии к карте ДАРЯ приведен общий список слов, зафиксированных с протезой *в* перед *у*. Это - *утка*, *улица*, *утро*, *учит*, *уши*, *ум*, *умный*, *узкий*, *уже*, *умер*, *угол*, *ужин*, *уголь*. Зона протезы перед *у* сосредоточена на юго-западе территории ДАРЯ, в ареале, примыкающем к территории укр. и белорус. языков.

На основе карты ДАРЯ и комментария к ней нельзя разделить материал на протезу перед инициальными *у* и *о*, как это сделано в отношения карты ДАБМ. Поэтому протеза перед *у* в русских говорах показана на карте так же, как это сделано в ДАРЯ. В комментарии к карте ДАРЯ зафиксирована в единичных примерах заднеязычная протеза перед *у* - *hу́ток* (Вытегра Вологодской обл.), *hу́тки* (Калина Горьковской обл.), *hу́лица* (Мосальск, Хвастовичи Калужской обл.). Если в Калужской обл. это можно расценить как украинизм, то в Вологодской и тем более Горьковской обл. заднеязычная протеза перед *у* кажется необъяснимой случайностью.

Некоторые уточнения в информацию ДАРЯ позволяет внести материал ОЛА. Он дает возможность проследить наличие / отсутствие

протезы перед *у* в русских говорах в одинаковом наборе слов. Это континуанты праформ **ǫgъlъ, *ǫglь, *uxo, *usta, *ǫtroba, *učiti, *utro, *ǫsъ, *ǫzъkъjь, *ǫžь* и слова *утка, ужин* [Вопросник 1965, 24]. Губная протеза перед *у* в этих словах представлена в основном в том же регионе, что и на карте ДАРЯ. Но появление протезы в разных словах происходит с неодинаковой частотой. Выстраивается следующая линия по убывающему числу пунктов, в которых слово из приведенного списка зафиксировано с губной протезой перед *у*. **uxo* (42 п.), **ǫsъ* (39), *утка* (34), **ǫzъkъjь* (33), **ǫgъlъ* (32), **ǫglь, *utro* (28), *ужин* (26), **ǫžь* (19), **učiti* (12), **usta* (3), **ǫtroba* (2).

Нет ни одного пункта, в котором все бы эти слова имели протезу. А в тех пунктах, где протеза показана, это фиксируется в разном наборе слов. Максимальное число - 9 слов. Так в п. 69 (Себеж Псковской обл.) - протеза в **ǫgъlъ, *ǫglь, *uxo, *usta, *utro, *ǫsъ, *ǫžь, утка, ужин*. Минимально - 1 слово. Так в п. 762 (Угранский р-н Смоленской обл.) - протеза в **uxo*. Между этими крайними цифрами располагаются разные наборы слов с губной протезой перед *у* в отдельных пунктах - от 8 до 2 слов.

Русский материал ОЛА дает возможность сопоставить протезу перед *у* и *о* в одинаковом наборе слов. Протеза перед *о* будет показана далее на отдельной карте. Здесь же отметим, что территория, обозначенная на карте ДАРЯ как содержащая губную протезу перед *у, о*, по данным ОЛА показывает регионы, где протеза зафиксирована только перед *у*, но не перед *о*. Эта ситуация на карте обозначена специальным знаком.

Протетические согласные перед инициальным *о*.

В АУМ наличие ~ отсутствие согласного перед инициальным *о* (из **о, *je*) является о с н о в н о й темой следующих карт.

АУМ 1. К. № 140 "Протетичні *в, г* перед *о*"; картографируются слова *осень, озеро, овес, орел* (русское написание - Л.К.). К. № 141 "Протетичні *в, г* (*гострий*)". К. № 142 "Протетичний *г* (*горіх*)". К. 143 "Протетичний *г* (*орати*)

АУМ 2. К. № 124 "Протетичні *в, г* перед *о*"; картографируются слова *осень, озеро, овес, орати*. К. № 125 "Протетичні *в, г* перед *о* (*горіх, гострий*)". К. № 126 "Протетичні *в, г* (*оӓіроф̂*)".

Кроме того информация о протезе перед *о* присутствует в виде сопутствующей темы на следующих картах.

АУМ 1. К. № 59 "Рефлекси *о* в наголошеному закритому складі (*ослін*). К. № 61 то же в (*окріп*). К. № 67 "Рефлекси ненаголошеного *о* (*віконце*)". К. № 87 "Відповідники ненаголошеного *у* (*очкур*)". К. № 163 "Морфемна структура іменника *обичайка*". К. № 176 "Утрата

демінутивности суфікса *-ечк-*"; картографируется *вівця* и *овечка*. К. № 248 "Назывний відмінок числівника *один*".

АУМ 2. К. № 62 "Вставний *о* (*вогонь*)". К. № 162 "Утрата демінутивности суфікса -к- (*овечка - вівця*)". К. № 225 "Назывний відмінок числівника *один*" .

Фонетика начала слов, показанных на перечисленных картах, варьируется в пределах следующих альтернатив:

осень, озеро, огірок, острий – Ø ~ *в* ~ *г* в АУМ 1 и АУМ 2.

оріх, орати, овес, один – Ø ~ *г* в АУМ 1, Ø ~ *в* ~ *г* в АУМ 2.

овечка – Ø ~ *в* ~ *г* в АУМ 2, а в АУМ 1 только Ø.

вівця – Ø ~ *в* в АУМ 1, Ø ~ *в* ~ *г* в АУМ 2.

Показанные только в АУМ 1 слова *ослін, окріп, очкур, обичайка, орел* имеют Ø ~ *г*. Слово *огонь*, приведенное в АУМ 2, имеет Ø ~ *г* ~ *в*.

Частота появления протезы в ее конкретном качестве в перечисленных словах различается. Так, *огірок* в АУМ 1 преимущественно имеет Ø, реже *г*, а *в* всего в трех пунктах (Оржица Полтавской обл., Ямполь Сумской обл.); в АУМ 2, напротив, *в* фиксируется в большем количестве пунктов, чем *г*. В АУМ 2 слово *вівця* имеет *г* в своем начале в двух пунктах (Ковель, Маневичи Волынской обл.), а в *овечка* заднеязычная протеза фиксируется достаточно часто. Слово *один* имеет протезу редко: в АУМ 1 - это *г* в 18 пунктах, а в АУМ 2 - *г* в 4 пунктах (Маневичи Волынской обл., Володимирец, Дубровици Ровенской обл., Сокаль Львовской обл.) и *в* в трех пунктах (Сторожинец, Новоселица Черновицкой обл.). Вполне экзотическим является произношение предлога *год* (= від), отмеченное в Винницкой обл. (Хмельник, Калиновка) [АУМ 1. К. № 269]. Программа ОЛА предполагает констатацию наличия/отсутствия протезы в рефлексе инициального **о* в континуантах праформ **ona, *onъ, *oko, *osьtь, *ovьca, *otava, *orěxъ, *ovьsъ, *ostrъjь, *ognь, *osmь, *osmъjь, *obrǫčъ*, которые в основном показывают фонетику, совпадающую с показаниями АУМ из соответствующих районов. Выделяется по данным ОЛА праформа **ona*, которая часто (иногда вместе с **ognь*) является единственным примером, имеющим губную протезу. Например, Млинов Ровенской обл. - *г/h* в *осень, озеро, овес, орати, овечка, око, оцет, отава* и *â/w* в *она, огонь*. Олевск Житомирской обл. – Ø в *осень, озеро, орати, овес, огонь, острий, отава. оцет, око* и *в/w* в *она*. Мирогород Полтавской обл. – Ø в *озеро, осень, очкур, огірок, орати, оріх, овес, оцет, око* и *в/w* в *она* и т.п.

Если иметь в виду заднеязычную протезу, то она по данным как АУМ, так и ОЛА особенно часто фиксируется в *оріх* и *острий*. Они могут быть единственными словами, содержащими заднеязычную протезу на фоне общего отсутствия протезы, реже - на фоне губной протезы [АУМ 1, К. № 141,142; АУМ 2, К. № 125]. При этом заднеязычная протеза может высту-

88537

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

пать в обоих словах или в одном из них. Различие это достаточно определенно локализовано: в обоих словах или только в *острий* заднеязычная протеза представлена преимущественно на северо-востоке укр. территории, а только в *орiх* - на юго-западе. На карте заднеязычная протеза в *орiх, острий* обозначена особым знаком, если она зафиксирована только в этих словах.

Описывая украинскую ситуацию, следует отметить, что губная протеза всегда представлена перед континуантом **о,* претерпевшим заменительное удлинение в новом закрытом слоге. Это - *вівця, він*, род. ед. *віўса* (при *овес, говес*). Как было сказано, существует мнение, что долгота *о* особенно способствовала выделению губной протезы. Поэтому, когда фиксируется произношение *овца, говца, он*, это можно расценивать как знак того, что в данном говоре эти слова не имели заменительного удлинения гласного *о*. В то же время надо отметить, что произношение *овца* в АУМ 1 (К. № 178) отмечено в основном в тех районах Черниговской, Житомирской, Сумской, Черкасской обл., где на карте показано как отсутствие, так и наличие протезы перед *о* в других словах; то же в АУМ 2 (К. № 162). Произношение *говца*, как сказано выше, отмечено лишь в двух пунктах в АУМ 2.

Вероятно, постоянное присутствие губного спиранта в континуанте **osmь* (данные ОЛА) и высокая его частота на территории АУМ 2 в *огонь* (**ognь*) отражает эффект закрытого слога, свойственного первоначально после падения *ъ этим словам. В дальнейшем этот эффект утрачен в связи с развитием вторичного интерконсонантного гласного. При этом в **osmь* гласный *о* успел измениться по правилу нового закрытого слога (*вісім, вусім* и под.), а в **ognь* произошло удлинение *о*, но дальнейшее его изменение было приостановлено в связи с превращением закрытого слога в открытый. Этим можно объяснить довольно высокую частоту губной протезы в этом слове и единичность заднеязычной протезы - по данным АУМ 2 *гогонь* зафиксирован в Маневичи Волынской обл., Сарны Ровенской обл., Изяслав Хмельницкой обл.

Локализация протезы в палатальном ряду дает спирант *й*. В АУМ 2 зафиксировано два примера с протезой *й* перед *о* - *йоконце* (Малин Житомирской обл.) и *йогонь* (Владимир-Волынск, Новодолинск, Иваничи Волынской обл.).

Начальный спирант часто содержится в местоимении, которое в АУМ 1 на карте № 62 соотносится с *він* (*йон, йун, йуон*). Однако в этом случае более правдоподобной кажется версия, согласно которой здесь имеет место выравнивание по косвенным падежам, т.е. *йон* как *йего, йему* [Шахматов, с.55].

В ДАБМ для картографирования протезы перед инициальным *о* используются следующие перечисленные в комментарии к карте № 47

[ДАБМ, каментарыі, 436] слова (даем русское написание): *озеро, осень, острый, область, окны, оцет, отчим, остров, отпуск, обруч, огнище, овцы, окунь, око, оспа, Оля, ось, обод, овод*. Это - слова, зафиксированные в разных пунктах. В говорах же отдельных пунктов приводимый материал может ограничиваться и одним словом - например, п. 369 *во́з'ара*, п. 383 *о́кна*, но возможен и достаточно длинный набор слов - например, п. 295 Лиозно Витебской обл. *во́кны, во́с'ин', во́ɣн'ишче, во́тл'иɣ, во́кун', во́з'ира, во́йстры*. В ДАБМ вариативная экспликация явления констатируется независимо от количественного соотношения примеров. Поэтому знак *в* // Ø дается и в тех случаях, когда отсутствие протезы зафиксировано лишь в одном слове при значительном количестве слов с губной протезой. Например, п. 402 *во́з'еро, во́блас'ц', Во́л'ка* и *о́сен'йу*; п. 636 *во́с'ин', во́з'ира, во́кны, во́йстры* и *о́кны*; такая же ситуация в п.п. 7, 67, 101, 118, 120, 127, 129, 134, 138, 147-149, 294, 302, 310, 365, 367, 368, 462, 714. Далее на предлагаемой карте такой материал интерпретируется как представляющий только протезу *в*.

Сопоставление знаков карты и материала показывает, что иногда информация, актуальная для *у*, автоматически распространяется на *о*. Примеры: п. 276 - знак *в* // Ø, но в материале перед *о* только *в*; п. 293 - знак *в*, но примеры только на *у*; п. 389 - знак *в* // Ø, но *в* в *ву́сы*, а *о* без протезы (*о́з'ера*), т.е. для *о* актуален знак Ø; п. 416 - знак *в*, но примеров на *о* вообще нет; п. 708 - знак *в* // Ø, но перед *о* только *в* - *во́с'ан'йу, во́з'аро, во́бруц', во́кан* и т.п. Далее при нанесении знаков на карту используем только тот материал карты ДАБМ, который относится к инициальному *о*.

В белорус. говорах перед *о* преобладает губная протеза. Заднеязычная протеза в виде *ɣ, h* на карте ДАБМ фиксируется в немногих говорах Гродненской и Брестской областей. Состав слов с заднеязычной протезой по говорам индивидуален. Это может быть одно слово - п. 760 (Лагишин Брест. обл.) *ɣо́л'а*; п. 726 (Иваново Брест, обл.) *ɣо́з'аро*; и целый ряд слов - п. 688 (Береза Брест. обл.) *ɣо́зыро, ɣо́с'ен', ɣо́кна, ɣо́стры*; п. 728 (Иваново Брест. обл.) - *ɣо́с'ин', ɣо́з'ера, ɣо́чи, ɣо́браз, ɣо́кны*. Чаще других имеет протезу (губную или заднеязычную) слово *острый*, но этот факт на карту ДАБМ не вынесен, хотя в комментарии к карте № 47 фонетика данного слова показана. В комментарии к карте № 48 "Вымаўленне слова *вуліца*" [ДАБМ, каментарыі, 440] указано на совпадение ареалов заднеязычных протез в *вуліца* и *востры*. На предлагаемой карте протезу *ɣ, h* в *востры* обозначаем специальным знаком, если слово является единственным примером, содержащим такую протезу.

Карта ДАБМ показывает протезу только перед ударным *о*. Но протеза возможна и перед безударным *о*, в том числе и изменившимся в *а* по модели аканья. Так, в описании белорусской диалектной фонетики

гродненско-барановическое произношение иллюстрируется примерами *гала́тк'і, гав'е́чк'і, гре́х, гов'е́с, гану́ча, гара́ц, гастрыц'* [Крывіцкі, Падлужны 1984, 218]. В материале ОЛА континуант **orěxъ* имеет заднеязычную протезу также в некоторых говорах Брестской и Ровенской обл. В ДАБМ карта № 29 показывает диалектные различия, отражающие "вымаўленне слова *авес*", имея в виду гласный под ударением (*о ~ е*) и качество губного спиранта (*в ~ в' ~ ў̈й ~ вй ~ в'й*). Но в материале к карте приводятся примеры заднеязычной протезы в пунктах, расположенных в Брестской обл. (Ивацевичи, Иваново, Лагишин, Пинск); то же показано в материалах ОЛА в Брестской обл. (Дрогичин) и Гродненской обл. (Мосты, Щучин, Новогрудок).

В ДАБМ карта № 133 называется "Указальна-асабовы займенник 3-яй асобы з пратэтычным *й* або *в*". Считается, что произношение *йон, йана, йано, йаны* репрезентует результаты развития палатальной протезы перед инициальным *о*. Однако более вероятно, что это, как и в укр., результат выравнивания по косвенным падежам [Шахматов, 55]. Особенно потому, что в белорус. говорах нет других примеров, в которых можно было бы подозревать протезу *й* перед *о*. Начальный *й* в местоимении 3-го лица присутствует почти на всей территории ДАБМ, исключая юго-западный угол карты вдоль р. Припять, где представлена протеза *в* (*вон, вона, воно, воны*).

В ДАРЯ в комментарии к карте 60 протеза губного ряда перед *о* отмечена в словах *осень, окна, озеро, острый, Ольга, очередь, озимь, овцы, окунь, облако, оспа, осы, обжи, ольха* [ДАРЯ I, комментарии, 1986, 161]. Из этого списка в отдельных пунктах с протезой записано разное количество слов. Протеза *в* сосредоточена на юго-западе территории ДАРЯ. При этом конфигурация ареалов безвариантной фиксации протезы и варьирования наличия/отсутствия протезы та же, что и для протезы перед *у*. За пределами юго-западного ареала на фоне сплошного знака "отсутствие протезы" разбросаны знаки употребления протезы, в том числе и "в единичных случаях". Эти знаки не образуют ареалов и на предлагаемой карте не учитываются. Тем более, что нет сведений о том, какие конкретные примеры за знаками скрываются.

В ДАРЯ заднеязычная протеза перед *о* зафиксирована в *ўбстрый* на границе с Сумской обл., что можно рассматривать как украинизм.

В комментарии к карте 60 сказано, что протеза *в* в словах *острый, обжи, ольха* "встречается на более широкой территории", т.е. за пределами юго-западного ареала. Эти слова "не картографировались, если они были единственными словами с протетическим *в*" [ДАРЯ I, комментарии, 1986, 161]; не ясно, имеется в виду одно из трех слов или же все три слова в одном говоре. В то же время на карте специальным знаком обозначена

протеза *в* в ситуациях "только *вóсы*" и "только *вóспа*". Предпочтение, которое отдано этим словам в сравнении с выше названными тремя, в комментарии не объяснено. Карта показывает, что произношение *вóспа* распространено шире, чем *вóсы*. Знак *вóспа* разбросан по всей территории, образуя относительное сгущение в пространстве между Липецком, Тамбовом и Воронежем, между Саранском и Рязанью, отчасти в Вологодской обл. около Тотьмы. Произношение же *вóсы* - около Луги Новгородской обл. и между Тихвином и Лодейным Полем Ленинградской обл.

Протетический согласный перед *о* является особенностью отдельных слов. В этих условиях для выяснения каких-либо закономерностей в употреблении протезы было бы целесообразно проследить фонетику одного и того же корпуса слов по всей картографируемой территории. Как сказано выше, восточнославянские атласы при картографировании явления протезы оперируют разным составом слов в разных пунктах. Возможность сопоставления по всей восточнославянской территории дает материал ОЛА - предусмотренные в [Вопросник 1965, 23] слова с инициальным **о* могут быть прослежены в укр., белорус., и рус. диалектах. Сопоставление показывает, что укр. и белорус. диалекты противостоят русским по двум параметрам. Это - наличие в них заднеязычной протезы и бóльшая насыщенность губной протезой. В то же время между укр. и белорус. говорами существует различие в фонетике конкретных слов. Так, по данным ОЛА:

**ovьca* - в белорус. не имеет протезы, исключая Свислочь Гродненской обл., где зафиксирован инициальный *v*; в укр., напротив, слово всегда имеет губную протезу (рефлекс **о* в новом закрытом слоге);

**ogпь* - в белорус. не имеет протезы, а во многих укр. говорах произносится с губной протезой;

**ostrъjь* - в белорус. преобладает губная протеза над заднеязычной, а в укр. - наоборот, заднеязычная над губной;

**oko* - в белорус. почти всегда губная протеза и *γ* в Брестской обл. (Береза, Дрогичин); в укр. довольно часто протеза отсутствует, а губная и заднеязычная протезы распределены по примерно одинаковому количеству пунктов;

**осыъ* - в белорус. губная протеза, а в укр., имеющих это слово чаще, чем белорус. говоры, оно преимущественно произносится без протезы, а если имеет протезу, то как губную, так и задненебную;

опъ* - в белорус. в тех случаях, когда местоимение не имеет в своем начале *j*, представлена губная протеза (отсутствие протезы в Лельчицы Гомельской обл.), а в укр. - только губная протеза; (о* в новом закрытом слоге);

**ona* - в белорус., если нет инициального *j*, то представлена губная протеза; в укр. - губная протеза, а в юго-западном регионе (Закарпатская, Черновицкая обл.) - отсутствие протезы;

**otava* - в белорус. без протезы; в укр. наряду с отсутствием протезы представлены губная и заднеязычная протезы;

**orěxъ* - в белорус. заднеязычная протеза реже губной и обе они реже отсутствия протезы; в укр. наиболее частой является заднеязычная протеза, реже - губная и отсутствие протезы;

**obrǫčь* - в белорус. нет протезы; в укр. при преимущественном отсутствии протезы зафиксирована губная протеза в некоторых говорах Львовской и Ивано-Франковской обл., а заднеязычная - в регионе распространения этой протезы в Киевской, Винницкой, Черкасской, Кировоградской обл.;

**ovьsъ* - в белорус. преимущественно без протезы и лишь *γ* в Гродненской обл. (Щучин, Мосты, Новогрудок), Брестской обл. (Драгичин), *w* в Гродненской (Свислочь); в укр. во многих пунктах протеза отсутствует, но в других - губная и заднеязычная протеза представлены, примерно, с равной интенсивностью (*h* - в 16 пунктах, *w* - в 11 пунктах, Ø - в 104 пунктах);

**osmъjь* - в белорус. всегда с губной протезой при ее отсутствии лишь в Гродненской обл. (Вороново, Свислочь), Брестской обл. (Лагишин); в укр. также преобладает губная протеза - ее нет лишь в Косово Ивано-Франковской обл., Кицман, Путила, Глибока Черновицкой обл.

**osmь* - в белорус. и укр. всегда губная протеза перед *o* и его заменами.

В русских говорах из предложенных Вопросником ОЛА праформ с инициальным **o* имеют губную протезу в некоторых пунктах территории, примыкающей к укр. и белорус. континуанты праформ **obrǫčь* (9 п.п.), **onъ* (8 п.п.), **ovotьje* (7 п.п), **ona* (1 п.). Как в этом регионе, так и за его пределами губная протеза представлена всегда в **osmь*, почти всегда в **osmъjь* - отсутствие протезы отмечено лишь в шести пунктах (Пошехонье Ярославской обл., Серпухов Московской обл., Касимов Рязанской обл.); **ostrъjь* в подавляющем большинстве пунктов имеет губную протезу, реже произносится без протезы - иногда в одном пункте варьируется наличие/отсутствие протезы, но такое варьирование рассеяно и не образует определенных ареалов. Названные три слова благодаря стабильности в них протезы диалектного различия не образуют.

По данным ОЛА, во многих русских пунктах в соответствии с **onъ, *ona* зафиксированы формы, имеющие в своем начале средненебный спирант. В данном случае спирант обязан своим появлением аналогии с косвенными падежами этих местоимений (как в укр. и белорус.).

Материал ОЛА отражает наличие/отсутствие протезы в рефлексе иници-

ального **o* в одинаковом корпусе словоформ по всей восточнославянской территории. Хотя в отдельных пунктах могут быть зафиксированы не все из перечисленных слов, в целом сопоставимости материала это не мешает.

Поэтому данные ОЛА создают возможность охарактеризовать восточнославянские говоры (в рамках сетки ОЛА) с точки зрения частоты появления протезы в указанном корпусе слов. Выясняется, что наибольшую частоту протеза имеет место в укр. говорах Волынской, Львовской, Тернопольской, Хмельницкой, Винницкой, Черкасской, Кировоградской областей. В остальных укр. говорах, белорусских и русских на границе с белорусскими и украинскими частота протезы перед инициальным *o* может быть определена как средняя. А низкая частота протезы - это особенность основной части русских говоров, где протезу демонстрируют только **ostь, *ostъjь, *ostrъjь*. Если считать, что частота появления протезы в современных говорах отражает уровень интенсивности первоначального включения протезы в рефлексацию инициального **o*, то следует признать, что импульс к образованию протезы затухал в направлении с запада на восток.

Абстрагируясь от того, что в современных говорах протеза является особенностью фонетики отдельных слов, и рассматривая это явление обобщенно, можно сделать следующие выводы о его специфике в восточнославянских диалектах.

Раздельное картографирование протезы перед *у* и перед *о* в укр. и белорус. говорах обнаруживает различие в локализации этих явлений. Ареал отсутствия протезы перед *у* меньше, чем перед *о*. Ср. некоторые районы Ровенской, Житомирской, Ивано-Франковской, Киевской, Полтавской, Брестской, Днепропетровской областей. Как показано на карте, посвященной протезе перед *у*, в русских говорах также обнаруживается отсутствие параллелизма в развитии протезы перед *у* и *о*. Если даже учитывать континуанты праформ **ostь, *ostъjь, *ostrъjь* всегда имеющих губную протезу, то на их фоне картина протезы перед *у* выглядит более насыщенной и разнообразной. Например, в п. 729 (Гагарин Смоленской обл.) при губной протезе перед *о* в названных трех словах та же протеза перед *у* представлена в **ǫglь, *uxo, *usta, *učiti, *ǫsъ, ужин, утка*; п. 758 (Рудня Смоленской обл.) - **ǫgъlъ, *ǫglь, *uxo, *ǫsъ, *ǫzъkъjь, *ǫžь, утка*. Подобное соотношение протезы перед *у* и перед *о* свойственно и другим говорам. Сопоставимость материала ОЛА, когда во всех говорах проверяется произношение одинакового корпуса слов, заставляет воспринимать как объективную реальность различную интенсивность развития протезы перед *о* и *у*. Причина такого различия, возможно кроется в более интенсивной артикуляции лабиализации при образовании *у*.

На картах прослеживается различие в качестве протезы перед *у* и *о*.

Перед *у* представлена губная протеза в то время, как перед *о* - заднеязычная в районах Черкасской, Кировоградской, Хмельницкой, Винницкой областей. И напротив - в отдельных белорусских говорах перед *у* фиксируется заднеязычная протеза, а перед *о* - только губная (Мосты Гродненской обл., Ляховичи Брестской обл.). Материал ОЛА также показывает, что перед *у* заднеязычная протеза в сравнении с губной выступает более редко, чем перед *о*. Только перед *у* и только в одном слове в АУМ отмечена протеза *й*.

Если отвлечься от сопоставления протезы перед *у* и перед *о*, то можно констатировать различия между восточнославянскими диалектами:

1) в частоте реализации протезы, т.е. в корпусе словоформ, репрезентующих протезу;

2) в качестве протезы - по этому признаку различаются как говоры в целом (есть ~ нет заднеязычная протеза), так и фонетика одинаковых словоформ в разных говорах;

3) в мотивации протезы - так, в укр. просматривается связь губной протезы перед *о* с долготой гласного в новом закрытом слоге.

Восточнославянские диалекты по признаку протезы перед лабиализованными гласными достаточно определенно делятся на четыре типа. В укр. говорах широко представлена заднеязычная протеза наряду с губной, а в некоторых случаях и наряду с общим отсутствием протезы (отдельные слова) ~ в белорус. говорах преобладает губная протеза, а заднеязычная представлена реже, преимущественно в изолированных словах ~ в русских говорах вдоль границы с укр. и белорус. достаточно часто появляется губная протеза ~ в остальных русских говорах преобладает отсутствие протезы и губная протеза в немногих словах перед *о* (некоторые из этих слов благодаря постоянству своей фонетики уже не включаются в состав диалектных различий в русских говорах). Названное различие между восточнославянскими диалектами можно представить как [h/w] ~ [w > h] ~ [w] ~ [$Ø_w$].

Если придерживаться мнения, что заднеязычная протеза отражает более старое состояние, чем губная (Шахматов), то логично считать, что укр. диалекты и отчасти белорус. репрезентуют более архаическое состояние в сравнении с диалектами, имеющими только губную протезу.

На карту, посвященную протезе перед *о*, нанесена изоглосса, очерчивающая ареал наиболее высокой частоты фиксации протезы в материале ОЛА. Сетки ОЛА и ВСИ существенно различаются, поэтому перенесение изоглоссы ОЛА на ВСИ дает условный ареал. Тем не менее можно отметить, что в сфере высокой частоты протезы оказываются преимущественно диалекты, имеющие заднеязычный спирант перед

инициальным *о*, т.е. высокая частота протезы и ее заднеязычное образование как-то связаны.

Как было сказано, развитие протезы перед инициальными гласными отражает особенности артикуляционной базы идиома. То, как проявляет себя протеза в восточнославянских диалектах, свидетельствует о том, что существенное различие в артикуляционной базе, а именно - в правиле переключения паузы в гласный, было присуще этим диалектам в достаточно ранний период, поскольку возникновение протезы хронологически близко к прасл. периоду.

Хотя между картами, посвященными протезе перед *у* и перед *о*, есть различия, тем не менее можно сделать некоторые общие выводы о специфике ареальной экспликации явления протезы. Обращает на себя внимание обилие переходных зон - наличие/отсутствие протезы и разное ее качество на карте обычно разделены говорами, где эти явления варьируются, т.е. переход имеет не резкий а плавный характер. Вероятно такая размытость границ - это тоже следствие связи протезы с фонетикой изолированных слов.

Ареалы отсутствия протезы в укр. говорах носят островной характер (особенно на картах, посвященных *у*). Это - юго-западные говоры Закарпатской, Ивано-Франковской, Черновицкой обл. и говоры центра украинской территории. Отсутствием протезы эти говоры обнаруживают сходство с основной массой русских говоров. Прямого соприкосновения между этими укр. и русскими говорами нет, поэтому о влиянии не может быть речи.

Можно считать, что отсутствие предпосылок для развития протезы в укр. и в рус. говорах - это их исконная независимая друг от друга особенность.

Литература:

[Ахманова 1966] - *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

[Бернштейн 1961] – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

[Брок 1910] – *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб, 1910.

[Вопросник 1965] – Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

[Высотский 1967] – *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. М., 1967.

[Крывіцкі, Падлужны 1987] – *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

[Кузнецов/ Мейе 1951] – Примечания П.С.Кузнецова к *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

[Лингв. словарь 1990] – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

[Мейе 1951] – *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951

[Пауфошима 1983] – *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

[Селищев 1941] – *Селищев А.М.* Славянское языкознание. М., 1941.

[Соболевский 1907] – *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.

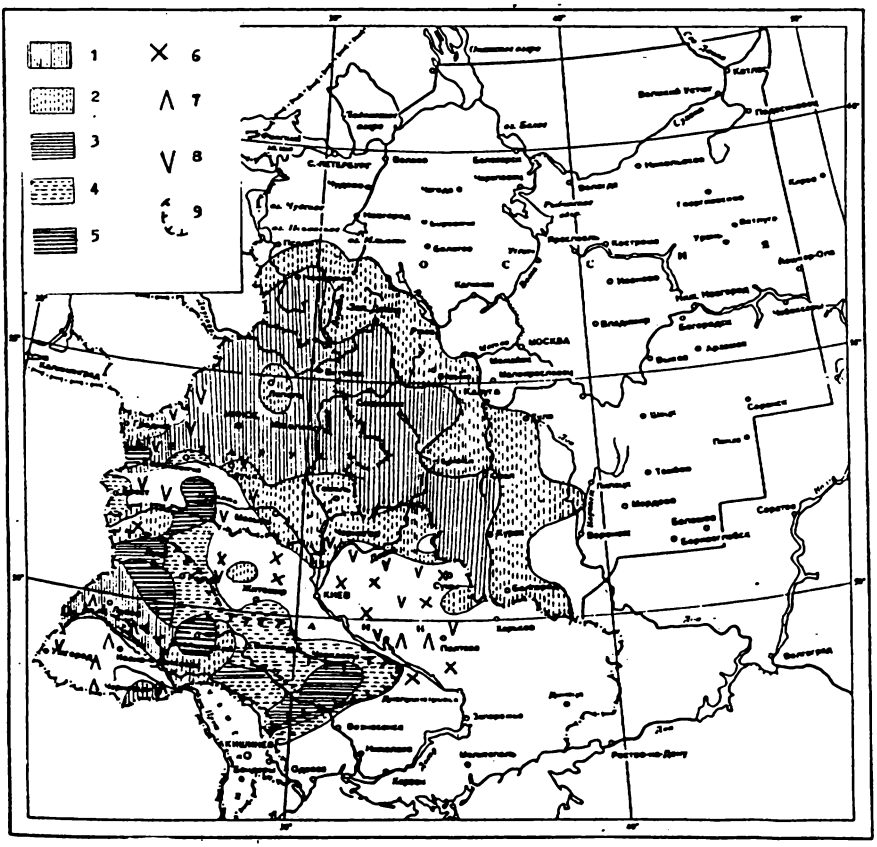
[Шахматов 1915] – *Шахматов А.А.* Очерк истории русского языка древнейшего периода. Пг., 1915.

[Klemiensiewicz 1955] – *Klemiensiewicz Z.*, Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.

[Topolińska 1982] – *Topolińska Z.* Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnosłwiańskiego atlasu językowego". Zeszyt 1. Wrocław, 1982.

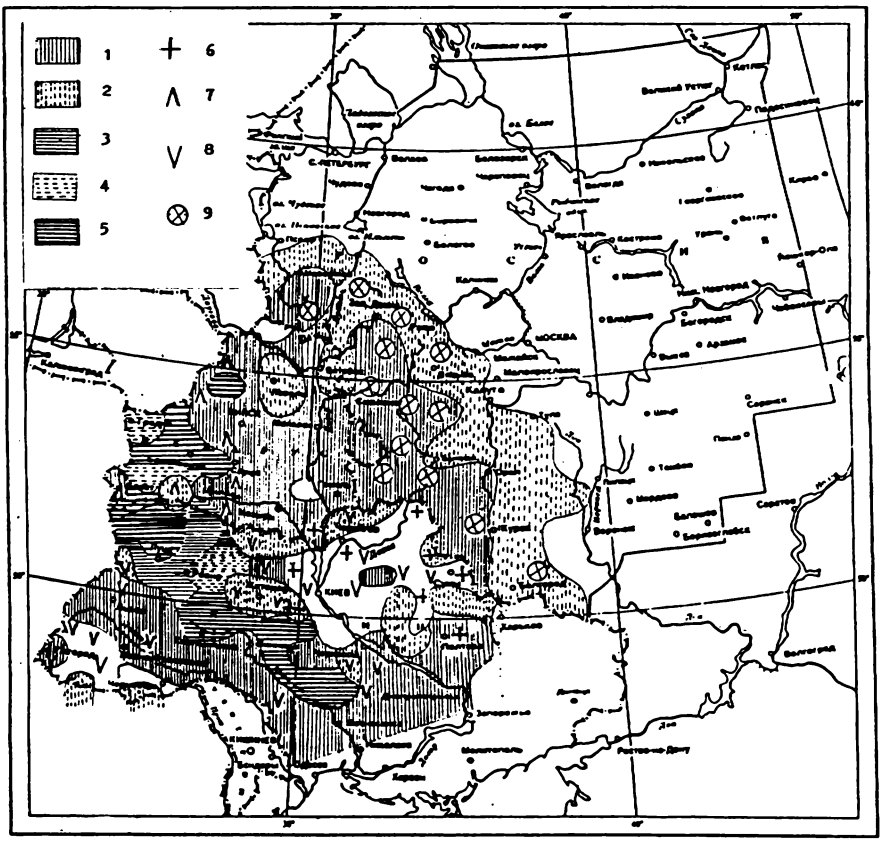
Карта № 1. Протетические согласные перед инициальным гласным *о*.

1 - губная протеза (*в, w*); 2 - варьирование губной протезы и отсутствия протезы (*в, w//Ø*); 3 - заднеязычная протеза (*γ, h*); 4 - варьирование заднеязычной протезы и отсутствия протезы (*γ, h//Ø*); 5 - варьирование губной и заднеязычной протезы (*в, w//γ, h*); 6 - заднеязычная протеза только в *орех, острый*; 7 - заднеязычная протеза только в *орех*; 8 - заднеязычная протеза только в *острый*; 9 - ареал, где, по данным ОЛА, наиболее высока частота протезы перед *о*.

Карта № 2. Протетические согласные перед инициальным гласным *у*.

1 - губная протеза (*в, w*); 2 - варьирование губной протезы и отсутствия протезы (*в, w//Ø*); 3 - заднеязычная протеза (*γ, h*); 4 - варьирование заднеязычной протезы и отсутствия протезы (*γ, h//Ø*); 5 - варьирование губной и задненебной протезы (*в, w//γ, h*); 6 - протеза *й* в *улица*; 7 - протеза *γ* в *улица*; 8 - протеза *h* в *узкий*; 9 - по данным ОЛА, зафиксирована губная протеза только перед *у*; перед *о* протеза отсутствует.

Л.Э.Калнынь

Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами

Одним из следствий падения редуцированных стала допустимость сочетаний взрывных губного и зубного ряда с назальными согласными. Это *бм, пм, бн, пн, дм, пм, дн, тн*; при наличии корреляции твердости-мягкости этот список может быть продолжен за счет сочетаний с *м', н'*.

В восточнославянских диалектах некоторые из перечисленных сочетаний подвергаются достаточно регулярным изменениям [Ковалик 1953; Калнынь 1986]. Эти изменения могут образовывать в пределах восточнославянского диалектного континуума изоглоссы что и отражено в соответствующих атласах.

Особенность сочетаний взрывных и назальных согласных тождественного ряда состоит в том, что такое сочетание артикулируется как один согласный. Как пишет М.В.Панов, в русском языке "артикуляция [*п͡м, б͡м*] состоит в том, что увула, энергично щелкая, открывает проход в носовую полость - слышится звук увулярного "взрыва" (на самом деле щелчка) и вслед за этим - носовая часть согласного... Это две части одного согласного: на всем его протяжении губы и язык не меняют своего положения, продолжается та же самая выдержка". Согласные, образованные такой артикуляцией, М.В.Панов называет губными щелчковыми. В зубном ряду им соответствуют зубные щелчковые, т.е. *д͡н, т͡н* [Панов 1967, 37]. О.Брок, называя зубную щелчковую артикуляцию фаукальным взрывом, считает его свойственным всем славянским языкам [Брок 1910, 144].

По замечанию И.И.Ковалика, взрывные согласные вообще перед носовыми претерпевают частичную назализацию, при которой "в конце произношения ротовых согласных группы *п, б, т, д, к, г* наступает носовая эксплозия" [Ковалик 1953, 74].

Слитное артикулирование сочетаний взрывных и назальных одного ряда создает благоприятные условия для ассимиляции внутри них, и шумный согласный заменяется назальным, т.е. *дн* → *нн*, *бм* → *мм*.

Особенностью такой ассимиляции является ее асимметричность - изменяется звонкий шумный согласный, а парный ему глухой перед тем же носовым остается без изменения. На эту асимметрию в отношении сочетаний *дн, тн* указывают [Аванесов 1949, 167; Крывіцкі, Падлужны 1984, 177]. Причину асимметрии Р.И.Аванесов видит в том, что для ассимиляции благоприятны лишь сочетания, оба компонента которых образованы

с участием голоса, а контраст между глухим шумным и сонантом препятствует ассимиляции [Аванесов 1949, 167]. Однако, судя по другим фактам русской диалектной фонетики, сама по себе глухость шумного может не препятствовать его замене сонантом - ср. в русских диалектах *мт'іца, мч'ела* [Аванесов 1949, 169]. Поэтому можно предположить, что перед носовым сонантом повышается напряженность глухого взрывного, что и делает артикуляцию шумного согласного более устойчивой и менее подверженной ассимилятивному воздействию. Напряженность глухого шумного делает контраст между ним и сонантом более отчетливым и тем тормозит саму идею ассимиляции. О напряженности как особенности артикуляции глухих шумных в русских диалектах см. [Русская диалектология 1989, 71].

Программы собирания материалов для восточнославянских атласов предусматривают фиксацию изменений в сочетаниях взрывных с сонантами, но дается это в разной формулировке.

В Программе ДАРЯ вопрос 68: "Как произносятся сочетания *дн* и *бм* - как *дн*, *бм* или двойные *н, м* (*нн, мм*)" [Программа 1947, 70].

В Программе ДАБМ вопрос 61 (63): "Замест злученняў *дн, бм* ці не вымаўляюцца у вас подвойныя зычныя *нн, мм*" [Праграма 1950, 39].

Эти вопросы, хотя и объединяют однотипные фонетические явления, могут быть прослежены на совершенно разном объеме фактов. Сочетания *дн, дн'* относятся к числу высокочастотных и встречаются как в морфеме, так и на стыке морфем. Сфера сочетаний *бм, бм'*, напротив, весьма ограничена - это стык предлога-приставки *об-* с корнем, начинающимся на *м, м'*. Попутно можно заметить, что сочетаний *пм, пм'* в славянских по происхождению словах вообще нет. Вероятность появления сочетаний *бм, бм'* в естественной речи достаточно низка. В комментарии к карте 81 ДАРЯ сказано, что сочетания *бм* обычно фиксируется в 1-4 примерах, а количество слов с *дн* доходит до 80 [ДАРЯ, комментарии, 186], на то же указано в [Русская диалектология 1964, 90].

В Программе АУМ судьба сочетания *дн* вызывает интерес только в той мере, в какой изменяется начальный согласный в слове *Дніпро*; в этом же вопросе рассматривается и качество начального согласного в слове *Дмитро*, т.е. объединены инициальные сочетания *дн, дм* [Програма 1949, 72].

Между тем невнимание к судьбе *дн, дн'* в украинских диалектах нельзя считать оправданным. Ф.Т.Жилко называет изменение *дн* → *нн* среди особенностей гуцульских говоров - это юго-запад Ивано-Франковской обл. (Перечин, Солотва, Надвирна, Куты, Яремче), Раховский р-н Закарпатской обл., правый берег р. Черемош, Путила, Вижница в Черновицкой обл. [Жилко 1955, 135]. Изменение *дн* → *нн* зафиксировано в Турковском р-не

(*сп'інни́ц'а, по́лу́нне, в'ін'н'о́но, два нни́, ннис'*), Калушском р-не (*ноло́нна, зйенно́но, б'і́ннэй, норо́ннина*), Великоберезном р-не (*нни́ск'іва, два нны́, н'н'а́, сту́н'н'а, молон'н'а́к*), Межгорьевском р-не (*ноло́нна, ноло́н'н'і, нно́, унну́*) [Калнынь 1973, 30 и сл.]; в Раховском р-не (*за́нному, до полу́н'н'е, пере́нний*)[Калнынь 1992, 27].

В ДАРЯ и ДАБМ включены карты, посвященные сочетаниям взрывных согласных с назальными тождественного ряда. В ДАРЯ это карта 81 "Диалектные соответствия сочетаниям *дн, дн'* и *бм, бм'*". В ДАБМ - карта 60 "Спалучэнне [дн]".

В АУМ 2 на карте 90 зафиксировано распространение произношения *н'н'іпро́* и *н'іпро́*. В Закарпатской, Львовской, Черновицкой областях это совпадает с изменением *дн, дн'* → *нн, н'н'* и в других словах. Именно здесь в комментариях к другим картам отмечено произношение *сту́н'н'а, сту́нник* (карта 71), *ска́рінно, паску́нно, ви́нно* (карта 376). *ви́нно* (карта 17). В то же время в этих же пунктах на других картах ни разу не отмечено изменение *дн* → *нн* в подходящих для этого случаях. Так, на карте 357 дано только *хо́лодно́, сту́дно*; на карте 151 - только *паску́дница*. Возможно, в этих случаях проявилось влияние на эксплораторов отсутствия в программе вопроса о судьбе сочетания *дн* не только в *Дніпро*. В АУМ 1 изменение *дн* → *нн* не отмечено ни разу, в том числе и в *Дніпро*. Так, *р'адно́, пере́дница* (карта 294), *пид н'о́м, п'ідн'о́ма* (карта 290).

На карте 81 ДАРЯ изменение *дн* → *нн* показано дифференцированно в зависимости от частоты реализации этого явления. Специальным знаком выделяются изменения в единичных примерах - только в слове *ладно*, только в слове *сегодня*.

На карте 60 ДАБМ используются два знака -○= сохранение сочетания *дн*, ● = изменение его в *нн*. Для многих пунктов используются два знака, т.е. констатируется фонетическое варьирование в рассматриваемом сегменте. При этом частота вариантов для выбора знаков роли не играет - важен лишь факт зафиксированности в ответе на программу обоих явлений. Ср. указания в Комментарии к карте: в п.п. 67, 75 - *дн* чаще, чем *н*; в п.п. 84, 161, 196, 248 - *дн* редко; в п.п. 288, 361, 396, 437 - *нн* редко и т.п. В комментарии к карте приводится список единичных примеров, которые однако привлекаются для констатации фонетической вариативности [ДАБМ, каментарыі, 478]. Говоры, в которых зафиксированы только *нн* на месте *дн* и они снабжены на карте знаком ●, в ДАБМ немногочисленны - всего их 47. При этом в п. 176 знак основан всего лишь на одном имеющемся примере - *анна* [ДАБМ, каментарыі, 478].

Как было сказано, образование сочетаний *дн, дн'* единой зубной щелчковой артикуляцией создавало предпосылку к регрессивной ассимиляции в этих группах. Однако эта предпосылка реализуется, хотя и

во многих славянских диалектах, однако далеко не во всех [Калнынь 1986, 13]. По-видимому для регрессивной ассимиляции недостаточно одной только артикуляционной связанности компонентов сочетания, а должны актуализироваться и другие факторы. Необходимо изменение в фонетической программе слова, ослабляющее контактную связь согласного с предшествующим сегментом (гласным, паузой) и придающее значение антиципации следующего согласного при выборе первой артикуляции. Имеем в виду следующее.

Естественной единицей речевого потока является фонетическое слово, организованное по правилам задаваемой в сознании говорящих произносительной программы. Важным компонентом этой программы является дистактная связь между звуками, когда антиципация (предвидение) еще не произнесенного, а лишь ожидаемого звука, определяет выбор предшествующего звука. Это происходит потому, что ориентация первого звука на второй (ассимиляция, диссимиляция) заложена в фонетическую программу слова до ее реализации. В фонетическом слове реализуются и контактные связи. Это проявляется как в отсутствии антиципации, так и в прогрессивном направлении фонетических изменений. В последнем случае контактность проявляется в том, что артикуляция второго звука меняется только после того, как первый звук произнесен. Этим, в частности можно объяснить тот факт, что в славянских диалектах прогрессивно направленные изменения в группах согласных редко имеют диссимилятивный характер, так как конфронтация непосредственно предшествующей артикуляции затруднена.

В тех говорах, где *дн* сохраняется, это указывает на устойчивость контактных связей согласного *д* с предшествующим сегментом. Там, где происходит *дн* → *нн*, это указывает на то, что в фонетической программе слова актуален принцип антиципации, ориентирующий артикуляцию первого согласного на еще не произнесенный, а только планируемый согласный. Как было сказано, в ДАБМ на соответствующей карте изменение *дн* → *нн* подается для некоторых говоров как безальтернативное явление. Для русских и украинских говоров этого констатировать нельзя - изменение не проводится настолько последовательно, чтобы полностью исключить допустимость *дн*.

Аналогию сочетаниям *дн, дн'* в губном ряду составляют *бм, бм'*. В отношении этих сочетаний актуальны те же предпосылки регрессивной ассимиляции, что констатированы для *дн, дн'*. Картографическую интерпретацию этот сюжет получил только в ДАРЯ на карте 81, где знак легенды иллюстрируется примерами *о/мм/ан, о/мм'/ен*.

Хотя программа ДАБМ и предусматривает фиксацию изменения *бм* → *мм*, в ДАБМ карты на эту тему нет, и в комментариях к картам

соответствующий фонетический факт не упоминается. Между тем в описании белорусской диалектной фонетики есть указания, что в районе Витебска ("віцебскае мяккаэрае вымаўленне") согласный *б* ассимилируется последующему назальному сонанту, что дает *амма́н, амм'ёр'іц', амману́ц'* [Крывіцкі, Падлужны 1984, 179]. Эта информация отражена на предлагаемой карте.

Относительно синтагматического поведения сочетаний *бм, бм'* материал АУМ сведений не дает. Хотя ассимиляция в этих группах не исключена. Так, нами записано: Турковский р-н - *омману́ти, ом'м'ін'а́ти*; Калушский р-н – *омману́тэ, омм'ін'е́ти*; Великоберезный р-н - *омману́йете, ом'м'і н'а́ти*; Межгорьевский р-н - *омма́ншчик*; Путильский р-н - *омме́ти, омм'ін'е́ти*; Раховский р-н - *омману́ў, во́ммарок, ом'м'ін'е́ти*. Это изменение в консонантной группе существует как вариант, употребляющийся параллельно с *бм, бм'*. Хотя информация носит фрагментарный характер, она нанесена на предлагаемую карту.

Карта ДАРЯ показывает, что ассимиляция в группах *дн, бм* не является обязательно сосуществующими в одном говоре явлениями. Если есть *дн* → *нн*, обычно аналогичное уподобление происходит и в группе *бм*. Хотя есть говоры (это хорошо видно в отдельных пунктах на юге России), где *дн* → *нн* при сохранении *бм*. Но это скорее исключение. В то же время на севере и в центре России в достаточно большом ареале представлено изменение *бм* → *мм* при сохранении *дн*.

К числу консонантных сочетаний, где взрывный согласный в результате регрессивной ассимиляции заменяется назальным сонантом, относятся *бн, бн'*. Программы восточнославянских атласов не задают вопросов о судьбе этих сочетаний. В Вопроснике ОЛА словоформы, содержащие *бн*, входят в раздел фонетических явлений, призванных показать развитие групп согласных, возникших после падения редуцированных - предложены для проверки праформы **rybьnaja, *drobьnaja* [ОЛА. Вопросник, 32]. Изменение *б* → *м* перед *н* в целом не характерно для восточнославянских диалектов. Исключение составляют некоторые юго-западные украинские говоры. По наблюдению Ф.Т.Жилко, в бойковских и гуцульских говорах актуально произношение *дрі́мні, дрімни́ц, срі́мний, зрі́мний, потрі́мно* [Жилко 1955, 135]. Хотя информация носит самый общий характер, обозначим это явление в районе Карпат, поскольку этой чертой украинские диалекты обнаруживают сходство с некоторыми южно- и западнославянскими диалектами, где изменение *бн* → *мн* реализуется более часто - см. [Конески 1965, 84; Бояджиев 1972, 41; Belič 1972, 65].

Материал восточнославянских диалектов дает не только примеры ассимиляции по назальности в сочетаниях, состоящих из губного или зубного взрывного и назального сонанта. В этих сочетаниях может

происходить и увеличение контраста по месту образования, что достигается передвижением первого (шумного) согласного в задненебный ряд.

В АУМ имеется карта 90, темой которой является качество инициального согласного (г/h) или его отсутствие в слове *Дмитро*; параллельно с этим сюжетом на карте показана локализация изменения *д* → *г* в *Дніпро*.

В АУМ 1 слова *Дмитро, Дніпро* упомянуты на карте 133, которая должна отразить варьирование фонетики ряда слов в зависимости от произношения в них *г* или *h* [Програма 1949, вопрос 463], но в комментарии к карте сказано, что попутно привлекается материал ответов на вопрос 434 - так на карту попали сведения о *Дмитро и Дніпро*. В комментарии к карте 133 приведены примеры *гн'іпро́, гн'і́стер, гни́шче* [АУМ 1, 37]. Изменение *дн* → *гн* отмечено в отдельных пунктах в Винницкой, Одесской, Черкасской и Кировоградской областях. В материалах ОЛА произношение *гно, hно* также отмечено в Винницкой обл.

В отличие от незначительной распространенности изменения *дн* → *гн*, в украинских диалектах достаточно часто фиксируется изменение *дм* → *гм* - *гмитро́, гми́тер*. Распространение этого явления в АУМ 2 показывает карта 90, в АУМ 1 карта 133. На территории АУМ 2 явление достаточно распространено, а в АУМ 1 изоглоссой обозначен небольшой ареал - всего 16 пунктов (Умань, Ульяновск, Крижополь, Тростенец, Кодим). Можно отметить, что изменением *дн* → *гн* украинские диалекты обнаруживают известное сходство с некоторыми словенскими [Folonški opisi 1981, №№ 1, 17, 19, 20] и словацкими говорами, где представлено то же фонетическое явление.

В русских говорах увеличение артикуляционного контраста между согласными имеет место в сочетании *бм*. На карте 81 ДАРЯ показана локализация произношения *о/гм/ан, о/ум/ан*. Такое произношение сосредоточено в районе Чухломы и Солигалича, около Петрозаводска, Калинина и в отдельных пунктах преимущественно на севере территории ДАРЯ. Как иллюстрацию можно привести примеры, записанные в Тотемском р-не - *о́гморок, огману́ў, огм'ер'о́же, огм'и́шы*.

Изменение *д, б* → *г* перед назальными согласными (т.е. в *дн, бм, дм*), в отличие от ассимиляции по назальности, как бы усложняет артикуляцию сочетания. Однако любое фонетическое изменение в естественной речи происходит только с целью достижения произносительного удобства, а не наоборот. Если с этих позиций подойти к увеличению контраста по месту образования в рассматриваемых сочетаниях, то можно предложить следующее объяснение. Перемещение *д, б* перед назальным сонантом в задненебный ряд обеспечивает более удобное развитие артикуляции в соответствующем сегменте. В сочетаниях *гн, гм* развитие шума движется по

каналу звучания от более задней артикуляции к более передней в соответствии с естественным направлением шумопрохождения (от связок в ротовую полость). Это снимает сложность фаукальных артикуляций, сочетание инициального имплозивного *д* с *м* (*Дмитро*). Как вариант упрощения инициальных *дн, дм* в украинских диалектах распространена утрата инициального взрывного (для *дн*, возможно, через стадию *нн*).

На то, что в рассматриваемых случаях, вопреки внешнему увеличению контраста между рядом стоящими согласными, речь идет о достижении произносительного удобства, свидетельствуют примеры из севернорусских говоров, где *бм* → *ум* (при том, что говору свойственен взрывный задненебный - Ладва, Коноша, Вожега). В данном случае консонантная последовательность не только реализуется в соответствии с естественным направлением шумопрохождения, но и начинается фрикативной артикуляции, как бы создающей эффект придыхания при *м*. Артикуляция придыхания заведомо проще взрывной артикуляции.

Как показывает карта, в русских говорах изменение *бм* → *гм* может как сосуществовать с *бм* → *мм, дн* → *нн*, так и быть единственным репрезентантом изменения в сочетании взрывного с назальным согласным.

В материалах комментария к карте 81 ДАРЯ приводятся примеры произношения *дн* вместо этимологического *нн*. В основе этого явления может лежать стремление избежать произношения долгого сонанта, т.е. тенденция противоположная изменению *дн* → *нн*. На фоне присутствующих в говоре результатов изменения *дн* → *нн* обратная замена может оцениваться как гиперизм [Аванесов 1949, 168]. Так в С.п. 203 (*д'ер'ев'áднаа, постоíдно*). Зап.п. 107 (*Áдна*), п. 330 (*тъскáдн'и*). Но в С-Зап. п. 156 Чудов (*д'ир'ив'áдно, офс'áднъйа, бол'шéдна, кáм'едный*), С.п. 526 Демянск (*ч'ьтыр'ехгрáдный*) мена *дн* → *нн* не зафиксирована. Поэтому здесь изменение в группе *нн* является, видимо, особенностью фонетического строя говора. Изменение *нн* → *дн* известно чешским говорам [Belič 1972, 56].

Предлагаемая карта показывает дифференциацию восточнославянских диалектов в зависимости от того, насколько активно включился в фонетику слова принцип антиципации при реализации сочетаний *дн, дн', бм, бм'*. Сюжет с губным сочетанием отражен в основном на территории распространения русских диалектов; на белорусской и украинской территории это явление нанесено на карту в небольших районах условно, основываясь на данных, не входящих в атласы.

Ареал изменения *дн, дн'* → *нн, н'н'* на русской и белорусской территории определен на основании карты 81 ДАРЯ и карты 60 ДАБМ. Как было сказано, на белорусской карте частота фактов изменения *дн* → *нн* не учитывается - диагностическое значение имеет хотя бы один факт такого

изменения, представлен ли он как вариант или безвариантно. На предлагаемой карте штриховкой отмечены белорусские пункты, где в ДАБМ обозначена безвариантность изменения *дн → нн*.

На русской территории компактные ареалы изменения *дн, дн' → нн, н'н'* выделяются на северо-западе и северо-востоке. К ним мы присоединяем примыкающие говоры, где на карте дан знак "изменения в единичных случаях". Назализация в группе *дн* сопоставляется с назализацией в группе *бм* - о специфике соотношения этих явлений сказано выше.

Ареал изменения *дн, дн' → нн, н'н'* в украинских диалектах обозначен на основе данных, имеющихся в литературе и примеров, встречающихся в комментариях к картам АУМ 2. Особым знаком отмечен факт назализации начальной группы в слове *Дніпро*, если других фактов того же явления для данного говора не приводится. Если же это происходит на фоне общего изменения *дн → нн*, то произношение *н'іпро, н'н'іпро* на карте не фиксируется. В целом назализация сочетаний *дн, дн'* свойственна юго-западным говорам, преимущественно зоны Карпат.

На карте условно локализовано фиксируемое в бойковских и гуцульских говорах изменение *бн → мн*, свойственное среди восточнославянских только украинским говорам.

На карте использованы специальные знаки для обозначения увеличения артикуляционного контраста в группах *дн, бм, нн*; изменение *дм → гм* как достаточно распространенное в юго-западных украинских говорах обозначено изоглоссой.

В целом карта показывает общность изменения *дн, дн'* на северо-западе русской территории и в Белоруссии. С ними обнаруживают сходство юго-западные украинские говоры зоны Карпат и северо-восточный угол русской части карты.

Назализация сочетаний *дн, бм, бн* имеет типологическое значение, поскольку повышает признак вокальности/понижает признак консонантности в звуковой цепи. Сонанты на шкале консонантности расположены ближе к гласным, чем шумные согласные. На повышение вокализованности севернорусских говоров имеются указания в литературе - можно назвать [Бромлей 1985; Пауфошима 1985, 50]. Аналогичная особенность юго-западного украинского говора описана в [Калнынь 1992, 70] . Ареалы, выделенные на карте, можно оценивать как зоны, имеющие тенденцию повышать вокальность звуковых цепей. Как можно судить по карте, восточнославянские диалекты не проявляют единства в склонности к реализации этой тенденции.

Увеличение артикуляционного контраста в рассматриваемых группах согласных остается в сфере стабильности консонантного уровня звуковой последовательности.

Литература:

[Аванесов 1949] – *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.

[Бромлей 1985] – *Бромлей С.В.* Различия в степени вокализованности сонантов и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985.

[Брок 1910] – *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб, 1910.

[Бояджиев 1972] – *Бояджиев Т.* Говорът на с. Съчанли Гюмюрджинско. София, 1972.

[Жилко 1955] – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Калнынь 1973] – *Калнынь Л.Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973.

[Калнынь 1986] – *Калнынь Л.Э.* К вопросу о фонемном статусе назальных согласных в славянских диалектах // Славянское и балканское языкознание. М., 1986.

[Калнынь 1992] – *Калнынь Л.Э.* Фонетический строй одного гуцульского говора // Исследования по славянской диалектологии 1. Карпатоукраинские диалекты. М., 1992.

[Ковалик 1953] – *Ковалик І.І.* Назалізація і деназалізація приголосних у слов'янських мовах // Вопросы славянского языкознания. Кн. 3. Львов – Харьков, 1953.

[Конески 1965] – *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.

[Крывіцкі, Падлужны 1984] – *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

[Панов 1967] – *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.

[Пауфошима 1985] – *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1985.

[Русская диалектология 1964] – Русская диалектология. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.

[Русская дилектология 1989] – Русская диалектология. Под ред. Л.Л.Касаткина. М., 1989.

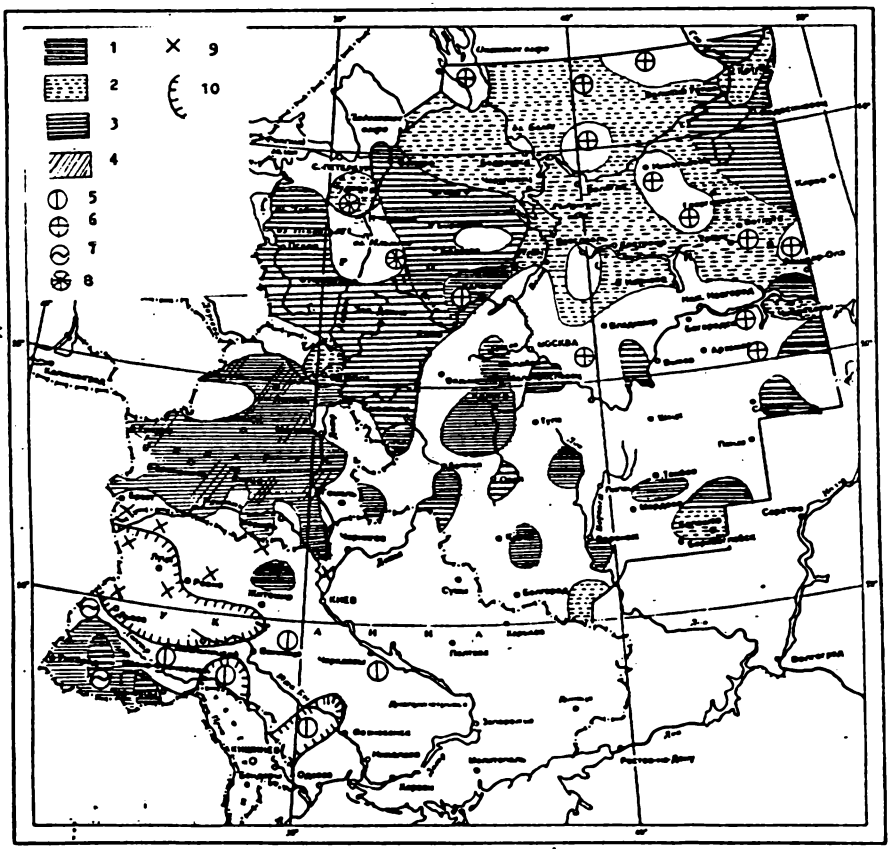
[Belič 1972] – *Belič J.* Nastin české dialektologie. Praha, 1972.

[Fonološki opisi 1981] – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

[Stanislav 1958] – *Stanislav J.* Dejiny slovenskego jazyka. Bratislava, 1958.

Карта. Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами.

1 - *дн, дн' → нн, нн'*; 2 - *бм, бм' → мм, мм'*; 3 - *дн, дн', бм, бм' → нн, нн', мм, мм'*; 4 - В ДАБМ зафиксировано безвариантное изменение *дн, дн' → нн, нн'*; 5 - *дн → гн* в Дніпро, дно (*Гніпро, гно*); 6 - *бм → гм, ум* (*огман, оуман*); 7 - *бн → мн* (укр. *дрімний*); 8 - *нн → дн* (*Адна*); 9 - *дн → нн', н'* в АУМ только в Дніпро; 10 - *дм → гм* в АУМ в Дмитро (*Гмитро*).

Н.Н.Пшеничнова

Согласные на месте древнерусских [ш͡т′ш′], [ж͡д′ж′]

Материал, отражающий картографируемое явление в говорах восточнославянских языков, неравноценен.

В [Программа 1947] этому явлению посвящены специальные вопросы (36 и 38). На основании ответов на эти вопросы составлены карты №№ 48-53 [ДАРЯ I], которые были использованы при составлении настоящих карт: № 48 "Глухие долгие шипящие и их соответствия не на стыке морфем", № 49 "Глухие долгие шипящие и их соответствия в слове еще", № 52 "Звонкие долгие шипящие и их соответствия". При написании комментария учитывались также карты № 50 "Сочетание *сч* и его соответствия в слове *счет* и однокоренных", № 51 "Сочетание *сч* и его соответствия в слове *счастье*", № 53 "Звонкие долгие шипящие и их соответствия в слове *дождь*".

Говоры белорусского и украинского языков в отношении рассматриваемого явления представляют собой относительное единообразие, в связи с чем, по-видимому, в [ДАБМ] нет карт на данное явление, хотя в [Праграма 1950] ему и посвящены отдельные вопросы (40 и 42), а в [Програма 1949] по названному явлению отсутствует и специальный вопрос. Данные для составления настоящих карт по белорусским говорам получены из материалов, приведенных в комментариях к картам [ДАБМ] (просмотрены все комментарии - наиболее полно материал представлен в комментарии к карте № 36 "Націскны галосны пасля шыпячых у інфінітыве і формах прошлага часу дзеясловаў тыпу *маўчаць, дрыжаць, крычаць*"), из [Хрэстаматыя 1962], из различных исследований, посвященных белорусским говорам.

Картографирование согласных на месте [ш͡т′ш′] и [ж͡д′ж′] в украинских говорах производилось на основании фактов, извлеченных из следующих карт и комментариев к ним: [АУМ 1] - № 31 "Рефлексы *е* в наголошеному закритому складі (*щітка*)", № 83 "[е](<ь) (*щавель - щавлю*)", № 111 "[ст']/[сц'] (*капустяний*)", № 165 "Морфемна структура іменника *кладовище*", № 175 "Суфікси *-ищ-е - -иськ-о*", № 282 "Садиба", № 292 "Глек (на молоко)", № 310 "Житнище (поле з-під жита)", № 313 "Картоплиння", № 348 "Кладовище"; [АУМ 2] - № 25 "Рефлексы *е* в наголошеному закрытому складі (щітка)", № 112 "[ж]/[ж'], [ш]/[ш'] перед відповідниками *а*", № 113 "[ч]/[ч']", № 143 "Суфікс *-ух* (елементи дистрибуції)", № 145 "Суфікси іменника *щавель*", № 153 "Суфікси іменників – назв. поля з-під

льону, вівса, кукурудзи", № 154 "Суфікси іменників – назв. поля з-під гречки, проса", № 279 "Горище (у житловому будинку)", № 283 "Глечик", № 319 "Житнище (поле з-під лесу)", № 359 "Хмиз", № 369 "Домовина", № 370 "Кладовище". Кроме того, использовались материалы приложения в [Жилко 1955, 214 - 299], хрестоматий [Говори 1977], [Говірки 1996] и опубликованных исследований, посвященных украинским говорам. При написании комментария учитывались также карты [АУМ 1] - № 110 "[ст']>[сц'] (*щастя*)", № 132 "Вставний [р] (*дощ*)", № 202 "Орудний відмінок однини іменників *-jo*-основ (наголошені закінчення після шиплячих"; [АУМ 2] - № 43 "Рефлекси наголошеного *е* (*щастя*)", № 111 "[шч]/[ж] у парадигмі *дощ - дощем*", № 179 "Давальний відмінок однини іменників колишніх *-jo*-основ (*товариш, злодій*)", № 180 "Орудний відмінок іменників колишних *-jo*-основ (*дощ, кінь*)".

Карты посвящены фонетическим особенностям согласных на месте древнерусских [ш͡т'ш'] и [ж͡д'ж']. Вместе с тем как отдельные разновидности произношения рассматриваются не все отмеченные в говорах варианты произношения в указанной позиции, а лишь звучания, выделенные по признакам, существенным для определения фонологического статуса рассматриваемых согласных, а именно: мягкость - твердость, наличие - отсутствие взрывного элемента, наличие - отсутствие конечного фрикативного элемента при наличии взрывного.

Так, в связи с тем, что в современных восточнославянских языках, как литературных, так и в говорах, нет трехчленного фонологического противопоставления мягкость - полумягкость - твердость, полумягкие [ш•ш•], [ш•ч•], [шч•], [ж•ж•], [ж•д•ж•], [ждж•], [ж•д•], [жд•] не рассматриваются как особые разновидности произношения. Эти звучания отмечены в русских говорах (об украинских см. ниже) как отличающиеся соответственно от [ш'ш'], [ш'ч'], [шч'], [ж'ж'], [ж'д'ж'], [ждж'], [ж'д'], [жд'] по признаку мягкость - немягкость, что для русского языка означает мягкость - твердость. Следовательно, при любой фонологической интерпретации полумягких (одна фонема или сочетание фонем) они должны быть признаны репрезентантами немягкой (немягких), т.е. твердой (твердых) фонемы (фонем). В связи с этим полумягкие разновидности объединяются с твердыми [шш], [шч], [шт], [жж], [ждж], [жд] соответственно.

Мягкие шепелявые фрикативные звуки, небно-зубные по месту, к которому артикулирует кончик языка, акустически близкие к шипящим, [с"с"], [з"з"] ([с"с"]*ука* и т.п., *е*[з"з"]*у* и т.п.) или мягкие свистящие [с'с'], [з'з'] ([с'с']*ука* и т.п., *е*[з'з']*у* и т.п.) отмечены единично в русских говорах с шепелявыми или свистящими звуками, репрезентирующими краткие шипящие ([с"]*апка*, [с"]*ея* и т.п., *си*[з"]*у*, [з"]*ир* и т.п.) почти исключительно на севере русской территории, где говоры с таким произношением не

образуют сколько-нибудь компактных ареалов (срв. ДАРЯ, карта № 63). Эти разновидности приравниваются к мягкому долгому шипящему (соответственно [ш'ш'] или [ж'ж']).

Таким образом, некоторые звучания (в отдельных случаях, возможно, разные обозначения очень близких звучаний) не рассматриваются как особые разновидности произношения, а присоединяются к одному из выделенных классов звуков или звуковых сочетаний (см. комментарии к картам [ДАРЯ I] №№ 48 - 53). Следует при этом отметить, что в подавляющей части материалов картографируемые разновидности произношения обозначаются именно так, как в легендах к картам данного раздела.

При картографировании допущено также следующее обобщение материала: на картах даны зоны преобладания тех или иных разновидностей произношения на месте древнерусских [ш͡т'ш'], [ж͡д'ж'] и в пределах этих зон - отдельные "вкрапления" других вариантов произношения.

Согласные на месте [ш͡т'ш']

Карта № 1 посвящена согласным на месте [ш͡т'ш'] из общеславянских **skj, *stj, *sk'* не на стыке морфем, т.е. внутри корневой морфемы или аффиксальной, в том числе и в тех случаях, когда согласные на месте [ш͡т'ш'] вступают в чередования при словоизменении или словообразовании (бел. *шчыка, гушча, прышчай, выпушчу, ляшчы, кладбішча* и т.п.; рус. *щука, щавель, ящик, гуща, ищу, пущу, здоровущий, ржище* и т.п.; укр. *щимить, щітка, тріщать, лядаща, житнище, кладовище* и т.п.). Указанный круг лексем является наиболее широким и частотным из всех, в которых представлены глухие долгие шипящие или их соответствия, т.е. он может быть представлен большим, практически неограниченным числом примеров.

Материал, отражающий согласные на месте [ш͡т'ш'] не на стыке морфем, хотя лексически и не ограничен, тем не менее недостаточен для того, чтобы отразить на карте изучаемые разновидности произношения в разных фонетических позициях, от которых, возможно, зависит характер разновидностей (положение по отношению к месту ударения, позиция начала слова перед гласным, в середине слова между гласными или в соседстве с согласными, позиция конца слова). В то же время материал показывает, что как правило в особых фонетических условиях, а именно на конце слова или после согласных, в русских говорах спорадически встречается, обычно наряду с долгим шипящим, произношение краткого шипящего [ш], [ш•], [ш']: *бор*[ш•], *ям*[ш']*ик*, *кладов*[ш']*ик*, *бар*[шы]*на* и т.п..

Произношение краткого шипящего в этих случаях при картографировании не учитывается.

Краткий шипящий между гласными (внутри одной морфемы) в других случаях, также наряду с долгим шипящим, отмечен в гуцульских говорах и единично в русских на территории [Зап.], а также во многих говорах в слове *еще*, в котором краткость шипящего, по-видимому, связана с высокой частотностью и особыми ритмико-интонационными условиями его употребления в речи: *е*[ш'о], *е*[ш'о] или *е*[шо] отмечено только в говорах, для которых характерны долгие глухие шипящие, с которыми краткие почти всегда сосуществуют. Следует полагать, что те же причины объясняют и тот факт, что при общем совпадении лингвогеографического ландшафта, образованного разновидностями произношения согласных на месте [ш͡ш'т'ш'] в лексеме *еще*, с соответствующим ландшафтом для других картографированных случаев наблюдается расхождения в деталях. Эти расхождения состоят в том, что в лексеме *еще* шире отмечаются долгие шипящие (*е*[ш'ш'о], *е*[шшо]), звуковые сочетания со взрывным элементом (*е*[ш'ч'о], *е*[шч'о], *е*[шчо], *е*[ш'т'о], *е*[шт'о], *е*[што]) отмечаются всегда наряду с тем же вариантом произношения в других картографированных случаях, но занимают при этом меньшую территорию, чем последние. В связи со сказанным лексема *еще* при картографировании не учитывалась (см. [ДАРЯ, карта № 49]). Процесс постепенной лексикализации произношения шипящих в слове *еще* очень убедительно показан на материале говоров Куйбышевской обл. в [Барабина 1987, 31-43].

В говорах, для которых на месте [ш͡ш'т'ш'] характерны звуковые сочетания со взрывным элементом, в положении после согласного или на конце слова отмечаются те же варианты произношения, что и в других позициях (*бор*[шч], *бар*[шчы]*на*, *ям*[ш'ч']*ик* и т.п.).

При картографировании не учитывались некоторые лексемы, в которых на месте сочетания [ш͡ш'т'ш'] по говорам часто отмечается иная разновидность произношения, чем в остальных случаях в тех же говорах. К таким лексемам относятся *женщина* (рус. *жен*[шы]*на*, во многих белорусских говорах - *жен*[чы]*на* и др.), *щи* (в русских говорах широко отмечается [шт'и]), *товарищ* (в белорусских говорах, так же как и в литературном языке, повсеместно употребляется *тывары*[ш] и по аналогии - *тывары*[ш]*а* и т.д., во многих украинских говорах - *товари*[ш] и по аналогии - *товари*[ш]*еві*, *товари*[ш]*у* и т.д.).

Во многих восточнославянских говорах судьба [ш͡ш'т'ш'] из **stj*, **skj*, **sk'* совпала с судьбой сочетаний *сч* и *зч* из **sъс* и **zъс* на стыке морфем: бел. *шчас'ц'а*, *шчепили* и т.п.; рус. *счет*, *счастье* и однокоренные, *извозчик*, *разносчик* и т.п.; укр. *шчитають*, *шчастливий*, *прикашчик*, *рошчинуў*, *росчесуйуть* и т.п. Вместе с тем во многих русских говорах, для которых на

месте [ш͡т'ш'] характерны глухие долгие шипящие, в указанных случаях отмечаются звуковые комплексы со взрывным элементом. По этой причине глухие долгие и их соответствия на стыке морфем при картографировании не учитываются, а тема карты ограничивается только согласными на месте [ш͡т'ш'] из **stj, *skj, *sk'* внутри одной морфемы.

Территория восточнославянских говоров по распространению разновидностей произношения на месте [ш͡т'ш'] делится на две части, которые частично пересекаются. Четко выделяется северо-восточный ареал, где преобладают долгие шипящие (мягкие в центре и твердые по периферии) - это подавляющая часть русских говоров и единично соседние с ними украинские и белорусские. Почти все белорусские и украинские говоры, а также пограничные с ними русские, образуют юго-западную часть ареала звуковых сочетаний со взрывным элементом - преимущественно вариант [шч], который в этих говорах почти везде употребляется в качестве единственного. Ареал звуковых сочетаний со взрывным элементов продолжается на север, северо-восток и далее на восток - на территорию русских говоров Гдовской и Новгородской групп среднерусских, большей части севернорусских (Ладого-Тихвинская, Онежская, Вологодская группы, Лачские и Белозерско-Бежецкие говоры, некоторые Костромские) и восточной части Горьковской подгруппы среднерусских. В этих говорах, в отличие от белорусских и украинских, звуковой комплекс со взрывным элементом как правило отмечается наряду с долгим глухим шипящим, мягким или твердым.

Сосуществование разных согласных на месте [ш͡т'ш'] характерно почти исключительно для русских говоров. Лингвогеографическая характеристика русского материала, относящегося к севернорусским и среднерусским говорам, дана в [Образование 1970, 29 - 33]. Наиболее распространенные типы сосуществования были проанализированы статистически [Пшеничнова 1973, 80-91]. Комплексный лингвогеографический и статистический анализ позволил рассмотреть глухие долгие шипящие и их соответствия в русских говорах несколько более детально, в частности, был определен (для каждого типа отдельно) характер распределения говоров по относительным частотам сосуществующих вариантов произношения.

Употребление отдельных разновидностей в качестве единственных характеризуется следующими показателями:

Таблица 1

Отмечено только [ш'ш']	Число нас. пп. 934

[шш]	1373
[ш'ч']	51
[шч']	14
[шч]	95

Разные виды сосуществования по степени их распространенности могут быть представлены в виде следующего ряда.

Таблица 2

Сосуществующие разновидности произношения	Число говоров
[ш'ш'] и [шш]	791
[шш] и [шч]	192
[ш'ш'], [шш] и [шч]	70
[ш'ш'], [шш] и [ш'ч']	69
[ш'ш'], [шш] и [шч']	67
[шш] и [шч']	54
[ш'ш'] и [ш'ч']	50
[ш'ш'], [шш], [шч'] и [шч]	33
[шш], [шч'] и [шч]	32
[шш] и [ш'ч']	22
[ш'ш'] и [шч']	21
[шш], [ш'ч'] и [шч]	19
[ш'ш'], [шш], [ш'ч'] и [шч]	18
[ш'ш'], [ш'ч'] и [шч']	17
[ш'ш'], [шш], ш'ч'] и [шч']	15
[ш'ш'] и [шч]	13
[ш'ш'], [шш], [ш'ч'], [шч'] и [шч]	12
[ш'ш'], [шч'] и [шч]	9
[шш], [ш'ч'] и [шч']	8

Кроме названных типов сосуществования, в русских говорах отмечены еще и другие комбинации из сосуществующих разновидностей, которые статистически не анализировались ввиду их чрезвычайной редкости. В 32 из этих комбинаций присутствуют разновидности [ш'т'], [шт'] или [шт] (а также [ш'т], [шт$^{к'}$]), которые в подавляющем большинстве случаев отмечаются в единичных примерах. Эти разновидности, близкие друг другу артикуляционно и акустически, отмечены в очень небольшом числе говоров: в севернорусских - у оз. Воже (восточнее Вытегры), на юге Онежской подгруппы, на севере Вологодской и севере Костромской, в Белозерско-Бежецкой подгруппе - около Череповца, к западу от

Весьегонска и около Бежецка, в среднерусских - к западу и северо-востоку от оз. Ильмень, около Пскова и севернее Осташкова. Только [ш'т'] отмечено в 4-х нас. п.п., [ш'т'] наряду с другими вариантами произношения - в 26 нас.п.п.; только [шт'] - в 4-х нас. п.п., [шт'] наряду с другими вариантами произношения - в 4-х нас. п.п.. Всего разновидности [ш'т'] или [шт'] отмечены в 41 нас.пп., [шт] - в 32 нас.пп.. (в 9 нас.п. мягкие и твердые варианты сосуществуют). Таким образом, названные разновидности как правило сосуществуют с другими: в большинстве случаев - с вариантами [ш'ч'], [шч'] или [шч] (41 нас.п. из общего числа - 64 нас.п., что подтверждает общепринятое мнение о развитии [ш'т'ш']>[ш'т']>[шт] ([шт']>[шт] или [ш•т•]>[шт]), и практически во всех говорах (кроме одного нас.п.) - с глухими долгими шипящими, мягкими (7 нас.п.), твердыми (28 нас.п.) или мягкими и твердыми (28 нас.п.). Важно также заметить, что во всех случаях варианты [шт], [шт'], [ш'т'] зафиксированы в говорах с цоканьем, как правило мягким.

Наиболее распространенными разновидностями произношения на месте [ш'т'ш'] в русских говорах являются глухие долгие шипящие [ш'ш'] и [шш], причем вариант [шш] распространен более широко (см. данные таблиц 1 и 2).

На карте 1 показана территория преобладания звукового сочетания [шч]. Однако в говорах восточнославянских языков отмечаются также и звуковые сочетания [шч'] и [ш'ч'].

Написание *шч'* в отдельных случаях, возможно, отражает мягкость всего звукового комплекса. Между тем авторы материалов по некоторым русским говорам специально обращают внимание на то, что разновидности [ш'ч'] и [шч'] хорошо различаются на слух. То же отмечает, например, [Иваницкая 1971, 47]). А в комментариях к картам [АУМ 1,2] (названы выше) примеры типа [шч']*ітка*, [шч']*оўник* и т.п. приводятся как отражающие мягкость именно *ч*. Кроме того, вариант [шч'], отмеченный разрозненными вкраплениями в пределах севернорусского ареала рефлексов со взрывным элементом, по характеру его сосуществования с другими разновидностями произношения отличается от разновидности [ш'ч'] и как бы находится между [шч] и [ш'ч']. В этом отношении показательны следующие цифры.

Число говоров, в которых отмечено:

только [ш'ч'] - 51;	только [шч'] - 14;	только [шч] - 95;
[ш'ч'] и [ш'ш']- 50;	[шч'] и [ш'ш']- 21;	[шч] и [ш'ш']- 13;
[ш'ч'] и [шш] - 22;	[шч'] и [шш] - 54;	[шч] и [шш] -192;
[ш'ч'], [ш'ш']	[шч'], [ш'ш']	[шч], [ш'ш']
и [шш] - 69;	и [шш] - 67;	и [шш] - 70

Можно думать, что вариант [шч'] - это определенный этап в процессе отвердения [ш'ч']([ш͡т'ш']). Распространение [шч'], в том числе и важное для его интерпретации сосуществование с другими разновидностями произношения, отражены на карте № 48 [ДАРЯ I].

В русских говорах звуковые сочетания [ш'ч'], [шч'] и [шч] редко отмечаются как единственные, чаще они сосуществуют с глухими долгими шипящими. В общей сложности [шч] отмечено в 550 нас.пп., [ш'ч'] или [шч'] - в 590 нас.пп.. Твердое сочетание [шч] распространено более компактно, ареал [шч] в русских говорах является продолжением основного массива [шч] - белорусских и украинских говоров. Варианты [ш'ч'] и [шч'] нигде не образуют больших ареалов, во многих случаях говоры, которым свойственны эти разновидности, "разбросаны" на карте как разрозненные точки. По-видимому, это связано с тем, что мягкая разновидность в говорах имеет неодинаковое происхождение: в одних говорах сохранился старый согласный [ш͡т'ш'], а в других вариант [ш'ч'] мог быть вторичным, который появился под влиянием литературного языка как мягкий вариант в отличие от собственно диалектного твердого. Это можно предполагать для говоров, в которых [ш'ч'] сосуществует с [шш] (см. приведенные выше цифры, а также [ДАРЯ I, карта № 48]). Характерно при этом, что мягкие варианты [ш'ч'], [шч'] чаще всего встречаются в тех говорах, в которых зафиксированы также и примеры с [ч'] на месте исконного *ч*, как при чоканьи, так и в говорах с цоканьем, где [ч'] является вторичным, появившимся в результате нормированного языка [Орлова 1959, 18] (срв. [ДАРЯ I, карты №№ 45, 47, 48]). Мягкая разновидность [ш'ч'] или [шч'] более всего отмечена в севернорусских говорах и в Новгородской группе среднерусских. Употребление ее как единственной или в сосуществовании с другими рефлексами отражено в таблицах 2 и 3.

В единичных случаях, в говорах с мягким цоканьем, на месте [ш͡т'ш'] отмечены сочетания свистящего со свистящей аффрикатой [с'ц'], [с'ц$^{т'}$], [сц'] ([с'ц']*ука*, [с'т$^{ц'}$]*ука* или [сц']*ука* и т.п.). Эти разновидности произношения объединены соответственно с [ш'ч'] и [шч'].

Как долгие шипящие, так и звуковые сочетания со взрывным элементом на месте [ш͡т'ш'] в большей части восточнославянских говоров совпадают по твердости - мягкости с качеством звуков на месте исконного *ч*, в том числе и в тех многочисленных русских говорах, в которых сосуществуют разные согласные на месте [ш͡т'ш'] и на месте исконного *ч* (срв. [ДАРЯ, карты №№ 45 и 48]). (Исключение составляют севернорусские говоры с мягким цоканьем, о чем будет сказано ниже в связи с фонологической интерпретацией согласных на месте [ш͡т'ш'] и [ж͡д'ж']).

Так, почти для всех белорусских говоров характерно сочетание [шч] при [ч] в других позициях ([Опыт 1915, 50; Дурново 1924, 171; Карский

1955, 380; Нарысы 1964, 133] и др.). Вариант [шч'] отмечен в юго-западных белорусских говорах Брестско-Пинского Полесья, где мягкий [ч'] - и на месте исконного ч ([ч']*ас*, [ч']*ай*, [йач']*мень*, *пла́*[ч']*у*, [ч'и]*снаку* и т.п.), а сочетание [ш'ч'] отмечено в тех западнополесских говорах, которым свойственны также и мягкие [ш'], [ж'], [ч'] [Нарысы 1964, 133; Клімчук 1983, 100-101; Кривицкий, Подлужный 1989, 219].

Равным образом в большей части украинских говоров отмечено [шч] на месте [ш͡т'ш͡'] и [ч] на месте исконного ч. Сочетание же [шч'] (или [шч•]) известно лишь в тех говорах (в отдельных словах, часто наряду с [шч]), в которых мягкий [ч'] (или [ч•]) зафиксирован на месте исконного ч во всех или только в определенных позициях, например, перед [і]<*ѣ*, *е* или перед любым [і], или только перед [е] и [и] на месте старого *а*. Это отдельные случаи в пределах юго-восточных украинских говоров северного наречия, на севере слобожанских, на юго-востоке средненадднепрянских и севере степных говоров юго-восточного наречия, а также в надднестрянских, покутско-буковинских, гуцульских и закарпатских говорах юго-западного наречия ([шч'і]*тка*, [шч'іп'а] и др.) [Опыт 1915, 112; АУМ 2, карта № 113; Бевзенко 1974, 31]. В некоторых гуцульских говорах (юг Ивано-Франковской и юго-запад Черновицкой областей) на месте [ш͡т'ш͡'] развился [ш'ш'] и далее [ш'] (*дереви*[ш'ш']*е*, *пи*[ш']*ім*, *найпу*[ш']*ій* и др.) и в тех же говорах зафиксированы в разных позициях мягкие шипящие, в том числе и [ч'] ([Янов 1928, 259-290]; детальный анализ шипящих в этих говорах см. [Залесский 1983]).

Примеры с [ш'ш'] (рі[ш'ш']*а*, *за*[ш'ш']*ита* и др.) отмечены также в юго-западных украинских говорах (соседних с лемковскими) в пределах ареала [ш'] на месте ч (*кри*[ш']*аў*, *гон*[ш']*ар* и т.п. - [АУМ 2, карта № 113]), который не совпадает с ареалом [ш'] на месте *ш* ([ш']*епка* - `шапка' и др. - [АУМ 2, карта № 112; Бевзенко 1974, 32]).

Согласные на месте [ж͡д'ж͡']

Карта № 2 посвящена согласным на месте [ж͡д'ж͡'] из общеславянских **zgj*, **zdj*, **zg'* не на стыке приставки и корня (бел. *дрожджы, прыязджаць, вожджы* и т.п.; рус. *вожжи, дрожжи, ежжу* и т.п.; укр. *вийжджали, дріжджі* и т.п.).

Круг слов с корневым [ж͡д'ж͡'] ограничен, в связи с чем и в материалах таких слов приводится немного. Наиболее полными являются материалы по русским говорам, но и в них, в подавляющем большинстве, отмечены одни и те же слова: *вожжи, дрожжи, езжу, визжать*, а также разные формы слова *дождь* (и производные от него). Последние при картографировании не учитываются, так как во многих русских говорах в них отмечен иной

согласный, чем в других лексемах на месте [ж͡дʹж͡] (см. [ДАРЯ I, карта № 53], а в белорусских и украинских говорах очень часто произносится [шч] по аналогии с *до*[шч] (бел. *да*[шч]*ы*, *да*[шч]*овы* и т.п. - [ДАБМ, карта № 77], укр. *до*[шч]*у*, *до*[шч]*ем* и т.п. - [АУМ 2, карты №№ 111, 180]. Другие слова, в которых картографируемые разновидности произношения восходят к **zdj, *zgj, *zg'* встречаются очень редко, причем главным образом - в русских говорах, по которым материал существенно более полон: *позже, горазже, брызжет, брезжит, брюзжит, визжит, верезжит, дребезжит, мозжит, мозжечок, можжевельник, можжуха*, а также слово *жужжать*.

В некоторых южнорусских говорах, а также в отдельных редких нигде не группирующихся других говорах отмечены глухие разновидности произношения на месте *зж* в формах глагола *визжать* (*ви*[ш'ш']*ать*). Эти примеры при картографировании не учитывались, так как глухие звуки являются в данном случае репрезентантами глухой фонемы, которые возникли, по всей вероятности, нефонетическим путем (ср. [ш'ш'] в других глаголах сходной семантики: *пищать, трещать* и т.п.).

При картографировании согласных на месте [ж͡дʹж͡] некоторые знаки транскрипции были объединены из тех же соображений и по тому же принципу, что и для согласных на месте [ш͡тʹш͡] [ДАРЯ I, комментарии, 153-154]. Большая часть знаков транскрипции, отличных от тех, которыми обозначены картографируемые разновидности произношения в легенде к карте 2, приводятся в небольшом количестве материалов, многие обозначения даны в материалах по единичным нас. пп.

Краткие шипящие, отмеченные в единичных случаях в интервокальной позиции, при картографировании в русских говорах приравниваются к долгим (соответственно [ж'ж'] и [жж]) на том основании, что краткие отмечены единично, в разных словах, в небольшом числе говоров, разбросанных по всей русской территории, почти всегда наряду с долгими шипящими, которые в большинстве этих говоров по твердости - мягкости того же качества, что и краткие. Можно предполагать, что краткость шипящих в этих случаях не связана с лексико-грамматическими категориями, а обусловлена, возможно, темпом речи (беглая речь). В отличие от этого в украинских гуцульских говорах краткий [ж'] на месте [ж͡дʹж͡] отмечается наряду с [ж'ж'] без какого-либо указание на особые условия произношения [Янов 1928, 259-290; Залесский 1983, 5-23].

В очень небольшом числе говоров на юго-востоке Вологодской и северо-востоке Костромской групп северного наречия отмечена зависимость качества согласного на месте [ж͡дʹж͡] по твердости - мягкости от ряда следующего за ним гласного (*во*[ж'ж']*и*, но *на дро*[жж]*ах* и т.п.). В некоторых материалах, относящихся к говорам той же территории, отмечена как твердая, так и мягкая разновидности произношения, но при

этом либо мягкая разновидность представлена лишь перед гласными переднего ряда, либо твердая разновидность - только перед гласными непереднего ряда [ДАРЯ I, карта № 52]. В украинских говорах позиционная мягкость шипящих отмечена во многих говорах.

Карта показывает, что лингвогеографическая характеристика согласных на месте [ждж'] в говорах восточнославянских языков, очень близка к лингвогеографическому ландшафту согласных на месте [шт'ш']. Различие состоит лишь в том, что первая является менее сложной за счет значительно меньшего числа случаев сосуществования разных вариантов произношения. По характеру согласных на месте [ждж'] восточнославянская территория также четко делится на две части: северо-восточную - подавляющее большинство русских говоров, для которых характерны долгие шипящие [жж] или [ж'ж'], и юго-западную - почти все белорусские и украинские говоры, которым свойственно звуковое сочетание со взрывным элементом - как правило твердое [ждж]. Звуковые сочетания отмечены также в русских говорах, соседних с белорусскими и украинскими, в севернорусских говорах и на востоке среднерусских. Вариант [ж'ж'] занимает центр русской территории, образуя три крупных ареала. Вариант [жж] распространен по периферии русской территории. Здесь [жж] чаще отмечается как единственный, во многих говорах - в сосуществовании с [ж'ж'], в редких говорах - наряду с [ждж].

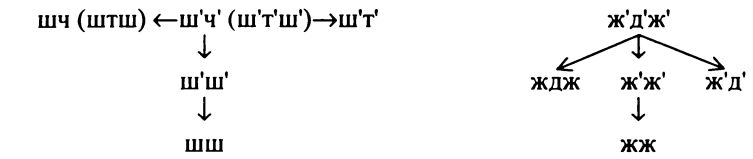
Близость лингвогеографических характеристик согласных на месте [шт'ш'] и [ждж'] подтверждает известное положение о том, что их изменение в говорах восточнославянских языков проходило параллельно, а различия этих характеристик еще раз свидетельствует о том, что звонкое сочетание в своем развитии опережает глухое. Последнее естественно, так как глухое сочетание более напряженно и потому позднее освобождается от взрывного элемента, а возникающий на его месте долгий глухой шипящий дольше сохраняет мягкость, поддерживающую его напряженность. Звонкое сочетание как менее напряженное легче освобождается от взрывного элемента, а развивающийся на его месте долгий звонкий шипящий - от мягкости (ср. также [Образование 1970, 30]).

Рефлексы сочетаний **zdj, *zgj, *ʒg' и *stj, *skj, *sk'* в памятниках древнерусской письменности анализируются во многих исследованиях. Особое внимание при этом уделяется написанию *жсг* в новгородско-псковской письменности. Гипотезы относительно путей изменения названных исходных сочетаний, построенные на основе этого написания [Соболевский 1888, 35, 37 - 38; Каринский 1909, 178 и сл.; Шахматов 1915, 327; Дурново 1924, 178; Трубецкой 1925, 291; Селищев 1927, 38; Якобсон 1937, 245 - 253; Черных 1954, 149; Геровский 1959, 59; Борковский,

Кузнецов 1963, 91; Филин 1972, 289; Янин, Зализняк 1993, 200; Крысько 1994, 33-37; Зализняк 1995, 39-40]) здесь не рассматриваются, так как в материалах, на которых построены данные карты, примеры с [жг] на месте указанных сочетаний отсутствуют. Необходимо однако отметить, что написание *жг* (*дъжгь, ижгенеть, на҃жгла* и т.п.) в древненовгородских и древнепсковских памятниках, а также примеры мены *щ* и *шк* в берестяных грамотах и в Новгородской I летописи дали основания А.А.Зализняку предполагать, что в др.-новг. койне сосуществовали *s''c''*, *z''ʒ''* и *s'k'*, *z'g'* [Зализняк 1995, 39 - 40]. В современных говорах отмечен лишь один случай [шт'$^{к'}$] на месте [ш͡т'ш'] и [жг'] на месте [ж͡д'ж'] - в д. Акиньино Уломского р-на Вологодской области (у оз. Белое): *иш*[т'$^{к'}$]о, [пр'ежг'е] при [шч'], [ш'ш'], [шт'], [шт] на месте старого [ш͡т'ш'] в других примерах (в том же говоре отмечено [пошт'$^{к'}$и], [ит'$^{к'}$т'$^{к'}$и], [н'е пойк'$^{т'}$и]). Палатальные звуки, средний между [т'] и [к'], обозначаемый как *т*$^{к'}$, *к*$^{т'}$, *к''*, и (реже) средний между [д'] и [г'], обозначаемый как *д*$^{г'}$, *г*$^{д'}$ отмечаются в некоторых говорах, которым свойственно [т'] на месте *к* мягкого и [д'] на месте *г* мягкого перед гласными переднего ряда (*ру*[т']*и*, [т']*ислый*, [д']*ибель* и т.п.), но в этих говорах на месте [ш͡т'ш'] и [ж͡д'ж'] - долгие глухие шипящие (срв. [Образование 1970, 30 - карта 5, 66; ДАРЯ I, карты № 48 и № 68 и комментарий к ней]).

В русских говорах долгие шипящие и их соответствия на фонетическом уровне специально анализируются Р.И.Аванесовым и В.Г.Орловой. Украинские и белорусские говоры в отношении рассматриваемого явления относительно единообразны. По-видимому, в связи с этим процесс изменения древнерусских [ш͡т'ш'], [ж͡д'ж'] в трудах по диалектологии и истории белорусского и украинского языков так детально, как в русских говорах, не рассматривается.

В исследовании [Аванесов 1948] диалектные соответствия русским литературным [ш'ш'] ([ш'ч']), [ж'ж'] анализируются как в связи с историческим развитием исходных звукосочетаний [ш͡т'ш'], [ж͡д'ж'], так и в плане оценки их фонологического статуса. Р.И.Аванесов отмечает, что в говорах мы находим "...весьма разнообразные звуки, явившиеся в результате того, что они сохранили разные стадии имевшего место фонетического процесса, а отчасти потому, что ими были пережиты разные фонетические процессы" [Аванесов 1948, 25]. В процессе изменения древнерусских [ш͡т'ш'] и [ж͡д'ж'] Р.И.Аванесов выделяет (и представляет в виде схемы) главные и побочные, менее распространенные в говорах, направления, которые отражают основные тенденции развития рассматриваемых согласных - к отвердению и к утрате затвора - и побочные - к упрощению звуковых сочетаний путем утраты конечного фрикативного элемента:

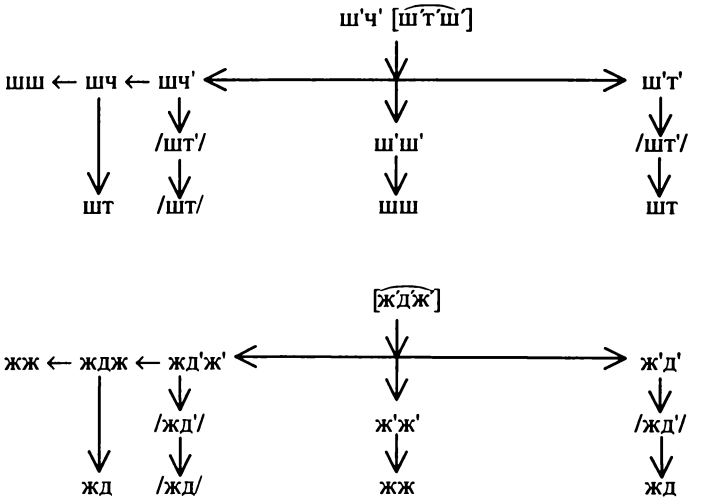

Кроме этих основных разновидностей, Р.И.Аванесов указывает еще произношение [с'ц'] или [с'с'] ([с'ц']*ука* или [с'с']*ука* и под.) и [з'з'] (*дро*[з'з']*и* и под.) в говорах, которым свойственно шепелявое произношение шипящих или замена их свистящими.

Схема, предложенная Р.И.Аванесовым, очень убедительна, и такое представление о путях изменения долгих шипящих заслуженно считается общепризнанным. Принята точка зрения Р.И.Аванесова и авторами монографии [Образование 1970, 29-33], в которой раздел о долгих шипящих и их соответствиях в русских говорах принадлежит В.Г.Орловой. Названное исследование - единственная работа, в которой дана детальная характеристика звуков, соответствующих русским литературным [ш'ш'] и [ж'ж'] в севернорусских и среднерусских говорах, по материалам, собранным для [ДАРЯ].

В [Образование 1970] рассматриваются звуковые соответствия русским литературным [ш'ш'] и [ж'ж'] в связи с характеристикой ареалов их распространения, которые отражены на помещенной в данном исследовании карте, а также приводятся примеры возможной фонологической интерпретации некоторых разновидностей произношения. В работе дается также характеристика употребительности отмеченных в русских говорах разновидностей произношения на различных территориях (имеется в виду, с одной стороны, количество нас. пп. - в терминах "много" - "мало" - на той или иной территории, в говорах которых отмечена данная разновидность; с другой стороны, - употребление некоторой разновидности как единственной или в сосуществовании с другими). На основании данных лингвистической географии характеристика процесса изменения древнерусских [ш͡т'ш'], [ж͡д'ж'] дополняется некоторыми соображениями относительно неодинаковой по говорам силы действия указанных в схеме Р.И.Аванесова тенденций.

Характеристику рассматриваемого явления в русских говорах можно дополнить некоторыми результатами статистического анализа материала, отражающего сосуществование разных согласных на месте [ш͡т'ш'], в частности, несколько детализировать и дополнить схемы развития [ш͡т'ш'] и [ж͡д'ж'] в русских говорах, предложенные Р.И.Аванесовым. С учетом всех типов сосуществования разновидностей произношения, отмеченных в русских говорах, эти схемы могут быть представлены в следующем виде:

В косых скобках даны те разновидности, относительно которых нельзя сказать определенно, являются ли они обязательной ступенью в процессе изменения, изображенного соответствующей ветвью дерева схемы. В частности можно предполагать, что [шч] из [ш'ч'] могло развиваться и через стадию неполного отвердения обоих элементов звукового комплекса, что условно можно обозначить как *ш•ч•*. То же следует сказать и о процессе ш'ч'(ш'т'ш') → ш'т' → шт, и о процессе появления [жд].

Данная схема отражает больше, чем у Р.И.Аванесова логических возможностей рассматриваемого процесса и, следовательно, обладает большей предсказуемостью. Кроме того, она хорошо согласуется с лингвогеографической характеристикой рассматриваемого явления. Так, в центральных русских говорах (центр Ростово-Суздальской Руси) основная тенденция - утрата смычного элемента, но еще не отвердение, т.е. преобладание [ш'ш'], [ж'ж']. В белорусских и украинских говорах основная тенденция - отвердение при сохранении смычного элемента, т.е. преобладание [шч], [ждж]. Между этими говорами распространены такие, в которых эти две тенденции по-разному соединились. Это западные русские говоры, соседние с белорусскими и украинскими, и русские северные и северо-западные говоры - во всех этих говорах распространены твердые [шш], [жж] как единственные или наряду с [шч], [ждж], которые свойственны почти всем белорусским и украинским говорам, а во многих случаях отмечен и глухой долгий мягкий шипящий [ш'ш'].

Данная характеристика позволяет предполагать, что не во всех русских говорах [шш] и [жж] развились через ступень [ш'ш'] и [ж'ж'], но что, по

крайней мере в русских говорах западных и северо-западных территорий (бывш. Смоленское, Полоцкое и Новгородское княжества) [шш] и [жж] могли развиться и таким путем: ш'ч'(ш'т'ш')→шч(штш)→шш; ж'д'ж'→ждж→жж.

Таким образом, в процессе изменения сочетаний [ш͡т'ш'], [ж͡д'ж'] в говорах восточнославянских языков правомерно выделять не одно главное и два побочных направления, как считает Р.И.Аванесов, а два главных - 1) ш'ч'(ш'т'ш')→ш'ш'→шш, ж'д'ж'→ж'ж'→жж; 2) ш'ч'(ш'т'ш')→шч(штш)→шш, ж'д'ж'→ждж→жж - и побочные. При этом следует отметить, что чем больше удалены друг от друга разновидности произношения как некоторые ступени в процессе изменения [ш͡т'ш'] и [ж͡д'ж'], т.е. чем больше расстояние между узлами на ветвях дерева схемы, тем реже сосуществуют такие разновидности (более детальный анализ схемы см. в [Пшеничнова 1973]).

Результаты статистического анализа материала, отражающего согласные на месте [ш͡т'ш'] в русских говорах, позволяют внести еще некоторые дополнения в решение исследуемой проблемы.

Разная интенсивность тенденций развития древнерусского [ш͡т'ш'] (утрата взрывного элемента и отвердение) отражается не только в употреблении каждого из вариантов произношения как единственного или в сосуществовании с другими, но и в неодинаковой по говорам употребительности, т.е. относительной частоте каждой из сосуществующих в одном говоре разновидностей произношения. Статистические характеристики русских говоров с сосуществованием названных рефлексов даны и проанализированы в [Пшеничнова 1973]. Лингвогеографический ландшафт рассматриваемого явления, определяемый действием двух названных тенденций развития древнерусского [ш͡т'ш'] и их неодинаковой по говорам интенсивностью, хорошо согласуется со статистическим типом изучаемого явления. Такой тип мы условно называем континуальным типом [Пшеничнова 1991, 7 - 8]: почти все виды сосуществования разновидностей произношения характеризуются постепенным изменением количественного соотношения разновидностей в говорах ряда, упорядоченного по относительным частотам признаков (эти данные см. в [Пшеничнова 1973]). При этом сосуществованию двух разновидностей свойственно нарастание признака по мере приближения к более компактным ареалам соответствующей разновидности, т.е. и территориально отмечается постепенное нарастание (убывание) признака. Так, например, при сосуществовании [ш'ш'] и [шш] относительная частота [ш'ш'] в говорах возрастает по мере приближения к основному ареалу [ш'ш'] и понижается по мере удаления от этого ареала, т.е. в направлении к северу, западу и югу от центра. Соответственно понижается или возрастает относительная частота примеров с [шш] по мере удаления или

приближения нас.пп., в говорах которых такой тип сосуществования, к основной территории [шш]. При сосуществовании в говорах более двух разновидностей доля той или иной разновидности как правило определяется тем, вблизи какого ареала находится данный нас. пп..

Полученная статистическая характеристика явления - отнесение явления к континуальному типу (плавное изменение количественных характеристик) - хорошо согласуется с представлением о постепенном фонетическом развитии, разные этапы которого отмечаются в современных восточнославянских говорах.

Согласные на месте звонкого сочетания [ж͡д͡ж] статистически не анализировались в виду лексической ограниченности материала. Однако, как уже было сказано, пути развития [ш͡т͡ш] и [ж͡д͡ж] в говорах восточнославянских языков в основных направлениях были общими.

Русские долгие шипящие в фонологическом аспекте анализируются в [Аванесов 1948; Зиндер 1963; Реформатский 1967; Булыгина 1971], в древнерусском языке и русских говорах долгие шипящие и их соответствия - в [Аванесов 1948; Аванесов 1949, 127-130; Образование 1970, 33; Горшкова 1968, 67-68, 85; Горшкова 1972, 67-68; Иванов 1968; Колесов 1975, 133-134; Колесов 1980, 56-57, 156-158; Касаткин 1995, 53]).

Определение фонологического статуса согласных на месте древнерусских [ш͡т͡ш] и [ж͡д͡ж] в говорах не всегда является достаточно простым, тем более что полного параллелизма в фонологической значимости рассматриваемых глухих и звонких вариантов произношения в говорах восточнославянских языков не существует. Во многих случаях необходим детальный анализ материала по отдельным частным диалектным системам, что не входит в задачи данного комментария. Тем не менее представленная на картах 1 и 2 общая восточнославянская панорама рассматриваемого явления позволяет в этом плане сделать некоторые выводы.

Преобладающие в центре русской территории [ш'ш'] и [ж'ж'], следует рассматривать как особые фонемы, так как в этих говорах отсутствуют фонемы <ш'>, <ж'>, а произношение долгих шипящих внутри одной морфемы и на стыке разных морфем как правило различается ([ш'ш']*ука*, но [шш]*ыл*, *е*[ж'ж']*у*, но *бе*[жж]*ыра* и т.п.]. Следовательно, в русских говорах центра в результате изменения древнерусских [ш͡т͡ш] и [ж͡д͡ж] число шипящих фонем не изменилось (если считать, как полагает большинство исследователей, древнерусские [ш͡т͡ш] и [ж͡д͡ж] однофонемными; иное мнение см. в [Колесов 1980, 53]).

Варианты [шш] и [жж], широко распространенные по всей периферии русских говоров (их ареал практически со всех сторон окружает центр, где

преобладают [ш'ш'], [ж'ж']), следует рассматривать как сочетания двух фонем - соответственно две фонемы <ш> и две фонемы <ж> ([шш] и [жж] в этих говорах произносится как внутри одной морфемы, так и на стыке морфем). Таким образом, в этих говорах число шипящих фонем в результате изменения древнерусских [ш͡т'ш'] и [ж͡д'ж'] сократилось на две.

Отмеченные во многих говорах наряду с [шш] вариант [ш'ш'] и (реже) наряду с [жж] вариант [ж'ж'] в одних случаях могут представлять предыдущий этап развития, сохранившийся, возможно, под влиянием нормированного языка, а в других мягкие варианты могли возникнуть вторично, также под влиянием нормированного языка. В этом отношении особенно показательны русские юго-западные говоры, в которых широко распространена утрата затвора у <ч> ([ш']*ашка*, [ш']*ай* и т.п.) [Орлова 1959; ДАРЯ I, карта №45].

Обращает на себя внимание тот факт, что в говорах, для которых на месте *ч* характерно почти исключительно употребление [ш'] (особенно в речи старшего поколения), на месте [ш͡т'ш'] наряду с [шш] широко отмечается также и [ш'ш']. Можно высказать предположение, что эти говоры входят в орбиту процесса превращения древнерусской фонемы <ш͡т'ш'> в двухфонемное сочетание и при этом находятся на территории, где сталкиваются две тенденции: к отвердению и к утрате взрывного элемента, т.е. к образованию [шш].

В большинстве случаев процесс изменения [ш͡т'ш'] в говорах данного ареала завершился твердым вариантом [шш], который воплощает сочетание двух фонем <ш>. В отличие от этого вариант [ш'ш'] во многих из них является, скорей всего, не отражением предыдущего этапа спонтанного развития исходного звукового комплекса, а результатом воздействия русского литературного языка и примыкающих к ним говоров центра, которые совпадают по данной черте с литературным языком. По-видимому, такое влияние в русских юго-западных говорах особенно сильно в связи с тем, что оно поддерживается мягким [ш'] на месте *ч*. В пользу такого предположения свидетельствуют и результаты специального исследования долгих шипящих в говорах позднего заселения (Куйбышевской области), которое показало, что даже при сильном воздействии на диалектную речь литературного языка, твердый долгий щипящий очень устойчив, если в речи употребляется твердый [ч], в то время как при мягком [ч'] твердый долгий шипящий сравнительно легко заменяется литературным мягким [ш'ш'] [Барабина 1982, 31-45].

Не исключено также и то, что [ш'ш'] в рассматриваемых говорах (или в некоторых из них) возникло спонтанно из [ш'ч'] в результате отвердения, изменения в двухфонемное сочетание и замены [ч]> на [ш'], если, конечно, [ш'ш'] является здесь достаточно поздним: [ч']>[ш'] относят ко времени не

ранее XV - н.XVI вв. [Орлова 1959, 173]. В отдельных единичных говорах данной территории зафиксированы примеры с [шч] или [ш'ч'], а это также позволяет считать, что высказанное предположение вполне допустимо. Показательно, что подобное явление отмечается и в некоторых говорах западной части среднезакарпатских говоров, соседних с западнозакарпатскими (лемковскими), где оно трактуется как замена фонемы <ч> фонемой <ш> ([ш'улув'ік], [каш'ка] - `качка', [ш'орт] и др. и [ш'ш'утка] - `щетка', [ш'ш'ас'т'а] и т.п.) [Дзендзелевский 1965, 81; АУМ 2, карта №113].

В украинских и белорусских говорах - почти исключительно [шч] и [ждж], которые представляют сочетание двух фонем - соответственно <ш> и <ч>, <ж> и <дж>, так как [шч] и [ждж] представлены в украинских и белорусских говорах не только внутри одной морфемы, но и на стыке морфем (укр. *дереви*[шч]*е*, *боржи*[шч]*и* и [шч]*итать*, *до*[ждж]*ем* и [ждж]*ерелом* и др.; бел. *е*[шч]*е* и [шч]*асна* и др.), а качество звуков этих сочетаний практически во всех говорах соответствует качеству звуков, представляющих фонемы <ш> и <ч>, <ж> и <дж> в других позициях. Следовательно, и варианты [ш'ш'], [ж'ж'] в тех юго-западных украинских говорах, которым свойственны [ш'] на месте исконных *ш* и *ч* и [ж'] на месте *ж* и *дж*, также представляют двухфонемные сочетания - две фонемы <ш'> и две фонемы <ж'>. Таким образом, изменение древнерусских [ш́т́ш́], [ж́д́ж́] в украинских и белорусских говорах привело к сокращению числа шипящих фонем.

Вариант [шч], распространенный по западной и северо-западной периферии русских говоров (до ареала мягкого цоканья), где его ареал является продолжением украинской и белорусской территории [шч] и где [шч] чаще всего сосуществует с [шш], воплощающем сочетание двух <ш>, как правило также следует считать сочетанием двух фонем - <ш> и <ч>: [шч] отмечено почти везде в тех говорах, для которых характерен твердый [ч] на месте *ч* (срв. [ДАРЯ I, карты №№ 45, 47, 48]) и не только внутри морфемы, но и на стыке морфем. Сосуществование разных вариантов произношения свидетельствуют о незакончившемся процессе развития в данном звене системы говоров, как спонтанном от старого к новому, так и под воздействием нормированного языка.

Вариант [шч] (или [ш'ч'], [шч']) широко отмечается также в севернорусских говорах с мягким цоканьем, где распространены, но менее широко, также и звонкие варианты [ждж] (или единично [ж'д'ж']) (срв. [ДАРЯ I, карты №№ 47, 48, 52]). Исследователи, справедливо полагая, что [шч] не могло бы сохраниться в говорах с цоканьем, если бы репрезентировало сочетание фонем <ш> и <ч>, приходят к выводу, что в говорах с мягким цоканьем [шч], [ш'ч'], [шч'] и [ж'д'ж'] следует

рассматривать как одну фонему [Образование 1970, 33; Горшкова 1972, 67]. Более убедительной представляется другая точка зрения, согласно которой [шч] и [ждж] в севернорусских говорах с мягким цоканьем следует считать репрезентантами двухфонемных сочетаний <шт> и <жд> [Калнынь, Масленникова 1985, 97-98; Русская диалектология 1989, 68; Касаткин 1995, 53]. Доказательства, приводимые названными исследователями, согласуются со следующими фактами. Ареалы [шч] и [ждж] при мягком цоканьи органично продолжает ареал двухфонемного сочетания согласных на месте древнерусских однофонемных [ш'т'ш'] и [ж'д'ж']; варианты [шт] (или [шт'], [ш'т']) и [жд] (или [жд'], [ж'д'] отмечены почти исключительно в тех же говорах, т.е. при мягком цоканьи. Представляется совершенно справедливым считать, что в этих говорах в результате процесса [ш'т'ш']>[штш]([шч])>[шт] и [ж'д'ж']>[ждж]>[жд] возникли двухфонемные сочетания <шт> и <жд>, а в результате прогрессивной ассимиляции [шт], как и [шт] другого происхождения ([шч]*аны*, [Шчы]*рлиц* и т.п.) изменилось в [шч] и [жд], как и [жд] другого происхождения ([ждж]*ать*, *одна*[ждж]*ы* и т.п.) - в [ждж] [Касаткин 1995, 53]. На то же явление указывают и примеры из архангельских говоров селений по Верхней Пинеге и Вые: [ишт͡шу́], [уйеж͡дж а́йу] и [ж͡дж а́л'и], [пошт͡шо́ то], [од'е́ж͡дж ы] при наличии одной аффрикаты, "представленной широким спектром звуков: [ц-ц'-ц"-с-с'-с"-ш"-ч-ч'-ч"]" [Князев, Левина, Пожарицкая 1997, 206]. Знаменательно, что такой же процесс отмечается и в северо-восточных белорусских (витебских) говорах, где случаи [йе́шча], [ма́шча], [л'а́шча] (пов. ф. глагола) и т.п. также объясняются прогрессивной ассимиляцией [шц']>[шч] [Кривицкий, Подлужный 1989, 133].

В южнорусских говорах на территории, где на месте *ч* и *ц* отмечены звуки с утратой затвора, единично встречаются разновидности, обозначенные в материалах как *сш, сш', с'ш', с''ш*. При картографировании эти написания не учитываются, так как не ясно, как следует их интерпретировать. Возможно, такое произношение отражает тот факт, что на месте древнерусского [ш'т'ш'] в таких говорах двухфонемное сочетание, в котором [ш'] или [ш] - на месте <ч>, а [с] или [с'] ([с"])- на месте <ш> (результат регрессивной диссимиляции).

Таким образом, можно полагать, что лишь для центральных русских говоров характерно сохранение особых фонем - наследниц древнерусских фонем <ш'т'ш'> и <ж'д'ж'>. В отличие от этого, русские периферийные говоры были охвачены процессом, единым для этих говоров и говоров белорусских и украинских, - процессом превращения названных фонем в двухфонемные сочетания. Этот вывод согласуется с тезисом Горшковой - Бромлей относительно противопоставленности русских говоров центра как более консонантных, с максимальным количеством согласных фонем,

русским периферийным говорам, которые вместе с говорами украинскими и белорусскими являются менее консонантными (более вокальными), с меньшим количеством согласных фонем [Горшкова 1968, 171; Горшкова 1972, 134-135; Бромлей 1985].

Литература:

[Аванесов 1948] - *Аванесов Р.И.* О долгих шипящих в русском языке// Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948, вып.6.

[Аванесов 1949] - *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.

[Бевзенко 1974] - *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Фонетика. Одеса, 1974.

[Барабина 1982] – *Барабина М.Н.* Об устойчивости твердого произношения долгого *ш* в говорах Куйбышевской области (на материалах социолингвистического исследования разных контингентов носителей// Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1982.

[Барабина 1987] - *Барабина М.Н.* Лексикализованное произношение твердого долгого *ш* в говорах Куйбышевской области (в лексеме еще)// Формирование и развитие говоров территории поздних заселений. Сарат. ун-т, 1987.

[Борковский, Кузнецов 1963] - *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

[Бромлей 1985] - *Бромлей С.В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров// Диалектография русского языка. М., 1985.

[Булыгина 1971] - *Булыгина Т.В.* О русских долгих шипящих// Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

[Геровский 1959] - *Геровский Г.И.* Древнерусские написания *жч, жг* и *г* перед передними гласными. ВЯ, 1959, №4.

[Говори 1977] - Говори української мови. Зб. текстів. Київ, 1977.

[Говірки 1996] - Говірки Чорнобильської зони. Тексти. Київ., 1996.

[Горшкова 1968] - *Горшкова К.В.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической диалектологии). Изд. МГУ. 1968.

[Горшкова 1972] - *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

[Дзендзелівський 1965] - *Дзедзелівський Й.О.* Конспект лекцій з курсу української діалектології. Ч.І. Фонетика. Ужгород, 1965.

[Дурново 1924] - *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М. - Л., 1924.

[Жилко 1955] - *Жилко Ф.Т.* Нарысы з діалектології української мовы. Київ, 1955.

[Залеський 1983] - *Залеський А.М.* Парадигматичні і синтагматичні умови функціонування шиплячих у гуцульському говорі// Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983.

[Зализняк 1995] - *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

[Зиндер 1963] - *Зиндер Л.Р.* Фонематическая сущность долгого палатализованного /s':/ в русском языке// Науч. докл. высшей школы, ФН, 1963,2.

[Иваницкая 1971] - *Иваницкая Е.Н.* Некоторые особенности консонантизма вологодских говоров (к вопросу об определении фонемного состава говоров)// Уч. зап. МГПИ им. Ленина, 450. Статьи и исследования по русскому языку и языкознанию. 1971.

[Иванов 1968] - *Иванов В.В.* Историческая фонология русского языка. М., 1968.

[Иванов 1983] - *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983.

[Калнынь, Масленникова 1985] - *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.

[Каринский 1909] - *Каринский Н.М.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб, 1909.

[Карский 1955] - *Карский Е.Ф.* Белорусы. Вып. 1. М., 1955.

[Касаткин 1995] - *Касаткин Л.Л.* Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древнерусском и праславянском языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности/ненапряженности// ВЯ, 1995, №2.

[Клімчук 1983] - *Клімчук Ф.Д.* Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск, 1983.

[Князев, Левина, Пожарицкая 1997] – *Князев С.В., Левина А.Н., Пожарицкая С.К.* О говорах Верхней Пинеги и Выи // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.

[Колесов 1975] - *Колесов В.В.* Значение лингвистической географии в историческом изучении языка. ОЛА. 1973. М., 1975.

[Колесов 1980] - *Колесов В.В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

[Крывіцкі, Падлужны 1989] - *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Практыкум па фанетыцы беларускай мовы. Мінск, 1989.

[Крысько 1994] - *Крысько В.Б.* Заметки о древненовгородском диалекте (I. Палатализация)// ВЯ, 1994, №5.

[Нарысы 1964] - Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

[Образование 1970] - Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

[Опыт 1915] - *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915.

[Орлова 1959] - *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

[Пшеничнова 1973] - *Пшеничнова Н.Н.* Статистический анализ многочленного диалектного соответствия (Глухие долгие шипящие в русских говорах)// ВЯ, №6, 1973.

[Пшеничнова 1991] - *Пшеничнова Н.Н.* К вопросу об интенсивности и направлении развития диалектных систем// Современные русские говоры. М., 1991.

[Реформатский 1967] - *Реформатский А.А.* "Ж"// To honor Roman Jakobson. Vol.2. The Hague - Paris. 1967.

[Русская диалектология 1989] - Русская диалектология. Под ред. Л.Л.Касаткина. М., 1989.

[Селищев 1927] - *Селищев А.М.* [Рец.] Н.Дурново. Очерк истории русского языка// Изв. АН СССР. ОРЯС, т.XXXII, 1927.

[Соболевский 1888] - *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.

[Трубецкой 1925] - *Трубецкой Н.С.* О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства// Избранные труды по филологии. М., 1987 (Zeitschr. für slavische Philologie, Bd.I. Leipzig, 1925).

[Филин 1972] - *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

[Хрэстаматыя 1962] - Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1962.

[Черных 1954] - *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1954.

[Шахматов 1915] - *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

[Шахматов, Крымський 1924] - *Шахматов О., Кримський А.* Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'атників письменської староукраїнщини XI-XVIII вв. Київ, 1924.

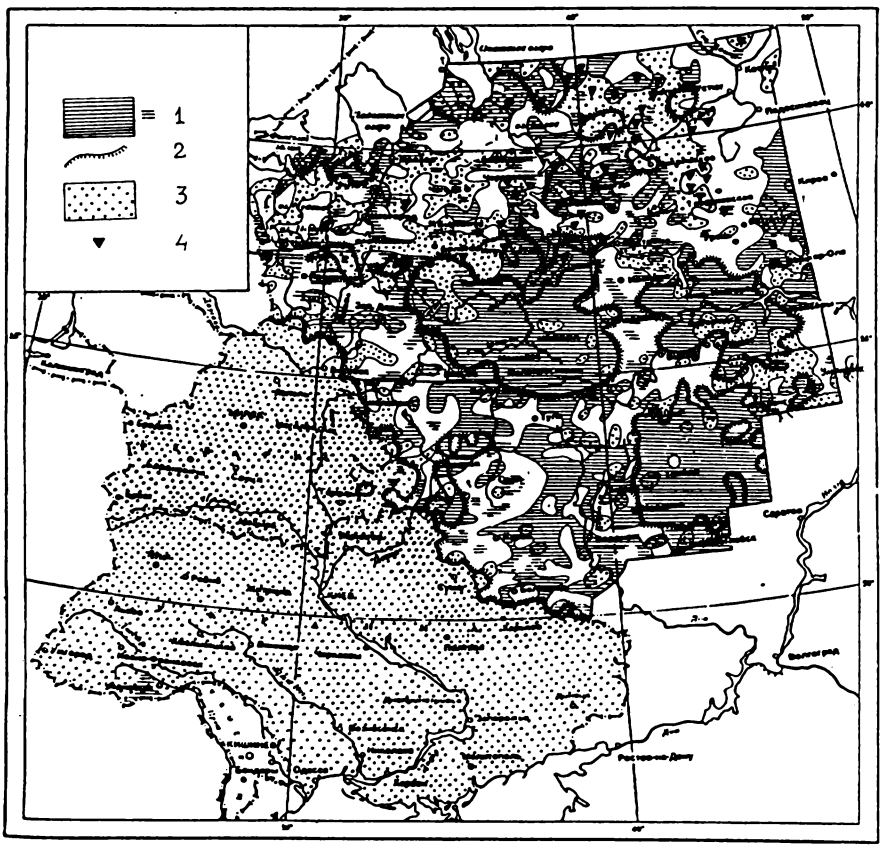
[Якобсон 1937] - *Якобсон Р.О.* Спорный вопрос древнерусского правописания (дъжгь, дъжчь)// Зборник у част А. Белиħа. Београд, 1937.

[Янин, Зализняк] – *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989). М., 1993.

[Янов 1928] - *Janów J.* Z fonetyki gwar huculskich// Symmposae grammaticae. In honorem J. Rozwadowski. Cracoviae, 1928, vol.2.

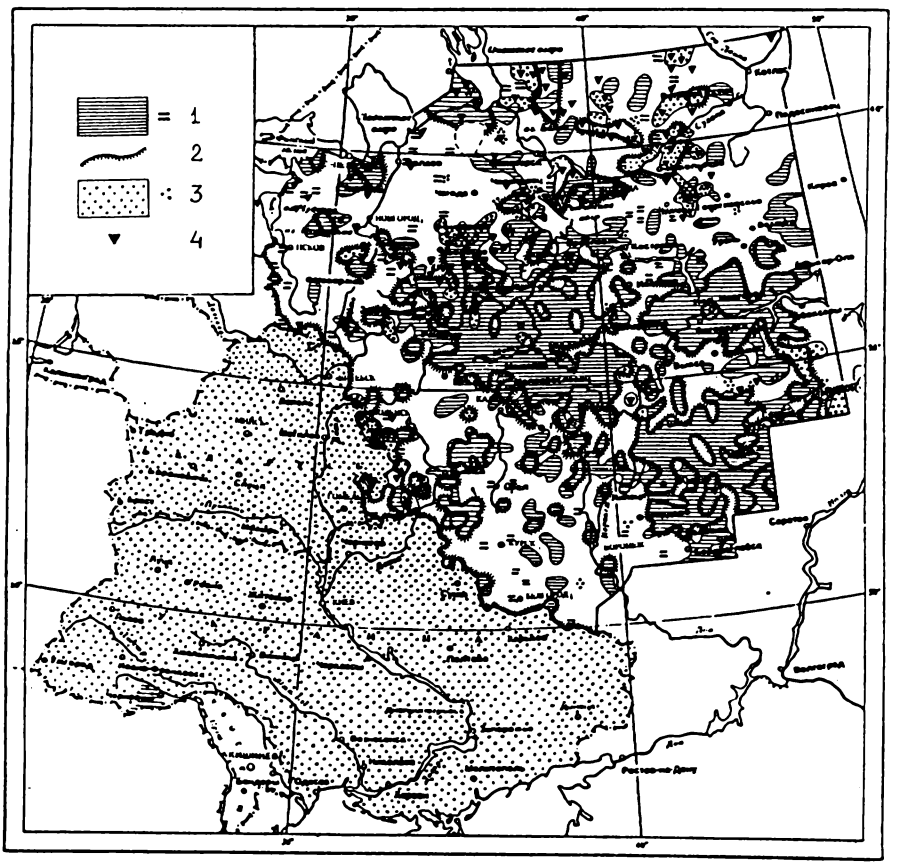
Карта № 1. Согласные на месте древнерусского [ш͡т'ш͡'].

1 – [ш'ш']: рус. *я*[ш'ш']*ик*, [ш'ш']*ука* и т.п.; 2 – [шш]: рус. *я*[шш]*ик*, [шш]*ука* и т.п.; 3 – [шч], [шч'], [ш'ч']: рус. *я*[шч]*ик*, *я*[шч']*ик* или *я*[ш'ч']*ик* и т.п.; бел. *гу*[шч]а, *ля*[шч]ы и т.п.; укр. *очи*[шч]*ать*, *очи*[шч']*ать* или *очи*[ш'ч']*ать* и т.п. 4 – [ш't'], [шт'] или [шт]: рус. [ш't']*ука*, [шт']*ука* или [шт]*ука* и т.п.

Карта № 2. Согласные на месте древнерусского [ж͡дж].

1 – [ж'ж']: рус. *е*[ж'ж']*у*, *во*[ж'ж']*и* и т.п.; укр. *дрі*[ж'ж']*і* и т.п.; 2 – [жж]: рус. *е*[жж]*у*, *во*[жж]*и* и т.п.; 3 – [ждж], [ж'д'ж']: рус. *е*[ждж]*у* или *е*[ж'д'ж']*у* и т.п.; бел. *во*[ждж]*ы* и т.п.; укр. *дрі*[ждж]*і* и т.п.; 4 – [ж'д'], [жд'] или [жд]: рус. *е*[ж'д']*у*, *е*[жд']*у* или *е*[жд]*у* и т.п.

Н.Н.Пшеничнова

Утрата [j] и стяжение гласных в глагольных формах

Утрата интервокального [j] и последующие ассимиляция и стяжение гласных в разной степени известны всем славянским языкам [Бернштейн 1968]. В восточнославянских говорах, по общему признанию исследователей, этот процесс, фонетический в своей основе, по-видимому, был с самого начала морфологизованным. Об этом свидетельствует тот факт, что данный процесс осуществлялся, хотя и в определенной фонетической позиции (в сочетании VjV, где [j] перед безударным гласным), но при этом лишь в определенных морфологических условиях - только на стыке основы и окончания глаголов или в окончании прилагательных (нигде не отмечено стяжение в таких, например, случаях, как за *сара́ем, в ма́е, с карава́ем, ра́ем, на ше́е, с во́ем, с бо́ем, негодя́я, обалду́я* и т.п.).

Результаты рассматриваемого процесса в формах глаголов и прилагательных по говорам восточнославянских языков не совпадают, в связи с чем оно должно рассматриваться в разных частях речи отдельно. На данной карте отражены утрата [j] и стяжение гласных в разных классах глаголов I спряжения с основой на -Vj- (типа *рабо́тать, знать, боле́ть, мыть, торгова́ть*).

При составлении настоящих карт использованы следующие карты и комментарии: [ДАРЯ II] № 87 "Сочетание *áje* и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения", № 88 "Сочетание гласных на стыке основы и окончания в глаголах типа *зна́ет*", № 89 "Сочетание *-áje* и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения", № 90 "Сочетание гласных на стыке основы и окончания в глаголах типа *рабо́тает*", № 91 "Сочетание *éje* и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения", № 92 "Сочетания *óje, ýje* и их соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения", № 93 "Сочетание *-áju* и его соответствия на стыке основы и окончания в глаголах I спряжения"; [АУМ 1] № 258 "3-я особа однини теперішнього часу дієслів і дієвідміни", № 262 "2-а особа однини теперішнього часу атематичних дієслів"; [АУМ 2] № 237 "Парадигма однини теперішнього часу дієслів і дієвідмини (*зна́ти, ду́мати*)".

Материал, отражающий рассматриваемое явление, неравноценен. Для русских говоров он наиболее полон. Сведения по украинским говорам в значительной степени получены из опубликованных исследований (напр.,

[Верхратський 1902; Верхратський 1912; Жилко 1955; Бевзенко 1960; Брахнов 1960; Лавер 1969; Говори 1977] и др.). В [АУМ 1] и [АУМ 2] отражены данные по северноукраинским и юго-западным украинским говорам, сведения по юго-восточным говорам получены только из диалектологических публикаций разных исследователей (соответствующий том украинского атласа еще не опубликован), в связи с чем стяжение в этих говорах показано на данной карте приближенно, как зона преимущественного распространения.

Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в глаголах свойственны значительной части русских и многим украинским говорам. В белорусских говорах оно не отмечено практически нигде. Не случайно в [Праграма 1950] отсутствует вопрос, посвященный данному явлению.

Стяженные формы глаголов на территории восточнославянских языков образуют три разновеликих ареала: северо-восточный - почти все севернорусские говоры и бóльшая часть восточных среднерусских, южный - почти все юго-восточные украинские говоры и юго-западный - украинские закарпатские говоры. Стяжение в глагольных формах различается по говорам в двух отношениях - в структурном и генетическом: во-первых, наличие или отсутствие результатов стяжения не совпадает по говорам в разных классах глаголов (в разных сочетаниях *VjV*) и разных глагольных формах; во-вторых, стяжение по говорам в разных глагольных формах неодинаково по происхождению.

Русские говоры, которым свойственно стяжение в формах глаголов с основой на *-Vj-* (типа *рабóтат, знат, белéт, мот, торгýт*), образуют большой ареал, охватывающий примерно половину (северо-восточную) русской территории. Говоры, которые отличаются наибольшей мощностью III спряжения, образуют четий ареал на юго-востоке территории стяжения, т.е. в восточных среднерусских говорах. Остальная часть зоны утраты [j] и стяжения характеризуется значительной пестротой: здесь отмечено большое количестве говоров с сосуществованием вариантов стяженных форм и нестяженных без [j]. За пределами основного ареала стяженных форм и нестяженных с утраченным [j], в западных среднерусских и южнорусских говорах, "разбросаны" разрозненные мелкие ареалы и отдельные говоры, в которых отмечены единичные примеры стяжения. В качестве таких единичных примеров чаще всего дается форма 3 л.ед.ч. глаголов *знать* и *думать*, самых частотных из глаголов с основой на *-<áj>-* и *-'<aj>-*. Наиболее часто приводятся словосочетания "*któ знат*", "*któ e знат*", в которых стяженные формы могут относиться к области фразеологизмов [Высотский 1941, 132; Коготкова 1961, 91].

Стяжение в русских говорах не зависит от формы глаголов: оно свойственно почти всем формам с названными сочетаниями - 2 и 3 л.ед.ч., 1

л. мн.ч.. В материалах некоторых (чаще севернорусских) территориально никак не группирующихся говоров приводится только форма 3 л.ед.ч., по-видимому, в связи с тем что данная форма в речи является наиболее частотной. Исключение составляет форма 2 л.мн.ч., в которой стяжение отмечается реже и всегда наряду с формой без стяжения (*зна́те* и *зна́ете*, *де́лате* и *де́лаете* и т.п.), а в севернорусских говорах, где представлены все этапы процесса утраты [j] и стяжения, в этой форме стяжение полностью отсутствует. Разные исследователи трактуют этот факт неодинаково. Так, в [Коготкова 1961, 94] отсутствие стяжения в форме 2 л.ед.ч. объясняется мягкостью согласного, следующего за сочетанием *ае* (*зна́е*[*т'*]*е*, *де́лае*[*т'*]*е* и т.п.). Как предполагает В.Г.Орлова, выпадение [j] тормозилось не в конечном слоге, "в связи с чем формы типа *зн*[*а́*]*те*, *дум*[*а́*]*те* (2-е л.мн.ч.) встречаются не так регулярно, как *зн*[*а́*]*т* или *дум*[*а*]*т*" [Образование 1970, 168]. Наиболее обоснованной представляется точка зрения С.В.Бромлей, которая убедительно показала, что в севернорусских говорах в окончании -[и]*те* 2 л.мн.ч. глаголов [и] воплощает фонему не <е>, а <и>, а перед [и] утраты интервокального [j] не происходило [Бромлей 1972, 118].

Утрата [j] ([й]) и стяжение не полностью совпадают в разных классах глаголов с основой на *-Vj-* в говорах северо-восточного ареала (это явление показано на карте для разных типов глаголов разными условными обозначениями): в севернорусских говорах чаще всего стяжение отмечается в сочетаниях *-а́йе-*, *-а́йе-* (*рабо́тат, знат* и т.п.), реже *-е́йе-* (*боле́т* и т.п.), единично в сочетаниях *-о́йе-*, *-у́йе-* (*мот, торгу́т* и т.п.) – карта 1. В центре восточных среднерусских стяжение представлено во всех названных сочетаниях, а в небольшой группе говоров на периферии основного ареала стяжения - также и в сочетаниях *-а́йу-*, *-у́йу-* (*рабо́ту, рабо́тут, торгу́, торгу́т* и т.п.) – карта 2.

На данных картах не отражены варианты форм без стяжения с интервокальным [й] (типа *рабо́та*[*й*]*ет, зна́*[*й*]*ет, боле́*[*й*]*ет, мо́*[*й*]*ет, торгу́*[*й*]*ет*) или отмеченные как варианты без [й] со вторым гласным [и] (типа *рабо́та*[*и*]*т, зна́*[*и*]*т, боле́*[*и*]*т, мо́*[*и*]*т, торгу́*[*и*]*т*), где [й], по-видимому, полностью не исчезал, а сочетание имело вид [а^{й}и], [е^{й}и], [о^{й}и] [у^{й}и] [Бромлей 1972, 117]. Такие варианты отмечены в большинстве русских говоров (в исключительном употреблении и наряду со стяженными или нестяженными без [й]). Не отмечены такие варианты в говорах юго-восточной части ареала стяжения для глаголов типа *рабо́тает* - это бо́льшая часть Владимирско-Поволжской группы (ограничена с севера и запада примерной линией Йошкар-Ола - Иваново - Владимир - Коломна), отделы Б и В восточных среднерусских акающих говоров; для глаголов типа *зна́ет* - это существенно меньшая территория в пределах той же юго-восточной части ареала стяжения (сам ареал стяжения для глаголов типа

зна́ет у́же), покрытая отдельными вкраплениями вариантов форм *зн[а́йи]т* или *зн[а́и]т* и т.п.; для глаголов типа *боле́ет* - примерно та же территория, что и для глаголов типа *зна́ет,* с той однако разницей, что глаголы этого типа вообще реже приводятся в материалах; для глаголов типе *мо́ет* и типа *торгу́ет* - это отдельные говоры в центре той же территории (глаголы этого типа в материалах часто отсутствуют).

Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в русских говорах детально рассматриваются в лингвогеографическом и историческом аспектах: [Коготкова 1953; Коготкова 1961; Борковский, Кузнецов 1963, 156; Образование 1970, 168-177, 330-332; Бромлей 1972; Бромлей, Булатова 1972, 196-199].

Комплексный, лингвогеографический и статистический, анализ материала и картографирование его результатов позволили продолжить разработку этой проблемы: подтвердить некоторые уже известные в науке положения и вместе с тем внести существенные дополнения в оценку стяжения в русских говорах.

С.В.Бромлей убедительно показала, что в современных русских говорах стяженные формы глаголов возникли разными путями и имеют неодинаковый морфологический статус: в одних говорах (севернорусских) стяженные формы развились фонетически и являются вариантами форм I спряжения, которые сосуществуют с другими вариантами форм I спряжения (нестяженными с [й] и без [й]), в других (среднерусских) - можно выделить III спряжение как особую парадигму, для которой характерно чередование основы на *Vj* в формах 1-го л.ед.ч. и 3-го л.мн.ч. с основой на *V* в остальных формах (типа *де́лаj-у*, *де́ла-ш*, *де́ла-т*, *де́ла-м*, *де́ла-те*, *делаj-ут*; *зна́j-у*, *зна-ш*, *зна-т*, *зна-м*, *зна́-те*, *зна́j-ут*; *боле́j-у*, *боле́-ш*, *боле́-т*, *боле́-м*, *боле́-те*, *боле́j-ут*; *ро́j-у*, *ро-ш*, *ро-т*, *ро-м*, *ро-те*, *ро́j-ут*; *торгу́j-у*, *торгу́-т*, *торгу́-ш*, *торгу́-м*, *торгу́-те*, *торгу́j-ут*) [Бромлей 1972; Бромлей, Булатова 1972, 196-202; Русская диалектология 1973, 160-162; Русская диалектология 1989, 112-114]. В то же время для многих говоров при сосуществовании форм стяженных и нестяженных без [й] (с ассимиляцией гласных и без таковой) определить тип спряжения достаточно сложно [Бромлей, Булатова 1972, 199]: сосуществующие варианты представлены разным числом примеров, в связи с чем провести границу между говорами с III спряжением и такими, где стяженные формы являются вариантами форм I спряжения ("живой" фонетический процесс), методом лингвогеографии невозможно.

В работе [Пшеничнова 1983] задача противопоставления говоров, где стяженные формы следует рассматривать как варианты форм I спряжения, таким говорам, в которых формы с полным стяжением образуют особую парадигму - III спряжение, решается на основе анализе материала

статистическим методом. Статистическому анализу был подвергнут не весь материал, а лишь отражающий сочетания <айе>, <ейе>, т.е. глаголы типа *рабо́тает, зна́ет, боле́ет*. Для глаголов же типа *мо́ет, торгу́ет* необходимость в статистическом анализе материала не возникает, так как территория стяжения в этих глаголах (*мот, торгут* и т.п.) и нестяженных форм без [й] (*мо́эт, торгу́эт* и т.п.) строго разграничены (см. [ДАРЯ II, карта № 92]). Результаты статистического анализа - "статистические ареалы" – отражены на лингвогеографических картах [ДАРЯ II, № 87, 89, 91].

В работе [Пшеничнова 1983] введено статистическое правило, позволяющее считать сосуществование вариантов форм стяженных и нестяженных без [й] качественно различным в зависимости от его разной количественной характеристики, т.е. определено, при каких условиях говоры с сосуществованием стяженных вариантов и нестяженных без [й] могут быть присоединены к говорам с III спряжением, а при каких - сосуществующие варианты должны рассматриваться как отражение "живого" фонетического процесса, или иначе как варианты форм I спряжения. Характер расположения статистических ареалов показывает правомерность введенного статистического правила: на картах [ДАРЯ II, № 87, 89, 91] говоры, отнесенные при наличии в них сосуществования к таким, для которых характерно III спряжение, "сгущают" ареал III спряжения, заполняя пустоты в ареале полного стяжения в среднерусских говорах и для разных классов глаголов в разной степени - полосу полного стяжения в севернорусских говорах.

Результаты статистического анализа позволяют внести некоторое уточнение в оценку лингвогеографических ареалов, данную в работах [Образование 1970; Бромлей 1972; Бромлей, Булатова 1972; Русская диалектология 1973; Русская диалектология 1989]. Так, в отдельных севернорусских говорах зафиксированы только стяженные формы (чаще всего это формы глаголов типа *рабо́тат*, несколько реже - типа *знат*, еще более редко - типа *боле́т*). С.В.Бромлей отмечает, что "для современных с.-р. говоров, знающих стяжение, не характерны такие, где было бы представлено только выпадение интервокального [й] (а также какая-либо из стадий ассимиляции гласных) или только конечный результат – стяжение. Все стадии процесса обычно представлены в одном говоре", при этом формы с полным стяжением "проявляют определенную позиционную и стилистико-речевую обусловленность... У глаголов они чаще отмечаются при безударности сочетаний, более характерны для беглой неконтролируемой речи, а при нормальном темпе речи и ее нейтральном стиле чаще встречаются в конце речевых тактов или в конце фразы. Формы же с промежуточными этапами стяжения выступают в речи как

нейтральные, обычно позиционно не обусловленные" [Бромлей 1972, 125-126].

Сопоставление результатов лингвогеографического и статистического анализов позволяет считать, что это весьма тонкое наблюдение относительно позиционной и стилистической обусловленности стяженных вариантов, которая, как справедливо считает С.В.Бромлей, "заслуживает специального исследования с применением звукозаписывающей аппаратуры и инструментального анализа", скорее всего, следует относить не ко всем севернорусским говорам, а лишь к некоторым из них. В этой связи важно обратить внимание на то, что карта показывает разрежение стяженных форм в тех говорах, в которых отмечается слабая двухступенчатость редукции гласных безударных слогов ("рубленая речь" - [Аванесов 1956, 58; Высотский 1973, 36]). Говоры же, в которых отмечены только стяженные варианты, вместе с говорами, которые по статистическому правилу приравниваются к ним, образуют территорию, достаточно определенно противопоставленную области разреженного распространения стяженных форм: полоса их опоясывает с юга, запада и севера ареал (вологодские говоры) разреженного распространения стяжения (ср. [Образование 1970, 170-171]). Это дает основания полагать, что в этих севернорусских говорах стяженные варианты (конечный результат фонетического процесса утраты [й] и стяжения) употребляются как нейтральные, позиционно не обусловленные и могут быть также рассмотрены как особая парадигма - III спряжение. С.В.Бромлей считает, что для вывода, сделанного ею ранее, в [Русская диалектология 1964, 151-153], о том, что стяженные формы в севернорусских говорах, сосуществующие в большинстве случаев с нестяженными без [й], также образуют парадигму III спряжения, "нет достаточных оснований" [Бромлей, Булатова 1972, 198]. Сопоставление результатов лингвогеографического и статистического анализов позволило не только выделить говоры с III спряжением, но и выявить тот факт, что III спряжение как особая парадигма может быть результатом неодинаковых языковых процессов: в одних русских говорах III спряжение возникло нефонетическим путем (что логично обосновано С.В.Бромлей), в других, а именно во многих (но не во всех!) севернорусских, - это конечный этап утраты [й] и стяжения гласных как фонетического процесса.

На основе опыта, накопленного в лингвогеографии, было высказано предположение, что по крайней мере в близкородственных языковых системах, какими являются русские говоры, характер развития языковых явлений, проявляющийся, как во всякой языковой системе, в вариативности, отражается в статистическом типе данных языковых явлений: "континуальный" тип обычно соответствует внутреннему

спонтанному развитию, "дискретный" тип свидетельствует о том, что развитие осложнено действием каких-то дополнительных, собственно лингвистических или экстралингвистических, факторов [Пшеничнова 1985].

Статистический анализ показал, что утрата [й] и стяжение для всех трех классов глаголов (типа *рабóтает, знáет, болéет*) в севернорусских говорах, с одной стороны, и среднерусских, с другой, относятся к разным статистическим типам: континуальный в севернорусских говорах, где относительная частота примеров со стяжением меняется плавно, и дискретный в среднерусских, где говоры со стяжением образуют одну однородную группу с большим значением средней относительной частоты стяжения [Пшеничнова 1985]. Таким образом, результаты сравнения статистической и лингвогеографической характеристик стяжения в русских глаголах являются новым подтверждением того известного факта, что в разных русских говорах стяжение неодинаково по происхождению: в севернорусских говорах оно протекало как живой фонетический процесс, отдельные этапы которого зафиксированы в современных севернорусских говорах, - в среднерусских говорах стяжение возникало не путем спонтанного фонетического развития, а связано с разными факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Результаты статистического анализа материала позволили более детально, чем это было возможно ранее, рассмотреть характер сосуществования стяженных вариантов и нестяженных без [й].

В работе [Пшеничнова 1983] показано, что общее количество говоров, в которых отмечены стяженные варианты - только стяженные или наряду с нестяженными без [й] - для глаголов типа *рабóтает* и типа *знáет* примерно одинаково. Это подтверждает справедливость положения о том, что классы глаголов типа *рабóтает* и типа *знáет* по наличию или отсутствию у них стяженных форм не обнаруживают по русским говорам заметных расхождений [Коготкова 1961, 80; Бромлей 1972, 119], но именно только по наличию или отсутствию стяженных вариантов. Статистический анализ показал, что по количественному соотношению стяженных вариантов и нестяженных без [й] расхождения между этими классами существенны. Для глаголов типа *знáет* менее всего говоров (18,3 % от общего числа), в которых относительная частота стяжения самая высокая, а именно в них выделяется III спряжение; более всего таких говоров, в которых относительная частота стяжения самая низкая, т.е. в которых соответственно самая высокая относительная частота нестяженных форм, отражающих промежуточные этапы стяжения. Следовательно, для глаголов типа *знáет* более всего таких говоров, в которых процесс стяжения наименее близок к завершению. Для глаголов типа *рабóтает* наблюдается

противоположная тенденция: более всего таких говоров (40,1 % от общего числа), где доля стяжения самая высокая - в них выделяется III спряжение. Следовательно, в глаголах типа *рабóтает* процесс стяжения в целом по русским говорам более завершен. О том же свидетельствует и общее количество говоров с сосуществованием стяженных вариантов и нестяженных без [й]: для глаголов типа *рабóтает* таких говоров меньше (464), для глаголов типа *знáет* их существенно больше (575), говоров же, где только стяженные формы, для глаголов типа *рабóтает* существенно больше, чем для глаголов типа *знáет*. Таким образом, статистический анализ материала показал, что, в отличие от существовавшего в науке мнения об отсутствии заметных расхождений в протекании процесса утраты [j] и стяжения в глаголах с ударенным и безударным сочетанием, следы процесса стяжения в глаголах типа *знáет* и типа *дéлает* существенно различны и свидетельствуют о том, что в глаголах с безударным сочетанием стяжение происходит интенсивнее, и здесь оно значительно ближе к завершению, чем в глаголах с ударенным сочетанием. Следовательно, в этом характер стяжения в глаголах совпадает с характером стяжения в прилагательных (ср. [ДАРЯ II, карты №№ 53-56], а не отличается от него, как считалось ранее. Таким образом, результаты комплексного, статистического и лингвогеографического анализа подтверждают вывод о фонетическом происхождении стяжения в севернорусских говорах, детализируют и уточняют характеристику фонетического процесса.

Выводу о фонетическом происхождении стяжения в севернорусских говорах не противоречит и тот факт, что нестяженные варианты без [й] в ряде случаев при наличии в говоре стяженных вариантов могут объясняться влиянием литературного языка [Коготкова 1953, 8]: статистические данные [Пшеничнова 1983, 75-79] свидетельствуют, что влиянию литературного языка глаголы типа *знáет*, очевидно, подвержены сильнее, чем глаголы типа *рабóтает*. А это означает, что замена стяженных вариантов нестяженными происходит в последовательности, обратной той, в которой осуществляется стяжение: у глаголов с безударным сочетанием -<айе>- (*рабóтает* и т.п.) дольше сохраняются стяженные варианты форм (стяжение в них происходит быстрее) – у глаголов с ударенным сочетанием -<áйе>- (*знáет* и т.п.) стяженные варианты форм легче заменяются нестяженными (стяжение в этих глаголах протекает медленнее, дольше сохраняются нестяженные формы). Такая закономерность может быть связана с ритмико-интонационной структурой речи и объясняться, в частности, тенденцией к унификации ритмической структуры конца слова (ударенный слог + безударный: *рабóтат, знáэт* и т.п.).

Материал, относящийся к глаголам с основой на -<oj>-, -<yj>- (типа

мо́ют, *торгу́ют*) статистически не анализировался, так как стяженные и нестяженные без [й] варианты форм этих глаголов характерны для говоров разных территорий: стяженные варианты отмечены почти исключительно на юго-востоке зоны стяжения или утраты интервокального [j], где занимают центральную часть основного массива стяжения (в акающих восточных среднерусских говорах); нестяженные без [й] распространены в севернорусских говорах – это "пестрый ковер" отдельных ареалов и островков в пределах той части севернорусских говоров, где отмечено разрежение стяженных форм и у других глаголов с основой на *Vj*. Важно отметить, что между первыми говорами (где *мот*, *торгут* и т.п.) и вторыми (где *мо́эт*, *мо́от*, *торгу́эт*, *торгу́от* т.п.) лежит полоса таких говоров (северная часть Владимирско-Поволжских), где не отмечены ни стяженные варианты форм этих глаголов, ни нестяженные без [й], в то время как варианты типа *рабо́тат* и типа *знат* в тех же говорах отмечаются последовательно.

Представляются логичными и убедительными доводы С.В.Бромлей в пользу гипотезы о нефонетическом происхождении стяжения в среднерусских говорах. Вместе с тем в эту гипотезу также можно внести некоторые уточнения.

Результаты заимствования стяженных форм оказались в разных среднерусских говорах неодинаковыми. Так, во Владимирско-Поволжских, территориально наиболее близких к источнику заимствования, результат более всего соответствует "оригиналу": стяжение отмечается в сочетаниях: -<áje>-, -<aje>-, -<éje>, отмечаются и промежуточные ступени, хотя и редко. Чем дальше распространяется волна влияния, тем более преобразованным оказывается его результат. Возможно, что воздействие севернорусских говоров со стяжением-фонетическим процессом на более южные говоры проходило как бы поэтапно, при этом Владимирско-Поволжские говоры явились в некотором смысле говорами-посредниками. Эти говоры, хотя и восприняли стяжение главным образом в тех вариантах, которые наиболее контрастны нестяженным [Бромлей 1972, 128], но все-таки лишь в сочетаниях, где есть стяжение и в севернорусских. По всей вероятности, поэтому во Владимирско-Поволжских отмечено стяжение сочетаний -<aje>-, -<áje>- и реже -<éje>- (*рабо́тат, знат, боле́т* и т.п.) и не отмечено стяжения или утраты [й] в сочетаниях -<óje>-, -<ýje>- (*мот, торгут* и т.п.). Через Владимирско-Поволжские говоры стяжение, очевидно, уже нефонетическим путем проникло в более южные говоры, среднерусские акающие. В результате возникли говоры, которые стали как бы "ядром стяжения" - небольшая (относительно всей зоны стяжения) группа говоров на юго-востоке восточных среднерусских акающих говоров. Здесь стяжение отмечено во всех классах глаголов с основой на *-Vj-*.

В результате образовалось два центра стяжения – разного по

происхождению, - каждый из которых теперь уже сам является источником влияния на соседние говоры, причем в некоторых случаях это влияние оказывается перекрестным. С другой стороны, аналогическое образование стяженных форм оказалось возможным на почве местного заударного вокализма [Образование 1970, 330-331]: на периферии "ядра стяжения", именно на периферии, а не в его центре, возникли формы типа *рабóту, рабóтут*, образовав новую парадигму *рабóту, рабóташь, ..., рабóтут*, которую можно рассматривать как результат влияния говоров "ядра стяжения", с одной стороны, и тех говоров, где стяжение отмечено только в глаголах типа *рабóтать, знáт*, с другой.

Юго-западный ареал стяжения (украинские закарпатские говоры) характеризуется большой сложностью явления. Наиболее детально утрата [j] и стяжение гласных в глаголах в украинских говорах рассмотрено в [Марчук 1983]. По данным этого исследования, в говорах карпатского ареала представлены следующие варианты парадигм спряжения глаголов с основой на *VjV*:

I вариант – формы глаголов I спряжения (Иршавский р-н Закарпатской обл.)

знáу/знáйу	*знáеме/знáйеме*
знаш/знáеш/знáйеш	*знáете/знáйете*
знат/знáет/знáйет	*знáут/знáйут*

II вариант – формы глаголов II спряжения (там же)

стóу/стóйу	*стоимé/стойимé*
стоúш/стойúш	*стоитé/стойитé*
стоúт/стойúт	*стоáт/стойáт*

III вариант – формы глаголов I спряжения (Ужгородский р-н Закарпатской обл.)

читáйу	*читáйеме*
чúташ/читáйеш	*читáйете*
чúтат/читáйет	*читáйут*

IV вариант – формы глаголов I спряжения (Свалявский р-н Закарпатской обл.)

гл'é(á)даву	*гл'é(á)дайеме*
гл'é(á)дайеш/гл'é(á)даш	*гл'é(á)дайете*
гл'é(á)дайе/гл'é(á)дат	*гл'é(á)дайут*

Как показывают приведенные примеры, а также данные [АУМ 2, карта № 237] в юго-западных украинских говорах, как и в севернорусских, стяженные формы сосуществуют с нестяженными без [й] и с [й]. По

мнению Н.И.Марчук, это не является свидетельством живого фонетического процесса в современных говорах, а отражает разные этапы ранее действовавшего процесса [Марчук 1983, 112, 119] (то же о русских говорах - [Бромлей 1972, 123-124]).

Однако между севернорусскими и юго-западными украинскими говорами в отношении рассматриваемого явления есть существенные различия.

Так, по данным [Марчук 1983, 118], в юго-западных украинских говорах утрата [й] отмечается независимо от качества гласных сочетания и от места ударения в словоформе: *зна́у, зна́еш, сто́у, стои́т, стоа́т, ку́у* и т.п.. При этом полное стяжение зафиксировано лишь в безударном сочетании <айе> и только в формах глаголов 2 и 3 лл.ед.ч. (см. также [Жилко 1955, 144]: *чи́таш, чи́тат(т'), гл'а́даш, гл'а́дат(т'), сп'и́ваш, сп'и́ват(т'), ду́маш, ду́мат(т')* и т.п. (в некоторых нас.пп. зафиксирована форма только 2 л. или только 3 л. - см. [АУМ 2, карта № 237]). Стяженные варианты форм глаголов с ударенным сочетанием (типа *знаш, зна/знат, игра́ш, игра́т(т')* и т.п.) отмечаются в юго-западных украинских говорах исключительно редко. В [АУМ 2, карта № 237] на территории Украины таких говоров с парадигмой *знам – знаш - зна́йе* указано всего четыре – два на северо-востоке Сумской области, один на границе о Польшей, один на границе со Словакией; с парадигмой *зна́йу - знаш/зна́*[йе"]*ш - знат/зна́*[йе"] – один, на западе Закарпатской области. Во всех других формах (1 л.ед.ч., 1 и 2 лл.мн.ч.) в юго-западных украинских говорах отмечены лишь варианты без [й] (типа *зна́у, зна́еме, зна́ете, зна́ут*), которые обычно сосуществуют с формами с [й].

Можно думать, что известная в разной степени всем славянским языкам тенденция к ослаблению интервокального [j] и его последующему исчезновению в юго-западных украинских говорах была значительно более сильной, чем в других восточнославянских говорах. По-видимому, это связано с их большей по сравнению с другими говорами вокальностью, которая проявилась, в частности, в том, что в данных говорах интервокальный [j] исчез независимо от качества гласных сочетания. В некоторых юго-западных говорах на месте интервокального [j] перед [у] отмечен [ў],[w] или [в], что свидетельствует о высокой степени сонорности этих согласных, в том числе и [j] [Бромлей 1985]. Показательно, что в тех же говорах, для которых характерны варианты типа *зна́*[в]*у, зна́*[в]*ут, ма́*[в]*у, ма́*[в]*ут* и т.п., отмечена также форма 3 л.мн.ч. глагола *да*[в]*у́т* - 'дайут', а наряду с *зна́у, зна́ут* отмечено также *даў́т* -'дайут' (ср. [АУМ 2, карты № 237 и № 242]). Важно также и то, что замена [j] согласным [в] в рассматриваемых формах шире отмечается в глаголах с безударным сочетанием, чем с ударенным: ареал глаголов типа *зна́*[в]*у* вписывается в

ареал глаголов типа *ду́ма*[в]*у* как его часть. Все эти факты свидетельствуют о фонетическом происхождении вариантов форм с утратой [j] и заменой его согласным [в].

В то же время фонетический процесс стяжения двух соседних гласных в рассматриваемых глаголах мог протекать лишь в результате прогрессивной ассимиляции, условия которой детально анализируются в [Бромлей 1972, 115-118]. В сочетании [ау] ассимиляция не могла произойти вследствие большого контраста между гласными (ряд, подъем, наличие - отсутствие лабиализации). Кроме того, сочетание [ау] зафиксировано лишь у глаголов с ударенным первым гласным (*зна́у, ма́у, співа́у* и т.п.). В отличие от *ду́му, ду́мут* среднерусских, возникших в результате переразложения между основой и окончанием (*ду́м-у, ду́ма-ш* > *ду́м-аш* по аналогии с системой типа *ид-у, ид-ешь* [С.В.Бромлей 1972, 131]), в юго-западных украинских глаголах типа *зна́у, ма́у, ку́у* и т.п. действие аналогии с глаголами типа *иду, несу* и т.п. оказалось невозможным, так как во многих случаях привело бы к разрушению основы [Комарек 1958, 39; Бромлей 1972, 131].

В украинских юго-восточных говорах стяженные формы глаголов практически повсеместно отмечены только в форме 3 л.ед.ч. и только без конечного *-т* (*зна, ду́ма, гра, пита́* и т.п.). Ареал распространения этой формы вписывается в ареал формы 3 л.ед.ч. глаголов II спряжения без *-т*, отличаясь от него лишь западной периферией. Можно думать, что в этих говорах стяженная форма типа *гра, пита* возникла не фонетическим путем, а в результате действия грамматической аналогии - по модели стяженных форм старожильческих говоров (средненадднепрянских) и форм II спряжения без *-т* типа *хо́де, про́се, ба́че* [Марчук 1983, 112]). Стяженные формы глаголов в юго-восточных говорах часто сосуществуют с нестяженными. Вместе с тем, как свидетельствует [Марчук 1983, 119], в этих говорах отмечается тенденция к распространению (нефонетическим путем) стяженных форм в говоры, которым ранее эти формы не были свойственны. В отличие от этого, в говорах, где представлены разные этапы ранее проходившего фонетического процесса стяжения (юго-западные говоры), такого процесса не наблюдается.

Литература:

[Аванесов 1956] - *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. МГУ, 1956.

[Бевзенко 1974] – *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Фонетика. Одеса, 1974.

[Бернштейн 1968] - *Бернштейн С.Б.* Контрактация и структура слога в

ИРЯ им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

славянских языках // Славянское языкознание. Докл. сов. делегации. М., 1968.

[Борковский, Кузнецов 1963] - *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

[Брахнов 1960] - *Брахнов В.М.* Говоры Переяслав-Хмельницкого района на Киевщине. АКД, 1960.

[Бромлей 1972] - *Бромлей С.В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия // ОЛА. Мат. и иссл. 1970. М., 1972.

[Бромлей, Булатова 1972] - *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Верхратський 1902] - *Верхратський І.* Про говір галицкьких лемків. Львов, 1902.

[Верхратський 1912] - *Верхратський І.* Говор батюків. Львов, 1912.

[Высотский 1941] - *Высотский С.С.* Говоры юго-западного Подмосковья. КД. М., 1941.

[Высотский 1973] - *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

[Говори 1977] - Говори української мови. Зб. текстів. Київ, 1977.

[Жилко 1955] – Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Коготкова 1953] - *Коготкова Т.С.* Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. АКД, Л., 1953.

[Коготкова 1961] - *Коготкова Т.С.* Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям // Мат. и иссл. по русской диалектологии. Новая серия. Вып.II. М., 1961.

[Комарек 1958] – *Komárek M.* Historická mluvnice česká. I Hlaskosloví. Praha, 1958.

[Лавер 1969] - *Лавер В.И.* Система глагола в говорах Закарпатской области УРСР. АКД-Одесса, 1969.

[Марчук 1983] – *Марчук Н.Й.* Система дієслівної словозміни // фонетична, морфологічна і лексична система українських говоров. Київ,1983.

[Образование 1970] - Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

[Пшеничнова 1983] - *Пшеничнова Н.Н.* Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах (о комплексном подходе к исследованию языковых явлений) // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.

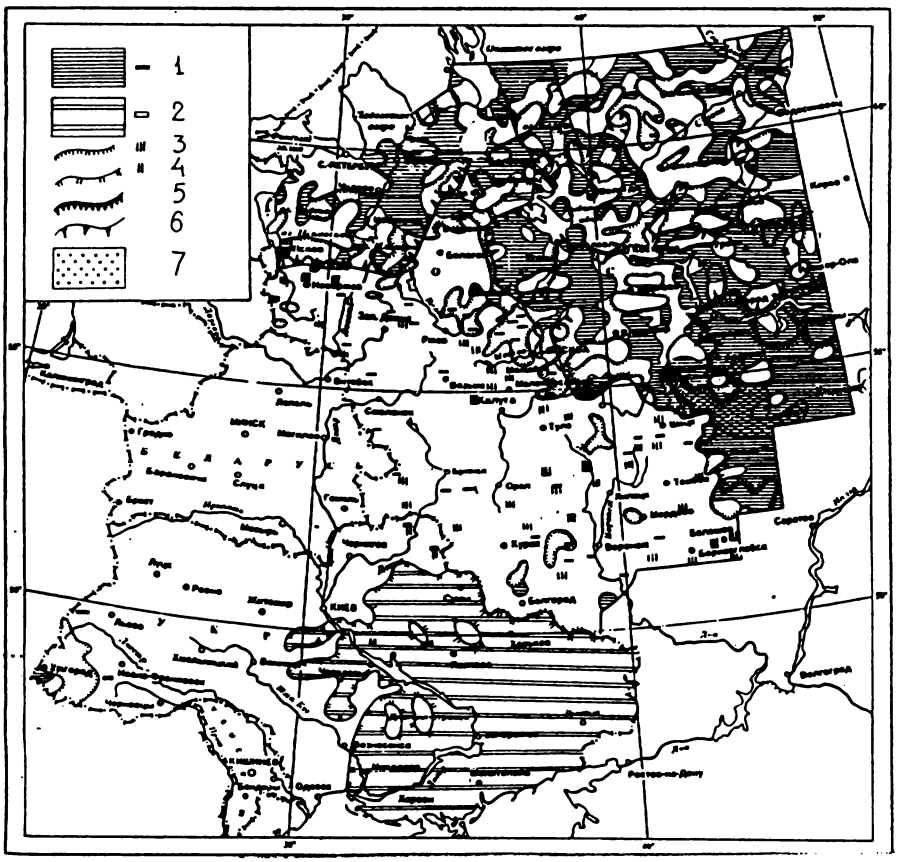
[Пшеничнова 1985] - *Пшеничнова Н.Н.* Об одном аспекте отражения развития языковых признаков в их пространственной распределении // Диалектография русского языка. М., 1985.

[Русская диалектология 1964] - Русская диалектология. Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.

[Русская диалектология 1973] - Русская диалектология. Под ред. П.С.Кузнецова. М., 1973.
[Русская диалектология 1989] - Русская диалектология. Под ред. Л.Л.Касаткина. 1989.

Карта № 1. Утрата [j] и стяжение гласных в глагольных формах.

1 – Формы глаголов типа рус. *зн*[а]*ш*, *зн*[а]*т*, *зн*[а]*м* и т.п.; 2 – Форма только 3 л.ед.ч. глаголов типа укр. *зн*[а] и т.п.; 3 – Формы глаголов типа рус. *дéл*[а]*ш*, *дéл*[а]*т*, *дéл*[а]*м* и т.п.; 4 – Форма только 3 л.ед.ч. глаголов типа укр. *спíв*[а] и т.п.; 5 – Формы глаголов типа рус. *бол*[é]*ш*, *бол*[é]*т*, *бол*[é]*м* и т.п.; 6 – Зона рассеянного распространения тех же форм; 7 – Формы глаголов типа рус. *м*[о]*ш*, *м*[о]*т*, *м*[о]*м* и т.п., *торг*[ý]*ш*, *торг*[ý]*т*, *торг*[ý]*м* и т.п.

Карта № 2. Утрата [j] и стяжение гласных в глагольных формах

1 - Формы глаголов 1 л.ед.ч. и 3 л.мн.ч. типа рус. *рабóт* [у], *рабóт*[у]*т* и т.п.; 2 - зона распространения форм глаголов с утратой [j] без стяжения типа рус. *зн*[áе]*ш*, *зн*[áа]*ш* и т.п., *дéл*[ае]*т*, *дéл*[аа]*т* и т.п., реже *м*[óе]*ш*, *м*[óо]*ш* и т.п., *торг*[ýе]*т*, *торг*[ýо]*т* и т.п., реже *бол*[éе]*ш*, *бол*[éе]*т* и т.п.; 3 - Формы глаголов 1 л.ед.ч. и 3 л.мн.ч. типа укр. *дýма*[в]*у*, *дýма*[в]*ут* и т.п.; 4 - Формы глаголов 1 л.ед.ч. и 3 л.мн.ч. типа укр. *знá*[в]*у*, *знá*[в]*ут* и т.п.

Т. В. Попова

Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус.лит. *любить*[*]

Темой карты является морфонологическая характеристика глагольных парадигм настоящего времени, соответствующих в современных литературных восточнославянских языках тем глаголам II спряжения, в исходе консонантной основы которых в форме инфинитива находим губные согласные, а сама форма инфинитива оканчивается: в белорусском литературном языке на *-іць, -ець* и *-аць* (например, *любіць, графіць, лавіць; шумець, дымець, цярпець; спаць; ламаць*), в русском литературном языке на *-ить, -еть, -ать* (например, *любить, графить, ловить, -ломить, дымить; шуметь, кипеть, терпеть; спать*), в украинском литературном языке на *-ити, -іти, -ати* (например, *любити, графити, ловити; шуміти, кипіти, терпіти; спати*). Далее данные глаголы будем называть "глаголами II спряжения на губной".

Исходным материалом для данной карты послужили следующие материалы атласов:

1) Карта № 160 "Зычны асновы дзеясловаў II спражэння на губны ў парадыгме цяперашняга часу (*стаўлю, кармлю, раблю, люблю...*)" и комментарий к ней [ДАБМ].

2) Карта № 97 "Основа и место ударения в формах настоящего времени глаголов II спряжения типа *просить, любить*" и комментарий к ней [ДАРЯ II].

3) Карта № 253 "Крайні члени парадигми дієслів II дієвідміни з основою на [м] (*ломлю - ломлять*)" и комментарий к ней [АУМ 1].

4) Карта № 252 "Вирівнювання основ крайніх членів дієслівних парадигм теперішнього часу" и комментарий к ней [АУМ 1].

5) Карта № 238 "Варіанти основ на губний у парадигмі теперішнього часу дієслів II дієвідміни" и комментарий к ней [АУМ 2].

6) Карта № 239 "Варіанти основи в парадигмі теперішнього часу дієслова *ломити*" и комментарий к ней [АУМ 2].

---

* Список использованной литературы см. в конце комментария "Морфонологическая характеристика исхода основы: глаголы типа *платить*" (с. 125)

7) Карта № 7 "Вирівнювання основ на [б], [п], [в] у дієслівній парадигмі теперішнього часу" [Назарова 1985].

Кроме того, были использованы опубликованные работы по истории и диалектологии белорусского, русского и украинского языков, в которых затрагивается данный вопрос.

Как известно, морфонологическую характеристику глагольной парадигмы определяют следующие факторы: а) наличие (или отсутствие) разных вариантов глагольной основы в рамках парадигмы и б) правила распределения этих вариантов по грамматическим формам.

Наличие разных вариантов основы обусловлено различным характером реализации консонантного исхода основы, что выражается в морфонологическом чередовании конечных согласных глагольной основы[1].

В соответствии с принятым нами описанием морфонологической структуры глагола[2], считаем, что глагольные парадигмы могут быть либо морфонологически маркированными (т.е. с наличием чередования в исходе основы, например, в рус.лит. *пе/к/у, пе/ч/ешь... , пе/к/ут*), либо морфонологически немаркированными (т.е. с отсутствием чередования в исходе основы, например, в укр.лит. *пе/ч/у, пе/ч/ешь... , пе/ч/ут*).

Принимаем также, что первая ступень чередования (или первый альтернант A_1) устанавливается нами по форме 1 л.ед.наст. Эту же ступень чередования имеют и все другие формы парадигмы с тождественной фонемной характеристикой исхода основы (например, в рус.лит. A_1 <к> в *пе/к/у, пе/к/ут*). Вторая (A_2) и последующие (A_3, A_4...) ступени чередования фиксируются в остальных формах парадигмы в соответствии с традиционным порядком их расположения в парадигме (например, в рус.лит. A_2 <ч> в *пе/ч/ешь, пе/ч/ем, пе/ч/ет, пе/ч/ете*).

Полная характеристика морфонологической структуры глагольных парадигм настоящего времени должна содержать описание всех диалектных типов морфонологического поведения согласных в исходе глагольной основы как в морфонологически маркированных, так и в морфонологически немаркированных парадигмах.

Глаголы II спряжения на губной представляют собой в каждом из трех восточнославянских языков довольно многочисленную и продуктивную группу. В русском литературном языке, например, инфинитивная основа наиболее часто оканчивается на согласные [в', п', б', м'], реже - [ф'] и лишь в одном глаголе - на [п]. Ср., например: *гневить, готовить (у)дивить, картавить, ловить, направить, ставить, (о)становить, травить, (у)сыновить, (за)явить; вопить, купить, лепить, топить, торопить, (под)цепить; кипеть, сипеть, скрипеть, терпеть; губить, долбить, любить, (под)рубить, свербить, (о)слабить, (под)собить, теребить, трубить; дымить, кормить, (раз)ломить, (за)хламить;*

греметь, шуметь, графить, дрейфить; спать. Аналогичный состав глаголов II спряжения на губной отмечается также в белорусском и украинском литературных языках, поэтому считаем излишним приводить в качестве иллюстрации сказанного подобные (т.е. однокоренные и относящиеся к тому же грамматическому классу) глаголы из этих языков.

Морфонологическую структуру данной глагольной группы в парадигме настоящего времени в масштабе всего восточнославянского диалектного пространства образует совокупность всех зафиксированных диалектных морфонологических типов, характеризующих словоизменение глаголов II спряжения на губной. При этом рассматриваемые ниже морфонологические типы могут быть представлены по говорам как различными консонантными чередованиями в исходе глагольной основы (в морфонологически маркированных парадигмах), так и отсутствием каких-либо чередований (в морфонологически немаркированных парадигмах).

В современных восточнославянских диалектах для парадигм настоящего времени глаголов II спряжения на губной характерна достаточно широкая вариативность в диалектной реализации консонантного исхода основы, которая сочетается и с различной по диалектам функциональной нагруженностью каждого отдельного альтернанта.

В диалектных материалах зафиксированы следующие морфонологические чередования:

1. *<Pl' ~ P/P'> = <1> ~ <2,3>*[3] , например: рус.лит. *люблю ~ любишь, любит, любим, любите, любят*.

2. *<Pl' ~ P/P'> = <1,2> ~ <3>*, например, укр.лит. *люблю, любляти ~ любиш, любить, любимо, любите*.

3. *<Pj ~ P/P'> = <1> ~ <2,3>*, например: бел.лит. *л'убіў ~ л'убіш, л'убіц', л'убімо, л'убіц'е, л'уб'ац'*.

4. *<Pj ~ P/P'> = <1,2> ~ <3>* , например: укр.диал. *л'убйў, л'убйат ~ л'убіш, л'убить'*... [Бевзенко 1969, 30].

5. *<Pl'> ~ <1,2,3>*, например: бел.диал. *кармл'ў, кормл'еш, кормл'е, кормл'ем, кормл'ец'е, кормлуц'* (Нарысы 1964, 239).

6. *<P'> = <1,2,3>*, например, рус.диал. *сп'у, усънав'ў, пъкарм'ў, тап'ў, пътсаб'ў; кор'мим; тóп'ит; шум'áт', трав'ут'* (с. Огорь Жиздринского района Калужской области [Бромлей, Булатова 1972, 390, 391, 393, 394]).

7. *<Pj> = <1,2,3>*, например, бел. диал. *кормйў, кормйош, кормйит', кормйим(о), кормйите, кормйат* ([Нарысы 1964, 240]).

8. *<mn' ~ m/m'> = <1> ~ <2,3>*, например: укр.диал. *ломн'ў ~ ломет/ломат'* (с. Зарудця Иванковского района Киевской области [АУМ 1, карта № 253, нас.п. № 243]).

9. *<mn' ~ m/m'> = <1,2> ~ <3>*, например: бел.диал. *кормн'ý, ко́рмн'ат ~ {ко́рмиш...}*[4] (с. Горск Брестской области Пружанского района [ДАБМ, нас.п. № 687).

Кроме того, в отдельных единичных говорах отмечены непродуктивные в рамках всего восточнославянского диалектного пространства трехчленные морфонологические чередования, например:

а) <mn' ~ m ~ ml'> = *<1~3~2>*, например: *кормн'ý ~ {кормиш...} ~ ко́рмл'ат'* [ДАБМ, карта № 160, нас.п. № 958].

б) *<ml' ~ m ~ mn'> = <1~3~2>* - отдельные пункты на юго-западе Украины.

в) *<Pl' ~ P ~ Pj> = <1~3~2>* и <ml' ~ m ~ mj> = *<1~3~2>* - *л'убл'ý ~ {л'убиш} ~ л'ýбйат'* [АУМ 1, карта № 252] - отдельные пункты в среднеполесских говорах (4 пункта).

г) *<mj ~ m ~ ml'> = <1~3~2>* - *ломйý ~ {ломиш...} ~ ло́мл'ат'* [АУМ 1, карта № 253] - 11 пунктов в западноукраинских говорах.

д) *<mj ~ m ~ mn'>* = <1~3~2> - *ломйý ~ {ломиш...} ~ ло́мн'ат'* [АУМ 1, карта № 253].

е) *<mn' ~ m ~ ml'> = <1~3~2>* - в отдельных пунктах на юго-западе Украины (см. [АУМ 2, карта № 239]).

Как правило, эти чередования характеризуют парадигмы не всех глаголов II спряжения на губной, а только некоторых, причем разных в различных говорах. Более распространенными вариативными формами в данных говорах являются литературные формы соответствующего языка. Указанные трехчленные морфонологические чередования не образуют ареалов и поэтому на карте и в легенде не отмечаются.

Существуют и другие морфонологические модели, свойственные парадигмам настоящего времени глаголов II спряжения на губные, которые мы не включаем в данный список (но о них будет упомянуто ниже), так как они зафиксированы либо в единичных ЧДС, либо в каких-либо отдельных глаголах, и поэтому на их основе трудно построить ту или иную закономерность.

В приведенном списке знак *P* означает твердый губной согласный [п, б, в, w, ў, ф, м]; знак *P'* - мягкий губной согласный [п', б', в', w', ф', м']; знаки *m* и *m'* означают, соответственно, согласные [м] и [м']; знак *l'* означает мягкий сонорный латеральный [л'], а *n'* - мягкий сонорный носовой [н'], знак *j* означает спирант [й].

Следует обратить особое внимание на то, что в нашем анализе первый альтернант в перечисленных выше морфонологических чередованиях (а в некоторых морфонологически немаркированных парадигмах - и единственный "альтернант") реализован не одним, а двумя звуками: это либо 'твердый губной + [л']', либо 'твердый губной + [й(*j*)]', либо '[*m*+*n'*]'.

Отметим также, что мы отвлекаемся от специального рассмотрения реализации второй ступени чередования твердым или мягким губным согласным (т.е. <*P*> или <*P'*>) и не даем фонологической интерпретации этому явлению. Релевантными вопросами в настоящем анализе являются лишь следующие вопросы: 1) представлены ли альтернанты двухфонемными (т.е. <*Pl'*>, <*Pj*>, <*mn'*>) или однофонемными структурами и 2) какова функциональная нагрузка этих альтернантов (т.е. является ли она исконной в том или ином говоре или же обусловлена более поздними аналогическими явлениями). Тембральная же характеристика губного (т.е. его твердость или мягкость) обычно обусловлена фонетическими закономерностями конкретной ЧДС и поэтому при морфонологическом анализе должна быть элиминирована.

В данном случае такая интерпретация морфонологической структуры указанных глагольных парадигм отличается от позиции С.В.Бромлей, которая формальную часть, т.е. материальное воплощение морфонологического чередования в глаголах II спряжения на губной в формах настоящего времени, конструирует как <*л' ~ Ø*>, обозначая первый альтернант без губного согласного. С.В.Бромлей обосновывает это решение тем, что "алломорфон *Ø//л'* (в части говоров и *Ø//й* как его вариант) мы... выделяем в основах на мягкие губные, где сам мягкий губной в альтернации не участвует, так как его твердость в форме 1 л.ед.ч. (*лю[бл']у, с[пл']у* и т.п.) позиционно обусловлена, поскольку мягкие губные не могут выступать в позиции перед переднеязычными сонорными" (см. [Бромлей, Булатова 1972, 222-223]).

Мы же, исходя из специфики морфонологической структуры данных глагольных парадигм в масштабе всего восточнославянского диалектного континуума, где и первая, и вторая ступени чередования могут быть представлены по говорам либо сочетаниями губного с [л'], [н'], [й] (т.е. <*Pl'*>, <*mn'*>, <*Pj*>), либо мягким или твердым губными (т.е. <*P'*>, <*P*>), считаем более целесообразной нашу точку зрения.

Если же мы все-таки пойдем вслед за С.В.Бромлей и для выражения первой ступени чередования определим лишь однофонемную структуру (т.е. <л'>, <й>, <н'> - в основах на [м]) или же <Ø>, то может возникнуть опасность, что конкретная реализация губного компонента (т.е. <*P*>) в каждом отдельном случае может ускользнуть от внимания исследователя.

К тому же морфонологическую структуру глаголов II спряжения на губной нельзя рассматривать в диалектном плане в отрыве, во-первых, от глаголов I спряжения на губной (типа рус.лит. *дремать - дремлю... , дремлют; сыпать - сыплю... , сыплют*) и, во-вторых, от глаголов II спряжения на переднеязычные (типа рус.лит. *носить - ношу..., носят; возить - вожу... , возят; водить - вожу... , водят; грустить - грущу... ,*

грустят). При анализе горизонтальных рядов однозначных словоформ указанных групп глаголов как в отдельных ЧДС, так и, в сопоставительном аспекте, во всех восточнославянских диалектах (например, 1 л.ед.наст. в $ЧДС_1$ - *л'убл'ý , ломл'ý, дремл'ý, сы́пл'у, ношý, кручý, вожý, грущý*; в $ЧДС_2$ - *л'убйý, лом'ý, дрем'ý, сы́пйу, нос'ý, крут'ý, вод'ý, воз'ý, груст'ý*; в $ЧДС_3$ - *л'убл'ý, ломн'ý, дремн'ý, сы́п'у...* и т.д.) важно знать именно конкретный характер губного согласного, так как материал показывает наличие в некоторых говорах прямой зависимости реализации консонантного исхода глагольной основы в парадигме настоящего времени от реализации того или иного губного согласного. Например, в одном и том же говоре могут употребляться следующие формы: 1 л.ед.наст. *ста́ўйу, корм'ý*; 3 л.мн. *ста́в'ат, ко́рм'ат* (с. Белая Брестской обл. Каменецкого р-на [ДАБМ, карта № 160, нас.п. № 651]); *ста́вл'у, кормл'ý; ста́ват, ко́рмат* (с. Березовка Брестской обл. Высоковского р-на [ДАБМ, карта № 160, нас.п. № 654]); *ловл'ý, кормл'ý, л'убл'ý, ста́вл'у; ло́в'ат', л'уб'ат', ко́рмл'ат'* (с. Здзитово Брестской обл. Березовского р-на [ДАБМ, карта № 160, нас.п. № 734]).

Рассмотрим основные морфонологические типы, зафиксированные в современных восточнославянских диалектах.

I. <*Pl' ~ P/P'*> = <*1*> ~ <*2,3*>

Свойственным подавляющему большинству восточнославянских диалектов и, следовательно, самым распространенным на современном этапе развития является морфонологический тип, характеризующий парадигму настоящего времени глаголов II спряжения на губной, который реализован чередованием <*Pl' ~ P/P'*> = <*1*> ~ <*2,3*>: первая ступень чередования, представленная сочетанием губного с [л'], характеризует форму 1 л.ед.наст.; вторую ступень чередования, реализованную либо мягким губным (в одних говорах), либо твердым губным (в других), находим во всех остальных формах парадигмы настоящего времени (т.е. в формах 2,3 л.ед. и 1,2,3 л.мн.наст.). Этот морфонологический тип является и литературной нормой русского и белорусского языков. Например: рус.лит. *сплю ~ спишь... , спят; люблю ~ любишь..., любят; графлю ~ графишь... , графят; ловлю ~ ловишь..., ловят; шумлю ~ шумишь..., шумят*; бел.лит. *сплю ~ спіш..., спяць; люблю ~ любіш... , любяць; графлю ~ графіш... , графяць; лаўлю ~ ловіш..., ловяць; шумлю ~ шуміш..., шумяць.*

Морфонологический тип, маркирующий сочетанием губного с [л'] только форму 1 л.ед.наст., является исконным и наиболее архаическим в восточнославянских диалектах (см. [Бромлей 1989, 120]). Именно он реконструируется для исходной системы древнерусского языка конца X-нач.XI вв.: *grabl'u - grabiši, skъrьl'u - skъrbiši, davl'u - daviši, loml'u - lomiši, grьmlu - grьmiši, kopl'u - kopiši, sopl'u - sopiši* ([Иванов 1982, 28)]; о понятии

исходной морфологической системы древнерусского языка см. [Иванов 1978, 62-69]). В.В.Иванов приводит ряд примеров из др.-русск. памятников письменности XI-XIV вв., иллюстрирующих последовательное употребление форм с указанным типом словоизменения глаголов II спряжения на губной в парадигме настоящего времени: оставлю ЕвАрх 1092, 20; прославлю, въставлю Мин 1095 (сент.), 140; дивлю ся Мин 1095 (сент.), 182; возлюби ЕвАрх 1092, 129в, 131а; оставите ЕвОстр 1056-1057, 242; молъвлю ЛЛ 1377, 168; поставлю ЛЛ 1377, 106; противлюся СКБГ ХП, 126; люблю 1377, 143 об; погреблю ЛЛ 1377, 58; тьрплю Пр 1383, 153а; погубиши Пал 1406, 119; молвішь ЛЛ 1377,173, 173 об; избавишь ЛЛ 1377, 107 об; купишь Гр ок 1300 (2, рижск.), переступишь КН 1280, 583 об; погубите ЛЛ 1377, 159 об; не посрамимъ землѣ ЛЛ 1377, 42; сподобимъся Кр 1284, 4а; погубить Гр до 1270 (новг.) и т.д. (цитируется по [Иванов 1982, 40, 41, 42, 44, 55, 56, 57, 58, 59]). В приведенном В.В.Ивановым иллюстративном материале из памятников древнерусской письменности содержится лишь один пример из Остромирова Евангелия, свидетельствующий о нарушении данного типа чередования: это форма 3 л.мн.наст. куплять ЕвОстр 1056-1057, 29 об (цитируется по [Иванов 1982, 44])[5].

В настоящее время, как уже указывалось выше, тип чередования *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>* (например, рус. диал. *л'убл'ý, купл'ý; л'уб'иш; кýп'ат, лóв'ат, л'уб'ат* [Бромлей, Булатова 1972, 317, 319]; бел.диал. *кармл'ý, кóрм'иш, кóрм'ац'* [ДАБМ, каментарыі, 649]; [Мацкевич 1959, 53]; укр.диал. *л'убл'ý, л'уб'иш, л'убет'* [Назарова 1985, карта № 71]) устойчиво удерживается во многих восточнославянских диалектах: он представляет собой большой компактный ареал, охватывающий подавляющее большинство русских и белорусских говоров и небольшую часть северноукраинских полесских говоров.[6]

Так, например, на р у с с к о й территории морфонологический тип *<Pl' ~ P/P'> = <1> ~ <2,3>* характеризует все говоры, кроме западной части южнорусского наречия (а именно - западных курско-орловских говоров, межзональных говоров типа "А", южных верхнеднепровских и верхнедеснинских говоров), южной части южнорусского наречия (большинства оскольских говоров) и центральной его части (говоров Рязанской Мещеры) (см. карту № 97 в [ДАРЯ II]).

На территории Б е л о р у с с и и также подавляющее большинство говоров, расположенных к северу от рек Припять и Ясельда, характеризуются указанной морфонологической моделью глагольного словоизменения, которая отсутствует только в полесской группе белорусских говоров и в говорах крайней юго-западной части юго-западного наречия (см. [ДАБМ, карта № 160]).

Что касается у к р а и н с к о г о я з ы к а , то, судя по карте № 252 [АУМ 1], тип *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>* отмечен в северо-восточных говорах и в некоторых западно-волынских и западно-поднестровских говорах (см. [АУМ 2, карта № 238]). При этом в северо-восточных говорах второй альтернант может быть реализован как мягким губным , т.е. *<P'>*, так и твердым губным, т.е. *<P>*. Вариант с *<P'>* (ср. *ломл'ý, л'убл'ý ~ ... ло́м'ат', л'ýб'ат'*) характерен для крайних северно-восточно-полесских говоров, севернее Чернигова, где, однако, наряду с *<P'>* встречается и вариант с *<P>* (ср. форму 3 л.мн.наст. *ло́мать, л'ýбат', лю́бет'*). Кстати, вариант с *<P>* в чередовании *<Pl' ~ P> = <1> ~ <2,3>* (т.е. *л'убл'ý ~ ... л'ýбет'*) охватывает большее количество говоров, а именно – среднеполесские (кроме крайних западных) и восточнополесские (северо-восточнее Коростеня и севернее Десны). Весь этот ареал, образованный данными украинскими говорами, является прямым продолжением южных белорусских и юго-западных русских говоров, которые, в силу исторической и генетической близости, часто характеризуются и другими общими тенденциями развития.[7]

В некоторых западноукраинских говорах (см. [АУМ 2, карта № 238]) находим чередование *<Pl' ~ P'> = <1> ~ <2,3>* (как и в русских говорах, с *<P'>*, реализующим вторую ступень чередования), например, *л'убл'ý, ловл'ý ~ л'ýб'im(ˈ) (л'ýб'em(ˈ), ло́в'em(ˈ))*.

На карте № 253 [АУМ 1], где показана морфонологическая характеристика парадигмы настоящего времени одного лишь глагола II спряжения *ломити*, тип *<мл' ~ м'> = <1> ~ <2,3>* занимает также ареал на северо-востоке Украины и совпадает с ареалом *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>*, отмеченным на карте № 252 [АУМ 1]. Иными словами, тип *ломл'ý ~ ... ло́м'ат'* находим в тех же средне- и восточно-полесских говорах: он очерчивается условной линией, идущей на западе от границы с Белоруссией на юг - до Коростеня, далее на восток севернее Киева (по южной части Киевского водохранилища), затем на северо-восток по Десне южнее Чернигова по направлению к Шостке и, наконец, на север - к границе.

Морфонологическая структура данных глагольных парадигм в некоторых северноукраинских говорах характеризуется определенным своеобразием. Так, чередование *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>* в этих говорах может быть свойственно не всем глаголам II спряжения с основой на губной, а только глаголам с наосновным ударением в парадигме настоящего времени (например, *любити*), в то время как глаголы с наконечным ударением в парадигме настоящего времени (например, *спати*) имеют иную морфонологическую характеристику - *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>*. Наиболее последовательно такая реализация морфонологической структуры данных глагольных парадигм проявляется в

тех говорах, в которых запрещен гласный [а] в позиции после мягких согласных, и на месте ожидаемого ['а] находим какой-либо гласный незаднего ряда - [е,ê,и,і] (см. [Бевзенко 1974, 24; Лисенко 1950, 72]), например: *вони́ гу́бет', ку́пет', ло́вет'*, но *спл'ат', скрипл'а́т'* [Жилко 1966, 99]; *вони́ ро́бет*$^{(\cdot)}$, но *спл'ат*$^{(\cdot)}$ [Марчук 1969, 174]; *вони́ ро́беть, ло́веть, любеть* [Лисенко 1950, 72]; вони́ *ро́бет, ку́пет, ло́вет* [Безенко 1974, 24]; см. также карту № 252 [АУМ 1].

Следует подчеркнуть, что наличие однофонемного альтернанта в форме 3 л.мн.наст. (например, *л'у́б'ат', л'у́б'ет', спіт*$^{(\cdot)}$, *ро́бім*$^{(\cdot)}$) - в целом не характерно для украинского языка; эта черта встречается только в указанных северноукраинских говорах и спорадически в некоторых карпатских (см. [Марчук (Бовтрук) 1964, 91-92; Лизанец 1959, 14]). Все остальные реализации морфонологической структуры основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения на губной, зафиксированные в современных восточнославянских диалектах, представляют собой модификации только что рассмотренного исконного для данного славянского региона типа морфонологического поведения консонантного исхода основы.

II. <*Pl'' ~ P'/P*> = <*1,2*> ~ <*3*>

В т о р о й по величине ареал образуют говоры, в которых отмечен тип чередования <*Pl' ~ P'/P*> = <*1,2*> ~ <*3*>, например, укр.лит. *люблю, любиш, любить, любимо, любите, люблять*. Данный тип чередования является нормой украинского литературного языка и характеризует подавляющее большинство современных украинских говоров (см. [АУМ 1, карты №№ 252, 253]; [АУМ 2, карты №№ 238, 239]; [Бевзенко 1974, 23], [Марчук (Бовтрук) 1964, 91]).

Тип <*Pl' ~ P'/P*> = <*1,2*> ~ <*3*> отмечен в большинстве говоров северноукраинского наречия (кроме части средне- и восточно-полесских говоров, рассмотренных выше), в говорах западного и юго-западного наречия (западно-полесские говоры, закарпатские, волынские, северно-поднестровские, восточно-покутско-буковинские говоры), в говорах юго-восточного наречия (в том числе - в средне-поднепровских, степных и слобожанских) (см. [Марчук (Бовтрук) 1964, 91].

Данный "украинский" морфонологический тип распространен и далее в северном направлении, охватывая южную полосу говоров белорусского Полесья (см. [ДАБМ, карта № 160]; [Бевзенко 1969, 306]; [Нарысы 1964, 239]): это говоры Брестской области и западных районов Гомельской области, например: *лаўл'ў, ло́ўл'ац' ~ ло́в'иш... ; кармл'ў, ко́рмл'ац' ~ ко́рм'иш... ; ста́ўл'у, ста́ўл'ац' ~ ста́в'иш... ; спл'ат'* [Мацкевич 1959, 53]; *лоўл'ў, ста́ўл'у, кормл'ў; ло́вл'ат', ко́рмл'ат' ~ ло́выш, ко́рмыш; ло́выт',*

ко́рмыт'; ло́вымо, ко́рмымо; ко́рмыте (с. Дубай Брестской обл. Столинского р-на [ДАБМ, карта 160, нас.п. № 773]).

Тип чередования *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>* встречается и в некоторых русских говорах, например: *л'убл'ý, л'ýбл'ут ~ л'ýб'иш, л'ýб'ит...* [Бромлей, Булатова 1972, 229]. Однако, как указывает С.В.Бромлей в комментарии к карте № 97 [Бромлей 1989, 120], этот тип ни в одном из русских говоров не представлен последовательно: он встречается лишь в отдельных ЧДС и реализуется по говорам в разных глаголах [Бромлей 1989, 120]. В комментарии к карте № 97 [ДАРЯ II] приведен список всех тех конкретных глаголов, парадигмы настоящего времени которых в отдельных ЧДС характеризуются именно этим типом чередования (при том, что все другие глаголы II спряжения на губной имеют в этих говорах "общерусскую" схему чередования, а именно *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>).* Так, С.В.Бромлей указывает, что тип чередования *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>* в русском диалектном ареале отмечен у глагола *купить* в 25 говорах (нас. пунктах), у глагола *ловить* - в 15 говорах, у глагола *любить* - в 3 говорах, у глаголов *кормить* и *становить* в 2 разных говорах, у глаголов *вопить, топить, терпеть* и *ослабить* - лишь в отдельных единичных говорах (см. [Бромлей 1989, 120]). Наибольшее скопление глаголов с данной морфонологической характеристикой исхода основы фиксируется на западе русской территории, и только около 10 глаголов разбросаны по говорам восточной части русского пространства. Как показывает материал, рассматриваемое явление носит в русском языке лексикализованный характер. К сожалению, диалектный материал, собранный по "Программе" (вопрос № 107), нельзя считать исчерпывающим для получения достаточно убедительной и объективной картины морфонологической структуры глаголов II спряжения на губной в русских диалектах, так как в данном случае, учитывая наличие зависимости морфонологического поведения консонантного исхода глагольных основ от лексического фактора, важно было бы иметь представление о словоизменении как можно большего числа глаголов II спряжения на губной в каждой отдельной ЧДС.

Тип чередования *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>* сформировался на основе исконного для восточнославянских диалектов типа *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>* в результате пережитого этими глаголами процесса аналогического выравнивания основы в форме 3 л.мн.наст. по образцу формы 1 л.ед.наст., т.е. *люблять, дивлять, куплять, ломлять* как *люблю, (у)дивлю, куплю, (с)ломлю* (см.: [Дурново 1969, 198; Марчук 1969, 174] и мн.др.). Это явление зафиксировано в украинских памятниках письменности не ранее XVII в.[8], хотя в народных говорах такие формы, по-

видимому, уже были широко распространены и раньше ([Історія, 1978, 341; Марчук 1983, 110]).

Аналогический процесс выравнивания глагольных основ в формах 1 л.ед. и 3 л.мн.наст. оказался очень продуктивным в украинском языке и охватил к настоящему времени подавляющее большинство говоров. Однако условия реализации этого процесса в разных украинских говорах не были одинаковыми. Если в юго-западных и юго-восточных говорах описываемый морфонологический тип *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>* охватил в с е глаголы II спряжения на губной, то в северноукраинских и южнобелорусских говорах на его реализацию накладывают ограничение некоторые факторы. Так, глаголы с наосновным ударением и, следовательно, с безударными окончаниями идут по первому типу морфонологических преобразований основы (т.е. *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>*), тогда как глаголы с наконечным ударением демонстрируют "украинскую" модель (т.е. *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>*, см. об этом выше), например: *воні спл'ат', скрипл'ат', но гу́бет', ку́пет', ло́вет'* ([Жилко 1966, 99; Бевзенко 1974, 24]) при наличии альтернанта *<Pl'>* в форме 1 л.ед.наст.: *спл'у, скрипл'ý, губл'ý, купл'ý, ловл'ý*; бел.диал. *лаўл'ý, рабл'ý, л'убл'ý ~ ко́рм'ац', ро́б'ац'*, но *шумйа́ц'* (с. Смыковічы Гомельской обл. Октябрьского р-на [ДАБМ, каментарыі к карте № 160, нас.п. № 828]); *лоўл'ý, кормл'ý, спл'у ~ ло́в'ец', ко́рм'ец'*, но *спл'ац'* (с. Жахавічы Гомельской обл. Мозырского р-на [ДАБМ, каментарыі к карте № 160, нас.п. № 849]).

Общепринятого мнения относительно природы отсутствия двухфонемного альтернанта *<Pl'>* в формах 3 л.мн.наст. глаголов II спряжения на губной в данных северноукраинских говорах нет. Если исходить из логики лингвогеографической картины восточнославянского диалектного пространства, то можно допустить, что наличие в северноукраинских говорах морфонологической модели *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>* в глаголах II спряжения на губной с безударным окончанием в форме 3 л.мн.наст. является исконной (как и для других восточнославянских говоров) архаической чертой, а сами северноукраинские говоры представляют собой южную окраину большого ареала с чередованием *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>* в глаголах II спряжения на губной с любой акцентологической характеристикой (см. прилагаемую карту). Украинские же исследователи склонны видеть в формах типа *ро́бїт, л'у́бит* разного рода новообразования.

Так, например, С.П.Бевзенко предполагает в северноукраинских говорах фонетическую природу данных форм: по его мнению, это результат изменения **ę >е* и отвердения согласных: *воні ро́бет, ку́пет, ло́вет*. Что касается юго-западных поднестровских говоров, в которых любой [а] после мягких согласных дал гласный переднего ряда (а именно [е, и, і]), то там в

безударной позиции в результате ослабления артикуляции произносившийся после отвердевших губных согласных [й] исчез и появились формы типа *ро́бім, л'у́б'ім, здо́бім* [Бевзенко 1974, 24]).

Т.В.Назарова, специально исследовавшая говоры белорусско-украинского пограничья в правобережном Полесье, допускает наличие аналогических явлений противоположных направлений; это она считает характерным для зоны контактов, где сталкиваются разные ареалы (и разные тенденции развития изначально одинаковых явлений), в данном случае - украинский (с типом *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>*) и белорусский (с типом *<Pl' ~ P'/P> = <1> ~ <2,3>*). Так, в большинстве украинских говоров и южной группе говоров белорусского Полесья в результате влияния формы I л.ед.наст. на форму 3 л.мн.наст. сформировался тип *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>*: *л'убл'у́, л'у́бл'ат' ~ л'у́биш...* . В других украинских центрально-полесских и в белорусских говорах выравнивание основ происходило под воздействием противоположной тенденции, а именно форма 1 л.ед.наст. видоизменялась под влиянием формы 3 л.мн.наст. (*л'у́бйат', л'у́б'ат', л'у́бет'*), в результате чего появились парадигмы, характеризующиеся либо отсутствием морфонологического чередования (т.е. во всех формах находим один альтернант *<P'> - л'уб'у́, л'у́б'іш...* , *л'у́б'ат'*), либо нетипичными для восточнославянского ареала чередованиями: типа *<Pj ~ {P} ~ P'> = <1> ~ <2> ~ <3>* (*л'убйу́ ~ {л'убиш}... ~ л'уб'ат'*); типа *<P' ~ P> = <1> ~ <2,3>* (*л'уб'у́ ~ л'у́биш...* , *л'у́бет'*); типа *<Pj ~ {P} ~ Pl'> = <1~2~3>* (*л'убйу ~ {л'у́биш}... ~ л'у́бл'ат'*) и др.[9] Эти говоры с такой разной морфонологической характеристикой глагольных основ разбросаны небольшими островками в Житомирской (с. Березцы Радомышленского района, с. Коритищи Черниховского района) и Ровенской областях, частично в Киевской области, в центре Брестской области, в селах Овруцкого района (см. [Назарова 1969, 30; см. также Марчук (Бовтрук) 1964, 92, карта № 2]).

Наличие в юго-западных украинских говорах морфонологического типа *<Pl' ~ P> = <1> ~ <2,3>* (например, 1 л.ед.наст. *л'убл'у́* - 3 л.ед.наст. *він л'уби(т)* - 3 л.мн.наст. *вони́ л'у́б'ïт* [Марчук 1966, 135,138]) считается украинскими исследователями, как правило, не архаической чертой, а новообразованием, возникшим под влиянием аналогического воздействия тех говоров, в которых этот тип уже был (т.е. I тип вытеснил II тип).

Наличие модели чередования *<Pl' ~ P'> = <1,2> ~ <3>* в некоторых южнорусских говорах (см. [Бромлей, Булатова 1972, 229]) объясняется также аналогическими причинами, но, по всей видимости, другого характера. Как упоминалось выше, тип *<Pl' ~ P'> = <1,2> ~ <3>* (т.е. *л'убл'у́, л'у́бл'ут ~ л'у́б'иш, л'у́б'ит...*) встречается в данных русских

говорах обычно наряду с вариантными формами русского литературного типа: *<Pl' ~ P>* = *<1>* ~ *<2,3>*. Можно предположить две возможности такого развития: 1) появление альтернанта *<Pl'>* в форме 3 л.мн.наст. по аналогии с формой 1 л.ед.наст. как распространение и на русские говоры продуктивной тенденции, охватившей украинские говоры; 2) появление альтернанта *<Pl'>* в форме 3 л.мн.наст. в результате влияния соседних говоров как проявление междиалектного взаимодействия.

К сожалению, упоминание о данном морфонологическом типе в русских говорах встречается в лингвистической литературе крайне редко и как бы случайно. С.В.Бромлей приводит в качестве его иллюстрации только глагол *любить* с безударными окончаниями во всех формах парадигмы настоящего времени (кроме формы 1 л.ед.). Как ведут себя в морфонологическом плане глаголы с ударными окончаниями (типа *спать*), сказать трудно. Эту недостаточность материала отмечает и С.В.Бромлей, которая пишет: "Судя по немногочисленности имеющегося материала и непоследовательности употребления форм типа *...ку́плют* (при *...ку́пют*), мы имеем в этом случае дело с проявлением еще не вполне развившейся тенденции, связанной с перестройкой в южнорусских говорах системы спряжения глаголов с ударением на основе" [Бромлей, Булатова 1972, 229].

В качестве дополнения считаем необходимым обратить особое внимание на то, что на карте № 97 [ДАРЯ II] чередования типа *<Pl' ~ P'>* = *<1,2>* ~ *<3>* не нанесены: "Соответствующий материал, ввиду его немногочисленности, а также непоследовательного характера проявления данного типа чередования, на карте не отражен" [Бромлей 1989, 120]. В комментарии, как уже указывалось выше, приведены все глаголы с этим типом чередования и указаны нас. пункты, где они были записаны собирателями (см. [Бромлей 1989, 120-121]). Однако, вопреки утверждению о том, что парадигмы с данной морфонологической характеристикой встречаются только в некоторых южнорусских говорах, (см. [Бромлей, Булатова 1972, 229]), в комментарии к карте № 97 указанные глаголы в южнорусском ареале зафиксированы лишь в 21 нас. пункте (в то время как в северо-западных говорах - в 8 нас.пунктах, в западнорусских говорах - в 11 нас. пунктах, в севернорусских говорах - в 16 нас.пунктах, в восточнорусских говорах - в 7 пунктах) (см. [Бромлей 1989, 120-121]). Такое распределение глаголов II спряжения на губной с чередованием *<Pl' ~ P'>* = *<1,2>* ~ *<3>* в парадигме настоящего времени свидетельствует о том, что данное явление в русских говорах носит спорадический, нерегулярный (буквально, случайный) характер и рассеяно, фактически, равномерно по всей русской территории (а не только в южнорусском регионе). О преимущественном употреблении рассматриваемых форм в южнорусских говорах говорить, учитывая имеющиеся материалы, скорее

всего сомнительно, хотя аргументы ареального плана (а именно - территориальная близость южнорусского ареала к украинским говорам, характеризующимся чередованием *<Pl' ~ P'/P> = <1,2> ~ <3>)*, возможно, и допускают такое предположение.

III. <P'> = <1,2,3>

В некоторых русских говорах отмечены морфонологически немаркированные парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на губной с у н и ф и ц и р о в а н н ы м исходом основы на *<P'>* во всех формах парадигмы, например: *л'уб'ý/л'ýб'у, л'ýб'иш, л'ýб'ит, л'ýб'им, л'ýб'ит'е, л'ýб'ат/л'ýб'ут*. Наличие таких форм образует на территории южнорусских говоров два достаточно компактных ареала. О д и н из них сформирован говорами Рязанской Мещеры, д р у г о й - говорами верхнедеснинской группы, межзональными говорами типа "А" и говорами западной части курско-орловской группы (ср., например, формы *тап'ý, тóп'иш, тóп'ут* в говоре с. Огорь Жиздринского района Калужской области [Бромлей, Булатова 1972, 394]). На остальной территории восточнославянского диалектного пространства встречаются лишь отдельные, не образующие ареалов, говоры с обобщенным *<P'>* в исходе основы глаголов II спряжения на губной в парадигме настоящего времени. Они отмечены в говорах севернорусского, среднерусского и южнорусского наречий (см. [ДАРЯ II, карта № 97]), в отдельных среднеполесских и восточнополесских украинских говорах северо-восточнее Коростеня и севернее Десны (см. [АУМ 1, карта № 252]), а также в некоторых восточных и юго-восточных украинских говорах (см. [Обнорский 1953, 112]), в некоторых карпатских и северноукраинских говорах (см. [Марчук (Бовтрук) 1964, 92]) и в отдельных говорах (в 6 нас.пунктах) юго-западного белорусского наречия (см. [ДА БМ, карта № 160]), например, *лов'ý, корм'ý, роб'ý, л'уб'ý* в говорах Березовского и Лельчицкого районов Брестской области [Мацкевич 1959, 537].

По материалам С.П.Обнорского, данные глагольные парадигмы зафиксированы в следующих регионах:[10] в Архангельской губернии (форма 1 л.ед.наст. *храпю*), в Пермской губернии (*люблю*), в Смоленской губернии (*люблю, кормю* - Юхновский уезд), в Тульской губернии (*клеймю* - Крапивенский уезд), в Рязанской губернии (*тóпю, устýпю, сыпю, кóрьмю, вóпю, спю, прóспю, hатóвю, люблю, кýпю, зáтапю, вытерпю, пособю* - Егорьевский, Сапожковский и Спасский уезды), в Саратовской губернии (*люблю, кормю, спю* - Аткарский уезд), в Пензенской губернии (*затóпю, спю, кýпю, люблю, набáвю* - Керенский уезд), в Калужской губернии (*купю, кармю/кормю, затапю, спю, люблю, хрипю, лавю* - Жиздринский, Медынский, Мещовский, Мосальский, Козельский и Кромский уезды), в Орловской губернии (*затапю, спю, купю, люблю, рубю, кармю, храпю,*

хрипю, нра́вюсь, пътцабю, атрубю, уступю - Брянский, Карачовский, Севский и отчасти Малоархангельский уезды), в Воронежской губернии (*готовю, ста́вю, любю, купю* - Воронежский и Бобровский уезды), в Курской губернии (*любю, кормю, купю, спю* - Белгородский, Дмитровский и Льговский уезды), в Астраханской губернии (*спю, любю, трпю* - Царевский уезд), в Харьковской губернии (*любю, спю* - Старобельский уезд), в Донецкой области (*спю, сыпю, любю, кормю*) и в Кубанской области (*любю, кормю, спю*) (см. [Обнорский 1953, 109-112]).

На основании приведенного материала С.П.Обнорский делает вывод, что "явление должно быть признано характерным для южновеликорусских говоров, в особенности Юго-Западной диссимилятивно акающей группы. В севернорусские говоры явление могло прийти из полосы среднерусских говоров, отчасти явиться плодом образования на собственной почве. Ср. характерность в акающих говорах соответствующих форм с переносом ударения на слог к началу слова: явное указание на аналогическое происхождение форм из 2-го, 3-го л.ед.ч. и т.д." [Обнорский 1953, 112].

Говоров, в которых встречался бы только тип спряжения с одним "альтернантом" *<P'>*, не очень много. Значительно чаще отмечаются вариативные морфонологические характеристики рассматриваемых глаголов: *<P'> = <1,2,3> // <Pl' ~ P'> = <1> ~ <2,3>*, что конкретно выражается в параллельном употреблении формы 1 л.ед.наст. с *<P'>* и *<Pl'>* в исходе глагольной основы: *л'у́б'у́/л'убл'у́*. Исследователи данного явления склонны объяснять наличие в этих говорах форм с морфонологическим типом *<Pl' ~ P'> = <1> ~ <2,3>* (т.е. *л'убл'у́ ~ л'у́б'иш... , л'у́б'ат*) влиянием русского литературного языка и, следовательно, видеть в них новообразования по сравнению с присущими данным говорам морфонологически немаркированными парадигмами настоящего времени с морфонологическим типом *<P'> = <1,2,3>* (т.е. *л'у́б'у́, л'у́б'иш...*) [Касвин 1949, 106; Бромлей, Булатова 1972, 440][11] . С.В.Бромлей, обращая внимание на сосуществование вариантов формы 1 л.ед.наст. *кармл'у́* при *ко́рм'у*, *купл'у́* при *ку́п'у* (которые были зафиксированы в говоре с. Деулино Рязанского района Рязанской области в некоторых глаголах у разных лиц), делает справедливый вывод: по всей видимости, "традиционная система говора с отсутствием чередований претерпевает воздействие литературной нормы - с наличием чередования. Показательным в этом отношении представляется то, что у глаголов, которые противостоят тем же глаголам литературного языка по двум признакам - чередованию и ударению, - в качестве варианта формы 1 л.ед. с наличием чередования всегда выступает форма, имеющая одновременно и ударение, свойственное ей в литературном языке, ср. *...ку́п'у/купл'у́, ко́рм'у/кармл'у́*. Процесс воздействия литературной нормы выражается в

том, что вместо диалектной формы подставляется литературная" [Бромлей, Булатова 1972, 440]. В результате взаимодействия диалектных и литературных форм "система морфонологических чередований в пределах форм настоящего времени в говоре находится в неустойчивом состоянии. Можно думать, что в недавнем прошлом морфонологические чередования в этой системе полностью отсутствовали, как у глаголов II, так и глаголов I спряжения" [Бромлей, Булатова 1972, 440].

Кроме того, следует отметить, что в некоторых говорах унификация исхода основы по альтернанту *<P'>* может быть свойственна только определенным глаголам (при наличии чередования *<Pl' ~ P'>* = *<1>* ~ *<2,3>* во всех других глаголах), что свидетельствует об известной лексикализации данного явления. Так, *<P'>* во всех формах парадигмы настоящего времени только у глагола *храпеть* (т.е. *хра́п'у́, хра́п'и́ш, хра́п'и́т... , хра́п'а́т*) находим в отдельных, преимущественно южнорусских, говорах, расположенных в районе Нижнего Ломова, Ефремова, южнее Рязани, в районе Великого Устюга, Острогожска, в некоторых говорах Смоленской области, севернее Борисоглебска, в районе Балашова и Старого Оскола, севернее Вытегры. *<P'>* во всех формах парадигмы настоящего времени только одного лишь глагола *ставить* (т.е. *ста́в'у, ста́в'иш... , ста́в'ат*) отмечен также в отдельных русских говорах, расположенных западнее Белгорода в районе Острогожска, Коломны, южнее Владимира, в районе Саранска, Арзамаса, севернее Никольска, в районе Белозерска и Лодейного Поля.

На основании приведенного материала и результатов исследования этого явления С.П.Обнорским, Г.А.Касвин и С.В.Бромлей[12] , можно, по-видимому, предположить, что для говоров, в которых зафиксирована унификация глагольных основ по *<P'>* в парадигме настоящего времени, данная морфонологическая модель, развившаяся под действием внутрипарадигматической аналогии (а именно - влияния на форму 1 л.ед. с *<Pl'>* в исходе основы остальных форм с *<P'>* в исходе основы) - достаточно старое явление. Об этом, возможно, свидетельствует тот факт, что уже в Российской грамматике 1755 г. М.В.Ломоносова, фиксирующей живые нормы словоупотребления, были указаны формы 1 л.ед.наст. с *<P'>* (а не с *<Pl'>*) для двух глаголов: *клеймю* и *каймю* [Обнорский 1953, 115]. Однако следует отметить, что морфонологическая модель с *<P'>* во всех формах парадигмы настоящего времени не является в русских говорах продуктивной моделью. Вот почему даже отмеченные М.В.Ломоносовым формы *клеймю* и *каймю* активно вытесняются "нормативными по происхождению формами *клеймлю, каймлю (окаймлю)*" [Обнорский 1953, 115]. В результате в говорах, в которых имеются морфонологически немаркированные глаголы II спряжения на губной с "альтернантом" *<P'>*

во всех формах парадигмы настоящего времени, вновь, уже под влиянием литературного языка, возрождается исконный для восточнославянских диалектов тип словоизменения этих глаголов с морфонологическим чередованием *<Pl' ~ P'>* = *<1>* ~ *<2,3>* в исходе основы (т.е. *л'убл'ý ~ л'ýб'иш... , л'ýб'ат*).

IV. *<Pj ~ P'/P>* = *<1,2>* ~ *<3>*

В некоторых белорусских и украинских говорах встречается морфонологический тип *<Pj ~ P'/P>* = *<1,2>* ~ *<3>*, характеризующий парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на губной, например, *л'ýбйу, рóбйу, т'áмйу; рóбйат, рúпйат ~ рóбит, благо^{у}словúт; не т'амитé* (говор с. Битля Львовской области [Возний 1969, 177,178]); *кормйý, ловйý, л'убйý; кóрмйат, лóвйат ~ {кóрмиш, лóвиш}* (белорусские говоры Пружанского района Брестской области [Мацкевич 1959, 53]; *лóмйу, лóмйут ~ {лóмиш}* (гуцульские говоры [Лавер 1969]).

Исследователи считают данные формы довольно поздними новообразованиями и объясняют возникновение форм 1 л.ед. без [л'] влиянием формы 3 л.мн. [Закревская 1966, 121: Возний 1969, 178].

Анализируя существование форм 1 л.ед. и 3 л.мн.наст. с *<Pj>* в исходе данных глагольных основ в некоторых юго-западных белорусских говорах, Ю.Ф.Мацкевич делает вывод, что появлению [й] в формах 1 л.ед.наст. предшествовал процесс выравнивания основы в рамках парадигмы настоящего времени по мягкому варианту. В результате этого вместо [Pl'] в исходе основы формы 1 л.ед. появился мягкий губной [P'] (по аналогии с формой 3 л.мн.), и только уже в дальнейшем, после отвердения губных, возник в этих формах [Pj] (т.е. *Pl'--->P'--->Pj*). О том, что сначала существовала стадия с [P'], свидетельствует наличие в других говорах этого региона и в настоящее время таких форм, как *лов'ý, корм'ý, роб'ý, л'уб'ý* (говоры Каменецкого и Березовского районов Брестской области [Мацкевич 1959, 54]).

Эта морфонологическая модель глагольного словоизменения образует на территории Украины два заметных ареала. Один из них вырисовывается в бассейне Днестра, Прута и Черемоша (это бойковские, гуцульские и западно-покутско-буковинские говоры). Второй, небольшой, расположен в междуречье Случи и Уборти.

Кроме того, морфонологический тип *<Pj ~ P'/P>* = *<1,2>* ~ *<3>* находим в отдельных среднеполесских говорах на севере Украины и в южнобелорусских говорах Брестской области к югу от Припяти (9 нас.пунктов).

Сравнивая морфонологические типы *<Pl' ~ P'/P>* = *<1,2>* ~ *<3>* и *<Pj ~ P'/P>* = *<1,2>* ~ *<3>*, которые распространены в современных украинских говорах, можно, видимо, сделать вывод, что процесс

аналогического выравнивания основ крайних членов парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на губной является в украинском языке активным и на современном этапе развития.

V. <mn' ~ m'/m> = <1,2> ~ <3>

В ряде северноукраинских и в отдельных юго-западных белорусских говорах в глаголах II спряжения на <м> (типа укр.лит. *ломити, кормити*; бел.лит. *ламаць, дымець*) отмечается чередование *<mn' ~ m'/m> = <1,2> ~ <3>*.

Вследствие пережитого некоторыми северноукраинскими и юго-западными белорусскими говорами явления отвердения мягких губных согласных в позиции перед непередними гласными, в результате чего мягкость губных, представляющая собой дополнительную среднеязычную артикуляцию, отделилась от ставших твердыми губных, развившись в самостоятельный мягкий согласный (обычно [й] или [л'] - ср. *пйат', дéвйат', мйáта, купл'ý, грáбл'ами*), в рассматриваемых говорах после отвердевшего носового [м']-->[м] образовалась дополнительная артикуляция в виде мягкого носового согласного [н'] (*мн'áсо, мн'áта, кормн'ý, лóмн'ат'*).[13]

На украинском диалектном пространстве выделяется несколько маленьких ареалов, образованных данным явлениям в парадигмах настоящего времени глаголов II спряжения на <м>. Наиболее значительный ареал находим в центре и на востоке западнополесских украинских говоров и в небольшом числе белорусских полесских говоров. Эти говоры расположены в бассейне верховьев Припяти и ее правых притоков (севернее Ковеля и Владимира-Волынского). Например: укр.диал. *ломн'ý, лóмн'ат'* (см. АУМ 2, карта № 239), бел.диал. *кормн'ý, кóрмн'ат* ~ {*кóрмиш*} (ДАБМ, нас.п. № 687, с. Горск, Брестская обл., Березовский р-н), *кормн'ý, кóрмн'ац'* (в некоторых белорусских говорах Пружанского, Березовского и Маларыцынского районов Брестской области: здесь же находим и *мн'ата, мн'аco* [Мацкевич 1959, 53,54]). Кроме того, морфонологический тип *<mn' ~ m'/m> = <1,2> ~ <3>* отмечен и в отдельных среднеполесских украинских говорах, а также в говорах юго-западного украинского наречия (например, *лóмн'у, лóмн'ут* - в мараморошских и частично гуцульских говорах [Лавер 1969], *лáмн'у* - в говоре с.Битля Львовской области [Возний 1969, 178]; форма 3 л.мн. *лóмн'а* - в поднестровских говорах [Логвин 1965, 42].

VI. <Pl'> = <1,2,3>

В некоторых юго-западных белорусских говорах (разбросанных по территории Ивацевицкого, Лагишенского, Ивановского и Целяханского районов Брестской области) находим морфонологически немаркированные парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на губной, в которых

в исходе основы представлен лишь один "альтернант" <*Pl'*> (т.е. <*Pl'*> = <*1,2,3*>). Например: *кармл'ý, кóрмл'еш, кóрмл'е, кóрмл'ем, кóрмл'ец'е, кóрмл'уц'* [Нарысы 1964, 239]; 2 л.ед. *кóрмл'еш, ц'ёрпл'еш, лóўл'еш, зрóбл'еш, л'ýбл'еш*, 3 л.ед. *л'ýбл'е, рóбл'е* (в 4-х селах Целяханского и Ивановского районов [Мацкевич 1959, 53]); *лоўл'ý, кормл'ý, кo͡ўпл'ý, л'убл'ý, рабл'ý, стáўл'у; лóўлеш, кóрмлеш, л'ýблеш, рóблеш, стáўлеш; лóўле, кóрмле, кo͡ўпле, л'ýбле, рóбле, стáўле; лóўлем, кóрмлем, стáўлем; лóўлет'е, кóрмлет'е, кo͡ўплет'е, л'ýблет'е, рóблет'е, стáўлет'е; лóўл'ат', кóрмл'ат', кo͡ўпл'ат', рóбл'ат', стáўл'ат'* (с.Аброва, Брестской обл., Ивановского р-на [ДАБМ, нас.п. № 722]).

Важно отметить, что унификация исхода основы глаголов II спряжения на губной в виде <*Pl'*> сопровождается и переходом этих глаголов в I спряжение, о чем свидетельствует система флексий, ср.: *робл'ý, рóбл'еш, рóбл'е, рóбл'ем..., рóбл'ац'/рóбл'уц'* как *драмл'ý, дрéмл'еш, дрéмл'е, дрéмл'ем..., дрéмл'уц'/др'ёмл'ац'*. В результате можно констатировать, что в этих говорах различие между глаголами I и II спряжений на губной исчезло, и в некоторых из них появились полностью контаминированные парадигмы: *кармл'ý, кóрмл'еш..., кóрмл'ац'(т'); лаўл'ý, лóўл'еш..., лóўл'ац'(т')* - и *драмл'ý, дрéмл'еш..., дрéмл'ац'(т'), сыпл'ац'(т'), шчúпл'ац'(т'), трéпл'ац'(т')* [Мацкевич 1959, 54]).

Данное явление на карте не отражено.

VII. <Pj> = <1,2,3>

В отдельных белорусских говорах Пружанского района Брестской области находим унифицированную по <*Pj*> основу в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения на губной, в результате чего парадигмы этих глаголов являются в данных говорах морфонологически немаркированными (т.е. <*Pj*> = <*1,2,3*>). Эти формы являются новообразованием, которое возникло после отвердения губных согласных, приведшего к выделению [й] в отдельную артикуляцию в позиции перед непередними гласными (в нашем случае - в формах 1 л.ед. и 3 л.мн.наст.) и в результате дальнейшего процесса унификации основ "средних" форм по образцу "крайних" членов парадигмы. Например: *кормйý, кóрмйеш, кóрмйит, кóрмйим(о), кóрмйите, кóрмйат* (как и *мйáсо, аўйóс*) [Нарысы 1964, 240]. Ср. также *лов'йý, стáв'йу, корм'йý, роб'йý, л'уб'йý; воны лóв'йат', стáв'йат', кóрм'йат'* (с.Батарэя, Брестской обл., Пружанского р-на [ДАБМ, каментарыі к карте № 160, нас. п. № 688]).

VIII. Особо хотелось бы выделить а р е а л южнобелорусских и северноукраинских говоров, в которых отмечено много морфонологических вариантов, как территориальных (т.е. встречающихся в разных ЧДС), так и односистемных (т.е. зафиксированных в рамках отдельных ЧДС). Он расположен в бассейне реки Припяти и ее притоков, а также в междуречье

Днепра и Десны. Эти говоры находятся на территории Полесья, характеризующейся длительными диалектными контактами, наличием специфических, свойственных только этому региону, явлений и сохранением многих архаических черт. Данными обстоятельствами, видимо, можно объяснить ярко выраженную пестроту в пределах указанного диалектного региона в реализации рассматриваемого нами морфонологического явления и почти полное отсутствие четко очерченных ареалов, образованных тем или иным диалектным различием.

Следует отметить, что отчасти некоторые морфонологические типы парадигм настоящего времени глаголов II спряжения на губной, встречающиеся в этом регионе, были уже описаны выше. Однако считаем необходимым упомянуть о них еще раз при характеристике данных полесских белорусских и украинских говоров в целом.

В этой области очерчивается три сравнительно больших и компактных ареала. О д и н образован украинскими говорами, расположенными на территории к востоку от Днепра севернее Чернигова и далее севернее Новгород-Северского, где находим морфонологическое чередование *<Pl' ~ P'> = <1> ~ <2,3>* (например, *л'убл'ý ~ л'ýб'иш..., л'ýб'ат'/л'ýб'ет'*) (см. [АУМ 1, карта № 252]). Эти украинские говоры непосредственно примыкают к самому большому ареалу, который выделяется на всей восточнославянской территории и который образован русскими и белорусскими говорами, характеризующимися данным морфонологическим типом. В т о р о й , в котором находим тип *<Pl' ~ P> = <1> ~ <2,3>* (например, *л'убл'ý ~ л'ýбиш..., л'ýбет'*), образован также украинскими говорами. Его южную границу обрисовывает условная линия Овруч - Коростень - севернее Киева - Козелец - южнее Чернигова и далее по Десне на север; северная граница идет от Овруча на восток по государственной границе с Белоруссией и по условной границе описанного выше ареала с морфонологическим типом *<Pl' ~ P'> = <1> ~ <2,3>*. Т р е т и й ареал расположен на юге и юго-востоке Белоруссии и является непосредственным продолжением северных украинских говоров, характеризующихся морфонологическим типом *<Pl' ~ P> = <1,2> ~ <3>* (например, *лоўл'ý, кормл'ý; лóўл'ат', кóрмл'ат' ~ лóвиш, кóрмиш...*). Он образован белорусскими говорами в бассейне Припяти и ее притоков и занимает южную часть Брестской области и юго-западную часть Гомельской области.

Кроме этих трех достаточно компактных и больших ареалов на территории белорусского и украинского Полесья выделяется еще несколько морфонологических типов, которые представлены в немногих и отдаленных друг от друга говорах (см. [ДАБМ, карта № 160]; [АУМ 1, карта № 252]; [Назарова, 1985, карта № 71]).

а) Тип <*Pj ~ P*> = <*1*> ~ <*2,3*> (например, *л'убйу́ ~ {л'у́биш}*[14] ..., *л'убе́т*[(')]) находим в украинских говорах в районе Коростеня.

б) Тип <*Pj ~ P'*> = <*1*> ~ <*2,3*> (например, *лоўйу́ ~ ло́в*[(')]*иш...*, *ло́в'ат*[(')] - в белорусских говорах в районе Ясельды).

в) Тип <*Pj ~ P ~ Pl'*> = <*1*> ~ <*3*> ~ <*2*> (например, *л'убйу́ ~ {л'у́биш}... ~ л'у́бл'ат'* - в районе Коростеня в украинских говорах и *лоўйу́ ~ {ло́виш}... ~ ло́ўл'ат*[(')] - в районе Бреста в белорусских говорах).

г) Тип <*Pl' ~ P ~ Pj*> = <*1*> ~ <*3*> ~ <*2*> (например, *л'убл'у́ ~ {л'у́биш}... ~ л'у́бйат*[(')], *л'у́бйет*[(')] - в единичных украинских говорах и *лоўл'у́ ~ {ло́виш}... ~ ло́ўйац', кормл'у́ ~ {ко́рмиш}... ~ ко́рмйац'* - в 25-ти белорусских говорах восточнее Пинска, расположенных в ареале с морфонологическим типом *лоўл'у́, ло́ўл'ат'/ц' ~ {ло́виш}...*) (см. [ДАБМ, карта № 160]).

д) Тип <*Pj ~ P*> = <*1,2*> ~ <*3*> (например, *лоўйу́/лов'йу́; корм'йу́, ко́рм'йат*[(')], *ло́ўйат*[(')]*/ло́в'йат*[(')] ~ *{ло́в*[(')]*иш, ко́рм*[(')]*иш}...* - в белорусских говорах в междуречье Ясельды и Муковца; *л'убйу́, л'у́бйат' ~ {л'у́биш}...* - в украинских говорах в районе Коростеня).

е) Тип <*Pl' ~ P*> = <*1,2*> ~ <*3*> (например, *лоўл'у́, ло́ўл'ат*[(')] ~ *{ло́в*[(')]*иш}...* в белорусских говорах в районе Ясельды).

ж) Тип <*P'*> = <*1,2,3*> (например, *лов'у́, ло́в'ат', корм'у́, ко́рм'ат' ~ {ло́в*[(')]*иш, ко́рм*[(')]*иш}...* - в белорусских говорах в районе Ясельды).

з) Тип <*mn' ~ m*[(')]> = <*1,2*> ~ <*3*> (например, *кормн'у́, ко́рмн'ат' ~ {ко́рм*[(')]*иш}...* - в белорусских говорах в районе Ясельды).

Следует отметить, что данные морфонологические типы во многих говорах характеризуют лишь отдельные глаголы, что говорит о том, что данный класс глаголов не имеет в этих ЧДС единой морфонологической характеристики (единой морфонологической структуры). Ср., например, материал из: нас. п. № 651 *лов'у́, ста́ўйу, корм'у́, ро́б'у, л'уб'у́; ста́в'ат, ко́рмат*; или нас. п. № 721 *кормйу́, ловйу́; ста́вйу, ро́бйу, л'убйу́ ~ ло́вйат, ко́рмн'ат* (см. [ДАБМ, каментарыі, с. 650]).

С.П.Бевзенко, характеризуя украинские и белорусские говоры правобережного Полесья, отмечал, что в этом регионе сталкиваются разные ареалы глагольных форм 1 л.ед. и 3 л.мн.наст. глаголов II спряжения на губной, и выделял следующие морфонологические типы глагольных парадигм:

1) соотношение *л'убл'у́ - л'у́бл'ат'* - в большинстве украинских полесских говоров и в южной полосе говоров белорусского Полесья;

2) соотношение *л'убл'у́ - л'у́б'ат' (л'у́бйат', л'у́бет')* - в среднеполесских украинских и примыкающих к ним белорусских говорах;

3) соотношение *л'убйу́ (л'уб'у́) - л'у́бйат' (л'у́б'ат', л'у́бет')* - в отдельных островках на севере Житомирской области, Ровенской области,

частично в Киевской области, а также в центральной части Брестской области и в отдельных говорах юго-западного украинского наречия, т.е. в районе наиболее сильно проявлявшихся в прошлом контактов (см. [Бевзенко 1969, 30]).

IX. Специально хотелось бы упомянуть и некоторые морфонологические явления, характеризующие парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на губной, отмеченные на юго-западе исследуемой восточнославянской диалектной области. Благодаря наличию этих явлений, данный ареал также выделяется в особую диалектную зону в рамках всего восточнославянского диалектного пространства.

В западноукраинских говорах, а именно - в некоторых поднестровских (нас.пп. №№ 279, 497, 498, 501), части покутско-буковинских (нас.пп. №№ 508, 517, 553) и гуцульских (нас.п. № 582) (см. [АУМ 2, карта № 238]) отмечается нетипичная для восточнославянских диалектов морфонологическая характеристика парадигм настоящего времени глаголов II спряжения на губной. Ср.: *<P' ~ Pl'> = <1,3> ~ <2>* (см. нас.пп. №№ 279, 498, 508, 553), например: *л'у́б'у, {л'у́биш}... ~ л'у́бл'ат*[(')]; *<P' ~ Pj'> = <1,3> ~ <2>* (нас.пп. №№ 497, 501, 517, 582), например: *л'у́б'у, {л'у́биш}... ~ л'у́бйат*[(')].

Все эти говоры находятся в ареале, который характеризуется чередованием *<Pj ~ P/P'> = <1,2> ~ <3>*, поэтому форма 1 л.ед.наст. имеет варианты: *<Pj>//<P'>, т.е. л'уб'у́//л'убйу́* (см. [АУМ 2, карта № 238 и комментарий к ней, с. 53]).

Кроме того, особая судьба морфонологической структуры указанных глаголов отмечается и в лемковских говорах, в которых в форме 1 л.ед.наст. зафиксированы формы типа *л'у́б'ім, пра́в'ім*, а парадигма настоящего времени имеет следующую морфонологическую характеристику, которая, кстати, присуща, в качестве вариативной, и ряду других юго-западных украинских говоров (см. выше): *<P' ~ Pj> = <1,3> ~ <2>*: *л'у́б'ім, л'у́б'іш... ~ л'у́бйат* (нас.пп. №№ 673, 677, 679, 686) и *<P' ~ Pj> = <1,3> ~ <2>*: *л'у́б'ім, л'у́б'іш... ~ л'у́бл'ат*[(')] (нас.п. № 671).

Примечания:

[1] Знание о структуре глагольной основы. что невозможно без обращения к ее морфонологической характеристике. чрезвычайно важно с точки зрения понимания закономерностей словоизменения глагола. так как "основа - это своеобразная абстракция, в которой как бы резюмируется парадигма" ([Курилович 1962. 95]).

[2] См. подробнее в нашем комментарии к карте "Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени

глаголов I спряжения типа рус.лит. *печь...*, *беречь...*; укр.лит. *пекти...*, *берегти...*; бел.лит. *пячы...*, *берагчы...*" [ВСИ 1995, 43-46].

[3] В описании морфонологических чередований в парадигмах настоящего времени глаголов I спряжения с основой на заднеязычные (см. [ВСИ 1995] карта № 5) отдельным группам словоформ, объединенным по признаку одинаковой морфонологической характеристики, были присвоены следующие числовые индексы: <1> - словоформа 1 л.ед., <2> - словоформа 3 л.мн., <3> - словоформа 1 л.мн., <4> - словоформы 2,3 л.ед., <5> - словоформа 2 л.мн. При описании морфонологических чередований глаголов II спряжения на губной, функциональная нагрузка которых в масштабе всего восточнославянского диалектного пространства оказывается более простой и однообразной, чем в глаголах I спряжения на заднеязычный, можно ограничиться всего лишь тремя группами словоформ, обозначив их следующими числовыми индексами: <1> - словоформа 1 л.ед., <2> - словоформа 3 л.мн., <3> - словоформы 2,3 л.ед. и 1,2 л.мн.

[4] В фигурных скобках даны предполагаемые формы.

[5] Принятые сокращения названий памятников: *Мин 1095 (сент.)* - Минея служебная; *ЕвАрх 1092* - Архангельское евангелие; *ЕвОстр* - Остромирово евангелие; *ЛЛ 1377* - Лаврентьевская летопись; *СКБГ XII* - Сказание о Борисе и Глебе; *Пр 1383* - Пролог мартовской половины; *Пал 1406* - Палея толковая; *Гр.ок 1300 (2, рижск.)* - Грамота рижан; *КР 1284* - Кормчая Рязанская; *Гр до 1270 (новг.)* - Грамота духовная новгородца Климента.

[6] Приводимое ниже указание на диалектные группы русского, белорусского и украинского языков основывается на: 1) ДАРЯ. Вып. I. Фонетика. М., 1986, карта № VI "Диалектное членение русского языка"; 2) "Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак". Мінск. 1969; 3) АУМ 1. "Карта говорів української мови", с. IX.

[7] С.П.Бевзенко отмечает данный морфонологический тип глагольного словоизменения для белорусского и центрально-полесского украинского ареала, давая, однако, различные формы 3 л.мн.наст. недифференцированно по говорам: 1 л.ед.наст. *л'убл'ý*, 3 л.мн.наст. *л'уб'ат' (л'убйат', л'убет')* [Бевзенко 1969, 30]. П.М.Лизанец, исследовавший украинские говоры белорусской Пинщины, фиксирует наличие в них парадигм настоящего времени глаголов II спряжения на губной с чередованием *<Pl' ~ P> = <1> ~ <2,3>*: 1 л.ед. *л'убл'ý;* 1 л.мн. *ро́бим;* 3 л.мн. *ро́бет, л'у́бет* [Лизанец 1969, 191]. В белорусских говорах Пружанского и Лунинецкого р-нов Брестской обл. встречаются формы 3 л.мн.

ло́ват, ста́ват, ко́рмат [Нарысы 1964, 241], *ко́рмат, ста́ват, л'у́бат, ло́ват* (с. Вялікі Краснік Брестская обл. Пружанский р-н [ДАБМ, карта № 160, нас.п. № 675].

[8] Так, например, в Украинских грамотах XV в., созданных на территории Молдавии, новый морфонологический тип еще не употребляется, ср. формы 3 л.мн.наст. купѧть (Укр.гр. 32), коупѧ(т) (Укр.гр. 55) (цитируется по [Русанівський 1971, 61, 73]). В украинских памятниках письменности второй половины XVII-XVIII вв. эта морфонологическая модель также фактически еще не употребляется: ср. единичную форму 3 л.мн. гримят (цитируется по [Русанівський 1971, 160]); в памятниках же начала XX в. употребляются уже исключительно только формы 3 л. мн. с <Pl'> типа *роблять, гублять, киплять* ([Русанівський 1971, 176]).

[9] Выстроить реально существующие в этом регионе полные парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на губной не представляется возможным, так как исследователи приводят обычно либо формы 1 л.ед. и 3 л.мн.наст., либо по отдельности формы 1 л.ед. или 3 л.мн.наст., и не дают, как правило, "средних" форм. В приводимом нами иллюстративном материале в фигурных скобках даны предполагаемые наиболее вероятные формы.

[10] Ударения поставлены в соответствии с оригиналом (см. [Обнорский 1953, 109-112]).

[11] Ср. также мнение Н.Н.Дурново: "формы *спю, люблю, давю, кормю* в части западных и восточных говоров южновеликорусского наречия, возможно, являются новообразованием общеюжновеликорусского происхождения: наличие в этих говорах *<Pl'> (люблю)*, что совпадает со старыми формами, заимствовано вновь из московского говора" [Дурново 1969, 164].

[12] Считаем необходимым привести обширную цитату из исследования С.В.Бромлей [Бромлей, Булатова 1972]: "Анализ этих систем показывает, что на путях отхода от диалектной нормы - под воздействием литературного языка и других говоров, знающих чередование, ... в них создаются переходные отношения основ по признаку чередований, принципиально различные по своему характеру" (с. 225). Далее С.В.Бромлей указывает, что в Мещерских говорах Рязанской группы, занимающих периферийное положение по отношению к говорам с отсутствием чередования, альтернация *<Pl' ~ P'>* = *<1>* ~ *<2,3>* выступает у глаголов с подвижной акцентной парадигмой (*ловл'у́ ~ ло́в'ишь...*), а в глаголах с неподвижным ударением выступает отсутствие

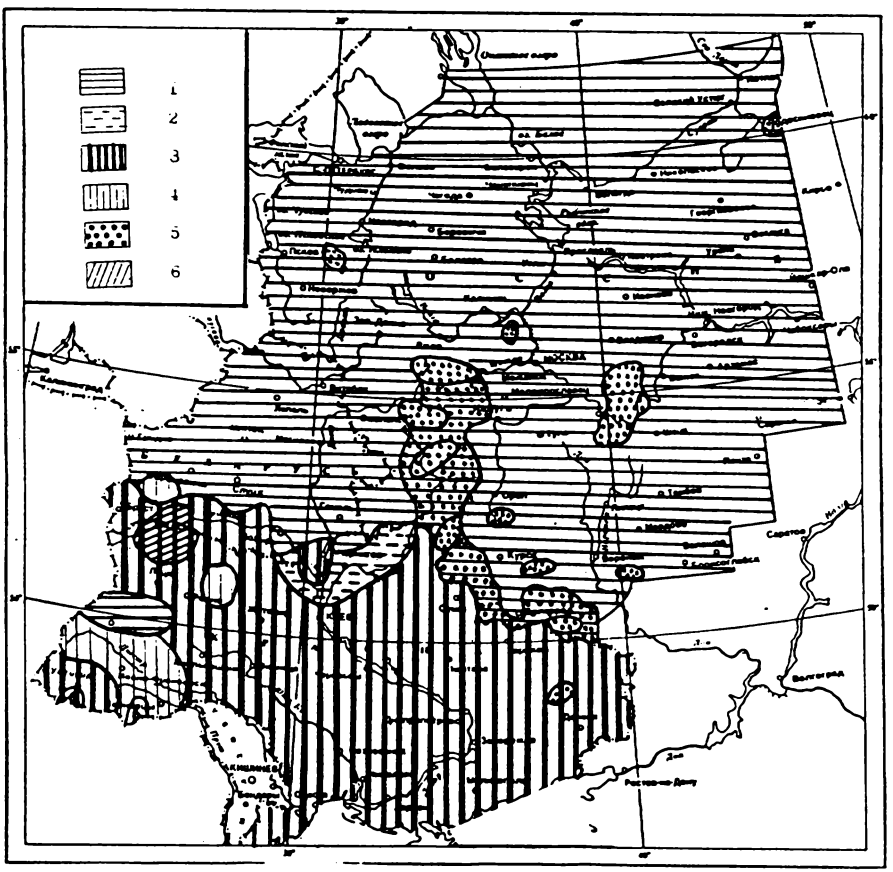
чередования (*гото́в'у, гото́в'иш...*). В Верхне-Деснинской группе говоров эти глаголы в разной степени проявляют колебания между наличием альтернации и ее отсутствием вплоть до более или менее четкого распределения уже в зависимости от характера консонантного исхода основы. Чаще всего в основах на губные находим только "альтернант" <*P'*> (*л'уб'ý, л'ýб'ат; топ'ý, то́п'ат; лов'ý, ло́в'ат; лом'ý, ло́м'ат*), в то время как глаголы II спряжения на переднеязычные (зубные) *носить, крутить* и др. характеризуются чередованием типа <*Š ~ T'*> = <*1*> ~ <*2,3*> (*ношý ~ но́с'иш..., кручý ~ кру́т'иш...*) (см. [Бромлей, Булатова 1972, 225]). "Здесь происходит вытеснение говоров с отсутствием чередования. В настоящее время Верхне-Деснинские говоры беспрепятственно контактируют с их восточными соседями" [Бромлей, Булатова 1972, 226]. В отличие от Верхне-Деснинских говоров "изолированное географическое положение Мещерских говоров обеспечивает более устойчивое устройство их парадигм в соответствии с чисто морфологическими факторами" [Бромлей, Булатова 1972, 226-227].

[13] Отметим, что ареалы, образованные сочетанием [мн'] в исходе форм 1 л.ед. и 3 л.мн. глаголов типа *кормити, ламати*, не совпадают с ареалами [мн'] в словах *пам'ать* и *м'aсо* [АУМ 2, карта № 76] (здесь [мн'] занимает почти всю картографируемую во 2-ом томе АУМ территорию) и в слове *комір* [АУМ 2, карта № 79] (где [мн'] отмечено в ареале, расположенном в междуречье Днестра, Западного Буга и Збруча).

[14] В фигурных скобках, как уже отмечалось выше, мы даем формы, которые отсутствуют в опубликованных и архивных источниках, но которые мы конструируем как наиболее вероятные в данных говорах.

Карта. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *любить*.

1 - <Pl' ~ P'> = <1 л. ед.> ~ <2, 3 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.>, например, рус. лит. *люблю ~ любишь..., любят*; 2 - <Pl' ~ P> = <1 л. ед.> ~ <2, 3 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.>, например, укр. диал. *л'убл'ý ~ л'ýбиш..., л'ýбет' (л'ýбит')*; 3 - <Pl' ~ P'/P> = <1 л. ед., 3 л. мн.> ~ <2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.>, например, укр. лит. *люблю ~ люблять..., любиш...*; 4 - <Pj ~ P'/P> = <1 л. ед., 3 л. мн.> ~ <2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.>, например, бел. диал. *л'убúý ~ л'ýбйац..., л'ýбиш...*; 5 - <P'> = <1, 2, 3 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.>, например, рус. диал. *л'уб'ý ~ л'ýб'иш..., л'ýб'ат'*; 6 - <mn' ~ m'/m> = <1 л. ед., 3 л. мн.> ~ <2, 3 л. ед., 1, 2 л. мн.> в глаголах с основой на /*м*/, например, укр. диал. *кормн'ý, кóрмн'ат' ~ кóрмиш...*

Т.В.Попова

Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус.лит. *платить*

Темой карты является исследование в восточнославянских диалектах морфонологической структуры парадигм настоящего времени тех глаголов II спряжения, которые в исходной системе др.-рус. языка X-XI вв. характеризовались чередованием в основе настоящего времени мягких шипящих <*č,ž*> и сочетаний <*šč,ždž*> в форме 1 л.ед. с переднеязычными зубными (смычными и фрикативными) <*t',d',s',z'*> и сочетаниями <*s't',z'd'*> в остальных формах парадигмы, например: *plaču - platiši, glažu - gladiši, gašu - gasiši, lažu - laziši, rašču - rastiši, ježdžu - jezdiši* [Иванов 1982, 28][1].

Данный тип чередования в парадигме настоящего времени указанных глаголов II спряжения (принимаем символическое его обозначение <*Š*> ~ <*S*$^{(.)}$> = <*1*> ~ <*2,3*>)[2] считается исконным для восточнославянских языков (см. [Обнорский 1953, 113; Иванов 1982, 27-28; Бромлей 1989, 120; Жилко 1966, 94])[3].

Данная карта сделана на основе следующих материалов:

1) Карта № 97 "Основа и место ударения в формах настоящего времени глаголов II спряжения типа *просить, любить*" и комментарий к ней [ДАРЯ II].

2) Карта № 73 "1-а особа однини теперішнього часу дієслів II ді відміни з основою на [д], [т], [з], [с]" [Назарова 1985].

3) Карта № 254 "1-а особа однини теперішнього часу дієслів II ді відміни з основою на [д]" [АУМ 1].

4) Карта № 255 "1-а особа однини теперішнього часу дієслів II ді відміни з основою на [с]" [АУМ 1].

5) Карта № 235 "1-а особа однини теперішнього часу дієслів II ді відміни" [АУМ 2].

6) Карта № 204 "Зычны асновы і месца націску ў 1-ай асобе адзіночнага ліку прыставачных дзеясловаў II спражэння *прыходзіць, прыводзіць, прыносіць*" [ДАБМ].

Кроме того, были использованы опубликованные работы по истории и диалектологии русского, украинского и белорусского языков, в которых содержатся данные о морфонологической структуре форм настоящего времени глаголов II спряжения на зубной.

I. <Š> ~ <S(')> = <1> ~ <2,3>

В большинстве современных восточнославянских диалектов, а также в русском, белорусском и украинском литературных языках сохранился исконный тип консонантного чередования в исходе основы глаголов II спряжения на зубной в парадигме настоящего времени, а именно: <Š> ~ <S(')> = <1> ~ <2,3>, например: рус.лит. *проси́ть - прошу́ ~ про́сишь..., про́сят; вози́ть - вожу́ ~ во́зишь..., во́зят; молоти́ть - молочу́ ~ моло́тишь..., моло́тят; возврати́ть - возвращу́ ~ возврати́шь..., возврати́т; поглоти́ть - поглощу́ ~ поглоти́шь..., поглоти́т; возмути́ть - возмущу́ ~ возмути́шь..., возмути́т; гляде́ть - гляжу́ ~ гляди́шь..., гляди́т; расти́ть - ращу́ ~ расти́шь..., расти́т; е́здить - е́зжу ~ е́здишь..., е́здят;*[4] блр.лит. *прасі́ць - прашу́ ~ про́сіш, про́сіць..., про́сяць; вазі́ць - важу́ ~ во́зіш, во́зіць..., во́зяць; малаці́ць - малачу́ ~ мало́ціш, мало́ціць..., мало́цяць; глядзе́ць - гляджу́ ~ глядзі́ш, глядзі́ць..., глядзя́ць; расці́ць - рашчу́ ~ ро́сціш, ро́сціць..., ро́сцяць;* укр.лит. *проси́ти - про́шу́ ~ про́сиш, про́сить..., про́сять; вози́ти - вожу́ ~ во́зиш, во́зить..., во́зять; молоти́ти - молочу́ ~ моло́тиш, моло́тить..., моло́тять; суди́ти - суджу́ ~ су́диш, су́дить..., су́дять; помісти́ти - поміщу́ ~ помі́стиш, помі́стить..., помі́стять; ї́здити - ї́жджу ~ї́здиш, ї́здить..., ї́здять.*

В особых замечаниях нуждается материал, характеризующий морфонологическую структуру данных глагольных парадигм в современном украинском языке.

Как известно, в украинском литературном языке и в большинстве его говоров звуки [і] и [ы/и] реализуют не одну фонему (как, например, фонему/и/ - нелабиализованную, переднего ряда, верхнего подъема в русском языке), а две разные фонемы - /і/ и /и/ (см.: [АУМ 1, карта № 1; АУМ 2, карта № 1; Жилко 1963, 11; Назарова 1965, 120-121]). Для согласных положение перед гласными [і] и [ы/и] является в этих системах позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких фонем: перед данными гласными в большинстве украинских говоров согласные могут быть только твердыми[5] (хотя в некоторых ЧДС перед [і] употребляются позиционно мягкие согласные). Поэтому на звуковом (фонетическом) уровне мы имеем в парадигмах настоящего времени глаголов II спряжения на зубной трехчленные чередования типа: *[Š] ~ [S] ~ [S'] = <1> ~ <3> ~ <2>*, ср.: *про[ш]у ~ про[с]иш, про[с]ить... ~ про[с']ять; моло[ч]у ~ моло[т]иш, моло[т]ить... ~ моло[т']ять.*[6] Однако на морфонологическом уровне на основе данного трехчленного фонетического чередования выстраивается двухчленная морфонологическая альтернация (такая же, как в русском и белорусском языках): *<Š> ~ <S'> = <1> ~ <2,3>*, например: *про<ш>у́ ~ про́<с'>иш, про́<с'>ить..., про́<с'>ять.*

В некоторых других украинских говорах (например, в большинстве среднеполесских и в ряде северноукраинских говоров) на месте **i* и **y* находим один нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема, передне-среднего ряда [и] (или гласный более верхнего подъема [и^{i}]), перед которым согласные большей частью могут быть только твердыми, например: *ди^{i}м/дим, ти^{i}н/тин, ни^{i}тка/нитка, кози^{i}, ци^{i}ган/циган, ли^{i}ст/лист, ри^{i}с/рис, би^{i}к/бик, пи^{i}т'/пит'* (см. [Назарова 1962, 94-95]). Т.е. положение перед гласным [и/и^{i}] является в этих говорах позицией неразличения твердых и мягких согласных фонем.[7] Здесь также в исходе основ глаголов II спряжения на зубной в парадигме настоящего времени на ф о н е т и ч е с к о м (звуковом) уровне находим трехчленное чередование типа *[Š] ~ [S] ~ [S'] = <1> ~ <3> ~ <2>*, ср. *про[ш]у́ ~ про́[с]иш..., ~ про́[с']ат'*. Однако на м о р ф о н о л о г и ч е с к о м уровне оно преобразуется в двухчленное: *<Š> ~ <S'> = <1> ~ <2,3>* (*про<ш>у́ ~ про́<с'>иш..., про́<с'>ат'*).

Тем самым морфонологическая характеристика данных глагольных парадигм является одинаковой в рассматриваемых в этом разделе русских, белорусских и украинских говорах, а именно: *<Š> ~ <S'> = <1> ~ <2,3>*.[8] Данный исконный тип чередования в основах глаголов II спряжения на зубной в парадигме настоящего времени представлен, как уже указывалось выше, в подавляющем большинстве современных восточнославянских диалектов (см. [ДАРЯ II, карта № 97; АУМ 1, карты №№ 254, 255; АУМ 2, карта № 235; ДАБМ, карта № 204; Бромлей 1989, 120; Русская диалектология 1989, 110-111; Мацкевич 1959, 48; Нарысы 1964, 238]). Так, этот тип чередования находим почти повсеместно в северно-, средне- и южнорусских говорах, во всех белорусских говорах (кроме говоров в бассейне Ясельды и Припяти до Уборти), во многих северо-восточных, центральных, западных и юго-западных украинских говорах. Например: рус.лит. *пов'ерчу́ ~ наверт'а́т* [Бромлей, Булатова 1972, 316, 318], *бро́шу ~ бро́с'иш, бро́с'ит, бро́с'им, бро́с'ит'е (-ит'а), бро́с'ат; сажу́ ~ сад'и́ш, сад'и́т, сад'и́м, сад'и́т'е (-ит'а), сад'а́т* [Бромлей, Булатова 1972, 319]; *зав'ерчу́ ~ в'ерт'ат, колоч'у́ ~ колоти́т'ат, покошу́ ~ ко́с'ат, хожу́ ~ ухо́д'иш, хо́д'ит, схо́д'им, пр'иход'ит'о́, хо́д'ат* (говор сел Окатово и Воронино Шабалинского района Кировской обл. [Бромлей, Булатова 1972, 352]); укр.диал. *буджу́ ~ бу́диш..., бу́д'ут'/бу́д'ат', вожу́ ~ во́зиш..., во́з'ат'/во́з'ут'* [Марчук 1983, 109]; бел.диал. *хаджу́ ~ хо́дз'иш..., хо́дз'ац'* [Нарысы 1964, 238][9].

Важно отметить, что тип чередования *<Š ~ S$^{(')}$> = <1> ~ <2,3>* имеет по диалектам различную фонетическую реализацию первой ступени чередования *<Š>* в глагольных основах на [д'] (глаголы рус.лит. *ходить, водить, будить, судить, садить, сидеть* и под.), а именно: [ж], [ж'], [дж],

[дж'], и данная черта, в свою очередь, расчленяет всю территорию, характеризующуюся альтернацией <*Š ~ S*$^{(,)}$> = <*1*> ~ <*2,3*>, на несколько ареалов.

(а) Так, шипящий [ж] в форме 1 л.ед.наст. указанных глаголов находим во всех русских говорах (кроме крайних западных и юго-западных) и в русском литературном языке. С.П.Обнорский считает наличие [ж] в данной глагольной форме (например, *насажу́, вы́нужу, награжу́, борозжу, гнезжусь, взгромозжу*) исконно русской чертой [Обнорский 1953, 109].

В белорусских говорах наличие форм с [ж] типа *хо́жу/хажу́, во́жу/важу́, сажу́, гл'ажу́, бужу́, л'ажу́, с'ажу́* не образует четких ареалов ([Нарысы 1964, 238; Карский 1955, 381; Мацкевич 1959, 50]), поскольку, фактически, на всей территории (кроме небольшого пространства на крайнем юге) указанные формы употребляются, в качестве сосуществующих, наряду с типичными белорусскими формами с [дж], т.е. *прыхо́джу, буджу́*; наличие аффрикаты [дж] в форме 1 л.ед.наст. глаголов II спряжения с основой на [д'] является и литературной нормой современного белорусского языка[10]. Е.Ф.Карский, подчеркивая наличие параллельного употребления [ж] и [дж] в данной глагольной форме в белорусских говорах, отмечает, что произношение [ж] в форме 1 л.ед.наст. увеличивается, по сравнению со случаями употребления [дж], по направлению к северо-востоку [Карский 1955, 381].

Наиболее компактные ареалы с [ж] вырисовываются на севере белорусской территории (например, *ви́жу* [Дурново 1969, 177]) и на юге (например, *во́жу, глыжу́, хожу́, сажу́, сежу́* [Мацкевич 1959, 50; Нарысы 1964, 238]). Исследователи этой диалектной черты в белорусском языке полагают, что в северных и центральных белорусских говорах согласный [ж] в форме 1 л.ед.наст. появился под влиянием русского литературного языка, и только на юге Белоруссии (Березовский, Каменецкий, Пинский и др. районы) наличие [ж] в этой форме можно считать самобытной, органической чертой данных южнобелорусских говоров [Мацкевич 1959, 48, 50; Нарысы 1964. 238].

В украинском языке [ж] в форме 1 л.ед.наст. находим в юго-западных, центральных и северо-восточных украинских говорах, а именно: гуцульских (кроме северных), буковинских, среднезакарпатских боржавских, восточнозакарпатских мараморешских, полтавских, северных поднепровских, среднеполесских (см. [Марчук (Бовтрук) 1964, 85 - карта; АУМ I, карты №№ 254, 255; АУМ 2, карта № 235; ЛАНП 1985, карта № 73; Лавер 1969]). Например: *ви́жу, са́жу, хо́жу* [Дурново 1969, 167]; *во́жу, бу́жу, хо́жу, сижу́* [Лизанец 1959, 14]; *вожу́* [Марчук 1982, 119]; *хо́жу́, бу́жу́, во́жу́, си́жу́* [Матвияс 1990, 45, 77, 81, 98].

Данные украинские говоры представляют собой ареал, идущий с юго-запада на северо-восток. Однако на большей части этого ареала находим говоры, в которых формы 1 л.ед.наст. от глаголов II спряжения на [д'] образуются вариативно: конец основы может оканчиваться либо на т в е р д ы е [ж]/[дж], например, *сиджу́/сижу́, ходжу́, вожу́* (с преобладанием [ж] - в восточноукраинских, среднеполесских, северно-среднеподнепровских говорах; с преобладанием [дж] - в центрально-среднеподнепровских, в западной части северноукраинских и некоторых юго-западных говорах, в частности северо-западных закарпатских - см.[Марчук 1964, 89; Дурново 1969, 200]); либо на м я г к и е [ж']/[дж'], например, *хо́дж'у, во́ж'у* в гуцульских говорах [Марчук (Бовтрук) 1965, 61]; либо на согласные [ж]/[д'], например, *хожу́/ходу́, бужу́/буду́* (полтавские говоры, буковинские, некоторые юго-восточные говоры (см. [Ващенко 1957, 212-216; Марчук 1983, 110])[11]. Только [ж] зафиксировано в небольшом количестве крайних юго-западных украинских говоров (см. [Марчук (Бовтрук) 1964, 85 - карта]).

(б) Реализация первой ступени чередования <*Š*> в данных глаголах аффрикатой [дж]/[дж'] также известна многим восточнославянским диалектам и является нормой украинского и белорусского литературных языков (например, диал. *ходжу́, виджу, саджу́, раджу, с'аджу́, суджу́, догаджу́, добуджу́с'а, погл'аджу́, ходж'у́* и т.п.).

При исследовании вопроса о распространении данной аффрикаты в современном у к р а и н с к о м я з ы к е ареалообразующими оказываются следующие признаки: а) образование формы 1 л.ед.наст. только с аффрикатой (т.е. *ходжу́, выджу*) в отличие от говоров, в которых в этой форме находим [ж] и [ж']; б) наличие либо твердой, либо мягкой аффрикаты (т.е. [дж] или [дж']); в) вариативное образование формы 1 л.ед.наст. с аффрикатой и шипящим согласным [дж]/[ж], [дж']/[ж'] (т.е. *виджу/вижу, ходж'у́/хож'у́*).

Так, в украинском языке образование формы 1 л.ед.наст. только с аффрикатой [дж]/[дж'] находим в западнополесских, западноволынских, бойковских, поднестровских, закарпатских, гуцульских и юго-западных буковинско-покутских говорах. При этом мягкая аффриката [дж'] встречается в восточной части среднеподнепровских говоров, а также некоторых слобожанских, гуцульских, бойковских, среднекарпатских, западноволынских и поднестровских говорах (см. [Марчук (Бовтрук) 1964, 87]). Вариативное образование формы 1 л.ед.наст. с [дж]/[дж'], с одной стороны, и [ж]/[ж'], с другой (т.е. *ходж(')у́/хож(')у́*), свойственно ряду юго-западных, центральных и северо-восточных украинских говоров (см. об этом выше).

Изучая данное явление в современном украинском языке, исследователи подчеркивают, что процесс образования форм с аффрикатой [дж$^{(.)}$] во многих диалектах является живым и в настоящее время (см., например, [Наконечный 1962, 150]).

В белорусском языке аффриката [дж] распространена, фактически, на всей территории Белоруссии. Однако эта черта, по мнению белорусских диалектологов, не является яркой и типичной диалектной чертой, так как, фактически, во всех говорах, где формы 1 л.ед.наст. образуются с аффрикатой [дж], наряду с ними сосуществуют и параллельные формы с шипящим [ж], т.е. *хо́джу́/хо́жу́* (см. [Нарысы 1964, 238; Марчук (Бовтрук) 1964, 86; Мацкевич 1959, 48-51]).

Что касается твердости или мягкости аффрикаты [дж]/[дж'] в белорусских говорах, то мягкая аффриката отмечена лишь в нескольких населенных пунктах Брестской области (см. [Нарысы 1964, 134]).

На русской диалектной территории только в узкой полосе западных и юго-западных говоров находим аффрикату [дж] (или [дж']) в форме 1 л.ед.наст. типа *хо́джу́, ви́джу́, ви́дж'у́* и т.п.[12]

В целом по наличию аффрикаты [дж] ([дж']) в рассматриваемой глагольной форме украинские, белорусские и русские говоры образуют общий большой ареал в юго-западной части восточнославянского диалектного пространства.

В некоторых замечаниях нуждается и вопрос о реализации второй ступени чередования, которую мы обозначили символом <*S*$^{(.)}$>.

В большинстве восточнославянских диалектов она представлена в исходе основы в форме 3 л.мн.наст. мягкой переднеязычной (зубной) согласной или аффрикативной свистящей фонемой, реализуемой мягкими зубными согласными или мягкими свистящими аффрикатами [ц',дз']: *хо́д'ат*$^{(.)}$, *хо́дз'ат*$^{(.)}$, *верт'а́т*$^{(.)}$, *но́с'ат*$^{(.)}$, *во́з'ат*$^{(.)}$, *лет'а́т*$^{(.)}$, *чи́с'ц'ат*$^{(.)}$ и т.д. Однако в немногих украинских говорах, переживших процесс отвердения мягких согласных в позиции перед нелабиализованными гласными переднего ряда, вторая ступень чередования может быть реализована твердой согласной фонемой. См., например, формы 3 л.мн.наст. из некоторых северноукраинских говоров: *хо́дет*$^{(.)}$, *про́сет*$^{(.)}$, *во́зет*$^{(.)}$ [Жилко 1964, 8; Бевзенко 1974, 24; Марчук 1969, 174]; или из некоторых белорусско-украинских пинских говоров: *но́сет, хо́дет* [Лизанец 1969, 191]. Важно при этом отметить, что твердые фонемы в исходе глагольной основы в форме 3 л.мн.наст. появляются, как правило, перед безударными флексиями (т.е. в формах с наосновным ударением). Если же ударение падает на флексию, то в исходе основы находим мягкие согласные фонемы, например: *чи́стет, но́сет,* но *трем'а́т*. Аналогичное явление наблюдается в тех же говорах и в формах 3 л.мн.наст. глаголов II

спряжения на губной: *воно́ спл'ат*$^{(,)}$, *скрипл'а́т*$^{(,)}$, но *ро́бет*$^{(,)}$, *ку́пет*$^{(,)}$, *ло́вет*$^{(,)}$ (см. [Жилко 1966, 99; Марчук 1969, 174]).

В некоторых говорах под влиянием форм с наконечным ударением безударный гласный [е] заменяется гласным [а], и в исходе глагольной основы в форме 3 л.мн.наст. появляется мягкий согласный, например: *про́сет*$^{(,)}$ → *про́с'ат*$^{(,)}$ по аналогии с *спл'ат*$^{(,)}$, *лежа́т*$^{(,)}$, *тремт'а́т*$^{(,)}$ [Марчук 1969, 174].

В связи с тем, что наличие твердых согласных фонем в исходе глагольной основы в форме 3 л.мн.наст. свойственно, по-видимому, лишь немногим диалектам, мы на карте это явление не показываем.

II. <S'> = <1,2,3>

В значительно меньшем количестве современных восточнославянских диалектов находим в глаголах II спряжения на зубной у н и ф и к а ц и ю исхода основы в парадигме настоящего времени по форме 3 л.мн., т.е. о т с у т с т в и е чередования и наличие во всех формах парадигмы только одного лишь «альтернанта» <*S'*>, например: рус.диал. 1 л.ед.наст. *с'ид'у́, пъс'ид'у́*..., 3 л.мн. *с'ид'а́т'*; *пъл'ат'у́*..., *л'ат'а́т'* [Бромлей, Булатова 1972, 436, 437]; укр.диал. *кос'у́*..., *ко́с'ат*$^{(,)}$; *брод'у́*..., *бро́д'ат*$^{(,)}$; *воз'у́*..., *во́з'ат*$^{(,)}$; *йі́з'д'у*..., *йі́з'д'ат*$^{(,)}$; *мас'т'у́*..., *мас'т'а́т*$^{(,)}$/*ма́с'т'ут*$^{(,)}$ [Жилко 1966, 94; Марчук 1983, 109-110]; бел.диал. *кос'у́*..., *ко́с'ац'* [Мацкевич 1959, 51].

Морфонологический тип с унифицированной по <*S'*> глагольной основой встречается в русских, украинских и белорусских диалектах. Утрата чередования, возникшая в результате внутрипарадигматического выравнивания глагольных основ, является в восточнославянских диалектах н о в о о б р а з о в а н и е м (см., например: [Иванов 1982, 123; Бевзенко 1960, 271; Марчук 1983, 110; Мацкевич 1959, 51]).

На территории распространения р у с с к о г о я з ы к а отсутствие чередования в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения на зубной находим, в основном, в южнорусском наречии: один ареал, расположенный на юго-западе, составляют говоры Верхне-Деснинской группы и Межзональной группы А, второй ареал, находящийся в центре южнорусского наречия, образован Мещерскими говорами Рязанской группы. В значительно меньшей степени это явление известно севернорусскому и среднерусскому наречиям: так, оно свойственно лишь некоторым вологодско-вятским и владимирским говорам, не образующим по этому признаку четко очерченных ареалов.

В русской диалектологии утрата чередования <*Š ~ S'*> = <*1*> ~ <*2,3*> и замена его «альтернантом» <*S'*> во всех формах парадигмы настоящего времени в глаголах II спряжения достаточно хорошо изучена (см.,

например [Обнорский 153, 109-113; Касвин 1949, 85-151; Бромлей, Булатова 1972, 225-226]).

С.П.Обнорский приводит богатейший диалектный материал из севернорусских говоров (Архангельская, Вятская и Пермская губернии), из переходных и смешанных говоров (Уральская обл., Уфимская, Саратовская, Пензенская, Астраханская и Рязанская губернии) и из южнорусских говоров (Калужская, Орловская, Курская, Воронежская и Рязанская губернии и Донская, Кубанская и Терская области), которым свойственно это явление. По его данным определяется следующий состав глаголов II спряжения, в которых зафиксировано отсутствие чередования (приводятся формы 1 л.ед.наст. в орфографии С.П.Обнорского): [т'] - *вертю, обвертю, воротю/вороцю, возвратю, позолотю, катю, прокатю, колотю, калатюсь, крихтю, крутю, летю, полетю́, палятю́, метю, молотю, памалатюсь, платю, портю, испортю, светю, святю, скапутюсь, тратю, стратю, хатю, хватю́, подхватю, шутю*; [д'] - *бро́дю, буду́, вадю́, во́дю, видю, вредю, гадю, гадюсь, угадю, гладю, глядю, глидю, ладю, подладю, садю, садюсь, победю́, си́дю́, пасо́дю, усадю, сбердю, сбондю, серды́ся, снаря́дю, стыдюся, хо́дю́, апхо́дюсь, схадю́, ухадю* (и даже *идю* - эта форма отмечена 3 раза в говорах Калужской и Орловской губерний); [с'] - *бро́сю, ве́сю, развесю, свесю, согласюсь, косю, месю, замисю, насю́, приносю, напасю́, прообсю, спрасю, сляпсю, форсю*; [з'] - *во́зю, возюся, нагрузюсь, егобзю, егозю, елозю, сконфузюсь, подлабзюсь, морозю, разслязю, скольжу, схлюзю, хазю*; [с'т'] - *перекстюсь, дастюсь, мостю, масьтю, постюсь, припастюсь, пустю, ростю, свистю, совестюся, участю, вычистю*; [з'д'] - *ездю* (и даже *лебездю*).

В результате анализа имеющегося русского диалектного материала С.П.Обнорский делает вывод, что отсутствие чередования в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения на зубной характерно прежде всего для южновеликорусских говоров, в особенности для юго-западной диссимилятивно акающей группы. Спорадично представленные в северновеликорусских говорах унифицированные по мягкому варианту типа <*S'*> глагольные формы можно, по мнению С.П.Обнорского, объяснить разным происхождением: в о д н и х Ч Д С они появились в результате аналогического выравнивания формы 1 л.ед.наст. по образцу остальных форм парадигмы (об этом свидетельствует наличие форм с переносом ударения с флексии на основу в форме 1 л.ед.наст.: *моло́тю*, ср. *моло́тит, моло́тят; хо́дю*, ср. *хо́дит, хо́дят; про́сю*, ср. *про́сит, про́сят* и под.), в д р у г и х Ч Д С они могли быть заимствованы из среднерусских говоров (см. [Обнорский 1953, 112]).

В современных говорах русского языка широко представлено явление с о с у щ е с т в о в а н и я парадигм настоящего времени глаголов II

спряжения на зубной с наличием и отсутствием чередования (т.е. <*Š ~ S'*> = <*1*> ~ <*2,3*>//<*S'*> = <*1,2,3*>). Причем во многих диалектных системах это сосуществование наблюдается не у всего класса глаголов II спряжения на зубной, а выборочно - либо у определенных глагольных лексем (например, в диалектах чрезвычайно распространена форма *е́здю* от глагола *ездить*, во всех же остальных глаголах в форме 1 л.ед.наст. находим <*Š*>, т.е. и *хожу́*, и *ношу́*, и *молочу́*), либо у глаголов с определенным строением исхода основы (например, основы на [т'], т.е. *колоти́*, *молоти́*, но *вожу́*, *ношу́*) (см. [Касвин 1949, 99, 101]).

Анализ случаев сосуществования различных морфонологических моделей очень важен для установления путей развития этого явления. Так, Г.А.Касвин высказывает предположение, что «выравниванию основ в первую очередь подверглись глаголы с основой на *т/ч* и, может быть, на *д/ж*, а также глагол *езжу - ездишь*» [Касвин 1949, 102]. С.В.Бромлей отмечает, что в диалектных системах мещерского ареала, характеризующихся наличием модели <*S'*> = <*1,2,3*>, только в глаголах на [д'] находим чередование <*Š ~ S'*> = <*1*> ~ <*2,3*>, например, *но́сю́*, но *хожу́*, *брожу́*. В говорах же, расположенных западнее Трубчевска, напротив, отсутствие чередования отмечается почти исключительно у глаголов с основой на [д'], т.е. *ходю́*, но *ношу́*, *молочу́* и др. (см. [Бромлей 1989, 122]). Эти факты, видимо, могут служить доказательством того, что в диалектных системах основы глаголов II спряжения на с м ы ч н ы е зубные [т'] и [д'] являются менее стабильным и более подвижным элементом в плане перестройки глагольных морфонологических структур, чем основы на ф р и к а т и в н ы е зубные [с'] и [з'].

При обращении к говорам, в которых господствующей морфонологической характеристикой глагольных парадигм является о т с у т с т в и е ч е р е д о в а н и я типа <*Š ~ S'*> = <*1*> ~ <*2,3*> в исходе основы, необходимо учитывать ф а к т в л и я н и я р у с с к о й л и т е р а т у р н о й н о р м ы на диалектные глагольные формы и попытаться определить пути этого влияния.

О том, что при сосуществовании парадигм с наличием и отсутствием чередования формы 1 л.ед.наст. с альтернантом <*Š*> являются в этих говорах не архаизмами, а новейшими заимствованиями из русского литературного языка, свидетельствует акцентная характеристика сосуществующих вариантов: *снаря́дю/снаряжу́*, *хо́дю/хожу́*, *коло́тю/колочу́*, *во́зю/вожу́*, *про́сю/прошу́*. Собственно диалектными формами в данном случае следует считать формы с альтернантом <*S'*> и с наосновным ударением (т.е. *во́зю*, *хо́дю*...), тогда как формы с альтернантом <*Š*> и наконечным ударением (т.е. *вожу́*, *хожу́*...), совпадающие по своему звучанию с исконными восточнославянскими формами (см. выше), в

действительности являются в этих диалектных системах новообразованиями, пришедшими из литературного языка (см. [Касвин 1949, 105-106; Бромлей, Булатова 1972, 225-227]).

С.В.Бромлей, анализируя морфонологическую характеристику парадигм настоящего времени глаголов II спряжения на зубной в говорах двух ареалов южнорусского наречия, выделенных по признаку <*S'*> = <*1,2,3*>, пришла к убедительному выводу о том, что воздействие литературного языка с чередованием типа <*Š* ~ *S'*> = <*1*> ~ <*2,3*> на диалектные глагольные формы, приведшее к появлению сосуществующих парадигм, протекало по-разному в двух группах говоров и дало принципиально различные по своему характеру результаты (см. [Бромлей, Булатова 1972, 225]).

Так, в периферийных говорах Мещерского ареала с отсутствием чередования (т.е. <*S'*> = <*1,2,3*>), где сосуществуют парадигмы с чередованием и без чередования, альтернация <*Š* ~ *S'*> = <*1*> ~ <*2,3*> свойственна только глаголам с подвижным ударением (ср. *про/ш/у́* ~ *про́/с'/ишь...*, *во/ж/у́* ~ *во́/з'/ишь...*). Глаголы с неподвижным ударением на основе выступают в этих говорах без чередования (т.е. <*S'*> = <*1,2,3*>, ср. *бро́/с'/у*, *бро́/с'/ишь...*, *унаво́/з'/у*, *унаво́/з'/ишь...*). Здесь, следовательно, морфонологическая характеристика глаголов II спряжения подчинена строгой закономерности, обусловленной акцентологической характеристикой глагола.

В Верхне-Деснинской группе говоров сосуществующие парадигмы с чередованием и без чередования могут образовывать отдельные глаголы с разными исходами основ, и список этих глаголов обычно не совпадает в разных ЧДС. Так, С.В.Бромлей делает наблюдение, что в первую очередь осваивают литературную морфонологическую модель глагольные основы на [д'], (причем не обязательно все глаголы этой структуры); в данных системах могут, например, употребляться такие формы 1 л.ед.наст. с альтернантом <*S'*>, как *прос'у́*, *колот'у́*, *унаво́з'у*, но *ви́жу*, *хожу́* с альтернантом <*Š*>. Особенно часто парадигму с чередованием имеют наиболее частотные глаголы *видеть* и *ходить* (см. [Бромлей, Булатова 1972, 225-226]). Примером подобной системы, где, фактически, невозможно выявить какую-либо определенную закономерность в употреблении тех или иных форм, может служить говор с. Огорь Жиздринского района Калужской области, в котором записаны следующие формы 1 л.ед.наст.: *прас'у́*, *бро́с'у*, *зав'е́с'у*, *ръструс'у́*, *зъ'ъласу́*, *събраз'у́*, *нък'ип'ат'у́*, *скаро́д'у*, *нач'ис'т'у*, *н'айе́з'д'у*, но *с'ажу́*, *гл'ажу́*, *пр'ихажу́*, *н'ь в'ижу* [Бромлей, Булатова 1972, 390, 391].

Сопоставляя условия и результаты реализации парадигм настоящего времени глаголов II спряжения в двух массивах южнорусского наречия - в

Мещерском и Верхне-Деснинском - С.В.Бромлей делает убедительный вывод о том, что сейчас в Верхне-Деснинской группе говоров системы с <*S'*> (т.е. *прос'ý, в'ид'у...*) являются нестабильными, неустойчивыми: в них активно проникает вариант из литературного языка с чередованием <*Š* ~ *S'*> = <*1*> ~ <*2,3*>, вовлекая в этот процесс разные глаголы в отдельных ЧДС. Такое активное, но, фактически, неупорядоченное взаимодействие разных морфонологических моделей (<*Š* ~ *S'*> = <*1*> ~ <*2,3*> и <*S'*> = <*1,2,3*>) в говорах Верхне-Деснинской группы и, напротив, вполне упорядоченное, с наличием явной закономерности (зависимость от схемы ударения) их взаимодействие в Мещерских говорах Рязанской группы объясняется, по мнению С.В.Бромлей, «условиями широкого и беспрепятственного в настоящее время контактирования Верхне-Деснинских говоров с их восточными соседями, с одной стороны, - отсюда различные результаты воздействия систем с наличием альтернации (т.е. перестройка диалектной нормы под влиянием извне), - и изолированным географическим положением Мещерских говоров, с другой стороны, что обеспечивает более устойчивое устройство их парадигм в соответствии с чисто морфологическими факторами (ср. отсутствие альтернации $C^{M}//C$ или ориентацию в распределении глаголов между подклассами с наличием или отсутствием альтернации на систему ударения)» [Бромлей, Булатова 1972, 226-227].

В целом сложная картина морфонологической характеристики глаголов II спряжения на зубной с унифицированным консонантным исходом основы (т.е. <*S'*> = <*1,2,3*>), среди которых особую судьбу в некоторых русских говорах имеют глаголы II спряжения на [д'] (*водить, видеть, ходить...*) и на [т'] (*платить, воротить...*), хорошо показана на карте № 97 ДАРЯ. На нашей карте эти ареалы на русской территории обозначены несколько обобщенно, без специального указания на особую судьбу в тех или иных говорах глаголов с основой на [д'] и [т'] (см. [ДАРЯ II, карта № 97]), т.е. без указания на вариативность морфонологической характеристики этой группы глаголов.

Нельзя пройти и мимо наблюдений, сделанных в свое время Г.А.Касвин по поводу распространения глаголов с данной морфонологической моделью. Она отмечает, что формы с <*S'*> типа *воз'ý, снар'ад'ý, колот'ý, ход'ý, прос'ý* характерны главным образом для Тульской и Орловской групп южнорусского наречия, а также для говоров, переходных от белорусских к южнорусским. Реже эти формы находим в Рязанской группе южнорусских говоров и в восточной части переходных говоров от севернорусских к южнорусским. Формы с <*S'*> и переносом ударения на основу типа *колóт'у, хóд'у, прóс'у* встречаются только в Рязанской группе южнорусских говоров (Рязанская и Воронежская

губернии) и в восточной группе переходных от севернорусских к южнорусским говорам Пензенской и Рязанской губерний [Касвин 1949, 105].

При сопоставлении результатов унификации основы в двух группах глаголов II спряжения - с основой на г у б н о й и с основой на з у б н о й - можно отметить, что в большинстве русских говоров их судьба оказывается одинаковой: *л'уб'ý, куп'ý* и *нóс'ý, хóд'ý*. И только в юго-западном ареале эти две группы глаголов ведут себя в плане морфонологии по-разному: в северной части указанного ареала унификация чаще проявляется в глагольных основах на губные, тогда как на юго-востоке того же ареала она в большей степени свойственна глагольным основам на зубные [Бромлей 1989, 122].

Г.А.Касвин, сравнивая судьбу глаголов II спряжения с основами на зубной и на губной, делает более общий вывод, отмечая, что аналогическое выравнивание основ по форме 3 л.мн.наст. в меньшей степени затронуло глаголы на губной, что, возможно, связано с тем, что фонетические сочетания мягких губных с [у], т.е. [б'у], [п'у], [в'у], [м'у] (*л'уб'ý, куп'ý*) вообще редки в русском языке [Касвин 1949, 102]. Утрата чередования типа $<A_1 \sim A_2> = <1> \sim <2,3>$ в основах на зубные (т.е. $<S'> = <1,2,3>$) и сохранение его в основах на губные (т.е. $<Pl' \sim P'> = <1> \sim <2,3>$) характеризует, главным образом, севернорусские говоры Вологодско-Вятской группы и некоторые владимирские говоры. В южнорусском наречии данное явление свойственно лишь отдельным ЧДС [Касвин 1949,102].

На территории распространения у к р а и н с к о г о языка морфонологическую модель $<S'> = <1,2,3>$ находим в трех массивах - южном, северо-западном и северо-восточном. Эта модель является здесь новообразованием (см., например, [Бевзенко 1960, 271; Жилко 1966, 94]).

Самый представительный и компактный ареал с унифицированной по форме 3 л.мн.наст. глагольной основой (*ход'ý, тремт'ý, вóз'у, лáз'у, нóс'у, кóс'у* [Марчук 1964, 89; Історія 1978, 341]; *мас'т'ý, мáстиш, мáсте, мáстимо, мáстите, мáс'т'ат'/мáс'т'ут'; брод'ý..., брóд'ат'; йиź'д'у..., йиź'д'ат'; кос'ý..., кóс'ат'; воз'ý..., вóз'ат'* [Марчук 1983, 109-110]; *сид'ý, лит'ý, попрос'ý* [Логвин 1965, 41]) располагается в основном на территории юго-восточной Украины, к югу от условной линии Черновцы – Каменец - Подольский - Винница - Погребище - Черкассы - Хорол - Полтава - Харьков; он охватывает некоторые юго-западные говоры (буковинские, юго-восточные волынские и подольские), юго-восточные говоры с древнейшей диалектной основой (среднеподнепровские) и юго-восточные говоры новой формации (степные и слобожанские). Важно отметить, что большинство полтавских говоров характеризуется наличием вариативных

парадигм настоящего времени с чередованием и без чередования в исходе глагольной основы (например, *ход'ý/хожý, ход'ý/ходжý, ле^{и}т'ý/ле^{и}чý, нос'ý/ношý, воз'ý/вожý* [Ващенко 1957, 212-216]). Наличие указанных вариантов можно рассматривать как свидетельство того, что процесс аналогического выравнивания глагольной основы в парадигме настоящего времени по форме 3 л.мн. в данных юго-восточных украинских говорах и сейчас еще является живым (см., например, [Марчук 1983, 110]).

К этому ареалу примыкает с севера «язык», образованный русскими говорами Верхне-Деснинской группы, которые характеризуются также нестабильностью в плане морфологической структуры консонантного исхода глагольной основы, охваченной процессом ее унификации (см. выше). В указанном общем ареале с <*S'*> в исходе основы всех форм парадигмы настоящего времени только юго-восточные украинские говоры демонстрируют морфонологическую устойчивость. Этот факт может свидетельствовать о том, что аналогическое выравнивание консонантного исхода основы (т.е. проникновение альтернанта <*S'*> и в форму 1 л.ед.наст.) идет на восточнославянской территории с юга на север; вполне возможно, что данный процесс имеет тенденцию и дальнейшего распространения на север, а в говорах, в которых зафиксированы варианты, он находится в стадии становления и в наши дни.

Второй ареал, выделяемый по морфонологической модели <*S'*> = <*1,2,3*>, располагается на северо-западе Украины, охватывая восточную часть западнополесских и западную часть среднеполесских говоров (севернее условной линии Ковель - Луцк - Ровно - Новгород-Волынский - Коростень - к югу от Чернигова). Этот ареал продолжается и далее на север, на территорию Белоруссии, где находятся юго-западные белорусские говоры, характеризующиеся в данном случае теми же морфонологическими чертами, которые свойственны и северноукраинским говорам западнополесского диалектного массива (например: *кос'ý, нос'ý, воз'ý, кот'ý, тот'ý, верт'ý, тремт'ý, буд'ý, ход'ý, посад'ý* [Нарысы 1964, 338; Лизанець 1969, 191]).

Третий, самый маленький ареал, представляющий собой узкую полосу вдоль государственной границы, в котором также находим унифицированную по форме 3 л.мн.наст. глагольную основу, расположен на северо-востоке - в районе г.Сумы и восточнее г.Шостка (это восточнополесские, севернослобожанские и северносреднеподнепровские говоры), например: *хó[д']у..., хó[д']ат'ь, нó[с']у..., нó[с']ат'* (см. [АУМ 1, карты №№ 252, 255]). Данный ареал составляет одно целое с большим ареалом, образованным южнорусскими говорами Верхне-Деснинской группы, и, в сущности, является его юго-западной окраиной.

На территории распространения б е л о р у с с к о г о я з ы к а явление унификации основ глаголов II спряжения на зубной в парадигме настоящего времени по форме 3 л.мн. (т.е. <*S'*> = <*1,2,3*>) отмечено в говорах, расположенных в юго-западной части Брестской области и продолжающих северо-западный ареал украинских говоров, также характеризующихся морфонологической моделью <*S'*> = <*1,2,3*>, например, *прыводзʼуʼ, ходзʼуʼ, садзʼуʼ; ходʼуʼ, глʼедʼуʼ, садʼуʼ, содʼуʼ, проводʼуʼ, сыдʼуʼ, поглʼедʼуʼ, поглядʼуʼ, просʼуʼ, носʼуʼ, косʼуʼ, хотʼуʼ, платʼуʼ, тотʼуʼ* (Целяханский, Лагишевский, Пинский, Лельчицкий, Туровский районы), см. [Мацкевич 1959, 51-52]. Кстати, интересно отметить, что в этих говорах в «средних» формах парадигмы перед гласным [и] произносятся позиционно мягкие зубные согласные, и эта черта выделяет глаголы II спряжения, в отличие от которых в глаголах I спряжения в «средних» формах парадигмы настоящего времени перед гласным [е] находим твердые согласные, например, *хóдʼиш, хóдʼит'...*, но *идéш, кладéш, нʼасéш* [Мацкевич 1959, 52].

По сведениям Г.А.Касвин, можно предположить, что морфонологическая модель <*S'*> = <*1,2,3*> свойственна и некоторым юго-восточным белорусским говорам, переходным к южнорусским с этой же морфонологической моделью [Касвин 1949, 105]. На карте № 204 ДАБМ указан лишь один нас.п. 926 (дер. Перелевка Гомельской области), где отмечены формы с <*S'*> типа *прыходʼуʼ, прыводʼуʼ, прыносʼуʼ, прыходзʼуʼ, прыводзʼуʼ.*

Анализ ареалов с морфонологической моделью <*S'*> = <*1,2,3*> на восточнославянской территории подводит нас к принятию некоторого допущения. Возможно, уже правосточнославянские диалекты не были однородными в плане морфонологической характеристики парадигм настоящего времени глаголов II спряжения на зубной. Одни из диалектов (северные) характеризовались морфонологической моделью <*Š ~ S'*> = <*1*> ~ <*2,3*> *(прó<ш>ʼуʼ ~ прó<сʼ>ишь..., прó<сʼ>ат)*, а другие (южные) - морфонологической моделью <*S'*> = <*1,2,3*> *(прó<сʼ>ʼуʼ, прó<сʼ>ишь..., прó<сʼ>ат)*. На эту мысль наводит, прежде всего, наличие компактного ареала с <*S'*> = <*1,2,3*>, образованного архаическими полесскими говорами, а также употребление форм без чередования в некоторых юго-западных и южных украинских говорах с древнейшей диалектной основой (см. выше). Отсюда следует, что данную морфонологическую модель можно рассматривать не как новообразование, а как архаический признак глагольных парадигм, являющийся исконным для соответствующих диалектов. Кстати, об унифицированной по мягкому зубному согласному глагольной основе как о древней черте писали М.Грунский и П.Ковалев: «Цілком органічно збереглись в деяких діялектах (особоливо Поділля,

Волинь) такі старі форми, як *ходю, сидю, платю, свічу* і т.д.» [Грунський, Ковальов 1931, 276].

III. <Š ~ S'> = <1,2> ~ <3>

В некоторых отдельных русских говорах находим морфонологический тип <*Š ~ S'*> = <*1,2*> ~ <*3*>, т.е. *прошу́, про́шут ~ про́с'иш...; хожу́, хо́жут ~ хо́д'иш...* . Однако ни в одном из этих говоров данный тип не выступает последовательно у всех глаголов, поэтому на карте он не показан. С.В.Бромлей отмечает те нас. пункты, где указанный морфонологический тип встречается у следующих глаголов: *просить* (С.915; Вост.331); *косить* (Ю.765); *возить* (С.915; Вост.331, 582); *молотить* (С.915, 1152; Ю.124, 316); *пустить* (Вост.410); *весить* (С.-Зап.75; Зап.580; Вост.298); *украсить* (С.-Зап.180); *видеть* (Зап.583, 585, 587, 588, 591, 595, 706, 717, 726; Вост.490; Ю.34, 52, 209, 387) [Бромлей 1989, 120-121]. Интересно, что модель <A_1 ~ A_2> = <*1,2*> ~ <*3*> находим и у глаголов II спряжения на губной (т.е. *л'убл'у́, л'убл'ут ~ л'у́б'иш...*), причем чаще, чем у глаголов II спряжения на зубной [Бромлей 1989, 120]. Анализируя это явление в южнорусских говорах, С.В.Бромлей приходит к следующему выводу: «Степень системности этих отношений требует, однако, дополнительного изучения. Судя по немногочисленности имеющегося материала и непоследовательности употребления форм типа *ви́жут, ку́плют* (при *ви́дют, ку́пют*), мы имеем в этом случае дело с проявлением еще не вполне развившейся тенденции, связанной с перестройкой в южнорусских говорах системы спряжения глаголов с ударением на основе» [Бромлей, Булатова 1972, 229].

IV. <Š> ~ <S> ~ <S'> = <1> ~ <3> ~ <2>

В некоторых гуцульских и покутских говорах украинского языка глаголы II спряжения на зубной имеют трехчленные ряды чередований типа <*Š*> ~ <*S*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*3*> ~ <*2*>. Данная ситуация обусловлена тем, что в этих говорах позиции перед нелабиализованными гласными среднего и средне-нижнего подъема [е] и [ə] являются позицией различения твердых и мягких согласных, например: *козаре́* (М.ед.) - *козар'е́* (Р.-В.ед.), *см̆ртə* (Д.-М.ед.) - *кру́к'ət* (3 л.мн.наст.), *зəмл'е́* (И.ед.) - *во́з'ət* (3 л.мн.наст.). А.Н.Залесский, исследовавший звуковые системы указанных юго-западных украинских говоров, отмечал, что в результате развития различных явлений в области вокализма (в частности, перегласовки *'a>e* и понижения артикуляции гласных, реализующих фонемы /и^{e}/ и /е/) позиция перед гласным [е] стала сильной для оппозиции твердых и мягких согласных фонем: *т'ёшко - стёшка* [Залеський 1971, 69].

В данных гуцульских и покутских говорах на месте **е* и **ь* в открытом слоге выступают нелабиализованные гласные средне-нижнего подъема [а] и среднего подъема [ə], перед которыми согласные могут быть только

твердыми: *вáрба, смəрáка, óлəн', пáлəц*. На месте *ы и *и в позиции под ударением находим нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема [е] (*бек, зовéц'і* - И.ед.), а в безударной позиции - нелабиализованный гласный среднего подъема [ə] (*бəкá* - Р.-В.ед., *зовəц'í* - И.мн.); предшествующие согласные (за исключением заднеязычных [к] и [х]) перед данными гласными являются твердыми (*лéко, сен, плугé, нóгə*, но *скорух'é, п'іск'é, потóк'ə, блéх'ə*). Гласным *а (кроме позиции после *j*), и *е (в сочетании *ьje*) соответствуют нелабиализованные гласные [е] и [ə/і], перед которыми согласные являются мягкими (*з'ек', зəмл'é, воз'іўн'é, жəк'é, шч'іс'к'ə/шч'іс'к'і, мн'əсá, вóз'əт* и др.) (см. [Попова 1971, 86]).

В связи с тем, что в указанных говорах положение перед современными гласными [е] и [ə] является позицией различения твердых и мягких согласных, наличие в исходе глагольных основ твердых согласных в «средних» формах парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на зубной (перед флексиями [еш]/[əш],]ет]/[əт], [емо]/[əмо], [етə]/[ətə]) должно интепретироваться как наличие твердых согласных фонем, например: *пла/ч/ý ~ пла/т/éш... ~ пла/т'/ém; кру/ч/ý ~ кру́/т/əш... ~ кру́/т'/ət*.

Морфонологическая структура глаголов II спряжения на зубной с трехчленным чередованием типа <*Š*> ~ <*S*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*3*> ~ <*2*> может быть проиллюстрирована парадигмами настоящего времени следующих глаголов, собранных в говоре с. Саджава Ивано-Франковской области: *гатéтə, допр'ітéтə, котéтə, крутéтə, л'утéтə, мастéтə, молотéтə, мостéтə, пəстéтə, платéтə, пустéтə, ростéтə, с'в'ітéтə, хастéтə, честéтə; шəпотáтə; бродéтə, будéтə, водéтə, городéтə, р'ідéтə, родéтə, солодéтə, садéтə, судéтə, хадéтə, гладéтə, йі́здətə, конопáдətə, лáгодətə, пу́dətə; голосéтə, просéтə, клямóсətə, нóсətə, пов'ісətə; возéтə; вəрстé* (= укр.лит. *верзти*); *вəр'к'і́тə, трам'к'і́тə, хрус'к'і́тə; сəг'і́тə, смəр'г'і́тə, вег'і́тə*. Например: <ж>~<з>~<з'> - *вóжу ~ вóзəш... ~ вóз'əт*; <ш>~<с>~<с'> - *голошу́ ~ голосéш... ~ голос'ém; нóшу ~ нóсəш... ~ нóс'əт*; <ч>~<т>~<т'> - *плачу́ ~ платéш... ~ плак'ém; кручу́ ~ кру́тəш... ~ кру́к'ət; рóшчу ~ ростéш... ~ рос'к'ém; мóшчу ~ мóстəш... ~ мóс'к'ət*; <дж>~<д>~<д'> - *саджу́ ~ садéш... ~ сад'ém; хóджу ~ хóдəш... ~ хóг'ət*; <ждж>~<зд>~<з'д'> - *йіжджу ~ йіздəш... ~ йіз'г'ət* (см. [Попова 1970, 342]).

Допуская наличие трехчленных чередований типа <*Š*> ~ <*S*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*3*> ~ <*2*>, необходимо также упомянуть о некоторых северно-украинских (полесских) говорах, в вокальных системах которых имеются нелабиализованные гласные, артикулируемые в диапазоне передне-среднезаднего ряда, [и] (или [и^{i}]) и [і], перед которыми согласные являются либо

твердыми (перед [и/и^{i}]), либо мягкими (перед [i]), например, *коти́^{i}, кот'i* [Жилко 1964, 9].

В зависимости от фонологической интепретации нелабиализованных гласных [и/и^{i}] и, следовательно, от признания того, является ли позиция перед этими гласными сильной или слабой для парных по твердости-мягкости фонем, выстраиваются либо двухчленные чередования (типа <*Š*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*2,3*>), либо трехчленные (типа <*Š*> ~ <*S*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*3*> ~ <*2*>) в исходе основы глаголов II спряжения на зубной в парадигме настоящего времени (например, *вожу́, во́зиш, во́зит', во́зимо, во́зите, во́з'ат'*).

Так, если считать, что звуки [и/и^{i}] и [i] реализуют о д н у гласную фонему, нелабиализованную, незаднего ряда /и/ (либо /i/) (см., например, мнение Ф.Т.Жилко [Жилко 1964, 9] и Т.В.Назаровой [Назарова 1965, 120-121]), то твердость согласных в позиции перед [и/и^{i}] (в «средних» формах парадигмы - *во́зиш/во́зи^{i}ш...*) следует рассматривать как фонологически значимую. В этом случае морфонологическую характеристику данных глагольных парадигм составит трехчленное чередование типа <*Š*> ~ <*S*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*3*> ~ <*2*>: «средние» формы будут характеризоваться альтернантом <*S*>, представленным твердой согласной фонемой. И напротив, если признать, что звуки [и/и^{i}] и [i] реализуют д в е разные нелабиализованные гласные фонемы - одну переднего ряда /i/ и другую средне-заднего (либо среднего, передне-среднего) ряда /и/ (см., например, мнение С.П.Бевзенко [Бевзенко 1974, 6]), в результате чего твердость согласных перед [и/и^{i}] и мягкость их перед [i] окажется позиционно обусловленной, то парадигмы настоящего времени глаголов II спряжения на зубной будут характеризоваться двухчленным морфонологическим чередованием <*Š*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*2,3*>: в «средних» формах парадигмы твердый согласный в исходе основы реализует вариант мягкой согласной фонемы, представленной мягким согласным в форме 3 л.мн.наст.

* * *

При сопоставлении морфонологической структуры глаголов II спряжения с основами, с одной стороны, на губной и, с другой, - на зубной согласный, следует отметить, что в большинстве восточнославянских диалектов парадигмы этих глаголов развиваются параллельно, характеризуясь однотипными чередованиями, а именно: либо <*Pl'~P$^{(,)}$*> = <*1*> ~ <*2,3*> и <*Š*> ~ <*S'*> = <*1*> ~ <*2,3*> (т.е. *л'убл'у́ ~ л'уб'иш..., л'уб'ат; кошу́ ~ ко́с'иш..., ко́с'ат*); либо <*P'*> = <*1,2,3*> и <*S'*> = <*1,2,3*> (т.е. *л'уб'у́, л'уб'иш..., л'уб'ат; кос'у́, ко́с'иш..., ко́с'ат*); либо <*Pl'~P'*> = <*1,2*> ~ <*3*> и <*Š ~ S'*> = <*1,2*> ~ <*3*> (т.е. *люб/л'/у́, лю́бишь, лю́бит..., лю́б/л'/ут; хо/ж/у́,*

хо́/дʼ/ишь, хо́/дʼ/ит..., *хо́/ж/ут* - в единичных южнорусских говорах [Бромлей, Булатова 1972, 229]).

Однако в некоторых говорах морфонологическая судьба указанных двух групп глаголов II спряжения не является одинаковой. С.В.Бромлей отмечает, что в одном из говоров, расположенном в северной части Верхне-Деснинского массива, глагольные основы на зубной являются морфонологически маркированными (например, *но/ш/ý ~ но́/сʼ/ат, во/ж/ý ~ во́/зʼ/ат, кру/ч/ý ~ крý/тʼ/ат, си/ж/ý ~ си/дʼ/áт, про/ш/ý ~ про/сʼтʼ/áт, é/жʼ/у ~ é/зʼдʼ/ат*), тогда как глагольные основы на губной являются морфонологически немаркированными - в них чередование отсутствует (например, *лю/бý/, то/пʼý/, ло/вʼý/, ло/мʼý/*) [Бромлей, Булатова 1972, 226].

Г.А.Касвин также специально останавливается на разной морфонологической характеристике глагольных основ на губной и на зубной. По ее наблюдениям, напротив, глаголы II спряжения на губной в меньшей степени подвержены процессу унификации основ (т.е. *лʼублʼý*, но *колотʼý*) [Касвин 1949, 102]. Особенно такое соотношение в глагольных парадигмах свойственно севернорусским и среднерусским говорам (вологодско-вятская группа и некоторые владимирские говоры) [Касвин 1949, 102]. Она высказывает предположение, что рассматриваемые процессы в глаголах II спряжения и сейчас еще являются живыми.

Примечания:

[1] В дальнейшем изложении данные глаголы будем называть по традиции «глаголы II спряжения на зубной», а в ряде случаев, когда возникнет необходимость в детализации исследуемого материала, могут быть употреблены определения типа «глаголы II спряжения на [т'], [д'], [с'], [з'], [с'т'], [з'д']» (т.е. в этих определениях указывается конкретная реализация исхода основы в формах инфинитива в современном русском литературном языке, например: глагол *плати́ть - плачý, пла́тишь..., пла́тят* может быть определен как «глагол II спряжения на [т']»).

[2] Индекс <*1*> означает форму 1 л.ед.наст., индекс <*2*> - форму 3 л.мн.наст., индекс <*3*> - формы 2,3 л.ед. и 1,2 л.мн.наст. Ступени чередования, обозначаемые нами символами <*Š*> и <*Sʼ,ʼ*>, имеют в говорах различную звуковую реализацию: <*Š*> - [ш, ж, ч, шч, шъч, шъш, штш, сч, дж, жд, жд', ждж]; <*Sʼ,ʼ*> - [с$^{(,)}$, з$^{(,)}$, д$^{(,)}$, дз$^{(,)}$, т$^{(,)}$, ц$^{(,)}$, ст$^{(,)}$, с$^{(,)}$т$^{(,)}$, з$^{(,)}$д$^{(,)}$]. Например: <*Š*> - *ношý, ви́жу, кручý, пущчý, пущъшý, наро́шʼшʼу, пушъчý, пуштý, пусчý, вы́джу, забры́жʼжʼу, é́зжу, é́ждʼу, é́ждж у* и т.п. (см. [Бромлей, Булатова 1972, 316; Возний 1983, 177; Касвин 1949, 98]); <S$^{(,)}$> - *но́сʼиш, ко́сʼат, во́зʼиш, кру́тʼиш,*

сáд'иш, хóдет, нóсет, хóдз'иш, йúз'д'ат', мáс'т'ат' и т.п. (см. [Лизанец 1969, 191; Бромлей, Булатова 1972, 319; Марчук 1983, 109]).

[3] В.М.Русановский отмечает для украинского языка XIУ - начала ХУП вв. также только данный тип чередования в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения на зубной, т.е. <ж/дж/жд~д>, <ж~з>, <ш~с>, <шч~ст>, <ч~т>, и приводит соответствующие примеры из памятников письменности, например (цитируется по [Русанівський 1971, 73, 77, 123]): сѧ вороти(т) (Укр.гр., 55), сѧ воротѧть (Укр.гр., 32), зъє(з)ди(м) (Укр.гр., 22), соужоу́ (П, 378), соу́дитє (П, 378 об). шкоджу (Бер., Сл., 18), подношу (Бер., Сл., 12), въскршоу (П , 369. об), кр(с)тить (П, 27), крщоу (П, 26 об), году (Бер., сл., 16), плєщу́ (Бер., Сл., 82), гвалчу (Бер., Сл., 70), колочу (Бер., Сл., 80), трачу (Бер., Сл., 84), вижду. вижу (Бер., Сл.. 15), лєчу (Бер., Сл., 80). Принятые в монографии В.М.Русановского сокращения означают: *Укр.гр.* - Українські грамоти XV ст.; *П* - Пересопницьке євангеліє 1556-1561 р.; *Бер., Сл.* - Лексикон словенороський Памви Беринди.

[4] Отмечая, что в литературном русском языке в глаголах II спряжения на [д'] закрепились формы 1 л.ед.наст. с [ж] в исходе основы, «которые вообще должны признаваться единой формой для всей подходящей группы глаголов» [Обнорский 1953, 113]. С.П.Обнорский подчеркивает, что в глаголах II спряжения на [т'] в значительном кругу лексики утвердились формы 1 л.ед.наст. в церковно-славянской по происхождению огласовке с [щ] вместо ожидаемого [ч]: *возвращу, поглощу, возмущу* и др. [Обнорский 1953, 113].

[5] Ср.: «...отвердение согласных перед *і* ... имело фонологические последствия, выражающиеся в том, что гласные *і* и *у* стали функционировать как самостоятельные фонемы, в положении перед которыми твердые и мягкие согласные не были противопоставлены» [Калнынь 1962, 67], ср., например, материалы из некоторых архаических западноукраинских говоров (соответствующие примеры приведены в [Калнынь 1962, 68]).

[6] В русском и белорусском л и т е р а т у р н ы х языках и их говорах морфонологическая структура данных глагольных парадигм на ф о н е т и ч е с к о м уровне является иной: *[Š] ~ [S'] = <1> ~ <2,3>*, ср. рус.лит. *про[ш]у ~ про[с']ишь, про[с']ит..., про[с']ят*; бел.лит. *пра[ш]у ~ про[с']іш..., про[с']яць.*

[7] Л.Э.Калнынь пишет по этому поводу: «В основной же массе украинских говоров произошла дефонологизация противопоставления *і - у* вследствие совпадения гласных, образующих эти фонемы, в одном гласном, качество которого неодинаково по говорам. В североукраинских говорах это гласный

верхнего подъема переднего ряда, в юго-восточных - верхне-среднего подъема передне-среднего ряда, в юго-западных - это гласный более низкого образования, чем в юго-восточных. В позиции перед фонемой, образованной этим гласным, твердые и мягкие согласные фонемы первоначально не были противопоставлены» [Калнынь 1962, 68].

[8] Однако в ряде юго-западных украинских говоров (гуцульских и покутских) в результате специфической для этих говоров перестройки системы вокализма (см., например, [Залеський 1971, 67-68; Попова 1971, 86]) нами конструируется трехчленное морфонологическое чередование типа *<Š> ~ <S> ~ <S'> = <1> ~ <3> ~ <2>* в исходе основ глаголов II спряжения на зубной (см. об этом ниже в соответствующем разделе).

[9] Говоря о наличии чередования типа *<Š ~ S'> = <1> ~ <2,3>*, необходимо иметь в виду, что в некоторых севернорусских говорах при наличии мягкого цоканья звук, выступающий на месте [ч], обладает ослабленной фрикацией и реализуется как звук [т']. т.е. произношение *колот'у* можно интерпретировать в аспекте морфонологии и как *коло<т'>у*, и как *коло<ч>у*. Это явление отмечено в нас. пп. С.43, 104, 117, 256, 257, 261, 262, 278, 650, 731, 749, 767, 814, 848, 879, 949, 993, 1015, 1030, 1047, 1196, 1292, 1332, 1379, 1406, 1408 [Бромлей 1989, 121].

[10] В то же время Е.Ф.Карский отмечает, что древнейшие памятники белорусского языка не знают [дж] в форме 1 л.ед.наст.: в них, как и в памятниках др.-рус. языка, находим только [ж] (см. [Карский 1955, 381]). Вопрос о происхождении [дж] в данных глагольных основах привлекал внимание многих исследователей. Одни считали это новообразованием аналогического характера (например, А.И.Соболевский, Е.Ф.Карский, С.М.Кульбакин, П.С.Кузнецов). С.М.Кульбакин писал, что "не может быть сомнения в том, что [дж] – вторичного происхождения: старые формы *вижу, хожу* изменились в *виджу, ходжу* под влиянием *видіти*.... с [д] в основе" [Кульбакин 1919, 41]. Другие лингвисты доказывали архаичность наличия [дж] в этих формах (А.А.Шахматов, А.А.Потебня, А.Е.Крымский). А.А.Потебня еще в 1866 г. полагал, что наличие [ж] или [дж] являлось диалектной чертой, разделяющей древнерусские диалекты на наречия не позже X-XI вв. При этом он высказывал мнение о первичности [дж] и вторичности [ж]: «*ж* из *дj* (*хожу*) не могло образоваться непосредственно; оно необходимо предполагает *дж*» [Потебня 1866, 124]. Рассуждая о появлении *ж* путем «ослабления *дж* (из *дj*) в *ж*» в великорусских и украинских говорах, он писал, что [ж] из [дж] в украинском языке, «вероятно, новее», чем [ж] из [дж] в великорусском языке [Потебня 1866, 124, 140]. Обзор различных гипотез о наличии [дж] в форме 1 л.ед.наст. глаголов II спряжения в

белорусском языке см., например, в [Наконечный 1962, 145-150; Мацкевич 1959, 48-49].

[11] Варианты *хожу́/ходу́* находим и в говорах южных районов Белоруссии [Мацкевич 1959, 50].

[12] Рассматривая данные парадигмы, С.В.Бромлей подчеркивает, что степень системности указанного типа чередования не является ясной: «Мы имеем в этом случае дело с проявлением еще не вполне развившейся тенденции, связанной с перестройкой в южнорусских говорах системы спряжения глаголов с ударением на основе» [Бромлей, Булатова 1972, 229]. Кроме того, она отмечает, что наличие фонемы [д͡ж] или [д͡ж] в соответствии с **tj* (*ход͡жу́, моло́д͡же* и др.) характеризует западные смоленские и брянские говоры, что показано на карте № 249 в [Зап.] и на карте № 179 в [Ю.-Зап.] (см. [Бромлей, Булатова 1972, 224]).

Литература:

[Аванесов 1978] – *Аванесов Р.И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958-1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Межд. съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1978.

[Бевзенко 1960] – *Бевзенко С.П.* Історічна морфологія української мови. Ужгород, 1960.

[Бевзенко 1974] – *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Фонетика. Одеса, 1974.

[Бернштейн 1974] – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974.

[Бромлей 1989] – *Бромлей С.В.* Основа и место ударения в формах настоящего времени глаголов II спряжения типа *просить, любить* (комментарии к картам №№ 97, 98) // ДАРЯ. Выпуск II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989, с. 120-122.

[Бромлей, Булатова 1972] – *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Ващенко 1957] – *Ващенко В.С.* Полтавські говори. Харьків, 1957.

[Возный 1969] – *Возний Т.М.* Система дієслівних форм часу в говірці села Бітлі на Львівщини // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Грунський, Ковальов 1931] – *Грунський М., Ковальов П.* Історія форм української мови. Харьків, 1931.

[Дейна 1957] – *Dejna K.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny // "Prace językoznawcza". 13. Wrocław, 1957.

[Дурново 1969] – *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

[Иванов 1978] – *Иванов В.В.* К истории форм настоящего времени в др.-рус. языке XI-XIV вв. (Эволюция форм 3 лица единственного и множественного числа по данным памятников письменности) // Исследования по истории морфологии русского языка. М., 1978.

[Иванов 1982] – *Иванов В.В.* История временны́х форм глагола // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

[Жилко 1963] – *Жилко Ф.Т.* Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими // Доповіді радянської делегації. V Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1966.

[Жилко 1966] – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. 1966.

[Закревська 1966] – *Закревська Я.В.* Система особовах форм дієслова в західних говорах української мови (теперішній час) // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

[Залеський 1971] – *Залеський А.М.* Деякі явища вокалізму покутських говірок з погляду фонології // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

[Історія 1978] – Історія української мови. Морфологія. За ред. В.В. Німчука. Київ, 1978.

[Калнынь 1962] – *Калнынь Л.Э.* Корреляция твердости-мягкости согласных в украинском языке // УЗИС. Том XXIII. М., 1962.

[Карский 1956] – *Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1956.

[Касвин 1949] – *Касвин Г.А.* Основы настоящего времени глаголов 2-го спряжения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Том III. М., 1949, с. 84-151.

[Кульбакин 1919] – *Кульбакин С.М.* Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии. Харьков, 1919.

[Курилович 1962] – *Курилович Е.* О природе так называемых "аналогических" процессов // *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. Сборник статей. М., 1962.

[Лавер 1969] – *Лавер В.И.* Система глагола в говорах Закарпатской области УССР. АКД. Одесса, 1969.

[Лизанец 1959] – *Лизанец П.Н.* Украинские южнокарпатские говоры Затиссья Виноградовского района Закарпатской области. АКД. Львів, 1959.

[Лизанец 1969] – *Лизанец П.М.* Морфологічні особливості деяких українських говірок Пінщини (БРСР) // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969, с. 187-191.

[Лисенко 1950] – *Лисенко П.С.* Говірка села Михайло-Коцюбинського Чернігівської області // Діалектологічний бюлетень. Вип. II. Київ, 1950.

[Логвин 1965] – *Логвин В.П.* Морфологічна система говірок Нижньої правобережної Наддністрянщини // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965.

[Марчук (Бовтрук) 1964] – *Марчук (Бовтрук) Н.Й.* Форми 1-ої особи однини дієслів теперішнього часу в українських говорах // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

[Марчук 1966] – *Марчук Н.Й.* Деякі явища граматичної аналогії в особових формах дієслів в українській мові // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

[Марчук 1969] – *Марчук Н.Й.* Форми 3-ї особи дієслів теперішнього часу в українських говорах // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Марчук 1982] – *Марчук Н.Й.* Типи дієвідмінювання в українських говорах // Структура українських говорів. Київ, 1982.

[Марчук 1983] – *Марчук Н.Й.* Система дієслівної словозміни // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983.

[Матвияс 1990] – *Матвіяс І.Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.

[Мацкевич 1959] – *Мацкевич Ю.Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.

[Назарова 1962] – *Назарова Т.В.* Фонеми *и(у) – і* в деяких середньополіських говірках // Дослідження з мовознавства. Вип. І. Київ, 1962.

[Назарова 1965] – *Назарова Т.В.* Спроба картографування фонемних структур в Атласі української мови // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965.

[Назарова 1969] – *Назарова Т.В.* Аналогія структурного зв'язку в говорах української мови // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Наконечний 1962] – *Наконечний М.Ф.* До вивчення процесу становлення й розвитку фонетичної системи української мови // Питання історичного розвитку української мови. Харьків, 1962.

[Нарысы 1964] – Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

[Обнорский 1953] – *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

[Попова 1970] – *Попова Т.В.* Морфонологические чередования согласных в спряжении глагола настоящего времени в юго-западном украинском говоре с. Саджава // Праці XIII респ. діал. наради. Київ, 1970.

[Попова 1971] – *Попова Т.В.* Вокалізм однієї гуцульської говірки // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

[Потебня 1866] – *Потебня А.А.* Два исследования о звуках русского языка. 1. О полногласии. 2. О звуковых особенностях. Воронеж, 1966.

[Русанівський 1971] – *Русанівський В.М.* Структура українського дієслова. Київ, 1971.

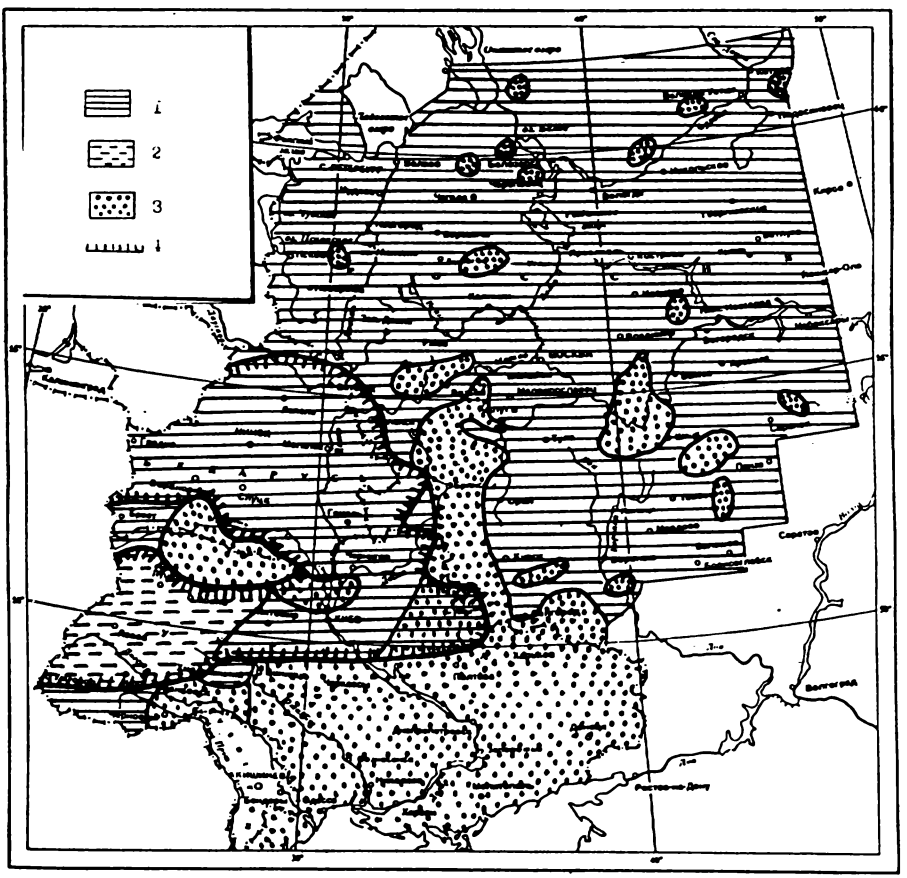
[Русская диалектология 1989] – Русская диалектология. Под ред. Л.Л.Касаткина. М., 1989.

[Самійленко 1964] – Нариси з історичної морфології української мови. Ч. І. Київ, 1964.

[Сидоров 1949] – *Сидоров В.Н.* Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии, Том І. М.-Л., 1949.

Карта. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *платить, гасить*.

1 - <Š ~ S'> = <1 л. ед.> ~ <2,3 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.>, например, рус. лит. *плачу́ ~ пла́тишь..., пла́тят*; *вожу́ ~ во́зишь..., во́зят*; *ношу́ ~ но́сишь..., но́сят*; *хожу́ ~ хо́дишь..., хо́дят*; 2 - <Š ~ S'/S> = <1 л. ед.> ~ <2,3 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.>, например, рус. лит. *плачу́ ~ пла́тишь..., пла́тят*; *вожу́ ~ во́зишь..., во́зят*; *ношу́ ~ но́сишь..., но́сят*; (но только укр. диал. *хо́джу́ ~ хо́диш..., хо́д'ат'*); 3 - <S'> = <1, 2, 3 л. ед., 1, 2, 3 л. мн.>, например, рус. диал. *плат'у́ ~ пла́т'иш..., пла́т'ат'*; *воз'у́ ~ во́з'иш...*; *нос'у́ ~ но́с'иш...*; *ход'у́, хо́д'иш...*; 4 - наличие [дж] в форме 1 л. ед. наст. глагола *ходить* (укр. лит. *ходити*).

Т.В.Попова

Флексия глагольной формы 3-го лица единственного числа настоящего времени

Темой двух карт и комментария к ним является реализация флексии глагольной формы 3 л. ед. наст. в восточнославянских диалектах, которая может быть выражена либо *нулем звука* (например, рус. диал. *ска́ч'е, тр'ép̀л'е* [Бромлей, Булатова 1972, 313]; укр. лит. *несе, плаче*; бел. лит. *нясе, плача, крадзе*), либо *фонемой /т/* (например, рус. лит. *несет, ходит*; укр. диал. *хо́дит, ва́рит* [Возний 1969, 178]), *либо фонемой /т'/* (например, рус. диал. *стуч'и́т', в'ис'и́т'* [Бромлей, Булатова 1972, 390]; укр. лит. *ходить, робить*; бел. лит. *ляжыць, вісіць*).

Исходным материалом для карт послужили следующие материалы атласов:

1) Карта № 79 "<т> или <т'> в окончаниях 3-го лица глаголов" [ДАРЯ, II].

2) Карта № 80 "Отсутствие *т* в окончаниях 3 лица единственного числа глаголов I и II спряжений" [ДАРЯ, II].

3) Карта № 258 "3-я особа однини теперішнього часу дієслів I дієвідміни" [АУМ 1].

4) Карта № 259 "3-я особа однини теперішнього часу дієслів II дієвідміни" [АУМ 1].

5) Карта № 240 "3-я особа однини теперішнього часу дієслів II дієвідміни" [АУМ, 2].

6) Карта № 148 "Форма 3-яй асобы адзіночнага ліку дзеясловаў I спражэння з націскам на канчатку" [ДАБМ].

7) Карта № 149 "Форма 3-яй асобы адзіночнага ліку дзеясловаў I спражэння з націскам на аснове" [ДАБМ].

8) Карта № 153 "Форма 3-яй асобы адзіночнага ліку дзеясловаў II спражэння з націскам на аснове" [ДАБМ].

Кроме того, были использованы опубликованные работы по истории и диалектологии русского, украинского и белорусского языков, в которых затрагивается данный вопрос.

Следует отметить, что в истории личных форм глагола настоящего времени в восточнославянских (как и во всех остальных славянских) языках наибольший интерес представляет, пожалуй, именно форма 3 л. ед. Картина современного распределения диалектных вариантов флексии данной формы

в восточнославянских диалектах в ряде случаев до сих пор не находит удовлетворительного решения, несмотря на обширную литературу, посвященную указанному вопросу. Поэтому полагаем, что как собрание воедино некоторых накопленных в науке фактов, так и их посильная систематизация, представленные в настоящем комментарии и двух картах, не утратили и сегодня своей актуальности.

Русский язык

В диалектах современного русского языка в глагольной форме 3 л. ед. наст. отмечено три флексии: /т/, /т'/ и Ø. Наиболее представительными с точки зрения его диалектного членения по данной черте являются флексии /т/ и /т'/. Они разделяют все диалектное пространство на две части - северную и южную. В подавляющем большинстве севернорусских говоров в форме 3 л. ед. наст. глаголов I и II спряжения находим только флексию /т/, которая употребляется и в современном русском литературном языке (например, *он пи́шет, несе́т, хо́дит, лежи́т*); исключением в литературном языке являются лишь следующие глагольные формы, образующиеся с флексией /т'/: *есть, (бог) весть, невесть (что)* (и форма 3 л. мн. наст. *суть*) [Филин 1972, 438]. Для южнорусских говоров наиболее распространенной оказывается флексия /т'/ (например, *пи́ше/т'/, несе́/т'/, хо́ди/т'/, лежи́/т'/*).

Что касается нулевой флексии (Ø), то следует отметить, что она встречается во многих различных говорах русского языка, но только в качестве сосуществующего варианта - наряду либо с флексией /т/ (в севернорусских говорах), либо с флексией /т'/ (в южнорусских говорах). Подчеркивая это обстоятельство, С.В.Бромлей пишет, что глагольные формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией "всегда сосуществуют с формами на *т* тех же глаголов при разном количественном соотношении их в разных говорах (*несё* и *несе́т*, *ви́дя* и *ви́дит*). Таким образом говоры противопоставляются не по наличию или отсутствию *т* у глаголов того или иного класса, а по наличию форм с *т* и возможности их факультативного отсутствия" [Бромлей, Булатова 1972, 244].

Предварительно отметим, что как флексия /т/, так и флексия /т'/ в форме 3 л. ед. наст. употребляются в соответствующих русских ЧДС от любых глаголов. Наличие же нулевой флексии (в тех говорах, где эта флексия возможна в качестве сосуществующего варианта) обусловливается такими факторами, как тип спряжения и акцентная характеристика глагола, а в ряде случаев в выборе нулевой флексии участвует и лексический фактор. Данное обстоятельство является причиной того, что в своей совокупности русские диалекты (в отличие от русского литературного языка, где существует еди-

ная норма образования глагольных форм 3 л. ед. наст. только с флексией /т/) характеризуются большим разнообразием в дистрибуции флексий /т/, /т'/ и Ø в глагольных формах 3 л. ед. наст.

I. Нулевая флексия (-Ø).

Характерной особенностью всех современных диалектных систем русского языка, в которых употребляются глагольные формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией, является непременное наличие данных форм от глаголов I спряжения (например, *печé, пúше*). Т.е. имеются системы, в которых нулевую флексию находим только в формах 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения, но есть и другие системы, в которых сфера употребления нулевой флексии расширена за счет глаголов II спряжения (например, *печé, пúше + кóси; печé, пúше + кóси, лежú*). В этом смысле формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов I спряжения можно было бы рассматривать в качестве исходной минимальной модели, которая путем развертывания (расширения) за счет других категорий глагола образует новые глагольные диалектные системы [Иванов 1982, 118], если бы не данные, свидетельствующие о том, что в русском языке имеются диалекты, в которых с нулевой флексией образуются только формы 3 л. ед. наст. от глаголов так называемого "общего спряжения" (генетически это глаголы I и II спряжения с наосновным ударением).[1] Важно при этом отметить, что в историческом плане формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов I спряжения являются, скорее всего, исходными, так как именно они (правда, наряду с флексиями *-ть* и *-тъ*, см. об этом ниже) зафиксированы в самых ранних др.-рус. памятниках письменности XII-XIV вв. (как северного, так и южного происхождения), и их корни, возможно, уходят в праславянскую эпоху [Обнорский 1953, 126; Кузнецов 1956, 181; Филин 1972, 456; Иванов 1982, 60, 62, 118].[2] Признание древности происхождения форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов I спряжения находим в работах многих славистов (таких, как, например, А.М.Селищев, А.И.Соболевский, А.А.Шахматов, Ф.Ф.Фортунатов, Р.Брандт, П.С.Кузнецов, О.Г.Гецова и мн. др., см. подробнее в [Строганова 1970, 128]).

В пределах русского диалектного пространства выделяется две диалектные зоны, говоры которых характеризуются наличием глагольных форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией: одна зона расположена на северо-западе (т.е. в пределах окающего наречия), другая - на юго-востоке (т.е. в пределах акающего наречия) (см. [ДАРЯ, II, карта № 80]).

Специальному исследованию форм 3 л. ед. и мн. с нулевой флексией от глаголов I и II спряжений посвятила свое исследование Т.Ю.Строганова "Формы глаголов 3-го лица без *т* конечного" (в монографии "Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров". М., 1970, с. 124-131). В

нем наиболее подробно даны все типы диалектных систем с употреблением глагольных форм 3 л. ед. и мн. наст., описаны ареалы их распространения и приведены некоторые исторические сведения.

Ниже будет дана лингвогеографическая характеристика глагольных форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией, основывающаяся в первую очередь на работе Т.Ю.Строгановой и на материалах карты № 80 "Отсутствие конечного *т* в окончаниях 3-го лица ед. числа глаголов I и II спряжения" [ДАРЯ, II, карта № 80].

Прежде всего считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что расширение сферы употребления нулевой флексии на глаголы II спряжения в истории русского языка - это явление вторичное, относящееся к новообразованиям, которые были обусловлены в разных диалектах разными причинами: аналогией, междиалектным взаимодействием и др. В то же время сам факт наличия нулевой флексии в формах 3 л. ед.наст. от глаголов I спряжения, по-видимому, можно считать, как уже указывалось выше, архаической чертой.[3] Важно учитывать также и следующее обстоятельство: показания памятников письменности XII-XIV-го и последующих веков свидетельствуют (по сравнению с показаниями памятников XI в.) о более позднем расширении состава глаголов I спряжения, образующих форму 3 л. ед. наст. с -Ø (см. подробнее в [Иванов 1982, 66]). Это означает, что в современных русских диалектах, имеющих формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией, новообразованиями являются указанные формы не только от глаголов II спряжения, но в ряде случаев и от глаголов I спряжения. Выделить же в каждой отдельной ЧДС архаическое ядро среди форм 3 л. ед. наст. с -Ø от глаголов I спряжения пока не представляется возможным.[4]

В период XV-XVI вв. и позже в русском языке формируются основные диалектные системы употребления глагольных форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией (см. подробнее в [Иванов 1982, 116-119]). При этом важно специально отметить, что, скорее всего, "ни в один период истории русского языка не было говоров, которые характеризовались бы безраздельным господством форм 3 л. наст. вр. без конечного <т>, <т'>" [Иванов 1982, 119]. Необходимо также учитывать, что не все существующие в настоящее время системы с нулевой флексией в рассматриваемой глагольной форме сложились одновременно. Лишь часть из них восходит к глубокой древности [Кузнецов 1956, 181].

Суммируя все существующие данные о наличии глагольных форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией в русских диалектах (см., например, [Обнорский 1953, 125, 126; Гецова 1963, 111 и след.; Строганова 1970; Бромлей, Булатова 1972, 245-246; Филин 1972, 438-439; Иванов 1982, 118-119; ДАРЯ

II, карта № 180]), можно выделить следующие наиболее известные системы их употребления и показать ареалы распространения этих систем.

1) С нулевой флексией образуются формы 3 л. ед. наст. только от глаголов I спряжения (например, *пи́ше, несе́*, но *виси́т*(′), *но́сит*(′)).

2) Нулевая флексия употребляется в формах 3 л. ед. наст. от всех глаголов I спряжения и от глаголов II спряжения только с наосновным ударением (например, *пи́ше, несе́, но́си,* но *виси́т*(′)).

3) Флексию -*Ø* находим в формах 3 л. ед. наст. только от глаголов I и II спряжений с наосновным ударением (например, *пи́ше, но́си,* но *несе́т* (′), *виси́т*(′)).

4) С нулевой флексией могут быть образованы формы 3 л. ед. наст. как от глаголов I, так и от глаголов II спряжения, вне зависимости от ударения (например, *пи́ше, несе́, но́си, виси́*).

Наиболее распространенной является п е р в а я с и с т е м а, в которой нулевая флексия возможна лишь в глаголах I спряжения (*пи́ше, несе́*). По данной черте выделяются ареалы как в северном, так и в южном наречиях: это с е в е р о - з а п а д н ы е г о в о р ы, занимающие неширокую полосу в районе озер Ильмень, Чудское и Онежское (говоры псковской, гдовской, новгородской ладого-тихвинской, онежской групп и отчасти лачские говоры), ю г о - в о с т о ч н ы е г о в о р ы, расположенные к югу от Москвы (это говоры восточно-рязанской, тульской, ливно-елецкой, оскольской и курско-орловской групп), и к р а й н и е ю г о - з а п а д н ы е говоры (говоры верхне-деснинской группы в районе г. Новозыбков).

Фактически в тех же самых (с небольшими различиями) ю ж н о - р у с с к и х говорах находим в т о р у ю с и с т е м у, т.е. в них употребляются, кроме того, и формы 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения с наосновным ударением (т.е. *но́си*). В с е в е р н о м наречии формы типа *но́си* (наряду с *пи́ше, несе́*) находим на меньшей территории по сравнению с территорией распространения первой системы (т.е. формы типа *пи́ше, несе́*): это говоры, расположенные к северу от г. Псков между Чудским озером и г. Новгород, а также говоры, находящиеся в районе г. Волхов.

Что касается возможности образования форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов II спряжения с наконечным ударением типа *виси́* (т.е. речь идет о наличии ч е т в е р т о й системы), то эта черта характеризует лишь единичные говоры на северо-западе России (говоры в районе городов Гдов, Луга, Будогощь, Псков, Остров, Опочка, Старая Русса, Сальцы, Осташков). Отдельные формы типа *виси́* (наряду с *пи́ше, несе́, но́си*) находим и в говорах, образующих три островка на территории южнорусского массива (в районе городов Старый Оскол, Ефремов и Рязань).

Таким образом, можно сделать вывод, что первая система (с -Ø только в глаголах I спряжения), отмеченная в говорах, занимающих наибольшую территорию, представляет собой как бы максимальную модель в а р е а л о г и ч е с к о м аспекте; все другие системы (а именно - *пи́ше, несе́, но́си*, но *виси́т*$^{(ʲ)}$ и *пи́ше, несе́, но́си, виси́*) представлены, соответственно, на меньших территориях (но в пределах максимальной - с точки зрения пространства - модели). Следует подчеркнуть, что материалы карты № 80 [ДАРЯ, II], фактически, не дают возможности выделить в чистом виде т р е т ь ю систему, в которой нулевую флексию получают лишь формы 3 л. ед. наст. от глаголов I и II спряжений с наосновным ударением (т.е. *пи́ше, но́си*, но *несе́т*$^{(ʲ)}$, *виси́т*$^{(ʲ)}$). Однако важно обратить внимание на то обстоятельство, что в т о р а я система (*пи́ше, несе́, но́си*, но *виси́т*$^{(ʲ)}$), в которую в качестве составной части входит т р е т ь я система, наибольшее распространение имеет в тех южнорусских говорах, которым свойственно так называемое "общее" спряжение (см, [Бромлей, Булатова 1972, 193; Бромлей 1973]). Что касается севернорусских говоров, то флексия -Ø в глаголах "общего" спряжения встречается в них редко (например, *он ста́[н'а], он хо́[д'а]* - С.79 и 199 [Бромлей 1989, 98]) - в основном, в говорах гдовской группы.

Важно при этом еще раз подчеркнуть, что нулевая флексия в глагольных формах 3 л. ед. наст. отмечена на современной русской территории только в двух ареалах: северо-западном и юго-восточном. Историками языка доказано, что данная флексия и ранее употреблялась не во всех говорах. В связи с этим С.П.Обнорский пишет: "В Ларентьевском списке летописи 1377 в ее суздальской части формы без *т*, фактически, отсутствуют. Следовательно, говорам на Суздальской территории XIII-XIV вв., как и современным владимирским говорам - потомкам суздальских говоров, формы без *т* не были известны" [Обнорский 1953, 132]. Также он высказывает мнение, что данные формы, "видимо, не были известны вовсе ни Вологодско-Вятской, ни Восточно-Новгородской, ни Владимирско-Поволжской группам севернорусского наречия. Сравни почти полное их отсутствие в Сибири или в черте среднерусских говоров Поволжья" [Обнорский 1953, 125]. Н.Н.Дурново специально отмечает отсутствие глагольных форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией в говорах Ярославской группы [Дурново 1969, 147].

В целом, для каждого из двух указанных ареалов с -Ø в глагольной форме 3 л. ед. наст. можно выделить следующие наиболее типичные системы дистрибуции нулевой флексии. Так, для севернорусских говоров наиболее характерной является система, в которой формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией употребляются от всех глаголов I спряжения (например, *чита́е, ле́зе, пи́ше, ведё, несё*). Для южнорусских говоров наиболее типичной явля-

ется система, в которой формы 3 л. ед. наст. с *-Ø* образуются от всех глаголов I спряжения и от глаголов II спряжения с наосновным ударением (например, *пи́ше, веде́, ви́ди* [Строганова 1970, 124 и след.; Филин 1972, 438-438]).

Кроме того, следует специально отметить наличие в некоторых севернорусских говорах (конкретно не уточняется - в каких) нулевой флексии в формах 3 л. ед. наст., образованных от глаголов так называемого III-го, стяженного, спряжения, например: *он игра́, он ду́ма.* Известны также отдельные севернорусские говоры, в которых глаголы III спряжения могут иметь сосуществующие флексии *-Ø* и /т/, например: *он ста́н'о, он ид'о́*, но *он ду́мат, он игра́т.* В то же время в восточной части среднерусских говоров формы 3 л. ед. наст. от глаголов III спряжения никогда не употребляются с нулевой флексией (см. [Бромлей, Булатова 1972, 244]).

Таким образом, ряду русских говоров известны формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией. Однако ни в одной ЧДС не зафиксирована в этой форме только нулевая флексия: она всегда сосуществует с флексиями [т] (в одних ЧДС) и [т'] (в других ЧДС). Следует обратить внимание на вывод В.В.Иванова, который пишет: "Развитие русского языка после XVII в., усиление влияния национального литературного языка на местные диалекты задержали и остановили развитие диалектных явлений, и иные формы без <т>, <т'> в 3 л. ед. наст. вр. сохраняются лишь в качестве реликтовой особенности языка прошлого" [Иванов 1982, 119].

II. Флексия /т'/.

Глагольное окончание 3 л. ед. наст. /т'/ большинством исследователей признается типичным русизмом и исконно восточнославянским образованием прежде всего на том основании, что в памятниках старославянского языка древнерусской редакции еще до эпохи падения редуцированных (т.е. до XII - начала XIII вв.) господствующим вариантом являлось именно написание *-ть* (см., например: [Обнорский 1953, 117, 130; Филин 1972, 444; Иванов 1978, 88, 95; Иванов 1982, 62, 66]).По-видимому, формы с *-ть* /т'/ были распространены во всех диалектах др.-рус. языка и охватывали все глаголы [Обнорский 1953, 130; Иванов 1982, 66].

Считаем уместным привести высказывание В.В.Иванова по этому поводу: "Реконструкция временны́х форм глагола исходной системы древнерусского языка (конец X – начало XI в.) позволяет установить, что 3 л. ед. и мн. числа наст. времени для всех глаголов характеризовалось наличием окончания *–ть*, присоединяемого к основе как непосредственно, так и с помощью тематических гласных. Вместе с тем для этой исходной системы возможно предполагать и наличие форм 3-го лица без окончания, т.е. равных чистой основе; однако установить степень распространенности таких

форм как в плане охвата ими разных типов глаголов, так и в плане территориальной приуроченности не представляется возможным в силу определенной абстрактности всей реконструированной системы" [Иванов 1978, 88].

В то же время, возможно, есть определенные основания полагать, что флексия *–tь,(/m'/)* в форме 3 л. ед. наст. была известна и в позднепраславянском. Так, Ф.П.Филин допускает древность происхождения флексии *-tь* на основании того, что и в древнеболгарских памятниках письменности (таких, как, например, Саввина книга, Мариинское, Зографское и Ассеманиево евангелия, Супрасльская рукопись, Клоцов сборник) наряду с обычным написанием данных форм с *-mъ* и достаточно редким их употреблением без *-mъ* (т.е. с нулевой флексией) встречаются и отдельные написания с *-mь*, например, *вѣсть* (Сав. кн.), *кость* (Мар. ев.), в то время как в ранних среднеболгарских рукописях написания с *-mь*, фактически, не встречаются. Именно это обстоятельство и позволило автору высказать предположение о том, что некоторым древнеболгарским говорам было свойственно окончание *-tь*, которое, правда, уже тогда представляло собой архаическое исчезающее диалектное явление [Филин 1972, 444, 452][5]. Об исконности окончания *-tь* пишет и Н.Ван-Вейк: "Можно ... предполагать исконный характер *-tь* в глаголах на *-mi*. Это *-tь* сохранилось наряду с более частым *-tъ* ... и кое-где проникло в тематический класс" (см.: [Ван-Вейк 1957, 301]).

В современном русском языке флексия /т'/ в форме 3 л. ед. наст. распространена только в говорах южного наречия и в акающих среднерусских говорах. В севернорусских и в окающих среднерусских говорах в глагольной форме 3 л. ед. наст. представлена флексия /т/ (см. ниже). Граница между данными двумя диалектными зонами с /т'/ (юг) и /т/ (север) идет с запада на юго-восток по условной линии Псков - озеро Селигер - Старица - Волоколамск - южнее Москвы - севернее Коломны - Касимов и продолжается далее на юго-восток по территории среднерусских говоров. Формирование указанных ареалов с /т'/ и /т/ исследователи относят к XIII-XVI вв. (см. подробнее: [Обнорский 1953, 130-131; Филин 1972, 446, 447; Иванов 1982, 117]). В частности, по этому поводу В.В.Иванов пишет: "...начавшееся в XIII в. отвердение <т'> на конце данной формы (или смена <т'> на <т>) к началу XV в. отчетливо разделило язык великорусской народности на северное (с <т>) и южное (с <т'>) наречия" [Иванов 1982, 117]. Но что касается южнорусских говоров, то, надо полагать, /т'/ в глагольной форме 3 л. ед. наст. было в них "издревле" [Филин 1972, 446].

Таким образом, в настоящее время глагольная флексия 3 л. ед. наст. /т'/ фиксируется на юге русской территории. Однако отмечаются небольшие ареалы с /т'/ и на севере, например, в некоторых олонецких говорах, где /т'/ (ср. *веде́[m']*) сосуществует с /т/ [Обнорский 1953, 118]. Наличие форм с /т'/

на чисто севернорусской территории до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения.

На границе между двумя диалектными массивами нередки случаи вариативного употребления флексий /т'/ и /т/ (либо в одной и той же ЧДС, либо в разных, соседних, ЧДС). Это обстоятельство обусловлено тем, что "формирующиеся в XIV-XVI вв. переходные ср.-в.-рус. говоры усваивали <т> или <т'> в зависимости от характера взаимодействующих диалектов на территории складывания тех или иных переходных говоров" [Иванов 1982, 117]. Сосуществование форм с /т'/ и /т/ находим в говорах Новгородской, Псковской, Владимирской, Тамбовской, Саратовской, Калужской, Московской, Тульской, Рязанской, Орловской областей. Обычно формы с /т'/ в этих говорах встречаются преимущественно в языке представителей старшего поколения и у женщин (см. подробнее: [Обнорский 1953, 119-121]), что свидетельствует о том, что формы с /т'/ являются здесь первичными образованиями, в то время как формы с /т/ можно отнести к категории новообразований.

III. Флексия /т/.

Как уже указывалось выше, флексия /т/ в глагольных формах 3 л. ед. наст. характеризует севернорусские и окающие среднерусские говоры.

Проблема происхождения флексии /т/ в русском языке до сих пор остается нерешенной.

Известно, что написание *-тъ* начинает появляться в русских памятниках письменности с XIII в. "Надо предполагать, что начиная с XIII в., а особенно в XIV в., на севере Древней Руси в 3 л. ед. наст. вр. развивается и укрепляется конечное <т> - как у атематических, так и у тематических глаголов различных типов образования. Т.е. появление <т> вместо <т'> не было, как видно, связано с характером основы того или иного глагола" [Иванов 1982, 63]. Очень важно также отметить, что в разных областях северной Руси флексия /т/ появляется в разное время.

При этом известно, что в старославянских памятниках письменности основной флексией глагольных форм 3 л. ед. наст. являлась также флексия *-тъ* (/т/). Однако (и это очень существенно) данную старославянскую флексию нельзя смешивать с флексией *-ть, -т* (/т/), употребляющейся в памятниках древнерусской письменности определенного жанра (а именно - в памятниках деловой письменности, отражающих особенности ж и в о г о древнерусского произношения) [Филин 1972, 444; Иванов 1978, 93].[6] Историки языка считают, что до определенного времени (а именно - до XII - начала XIII в.) в д р е в н е р у с с к и х говорах господствовала флексия *-ть* (/т'/), но с XIII в. в севернорусских областях утвердилась флек-

сия *-тъ* (/т/) (см. об этом выше), которая не имеет ничего общего со старославянской флексией *-ть*.[7]

Самые ранние случаи написания флексии *-тъ, -т* (/т/), характеризующей глагольную систему древнерусского языка, зафиксированы в новгородских деловых документах XIII в. (например, *оучинитъ, придетъ, гоститъ*), в которых, наряду с *-тъ*, встречаются и написания с *-ть*. Со временем отмечается постепенный рост случаев употребления флексии *-тъ* в новгородской деловой письменности. В московских грамотах и грамотах, написанных на других территориях северной и средней Руси, глагольные формы 3 л. ед. наст. с флексией *-тъ* отмечаются только с XIV-XV вв. В псковских грамотах флексия *-тъ, -т* (/т/) появляется, по свидетельству Н.М.Карпинского, в XV в. [Филин 1972, 444-445]. В период XV-XVI вв. флексия /т/ уже преобладает в севернорусской и среднерусской письменности, а в памятниках XVII в. данная флексия представлена, фактически, в качестве единственной [Филин 1972, 446].

Вопрос о происхождении флексии /т/ в форме 3 л. ед. наст. остается и по сей день нерешенным, хотя к нему обращались многие выдающиеся лингвисты. В истории русского языкознания известны различные гипотезы, объясняющие появление флексии /т/ на севере Древней Руси (ср., например, фонетические теории происхождения глагольной флексии /т/ А.А.Шахматова, А.И.Соболевского, Б.М.Ляпунова, В.Вондрака, А.М.Селищева, В.В.Иванова и др., фонетико-морфологическую теорию П.С.Кузнецова, морфологические теории С.П.Обнорского, Ф.Ф.Фортунатова, П.Я.Черных и др., синтаксическую гипотезу С.П.Обнорского - см. обзор различных гипотез, пытающихся найти объяснение наличию флексии /т/ в севернорусских говорах в [Обнорский 1953, 131-133; Филин 1972, 449-453; Иванов 1982, 63-65]). Однако ни одна из гипотез не выдерживает строгой критики, так как в каждой из них имеются определенные противоречия. Так, например, наиболее привлекательной для исследователей оказалась фонетическая гипотеза, согласно которой глагольная флексия *-тъ* /т/ в севернорусских говорах появилась в результате отвердения конечного мягкого (или полумягкого) согласного после утраты редуцированных (т.е. *-ть* → *-тъ*). Однако целый ряд вопросов и в этой гипотезе (таких, как, например: а) почему отвердению подвергся конечный согласный в форме 3 л. ед. наст. только в севернорусских говорах; б) почему среди севернорусских говоров все же встречаются говоры с флексией /т'/; в) почему при отвердении [т'] в форме 3 л. ед. наст. сохраняется [т'] в таких изолированных образованиях, как *опять, вспять, чуть* и под. [Обнорский 1953, 131; Филин 1972, 449-456; Иванов 1982, 64]) не находит однозначного ответа. В связи со сложностью данного вопроса, возможно, следовало бы обратить специальное внимание на следующие соображения: на замечание П.С.Кузнецова о менее напря-

женном произношении согласных в севернорусских говорах (см. [Кузнецов 1956, 177)]; на мнение В.В.Иванова об особой фонетике флексий, связанной с их избыточным фонемным составом (см. [Иванов 1982, 65]); на точку зрения С.П.Обнорского о вторичности происхождения глагольных форм 3 л. ед. наст. с флексией /т/, которые в определенных синтаксических и семантико-синтаксических условиях присоединяли постпозитивный член, являющийся по происхождению указательным местоимением *тъ, та, то*: именно это автор и подтверждает конкретными примерами из новгородских говоров типа: *идё / идётo*, где первичная форма *идё* с *-Ø* образовала вторичную форму *идётo* путем слияния с местоимением *то* (см. [Обнорский 1953, 135-136]. Но в то же время позволим себе привести обширную цитату из статьи В.Н.Топорова (см. [Топоров 1961, 65-66]): "По-видимому, вопрос о происхождении *-tъ* принадлежит к числу таких в славянском языкознании, которые пока лучше оставить без объяснения, и не столько потому, что его решение слишком сложно (вполне возможно, что в числе предложенных точек зрения есть такие, которые правильно объясняют эту флексию), сколько из-за того, что пока, видимо, нет средств, чтобы доказать правильность того или иного решения. Поэтому более целесообразным было бы просто констатировать факт наличия такого окончания и описать условия его употребления и его распространения...".

В современном русском языке флексия /т/ распространена, как уже указывалось выше, в подавляющем большинстве говоров (см. карту). Основная их часть занимает северный и восточный массивы русской территории. Но встречаются небольшие островки с /т/ и на юге России (это ареалы южнее Тулы, в районах Ефремова и Ельца, восточнее Курска и Обояни). С.П.Обнорский справедливо отрицает ту точку зрения, согласно которой наличие на юге России флексии /т/ объясняется влиянием русского литературного языка. Он скорее видит в ней либо остатки первичного состояния говора, либо свидетельство старшей поры смешения диалектов, либо результат переселенческого движения населения с севера в данные южные области [Обнорский 1953, 120-121]. "В этом смешении форм - не след воздействия литературного языка, а след борьбы разнородных, первичного и позднейшего, образований, диалектных массивов на данной территории с победой на стороне диалектов позднейшего формирования" [Обнорский 1953, 121].

Украинский язык

И в украинском языке наибольший интерес среди всех личных глагольных форм настоящего времени представляет форма 3 л. ед.

В современном украинском языке (в его литературной и диалектной разновидностях) формы 3 л. ед. наст. глаголов I и II спряжения могут быть образованы с тремя флексиями: /т'/, /т/ и Ø. В литературном украинском языке употребляется лишь два окончания - /т'/ и Ø, которыми различаются глаголы I и II спряжений: глаголы I спряжения имеют нулевое окончание (например, *пи́ше, ка́же, несе́, везе́, зна́є, б'є, п'є*), глаголы II спряжения - окончание /т'/ (*хо́дить, ро́бить, кричи́ть, мовчи́ть, кро́їть, стоїть, го́їть*). Такое же распределение указанных двух окончаний 3 л. ед. наст. в зависимости от спряжения находим и в большинстве современных украинских говоров. Однако есть и такие говоры, в которых глагольная форма 3 л. ед. наст. имеет окончание /т/. В результате в целом распределение всех трех вариантов по диалектам украинского языка представляет очень сложную картину.

Дистрибуция /т/, /т'/ и Ø зависит от различного сочетания разного рода фонетических и морфологических факторов, в частности, от акцентной характеристики глагола, от фонетических особенностей каждой отдельной ЧДС, от аналогического взаимодействия спряжений, от междиалектных контактов и пр. Наибольшее влияние на диалектную характеристику морфологического облика глагольной формы 3 л. ед. наст. имеет принадлежность ее к I или II спряжениям. Поэтому целесообразно рассмотреть употребление флексий /т/, /т'/ и Ø отдельно для глаголов I и II спряжений.

I. Нулевая флексия в формах 3 л. ед. наст. от глаголов I и II спряжений

1) I спряжение. В украинском языке окончание Ø в форме 3 л. ед. наст. в глаголах I спряжения встречается, фактически, во всех говорах (см. [Марчук 1969, 171]). Например: *пасе́, в'інчу́йе, ду́йе, йде́, ви́йе, бриде́, ме"те́, бе"ре́, пулве́, ве"де́, запраша́йе, гра́йе, ц'ілу́йе, дз'обл'е, др'і́мл'е, зачина́йе, дару́йе, бйе, ўйе, с'іче́* (говор с. Бітля Львовской обл. [Возний 1969, 179]); *хо́че, реве́, пасе́, плете́, волоче́, одвика́йе, рида́йе, зне, коне́, кру́ке* 'хрюкает' (бойковские говоры [Марчук 1969, 174]); *бл'а́е, ры́е, п'і́е* (карпатские говоры [Марчук 1969, 176]); *бэ́рӓ, схнӓ, зіпрӓ, плэ́нӓ, пйӓ, бйӓ, пасӓ, падӓ, йдӓ, стрэ́жӓ, січӓ, трӓ, жнӓ, дрӓ, ймӓ, нэ́сӓ, к'е́гнэ, по́лэ, л'е́жэ, гра́йэ, храма́йэ, клэпа́йэ, году́йэ, ста́нэ* (юго-западный гуцульско-покутский говор с. Саджава Ивано-Франковской обл. [Попова 1970]); *несе́, веде́, везе́* (некоторые северно-украинские говоры [Марчук 1969, 171]); *вйа́жа, ре́жа, ка́жа, пи́ша* (крайние северноукраинские полесские говоры [Марчук 1969, 171]); *пе"че́* (херсонские говоры [Нагін 1964, 31]). Лишь на западе Украины выделяются два небольших ареала, где форма 3 л. ед. наст. от глаголов I спря-

жения образуется с флексиями /т'/ (в одних говорах) и /т/ в других, см. об этом ниже.

2) II спряжение. Значительно более сложную картину диалектного распределения нулевой флексии в форме 3 л. ед. наст. представляют глаголы II спряжения. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в тех регионах, где в глаголах II спряжения фиксируются формы 3 л. ед. наст. с -Ø, практически нет ни одного говора, в котором в с е без исключения глаголы II спряжения образовывали бы форму 3 л. ед. наст. с нулевой флексией. В действительности только часть этих глаголов (причем разных в разных говорах) употребляются с флексией -Ø; остальные глаголы II спряжения образуют данную форму либо с флексией /т/ (в одних ЧДС), либо с флексией /т'/ (в других ЧДС).

Возможность образования форм типа *ро́бе, но́се* обусловлена прежде всего а к ц е н т н о й х а р а к т е р и с т и к о й глагола (а именно - наличием н а о с н о в н о г о у д а р е н и я) и, возможно, судьбой безударного вокализма. Обычно в тех говорах, где различие между безударными [е] и [и] отсутствуют, глаголы II спряжения (но только те, которые имеют ударение на основе), по аналогии с глаголами I спряжения, образуют форму 3 л. ед. наст. с нулевой флексией, например, *ро́бе, хо́де, во́зе, но́се, про́се, ба́че; хо́ди*$^{\varepsilon}$, *но́си*$^{\varepsilon}$, *про́си*$^{\varepsilon}$ (но только *біжи́т*$^{(')}$, *сади́т*$^{(')}$, *терпи́т*$^{(')}$, см., например: [Жилко 1966, 98]).[8] Как правило, аналогическое выравнивание по I спряжению охватывает всю парадигму настоящего времени рассматриваемых глаголов: 3 л. ед. *гово́ри, но́си*, 3 л. мн. *гово́р'ут, но́с'ут* (см. [Марчук 1969, 172]). При этом интересно отметить, что обратного влияния (т.е. влияния словоизменительной модели II спряжения на образование формы 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения), фактически, не происходит. В имеющемся в нашем распоряжении материале мы нашли лишь наблюдение С.П.Бевзенко об этом явлении в отдельных юго-восточных украинских говорах. Так, он считает, что в некоторых из указанных говоров флексия /т'/ в форме 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения (типа *пече́т'*) возникла под влиянием соответствующих форм глаголов II спряжения, например: *несе́т', пасе́т', течи́т', їде́т', бу́дет'* (отдельные слобожанские говоры); *цвіте́ть, бу́деть* (нижнее Поднестровье); *тіче́ть, не ма́єть* (степные говоры Херсонщины); *ка́жеть, трива́єть* (западно-черкасские говоры) [Бевзенко 1960, 285; Бевзенко 1969, 12, 14].

Этот факт свидетельствует, по-видимому, о том, что в современном украинском языке более сильной и продуктивной является словоизменительная модель I спряжения, вовлекающая в сферу своего влияния глаголы II спряжения с наосновным ударением.[9]

Наличие нулевой флексии в форме 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения является новообразованием ([Марчук 1983, 117; Бевзенко 1960, 284]).

Данные формы употребляются, как правило, в новых (новостворені) говорах, сформированных на основе юго-восточного диалектного типа и некоторых юго-западных диалектных элементов, которые в настоящее время представляют подавляющую массу степных и слобожанских говоров[10]. Процесс вовлечения глаголов II спряжения с наосновным ударением в сферу действия словоизменительной модели глаголов I спряжения, в результате чего и появляются формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией типа *но́се, во́зе*, актуален и сейчас, особенно в южной части левобережнополесских и в северной части полтавских говоров (см. [Марчук 1969, 170; Марчук 1983, 110]).

Можно выделить следующие ареалы, в говорах которых отмечены формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов II спряжения с наосновным ударением.

а) Восточноукраинский ареал, охватывающий слобожанские и степные говоры, восточную часть среднеподнепровских говоров и крайнюю восточную часть восточнополесских говоров. Например: *хва́ле, ро́бе, хо́де* [Історична граматика 1957, 328]. Этот большой ареал на севере соединяется с белорусским ареалом, идущим узкой полосой с юго-востока Белоруссии через Гомель на северо-запад, и с небольшим ареалом крайних юго-западных русских говоров (в районе Новозыбкова, Трубчевска, Клинцов, Унечи, Суража и Стародуба), а на северо-востоке – с большим ареалом южнорусских говоров. В говорах данного ареала мы находим в формах 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения с наосновным ударением нулевую флексию и в качестве сосуществующих вариантов - флексию [т'] (в одних ЧДС) или значительно реже - флексию [т] (в других).

б) Сравнительно небольшой ареал, представляющий собой узкую полосу юго-западных поднестровских и подольских говоров, идущую в центре территории юго-западной Украины с востока на запад по условной линии от Умани, через Винницу, Хмельницкий, Тернополь, севернее Самбора и расширяющуюся по западной государственной границе на север до Червонограда. Ср., например, в подольских говорах: *хо́ди, но́си, про́си* [Історична граматика 1957, 328]. В говорах этого ареала формы 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения с наконечным ударением имеют флексии /т/ (в одних ЧДС) и очень редко /т'/ (в других), например, *но́си*, но *сиди́т* (или, реже, - *сиди́т'*).

В некоторых юго-западных (поднестровских, подольских и южноволынских) говорах, составляющих данный второй ареал, встречаются возвратные формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов II спряжения с наосновным ударением (например, *про́сисі, во́зисі*), тогда как в соответствующих невозвратных глагольных формах находим флексию /т/ (например, *про́сит, во́зит*) [Марчук 1969, 170]. Возможно, это связано с фонетическим

процессом упрощения групп согласных, свойственным данным говорам, например, *жит'а́, жит'е́, нас'і́н'а, нас'і́н'е, вес'і́л'а, вес'і́л'е* (см. [АУМ 2, карта № 94]). Но в других говорах этого ареала встречаются также и формы *про́ситс'і, во́зитс'і* (см. [Шило 1957, 157]).

в) Небольшой ареал, образованный крайними юго-западными говорами. Он расположен вдоль южной государственной границы: начинается восточнее реки Тисса, продолжается на восток севернее Черновцов, по условной линии Каменец-Подольский - Могилев-Подольский - Кодыма-Первомайск, и далее идет на восток, где соединяется с большим первым ареалом. Здесь в формах 3 л. ед. наст. с наосновным ударением употребляется нулевая флексия, в формах же с наконечным ударением находим флексии /т/ (в одних говорах) и /т'/ (в других), например: *ко́се, захо́де, ро́бе*, но *лити́т, сиди́т* (говоры нижнего правобережного Поднестровья [Логвин 1965, 42]); *хо́де, про́се, во́зе*, но *брени́т', ле"жи́т', сви^{c}сти́т'* (юго-восточные говоры [Жилко 1954, 18]); *хо́ди, хо́де,* но *скрипи́т', михти́т', сиди́т', с'п'ішиі́т', ле"ти́т', спит'* (южнобессарабские говоры [Дроздовский 1971, 150]); *хо́де, но́се*, но *сиди́т* (юго-западные говоры [Грунський, Ковальов 1931, 281]).

Отметим при этом, что формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов II спряжения, которые встречаются в юго-восточных и юго-западных говорах, имеют четкие фонетические различия: в юго-восточных говорах конечный безударный (заударный) гласный в этих формах (перед нулевой флексией) имеет преимущественно *е*-образное звучание ([е, и^{c}, е"], т.е. *хо́де", но́се", во́зи^{c}*...), в то время как в юго-западных говорах находим чаще всего заударный [и] (*во́зи, про́си, но́си*). Причина данного различия обусловлена судьбой безударного вокализма в украинском языке. А.А.Потебня объяснял появление [е] в формах 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения компенсационными причинами: "Если *-ть* в 3 л. ед. ч. наст. вр. глаголов на *-ити* опускается, то предшествующее ему неударяемое *и* усиляется в *е*, чем вознаграждается потеря конечной согласной: *хо́де, лю́бе, моло́те*, но *хо́дить, лю́бить, моло́тить*. В Галицком *и* местами остается неизменным, хотя *-ть* опускается: *хо́ди*" (см. [Потебня 1866, 115]).

При анализе лингвогеографического распределения форм 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения с наосновным ударением, флексия которых выражена нулем звука, важно специально подчеркнуть следующий момент.

Характеризуя выделенные три ареала, в которых отмечены формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов II спряжения с наосновным ударением (т.е. *про́си, во́зи*), необходимо иметь в виду, что в пределах этих же ареалов существуют и говоры либо с отсутствием нулевой флексии в рассматриваемых формах (т.е. I спряжение - *пи́ше, пече́* с *Ø*, а II спряжение - в одних говорах с /т/, в других - с /т'/ вне зависимости от ударения: *во́зит$^{(')}$*,

сиди́т(*')), либо с параллельным употреблением данных форм с флексиями Ø // /т/ и Ø // /т'/ от глаголов II спряжения с наосновным ударением либо в одной и той же, либо в разных ЧДС (т.е. *во́зи // во́зит'* или *во́зи // во́зит*). Так, например, Н.И.Марчук отмечает, что, фактически, во всех указанных говорах (особенно в говорах юго-восточного диалектного типа, некоторых степных и слобожанских говорах, а также в кубанских и балашовских) данные формы образуются вариативно [Марчук 1969, 169]. Ср., например, в полтавском говоре с. Котельва: *хо́де", но́се", лу́пе"*, но в большинстве восточно-полтавских говоров: *хо́дит, но́сит* [Довгопол 1969, 187]. Я.В.Закревская указывает, что и в большинстве северноподнестровских, южноволынских и подольских говоров в формах 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения с наосновным ударением нулевая флексия сосуществует либо с флексией /т/ (в юго-западных говорах), либо с флексией /т'/ (в южноволынских) [Закревская 1966, 125, см. также карту № 3 на с. 127]. В.С.Ващенко отмечает в некоторых полтавских говорах все три варианта: *хо́де / хо́дит' / хо́дит* [Ващенко 1957, 228].

Данные факты свидетельствуют о том, что в рассматриваемых говорах (особенно, как отмечают украинские исследователи, в южной части левобережнополесских, в северных полтавских, в южной части среднеподнепровских и в ряде юго-западных говоров) процесс появления форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов II спряжения с наосновным ударением (*во́зи, но́си...*) является живым и в настоящее время [Марчук 1969, 170; Марчук 1983, 110; Бевзенко 1960, 284].

Как уже упоминалось выше, наиболее распространенным мнением в славистике является то, что нулевая флексия в форме 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения и даже в ряде случаев от некоторых глаголов II спряжения - явление очень старое.[11] (Кстати, и большинство современных славянских языков также имеют [Ø] в форме 3 л. ед. наст.) Такие формы находим в самых древних памятниках славянской письменности. Например (цитируется по [Бевзенко 1960, 283]): Супр. *може, желѣкъ, повѣдукъ, оутваракъ, отъгони*; Зогр. ев. *достои, є*; Ассем. *къ, саде*; Остр. ев. 1056-1057 *напи́ше, къ*; Изборник Свят. 1073 *буде, може, бываѣ, трѣбукъ, подобакъ, краде*; Арх. ев. 1092 *є, приде, може*; Добр. ев. 1164 *є, не достои*. Однако наряду с Ø в этих же памятниках письменности особенно широко представлено и окончание *-ть*. Например (цитируется по [Иванов 1982, 41]): Остр. ев. 1056-1057 *идеть, придеть, погыбнеть, ведеть*; Арх. ев. 1092 *умьреть, възъметься*; Изб. Свят. 1073 *поминаеть* и т.д. Встречается в этих памятниках и флексия *-тъ* (см. об этом ниже). Что касается флексии *-ть*, то ее, видимо, так же, как и нулевую флексию, можно считать старым явлением. Но в каком отношении между собой находились эти две флексии в позднепраславянском, сказать трудно. Доминирующее положение флексии *-ть* в старославянских

памятниках письменности русской редакции С.П.Бевзенко, разделяющий точки зрения А.Вайяна ([Вайян 1952, 249]) и Л.А.Булаховского ([Булаховский 1953, 194]), объясняет следующим образом: в более позднее время, но также еще в дописьменный период, флексия *-ть*, характерная прежде всего для глаголов IV класса, распространилась в восточнославянской области и на I, II и III глагольные классы. Однако спустя определенное время формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией снова получили импульс к развитию в говорах, легших в основу украинского и белорусского языков, где они закрепились в глаголах I спряжения (т.е. в I, II и III глагольных классах), а еще позднее - в результате индукции - распространились в некоторых диалектах и на глаголы II спряжения с наосновным ударением [Бевзенко 1960, 283]. Так, например, по сведениям В.М.Русановского, в украинских памятниках XIV-XV вв. нулевая флексия в форме 3 л. ед. наст. встречается довольно редко и только в I спряжении; она наиболее характерна в тот период развития украинского языка для говоров юго-западной территории: *може, имакъ, приѣдс* (галицкие грамоты, волынские дарственные грамоты [Русанівський 1971, 55]). В XVI-XVII вв. сфера употребления *-Ø* в форме 3 л. ед. наст. расширяется и выходит за рамки Галичины и Волыни, характеризуя при этом уже не только глаголы I спряжения, но и глаголы II спряжения: *муси, належи, держи, хвали* (см. [Керницький 1967, 189-190; Русанівський 1971, 108-109]).

С.П.Бевзенко высказывает мнение, что положение, характерное для современного литературного украинского языка и большинства его говоров в отношении форм 3 л. ед. наст. от глаголов I и II спряжений (т.е. I спряжение - *Ø*, II спряжение - /т'/) отражает наиболее древнее (общеславянское) состояние, когда глаголы I, II и III классов имели в форме 3 л. ед. наст. *Ø*, а глаголы IV и V классов - *-ть*: **несе, *сухне, *рѣже, *знакъ*, но **хóдить, *нóсить, *водить, *ѣсть, *к сть, *дасть* [Бевзенко 1960, 283]. Однако в целом, в современном украинском языке, как показано выше, нулевая флексия с течением времени расширила свою дистрибуцию и стала употребляться уже не только в форме 3 л. д. наст. глаголов I спряжения, но и (во многих украинских диалектах) - в форме 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения с наосновным ударением. Я.В.Закревская специально подчеркивает, что не следует рассматривать в одном ряду нулевую флексию в глаголах I спряжения (*пúше, несé*), где она скорее всего представляет собой архаизм, и в глаголах II спряжения с наосновным ударением (*хóди, нóси, прóси, рóби*), где она является новообразованием, развившимся на украинской почве по аналогии с глаголами I спряжения [Закревская 1966, 125, 126].

Следует обратить особое внимание на стяженные глагольные формы в современных украинских диалектах. Они особенно распространены в юго-западных и юго-восточных говорах. Выделяясь как бы в отдельное спряже-

ние (С.В.Бромлей относит их к особому III спряжению [Бромлей, Булатова 1972, 197]), эти глаголы и в форме 3 л. ед. наст. ведут себя в некоторых говорах самостоятельно. Так, нулевую флексию в глагольной форме 3 л. ед. наст. глаголов III спряжения (так же, как и в глаголах I спряжения) мы находим в ряде юго-восточных говоров, в некоторых северо-восточных (в частности, в Гостомельском и Бориспольском районах), в отдельных карпатских говорах, например: *чита́, зна, співа́, не"та́, л'ака́, пада, стр'іл'а́, кукýка, дýма, сіда́* (полтавские, некоторые киевские говоры, см. [Історична граматика 1957, 328; Бевзенко 1960, 285; Довгопол 1969, 185; Марчук 1969, 176]); *зна, ма; зне, копе́, крýке* 'хрюкает', *ме* < *має* наряду с нулевой флексией в формах 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения, не переживших стяжения - *одвика́є, рида́є* (некоторые карпатские и бойковские говоры [Марчук 1969, 176; Бевзенко 1960, 285]).[12]

В связи с тем, что инновационный характер возникновения глагольных форм со стяжением, образующих III спряжение, не вызывает сомнения (так, например, новообразованием, свойственным среднерусским говорам, считает глаголы III спряжения С.В.Бромлей [Бромлей, Булатова 1972, 199]), следует относить к новообразованиям и стяженные формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией типа *пита́, чита́, дýма* в указанных украинских говорах.

II. Флексия /т'/ в формах 3 л. ед. наст. от глаголов I и II спряжений

1) I спряжение

На территории Украины отмечается лишь два ареала, в говорах которых находим формы 3 л. ед. наст. с флексией /т'/ от глаголов I спряжения. Оба они находятся на западе: один образован северо-западными говорами (в районе Луцка), другой - представлен юго-западными (закарпатскими) говорами.

На с е в е р о - з а п а д е указанные формы употребляются последовательно, и по этому признаку большинство западно-полесских и почти все волынские говоры образуют компактный ареал ([Шило 1971, 41]). На ю г о - з а п а д е расположены говоры с вариативным употреблением форм 3 л. ед. наст. с флексиями /т'/, /т/ и *Ø* от глаголов I спряжения. Здесь эти варианты фиксируются либо в рамках отдельных ЧДС, либо каждый из вариантов характеризует разные говоры. Например, Н.Й.Марчук отмечает, что в некоторых карпатских и поднестровских говорах употребляются формы с /т'/ (*пи́шет', иде́т', ка́жет'*...), в других же - с /т/ (*пи́шет, иде́т, ка́жет, ц'в'іте́т*), в третьих - с *-Ø* (*пи́ше, ка́же*...) [Марчук 1969, 174]; на это же явление (приводятся, правда, только глаголы III спряжения) в карпатских говорах (в одних - *дýмат', слýхат'*, в других - *знат, чита́т*) указывает и [Історична граматика 1957, 328].

К сожалению, материал, иллюстрирующий употребление форм 3 л. ед. наст. с флексией /т'/ от глаголов I спряжения в крайних юго-западных говорах и находящийся в нашем распоряжении, отличается случайным характером и неполнотой. Поэтому дать исчерпывающую характеристику дистрибуции этих форм с флексиями /т'/, /т/ и Ø в юго-западных украинских говорах не представляется возможным.

Рассматриваемые формы с /т'/ известны также и некоторым наддунайским говорам (в районе Измаила), например: *мóжет', шéпчит', течéт', мéлит', гýкайет'*. Кстати интересно отметить, что, как уже указывалось выше, в этих говорах формы 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения употребляются с нулевой флексией: *крýте, говóре, рóбе, хóде* [Мукан 1969, 198].

В комментарии к карте № 258 [АУМ 1] указаны следующие населенные пункты, в говорах которых находим /т'/ в форме 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения: восточноподнепровские говоры - нас. пп. №№ 180, 186, 383, 394, 407, 477 (*знáйет', питáйет'*); среднеподнепровские говоры южнее Киева - нас. пп. №№ 293, 296 (*знáйіт', дýмайіт', слýхийіт'*); степной говор с. Павлиш Онуфриевского района Кировоградской области - нас. п. № 861 (*грáйит', питáйит'*).

Известны формы 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения с флексией /т'/ и некоторым восточноукраинским говорам. Однако по этому признаку на востоке Украины говоры не образуют компактных ареалов.

С.П.Бевзенко на основании анализа форм 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения типа *несéт', течéт', ідéт', бýдет'*, зафиксированных в некоторых слобожанских, степных и нижнеднестровских говорах, делает вывод, что эти инновационные формы, встречающиеся лишь в небольшом количестве украинских говоров, расположенных в разных местах украинского диалектного пространства, возникли по аналогии с типичными для современного украинского языка формами 3 л. ед. наст. с флексией /т'/ от глаголов II спряжения типа *вóзит', кричúт'* [Бевзенко 1969, 12, 14; Бевзенко 1960, 285], например: *течеть, несéть, пасеть* (отдельные слобожанские говоры); *тічеть, не ма ть* (степные говоры Херсонщины - Каховский р-н); *цвітеть, будеть* (нижнее Поднестровье); *кажеть, триваєть* (западночеркасские говоры) [Бевзенко 1960, 285]; *читаєть, знаєть* (говоры в районе Харькова) [Історична граматика 1957, 329].

Интересно отметить, что флексия /т'/ зафиксирована и в стяженных глагольных формах, например, в некоторых закарпатских говорах (ужанских, боржавских и мараморошских): *слýхат'* [Лавер 1969, 4]; *прóпадáть, набирáть, рубáть, ся умивáть* [Бевзенко 1960, 285.].

Особую судьбу имеют, по-видимому, в говорах украинского языка и возвратные формы 3 л. ед. наст. Так, Н.Н.Дурново пишет, что в ряде полесских и в некоторых восточноукраинских говорах употребляется /т'/ в возвратных формах 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения с постпозитивной возвратной частицей: *миється, береться, про́дається* (ср. в карпато-русских *вун ся мыє*, в некоторых западноукраинских *він ся миє*) [Дурново 1969, 201]. В.И.Лавер также указывает возвратные формы в некоторых закарпатских говорах с /т'/ от стяженных глаголов: *слу́хат'ца* (ср. в этих же говорах возвратные формы от остальных, в том числе и нестяженных глаголов I спряжения с нулевым окончанием: *гра́йеса, гребе́са*) [Лавер 1969, 4].

2) II спряжение

Флексия /т'/ в форме 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения встречается в подавляющем большинстве современных украинских говоров и является нормой украинского литературного языка: *хо́дит', ро́бит', кричи́т', моўчи́т'; кро́їт', го́їт', стоїт'*.

В современных украинских говорах формы 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения с наконечным ударением употребляются, как правило, с флексией /т'/: *кричи́т', моўчи́т'*; и лишь в немногих говорах эти формы могут иметь флексию /т/ (например, *сиди́т, кричи́т, біжи́т* в некоторых юго-западных и в отдельных северноукраинских говорах [Історична граматика 1957, 327; Шило 1971, 41]) - см. об этом ниже. С нулевой флексией нам не встретилось ни одного конкретного примера типа *він кричи́*.

Выше были рассмотрены ареалы, в говорах которых выбор флексии в глаголах II спряжения обусловливается характером ударения глагольных форм в парадигме настоящего времени: глаголы с наосновным ударением образуют форму 3 л. ед. наст. с нулевой флексией, а глаголы с наконечным ударением - с флексией /т'/ (*но́си*, но *сиди́т'* - см. описание этих ареалов выше). Ф.Т.Жилко считает, что такая дистрибуция флексий *Ø* и /т'/ в глаголах II спряжения является характерной чертой юго-восточного диалектного типа (*хо́де, про́се, во́зе*, но *брени́т', ле"жи́т', сви"сти́т'*) [Жилко 1954, 18].

Можно привести следующие конкретные примеры, иллюстрирующие употребление форм 3 л. ед. наст. с флексией /т'/ от глаголов II спряжения с наконечным ударением: *ли"жи́т'* (херсонские говоры [Нагін 1964, 31]); *скрипи́т', михти́т', сиди́т', с'п'іши́т', ле"ти́т', спит'*, но *хо́де /хо́ди* (южнобессарабские говоры [Дроздовский 1971, 150]); *брени́т', ле"жи́т', сви"сти́т'*, но *хо́де, про́се, во́зе* (юго-восточные украинские говоры [Жилко 1954, 18]).

Все остальное пространство, занятое украинским языком, характеризуется флексией /т'/ и значительно реже флексией /т/ в форме 3 л. ед. наст.

от глаголов II спряжения вне зависимости от ударения. Во всяком случае, судя по карте № 259 [АУМ 1], на всей территории (кроме отдельных островков, расположенных на северо-западе, юго-западе, северо-востоке и юго-востоке) находим флексию /т'/ во всех глаголах II спряжения. На карте, приводимой Я.В.Закревской (это западноукраинские говоры, ограниченные на востоке 28-м меридианом), флексия /т'/ в глаголах II спряжения с наосновным ударением (типа *хо́дит', но́сит'*) фиксируется в полесских и крайних юго-западных (западнее р. Тиссы) украинских говорах [Закревская 1966, 127]; совершенно очевидно, что в этих говорах флексию /т'/ имеют и глаголы II спряжения с наконечным ударением типа *сиди́т'*.

Н.Н.Дурново указывает, что окончание /т'/ во II спряжении характерно для восточно-полесских говоров, большинства западно-полесских, восточноукраинских и карпато-русских (т.е. закарпатских, бойковских и лемковских) говоров [Дурново 1969, 201]. Но в некоторых из них находим наряду с /т'/ и окончание /т/, в частности, в ряде западно-полесских и южнокарпатских говоров [Дурново 1969, 201]. Также и по данным Г.Ф.Шило, в большинстве западно-полесских и волынских говоров фиксируется флексия /т'/ в формах 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения, вне зависимости от ударения.

III. Флексия /т/ в формах 3 л. ед. наст. от глаголов I и II спряжений.

1) I спряжение.

В юго-западном говоре с. Бітля Турковского района Львовской области (н.п. № 405) в глаголах I спряжения изредка фиксируется флексия /т/ (*иржи́т, лупо́чит, меко́чит*) при обычном для этой ЧДС нулевой флексии (*пасе́, в'інчу́йе, бриде́, гра́йе, др'і́мл'е, запраша́йе*). Также редко и только в речи молодых /т/ находим в нестяженных формах 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения: *мика́йет* [Возний 1969, 178, 179].

О наличии данных форм с флексией /т/ в отдельных поднестровских и карпатских говорах говорит и Н.Й.Марчук: *пи́шет, иде́т, ка́жет, ц'в'іте́т*. Однако в этом же ареале ею отмечены и формы с [т']: *пи́шет', иде́т'*... [Марчук 1969, 174], хотя сведения о том, употребляются ли эти варианты в рамках одной и той же ЧДС или же они распределены в разных ЧДС, у Н.Й.Марчук отсутствуют.

Я.В.Закревская наличие зафиксированных ею форм типа *зна́єт, ду́мает, слу́хает* в юго-западных говорах, расположенных в районе городов Черновцы, Хмельницкий и Ивано-Франковск, объясняет аналогическим влиянием форм 3 л. ед. наст. типа *но́сит, во́зит*, образованных от глаголов II спряжения и характерных для говоров этого региона [Закревская 1966, 126].

Употребляются с флексией /т/ на юго-западе Украины и стяженные глагольные формы 3 л. ед. наст. бывшего I спряжения (так называемое III спряжение). Это явление можно считать своеобразной особенностью карпатских говоров. Так, в говоре с. Бітля все глаголы I спряжения на [айе], которые пережили процесс стяжения [айе] → [а], имеют окончание /т/: *доби́рат, ши́бат, кри́ват, ку́кат, га́ўкат, мн'а́ўкат, по̯ли́ват, гу́кат, ми́кат, ўзу́ват, вы̯гл'адат, не"тра́йат, пригр'і́ват, стр'і́п'ат, затыка́т, прибі́ват* [Возний 1969, 178, 179], см. также карту № 3 [Закревская 1966, 127], где показан ареал распространения этого явления (об этом упоминается в примечании 12).

В некоторых юго-западных говорах Закарпатской области также находим /т/ в форме 3 л. ед. наст. глаголов III спряжения: *слу́хат* (верховинские, мараморошские, гуцульские говоры [Лавер 1969, 4]. Аналогичные формы в западноукраинских говорах Галичины отмечает Н.Н.Дурново: *пы́тат, сі́дат, знат, повіда́т, схо́ват, бы́ват* (но нестяженные формы только с нулевой флексией: *быва́є* в карпато-русских говорах) [Дурново 1969, 189, 196, 201]. Фиксируются данные формы и другими диалектологами в некоторых юго-западных украинских говорах (в частности, в гуцульских, надсянских, западнокарпатских): *чи́тат, ни́кат, три́мат* [Марчук 1969, 176; Закревская 1966, 127, карта № 3]. На формы типа *в'ін замі́тат, то с'а зачи́нат, с"пі́ват* в южных говорах Львовской обл., в южнокарпатских, закарпатских, лемковских и надсянских говорах указывает и В.М.Русановский [Русанівський 1971, 187].

Таким образом, флексия /т/ в формах 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения (а также - III-его, стяженного, спряжения) употребляется только в современных юго-западных украинских говорах.

2) II спряжение.

Флексия /т/ в форме 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения в говорах украинского языка встречается значительно реже, чем флексия /т'/и Ø. Ее мы находим в некоторых говорах, разбросанных в разных районах Украины и не образующих больших ареалов. Как правило, в тех говорах, в которых употребляется флексия /т/ в форме 3 л. ед. наст. от глаголов I спряжения, она отмечается и в глаголах II спряжения. Однако формы с флексией /т/ от глаголов II спряжения распространены в украинском языке все же в большем количестве говоров по сравнению с формами с флексией /т/ от глаголов I спряжения.

Наиболее часто флексию /т/ в глаголах II спряжения находим в юго-западных украинских говорах. Т.М.Возный приводит следующие примеры из говора с. Бітля Турковского района Львовской области: *хо́дит, ро́бит, му́сит, му́чит, гу́чит, про́сит, го̯во́рит, прихо́дит, к'іпи́т, вари́т* [Возний

1969, 178]. Г.Ф.Шило в юго-западных украинских говорах к северу от Днепра фиксирует формы *про́сит, во́зит* [Шило 1957, 157]. В юго-западном покутско-гуцульском говоре с. Саджава Ивано-Франковской обл. отмечены такие формы, как: *сад'е́т, біж'е́т, но́сэт, боро́нэт, хо́дэт, во́дэт, л'у́бэт, ро́бэт* и др. [Попова 1970]. О наличии флексии /т/ в формах 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения в некоторых западно-полесских, западно-украинских, северо-карпатских и южно-карпатских диалектах говорит Н.Н.Дурново (*хо́дит, ро́бит, но́сит*), где эти формы (особенно в полесских и карпато-русских говорах) сосуществуют обычно с формами на /т'/: *хо́дит', ро́бит', но́сит'* [Дурново 1969, 201].

С.П.Бевзенко, основываясь на исследованиях украинских диалектологов, приводит формы 3 л. ед. наст. с флексией /т/ от глаголов II спряжения прежде всего из западноукраинских говоров: *ходит, кричит, спит* (говоры южной Житомирщины); *ходит, сидит, спит, носит, любит* (говоры Винницкой области); *сидит, біжит, кричит, ходит, висит, носит* (южноподольские говоры); *спит, сидит, лежит* (говоры Холмской Руси); *сидит, кипит, нявчит, скавучит* (говоры батюков); *горит, бліщит, гырмит, носит* (говор галицких лемков); *робит, ходит, острит, просит, терпит, мусит, гонит* (некоторые закарпатские говоры); *фалэт, горэт, ведэт, стоjет, мовч'эт* (гуцульские говоры - наряду с формами на *Ø*: *моле, носе, ходе*) [Бевзенко 1960, 280][13]. В отдельных крайних северных говорах западного Полесья подобные формы отмечает Н.Й.Марчук: *в'ін моўч'е́т, держ'е́т, бурч'е́т* [Марчук 1983, 124].

Встречаются формы 3 л. ед. наст. с флексией [т] от глаголов II спряжения и в некоторых говорах Восточной Украины, например: *хо́дит, но́сит, про́сит, ба́чит* (полтавские говоры [Бевзенко 1960, 281; Довгопол 1969, 187]); *хо́дит, ро́бит* (в говорах Димерского района Киевской обл. наряду с *хо́дить, хо́деть, во́зить, но́сеть* [Бевзенко 1960, 281]); *лити́т, сиди́т*, но *ко́се, ро́бе* (в говорах Одесской области [Логвин 1965]).

В возвратных глаголах II спряжения иногда также встречается флексия /т/, например, в говоре с. Бітля Львовской области (*ва́ритс'а* [Возний 1969, 178]) и в ряде других юго-западных говоров (*про́ситс'і, во́зитс'і* [Шило 1957, 157]), хотя в большинстве говоров данного региона в возвратных формах употребляется нулевая флексия (*про́сис'і, во́зис'і*) при наличии флексии /т/ в невозвратных формах (*про́сит, во́зит*) [Шило 1957, 157] (об этих фактах уже упоминалось выше).

Флексия /т/ в качестве сосуществующего варианта с флексиями /т'/ или *Ø* обычна и в отдельных говорах юго-восточного диалектного типа, а также в кубанских и балашовских говорах (исключая западно-южноволынские и некоторые степные и слобожанские говоры) [Марчук 1969, 169].

Исследуя данное явление, Я.В.Закревская выделяет основной массив с широким употреблением /т/ в форме 3 л. ед. наст. от глаголов II спряжения на юго-западе Украины; он, по ее данным, образован значительной частью закарпатских и южноподольских говоров. Встречается /т/ в указанных формах и на севере - в полесских говорах, расположенных севернее Луцка в бассейнах рек Стырь, Горынь и Случь [Закревская 1966, 125; см. также карту № 3 на с. 127].

В целом, флексия /т/ в формах 3 л. ед. наст. от глаголов I и II спряжений в украинском языке появляется, по-видимому, не ранее XIII в. [Бевзенко 1960, 279; Русанівський 1971, 109]. Принято считать, что эта флексия - довольно ранняя инновация, возникшая на восточнославянской почве. В украинских памятниках письменности, особенно в грамотах из юго-западных областей Украины, флексия /т/ начинает употребляться сравнительно часто в XIV-XV вв. Например: *имѣть, вѣдаєтъ, дастъ, идетъ, впадаєтъ, лежитъ, перемѣнитъ* (цитируется по [Бевзенко 1960, 279]; В.М.Русановский также приводит подобные формы: *сѧ пригодитъ, приходитъ* (галицкие грамоты); *оупадаєтъ, сѧ поєтъ, оузритъ, оуслышитъ, пихаєтъ* (украинские грамоты XV в. из Молдавии) [Русанівський 1971, 56]. Украинские историки языка полагают, что данные написания отражают живое произношение. Кстати, и сейчас, как было показано выше, флексия /т/ употребляется, в основном, в юго-западных украинских говорах. В XVI-XVII вв. данная флексия становится господствующей в украинском литературном (письменном) языке. В связи с этим украинские грамматисты того периода (такие, как, например, Памви Беринди, И.Вищенский и др.) закрепляют написание *-т* в качестве нормы тогдашнего украинского литературного (письменно-книжного) языка. Так, например, М.Смотрицкий, ориентируясь на западноукраинские говоры и на произведения львовских писателей того времени, приводит в своей "Граматице словенской" именно глагольные формы 3 л. ед. наст. с флексией *-тъ* (/т/) [Русанівський 1971, 109-110]. Однако в XVIII-XIX вв. флексию /т/ (например, *нагородит, стоїт, бродит*) находим, фактически, только в произведениях авторов - уроженцев Западной Украины [Русанівський 1971, 159]. Этот факт очень важен, так как он может свидетельствовать о том, что в действительности, с самого начала своего появления, флексия /т/ являлась одной из характерных черт именно западноукраинских говоров, и, несмотря на усилия украинских грамматистов того времени распространить формы с флексией /т/ на всю украинскую письменность, эти формы в других регионах не прижились. Что касается происхождения флексии /т/ в глагольных формах 3 л. ед. наст., то большинство украинских лингвистов объясняет ее появление фонетическим путем - в результате пережитого юго-западными украинскими гово-

рами процесса диспалатализации согласных [Жилко 1966, 97; Русанівський 1971, 188].[14]

Следует отметить, что существует довольно большая литература, обсуждающая проблему происхождения флексии /т/ в глагольных формах 3 л. ед. наст. в восточнославянских диалектах, о чем уже говорилось выше. Обзор ее см. в [Обнорский 1953, 117-118, 131-133; Бевзенко 1960, 281; Филин 1972, 449-453; Иванов 1982, 63-65].

IV. Флексия /т'і/ ([т'и], [ти], [ц'і], [т'і]).

В некоторых северноукраинских говорах, соединяющихся с южнобелорусскими и образующих с ними один общий ареал из спорадично разбросанных говоров на юго-востоке Гомельской области и по граничащим с ней Черниговской и Киевской областям, глагольные формы 3 л. ед. наст. образуются с флексиями [т'і], [ти] или [ц'і] (/т'і/), ср. примеры из говоров нас. пп. №№ 153, 156, расположенных в Брагинском районе Гомельской области: *йон хо́дз'іц'і, во́з'іц'і, ро́б'іц'і; йена́ л'у́б'ет'і, во́д'ім'і* [ДАБМ 1963, карта № 153]; см. также [Назарова 1969, 29]. Это явление на карте не показано.

Белорусский язык

Белорусскому языку (в его литературной и диалектной формах) свойственны окончания Ø и [ц'] (/т'/) в глагольной форме 3 л. ед. наст. Распределение этих окончаний по конкретным глаголам зависит от следующих факторов: от принадлежности глагола к I или II спряжениям (литературный язык и диалекты) и от его акцентной характеристики (диалекты).

Основное диалектное деление белорусского языка по такому морфологическому признаку, как окончание глагольной формы 3 л. ед. наст., разделяющее всю территорию Белоруссии на два взаимопротивопоставленных ареала, обусловлено т и п о м с п р я ж е н и я .

1) Так, в большинстве говоров, составляющих *юго-западное наречие* и охватывающих говоры Гродненской и Брестской областей, южной части Минской области, большей части Гомельской области и юго-западной части Могилевской области, все глаголы I с п р я ж е н и я , вне зависимости от ударения, в форме 3 л. ед. наст. имеют нулевую флексию (Ø), например: *б'аре́, ідз'е́, н'ас'е́, пйе, ка́жа, м'е́л'е / м'е́л'а, гре́йе, чыта́йе*; все глаголы II спряжения, также вне зависимости от ударения, имеют в этой форме флексию [ц'] (/т'/), например: *с'адз'и́ц', маўчы́ц', ко́с'іц', хо́дз'іц'*. Данное соотношение глагольных флексий Ø и [ц'] (/т'/) является и нормой современного белорусского литературного языка.

2) В меньшей части говоров, образующих *северо-восточное* наречие, в с е глаголы I и II спряжения, также вне зависимости от ударения, в форме

3 л. ед. наст. имеют одну флексию [ц'] (/т'/), например: *н'ас'ёц', идз'ёц'; ка́жыц', па́хн'иц'; хо́дз'иц', го́н'иц', гл'адз'и́ц', маўчы́ц'*.

Таким образом, выделение данных двух диалектных групп по флексии глагольной формы 3 л. ед. наст. происходит, фактически, только на основе глаголов I спряжения: в юго-западной диалектной группе - нулевая флексия (*пас'ё, идз'ё, м'ёл'е / м'ёл'а, ка́же / ка́жа, пи́ше / пи́ша*), в северо-восточной диалектной группе - флексия [ц'] (*пас'ёц', идз'ёц', м'ёл'иц', ка́жыц', пи́шыц'*). Что касается глаголов II спряжения, то они и в той, и в другой диалектных группах образуют форму 3 л. ед. наст. с флексией [ц'] (*с'адз'и́ц', служы́ц', ко́с'іц'*).

Следует отметить, что граница, которая разделяет указанные две диалектные группы, противопоставленные между собой по способу образования формы 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения (флексии - Ø и [ц']), представляет собой не тонкую условную линию, а некоторую полосу, идущую в направлении от северо-запада к юго-востоку и ограниченную с севера и юга двумя условными линиями (границами). Проведение этих линий находится в прямой зависимости от второго фактора, определяющего дистрибуцию окончаний Ø и [ц'], а именно - от акцентной характеристики глаголов I спряжения. Так, северная граница данной полосы, проходя по Минской и Могилевской областям, показывает северный предел распространения *нулевой флексии*, но только за счет глаголов I спряжения с ударением на основе (т.е. *пи́ша, м'ёл'а*, но *идз'ёц', б'ар'ёц'*). Южная ее граница также в пределах Минской и Могилевской областей определяет, напротив, южный предел распространения флексии [ц'] в глаголах I спряжения, но только с наконечным ударением (т.е. *идз'ёц', б'арёц'*, но *пи́ша, м'ёл'а*). Отсюда следует, что нулевая флексия занимает больший ареал в формах 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения с наосновным ударением и меньший ареал - в глаголах I спряжения с наконечным ударением. И наоборот, флексия [ц'] охватывает больший ареал в глаголах I спряжения с наконечным ударением и меньший - в глаголах I спряжения с наосновным ударением.

В целом, в юго-западном ареале, характеризующемся распространением нулевой флексии в форме 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения, выделяется, таким образом, две группы говоров: 1) бо́льшую, южную часть данного юго-западного ареала занимают говоры с последовательным употреблением нулевой флексии: *идз'ё, пи́ша*; 2) меньшую, северную его часть образуют говоры с разграничением форм 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения с Ø и с [ц'] в зависимости от ударения: *идз'ёц'*, но *пи́ша*.

В северо-восточном ареале, в котором в целом отмечено употребление флексии [ц'] в форме 3 л. ед. наст всех глаголов I

спряжения, также выделяется две группы говоров: 1) большую, северную часть этого ареала составляют говоры с последовательным употреблением флексии [ц'] в рассматриваемой форме: *идз'ёц', пи́шыц'*; 2) в меньшей, южной его части представлены говоры, в которых дистрибуция флексий Ø и [ц'] (/т'/) обусловлена акцентной характеристикой глагола: *идз'ёц'*, но *пи́ша.*

Обращаясь снова к рассмотрению морфологических особенностей формы 3 л. ед. наст. глаголов не только I, но и II спряжения, отметим, что то соотношение флексий Ø и [ц'] (/т'/), которое обусловлено принадлежностью к тому или другому типу спряжения и которое характеризует говоры юго-западной диалектной группы и белорусский литературный язык, белорусские диалектологи и историки языка считают архаической чертой [Нарысы 1964, 263; Мацкевич 1959, 130]; ср. также: "Современные литературные формы 3 л. ед. без *-ць* восходят к глубокому историческому прошлому: *ликуе, ослушае, охудѣе, повѣдуе* (Супр. рук.); *не мае* (Грамота 1495 г.); *кость погибае* (Четья 1789 г.) [Ломтев 1951, 102].

Выше были рассмотрены две диалектные группы, различающиеся между собой способом образования формы 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения: с флексией [ц'] (/т'/) (северо-восточные говоры) и с флексией Ø (юго-западные говоры). При этом было отмечено, что в глаголах II спряжения форма 3 л. ед. наст. и в той, и в другой диалектных группах образуется одинаково - с флексией /т'/ (т.е. *с'адз'и́ц', ко́с'іц'*). Однако в действительности между юго-западными и северо-восточными ареалами находится достаточно широкая полоса как бы переходных (или смешанных) говоров, системы которых подчиняются определенным правилам образования формы 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения. Кстати, эта полоса переходных говоров, идущая с северо-запада на юго-восток, полностью охватывает описанные выше говоры, которые характеризуются флексиями [ц'] и Ø при образовании формы 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения (*идз'ёц'*, но *пи́ша*), и, как правило, вовлекает в рамки своих границ еще и многие соседние говоры.

В данных переходных говорах выбор флексий [ц'] или Ø подчиняется в большинстве случаев достаточно жесткому правилу, распространяющемуся как на глаголы I, так и на глаголы II спряжений, а именно: глаголы с ударением на основе выбирают нулевую флексию (*пи́ше / пи́ша, м'ёл'е / м'ёл'а, хо́дз'а, го́н'а*), глаголы же с наконечным ударением - флексию [ц'] (*н'ас'ёц', с'адз'и́ц'*). Однако не во всех говорах это правило проведено последовательно, в связи с чем в разных ЧДС фиксируется разное соотношение глагольных форм с [ц'] и с Ø. Так, в говорах, расположенных вблизи северо-восточного массива, преобладают формы с [ц']; в говорах, находящихся ближе к юго-западному массиву, более распространены формы с Ø.

И все же важно специально подчеркнуть, что в большинстве говоров, входящих в рамки данного переходного ареала, разграничение нулевой

флексии и флексии [ц'] достаточно строго определяется акцентной характеристикой глагола. В результате этого в рассматриваемых диалектных системах в глаголах с наосновным ударением отсутствует различие между I и II спряжениями, которые в данном случае образуют как бы самостоятельное новое спряжение ("общее" спряжение, по терминологии С.В.Бромлей). Например: *ка́жа, ста́н'а, хо́дз'а, ро́б'а*, но *б'аре́ц', аре́ц', идз'е́ц'* и *с'адз'и́ц', гл'адз'и́ц'* (в говорах Березинского, Могилевского и Быховского районов) [Нарысы 1964, 263]. Но в целом формы с нулевой флексией в глаголах II спряжения имеют несколько иную территорию распространения по сравнению с формами с Ø в глаголах I спряжения.

Во многих ЧДС, входящих в ареал, образованный данными переходными говорами, наблюдаются самые разнообразные результаты, обусловленные переплетением таких факторов, как тип спряжения и акцентная характеристика глагола, с одной стороны, и конкретный состав самих глаголов, с другой. Поэтому сосуществующие варианты с Ø и [ц'] (/т'/) могут характеризовать формы 3 л. ед. наст. либо разных, либо одних и тех же глаголов в одной и той же ЧДС. Ср., например: *н'ас'е́, граб'е́, гре́йе, во́з'е, б'аре́, в'а́жа, гаво́ра* (говор д. Яново Гомельской обл., Ветковского р-на, нас. п. № 928); *б'ар'е́ц,, йидз'е́ц', жн'ец', с'ач'е́ц', н'ас'е́, б'аре́, ка́жа, в'а́жа, гл'а́н'е, к'и́н'е, йон хо́дз'иц' / хо́дз'е, во́з'иц' / во́з'е, ко́с'иц' / ко́с'е, гаво́рыц' / гаво́ра, ро́б'иц' / ро́б'е, мало́ц'иц' / мало́ц'е, гаро́дз'и́ц' / гародз'е* (говор д. Струкачев Гомельской обл. Карминского р-на, нас. п. № 603); *пачн'е́ц' / пачн'е́, идз'е́ц' / идз'е́, с'аче́ц' / с'аче́, н'ас'е́ц' / н'ас'е́, в'аз'е́ц' / в'аз'е́, б'ар'е́ц' / б'аре́* (говоры дер. Клен, Игрушка, Худовцы, Ухвала Минской обл., Крупского р-на, нас. пп. №№ 248, 278, 279, 289); *в'а́жыц', ка́жыц', по́л'иц', м'е́л'иц', к'и́н'иц', чыта́йиц', слу́жыц', гамо́н'иц'* [Мацкевич 1959, 122; см. также карту изоглосс № 3].

Данный ареал переходных белорусских говоров с различными типами распределения флексий Ø и [ц'] в форме 3 л. ед. наст. глаголов I и II спряжений на юго-востоке соединяется с украинскими северо-восточными говорами, характеризующимися этими же чертами.

Исследователи указанного явления в белорусском и украинском языках (т.е. зависимости выбора флексий /т'/ или -Ø от типа спряжения и от акцентной характеристики глагола) не раз подчеркивали, что наличие нулевой флексии в глаголах I спряжения, с одной стороны, и наличие ее в глаголах I и II спряжений с наосновным ударением, с другой, имеют разную хронологию. Если обусловленность употребления нулевой флексии типом спряжения признается архаическим явлением, то появление ее под влиянием акцентной характеристики глагола считается новообразованием.

Ю.Ф.Мацкевич, исследовавшая глагольные формы 3 л. ед. наст. в белорусском языке, высказывает предположение, что формы с нулевой флек-

сией в глаголах I спряжения в говорах, составляющих ядро юго-западного диалектного массива, существовали задолго до формирования собственно белорусского языка [Мацкевич 1959, 130]. Однако наличие форм с нулевой флексией, образованных от глаголов I и II спряжений, в диалектах, составляющих полосу переходных (или смешанных) говоров, где эти формы сосуществуют с аналогичными формами с флексией [ц'], следует считать продуктом более позднего периода: видимо, формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией, образованные от глаголов I и II спряжений с наосновным ударением, - это результат междиалектного взаимодействия, проявляющегося на протяжении всей истории белорусского языка и являющегося живым и в наши дни [Мацкевич 1959, 131]. При этом следует отметить, что, как и в украинском языке, в белорусских говорах нам не встретилось ни одного случая, где бы нулевая флексия употреблялась в форме 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения с наконечным ударением (т.е. *він гл'адз'и́*). Что касается русских говоров, то такие формы (типа *виси́*) им известны (см. об этом выше).[15]

Ф.П.Филин также высказывает мнение об архаичности нулевой флексии в глаголах I спряжения в украинских и белорусских говорах, о чем свидетельствует, по его мнению, их общий ареал распространения, границы которого не совпадают ни с какими политическими объединениями феодального времени и отражают, по всей видимости, границы древних племенных объединений (см. [Филин 1972, 441-442]).

* * *

В связи с тем, что дистрибуция нулевой флексии в глагольных формах 3 л. ед. наст. в рамках всего восточнославянского диалектного пространства, как было сказано выше, характеризуется определенными особенностями и отличается, пожалуй, бóльшей сложностью, чем дистрибуция флексий /т'/ и /т/, считаем нелишним привести соображения некоторых известных славистов именно относительно нулевой флексии.

Ср., например, ряд высказываний П.С.Кузнецова относительно нулевой флексии в русском (и других восточнославянских) языке: "Только часть таких форм (т.е. форм с нулевой флексией. - *Т.П.*) восходит к глубокой древности, другие же возникли позже. Формы без *t* особенно распространены в единственном числе I спряжения. Можно думать, что их возникновение и относится к глубокой древности. Это показывается и сравнением с другими славянскими языками" [Кузнецов 1956, 181]. Ср. также: "Возможно, что формы без *t* образуют два различные слоя: древний, еще частью на общеславянской почве..., и позднейший, осуществляющийся по говорам в сравнительно недавнее время. Это последнее отпадение может быть связано с редукцией, ослаблением конечного согласного, особенно перед пау-

зой"[Кузнецов 1955, 1, 117]. "Конечно, не все случаи отсутствия *t* в 3 л. восходят к общеславянской эпохе. Многие категории получили по говорам такую форму позднее, в результате обобщения окончания без *-t*; частью же и в результате фонетического ослабления конечного *-t...*; как раз и необходимо учитывать наличие разных с исторической точки зрения случаев употребления форм с *t* и без *t*" [Кузнецов 1955, 2, 138]. О древности глагольных форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией писал и А.М.Селищев: "Несомненно, в ряде случаев формы без *-t* были унаследованы от праславянского времени. К таким формам относятся формы 3 л. ед. наст. основ на *-e: nese, vede*" [Селищев 1927, 328-329].

Изучая дистрибуцию нулевой флексии в глагольных формах 3 л. ед. наст. в русских, украинских и белорусских говорах, Н.Н.Дурново делает важный вывод об общности украинских, южнобелорусских и южнорусских говоров в плане образования данных глагольных форм, а именно: в большинстве указанных диалектов нулевую флексию находим только в глаголах I спряжения и в глаголах II спряжения с наосновным ударением. "Поэтому можно думать, что в доисторическую эпоху говоры, образовавшие позднее м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка, составляли одну группу" [Дурново 1969, 211].

* * *

Таким образом, на основе проведенного лингвогеографического описания глагольных форм 3 л. ед. наст. с флексиями -Ø, /т'/ и /т/ можно дать общую характеристику распределения указанных флексий в границах восточнославянского диалектного пространства.

Флексия -Ø.

На всей территории распространения восточнославянских диалектов выделяется два неравноценных по размеру ареала, в говорах которых употребляется (в разной степени в разных ЧДС - см. выше конкретные описания различных образований глагольных форм 3 л. ед. наст.) нулевая флексия.

П е р в ы й а р е а л охватывает подавляющее большинство восточнославянских диалектов. Он образован юго-восточными русскими говорами, которые на юге соединяются с северо-восточными украинскими говорами и сливаются с украинским ареалом; украинский ареал, в свою очередь, соединяется с узкой полосой, образованной центрально-белорусскими говорами и идущей по территории Белоруссии с юго-востока на северо-запад.

В т о р о й а р е а л сравнительно небольшой. Он образован северо-западными русскими говорами.

Флексия /т'/.

Флексия /т'/ отмечена в рамках большого ареала, образованного южнорусскими, белорусскими и украинскими говорами (за исключением некоторых юго-западных говоров).

Флексия /т/.

Данная флексия образует один большой и несколько небольших ареалов, не связанных территориально друг с другом. Она распространена в севернорусских говорах, а также в юго-западных украинских говорах, в некоторых украинских полесских говорах и в отдельных южнорусских и западных среднерусских говорах.

Следует обратить специальное внимание на то, что значительная часть восточнославянских диалектов характеризуется сосуществованием различных флексий в глагольной форме 3 л. ед. наст. (см. прилагаемые карты).

Рассмотренный материал позволяет также высказать предположение о том, что все три глагольные флексии 3 л. ед. наст. (/т'/, /т/ и Ø) могли существовать в качестве диалектных вариантов в позднепраславянском. Чрезвычайно сложная картина дистрибуции указанных флексий, представленная в современных восточнославянских диалектах, является результатом воздействия на глагольные парадигмы различных факторов (фонетических, морфологических, аналогических и мн. др.), пережитых отдельными восточнославянскими диалектами в более позднее время и сформировавших современные диалектные глагольные системы. В связи с этим подавляющее большинство современных восточнославянских диалектов имеют в своих глагольных системах как архаические черты, так и новообразования. К сожалению, во многих случаях пока не представляется возможным выделить в каждой отдельной ЧДС среди глагольных форм 3 л. ед. наст. архаическое ядро и элементы более позднего развития (а именно: архаические формы с нулевой флексией и новообразования с нулевой флексией, архаические формы с флексией /т'/ и новообразования с флексией /т'/ и т.д.). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что продолжение исследования явлений, связанных с вопросом о форме 3 л. ед. наст. в восточнославянских диалектах, было бы желательным.

Примечания:

[1] Так, например, С.В.Бромлей и Л.Н.Булатова пишут, что система с нулевой флексией в форме 3 л. ед. наст. только от глаголов "общего" спряжения "специфична для юго-восточного массива и представляет его крайний запад (по линии Медынь - Одоев - Щигры)" [Бромлей, Булатова 1972, 245]. О наличии данной системы "в пределах южного массива" говорит и Т.Ю.Строганова [Строганова 1970, 125] . См. также карту № 80 [ДАРЯ, II].

[2] В.В.Иванов отмечает, что в период до падения редуцированных (т.е. до XII - нач. XIII вв.) "др.-рус. язык знал и формы 3 л. ед. наст. и мн. без *-ть*, причем, по данным памятников XI в., такие формы были известны для атематического глагола *быти* и для тематических глаголов прежде всего ... I спряжения ... . При этом важно отметить, что эти примеры зафиксированы в памятниках как явно северного, так и южного происхождения. В отличие от этого форма 3 л. ед. ... II спряжения отмечена только в трех случаях (*възгласи, возлюби, боли*) и только в южных памятниках" [Иванов 1978, 96; Иванов 1982, 62]. Данное обстоятельство позволяет автору сделать вывод о том, что "форма 3 л. ед. без флексии шире была распространена на юге Древней Руси, охватывая по существу глаголы всех типов образования; на севере же эта форма была ограничена только глаголами современного I спряжения (инфинитив на *-ати, -чи, -сти*)" [Иванов 1982, 62]. Однако в более поздний период, начиная с XIV в., о глагольных формах 3 л. ед. с нулевой флексией, расширивших сферу своего употребления (особенно в севернорусских диалектах древнерусского языка), можно говорить как о диалектном образовании, неравномерно распространенном в разных диалектах и охватывающем в отдельных говорах различные глаголы [Иванов 1978, 97; Иванов 1982, 66].

[3] На архаичность этого явления в русских говорах указывает, например, С.П.Обнорский, приводя многочисленные примеры из ряда говоров (в частности, Осташковского уезда Тверской губернии, Малоархангельского уезда Орловской губернии, Рязанского и Касимовского уездов Рязанской губернии, Воронежской губернии, Жиздринского, Медынского и Мещовского уездов Калужской губернии) и подчеркивая, что глагольные формы 3 л. ед. наст. с нулевой флексией встречаются в этих говорах преимущественно в языке старшего поколения [Обнорский 1953, 125]. Также он обращает особое внимание на такие отмеченные во многих говорах изолированные формы 3 л. ед. наст. с *-Ø* от отдельных глаголов, которые в определенной степени уже утратили свое собственно глагольное значение, как *е* (вм. *есть*), *не, буде, може*, и справедливо замечает, что "в этих формах - сколки старой системы языка" [Обнорский 1953, 126].

[4] В связи со сказанным хотелось бы специально подчеркнуть, что, по-видимому, самым сложным в интерпретации современных диалектных данных является нахождение разновременных пластов, разграничение архаизмов и инноваций, поскольку, без сомнения, в каждой ЧДС могут сохраняться разнообразные древние черты. Поэтому очень важным представляется следующее высказывание Р.И.Аванесова: "Диалектные различия восточных славян в значительной своей части относятся уже к относительно поздней... эпохе, эпохе феодальной раздробленности и последующему времени... . Поздний характер диалектных различий русского языка ни в коей мере не исключает того, что в диалекте могут сохраняться явления, восходящие к глубокой древности" (см.: [Аванесов 1955, 64]).

[5] Однако следует отметить, что историки болгарского языка не указывают на наличие флексии *-ть (-тьі)* в глагольной форме 3 л. ед. наст. в древнеболгарском языке и говорят только об окончании *-тъ* (см., например: [Младенов 1979, 281; Цонев 1934, 541; Мирчев 1958, 191]).

[6] В.В.Иванов отмечает, что написания *-тъ*, *-т* (/т/) в форме 3 л. ед. наст. в грамотах XIII - XIV вв. и в близких им по жанру памятниках письменности свидетельствовали о том, что "для определенных говоров др.-рус. языка данного времени, особенно XIV в., эти написания отражают изменение <т'> в <т> или замену <т'> на <т> в форме 3 л." [Иванов 1982, 60]. Подчеркивая д и а л е к т н ы й характер данного образования, он пишет, что "к концу XIV в. в северных говорах др.-рус. языка в этой форме установилось твердое произношение, тогда как на южной и западной территории сохранялось мягкое <т'>..." [Иванов 1982, 61].

[7] Однако необходимо знать, что в науке существует и точка зрения о том, что флексия /т/, которую мы находим в севернорусских говорах, может своими корнями уходить в позднепраславянскую эпоху, представляя собой один из диалектных вариантов глагольной флексии 3 л. ед. наст. Ср., например, высказывание Б.М.Ляпунова: "северное *-т* скорее всего восходит к ст.-сл. *-тъ* и представляет общеславянский вариант *-ть*" (см.: [Ляпунов 1899, 233]). Эта точка зрения заслуживает самого пристального внимания, так как известно, что "наличие значительного количества диалектных расхождений как в древнем общеславянском, так и в др.-рус. языках является несомненным фактом" (см.: [Филин 1970, 3]). См. также примечание 14.

[8] Ф.Т.Жилко считает, что в тех говорах, где на месте безударного гласного [и] произносится гласный более широкого образования (т.е. [е, и^{е}, е^{и}]), в глаголах II спряжения с наосновным ударением на месте флективного [и] также появляется гласный более широкого образования; наличие "е"-образного заударного гласного в глагольных формах II спряжения сближает их с глаголами I спряжения, в результате чего конечный [т'], являющийся характерной приметой форм 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения в подавляющем большинстве украинских говоров и в украинском литературном языке, утрачивается, и формы 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения, аналогично глаголам I спряжения, начинают употребляться с нулевой флексией, т.е. **ходит'* → **ходет'* → *ходе* [Жилко 1955, 163]. С.П.Бевзенко также полагает, что современные формы типа *хóде, хóди*^{е} являются поздними новообразованиями, возникшими по аналогии с формами 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения [Бевзенко 1960, 284]. Однако следует специально подчеркнуть, что с нулевой флексией формы 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения могут быть образованы и в тех говорах, которые сохранили различие между безударными [е] и [и], ср., например, формы *хóди, вóзи, кóси, прóси* и *кáе, волóче* в некоторых юго-западных

украинских говорах [Марчук 1969, 171, 173, 176]. Это означает, что основным фактором, обусловливающим появление форм 3 л. ед. наст. с нулевой флексией от глаголов II спряжения, является на основное ударение; наличие же неразличения безударных [е] и [и] следует считать в данном случае дополнительным фактором, облегчающим аналогическое развитие указанных форм.

[9] В связи со сказанным отметим одно интересное явление, связанное с дистрибуцией флексий Ø и /т'/ в формах 3 л. ед. наст. глаголов I и II спряжений, которое описывает А.М.Мукан: так, в некоторых наддунайских говорах в районе Измаила (видимо, в результате влияния соседних говоров) нулевую флексию находим в форме 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения (*кру́те, гово́ре, ро́бе*), в то время как форма 3 л. ед. наст. глаголов I спряжения образуется с флексией /т'/ (*мо́жет', ше́пчет', тече́т', ме́лит', гу́кайет'*) [Мукан 1969, 198]. Как образуются формы 3 л. ед. наст. глаголов II спряжения с наконечным ударением (типа укр. лит. *сиді́ти, скрипі́ти*), автор, к сожалению, не указывает.

[10] Как известно, возникали эти новые говоры украинского языка в разное время, начиная приблизительно с XVI в., в результате переселения с основной украинской территории. Как правило, новые говоры на востоке и юге Украины, а также на юге России (Кубань, Ставрополь, Надволжье) формировались на базе украинского юго-восточного диалектного типа. В части новых говоров очень ярко выступают элементы юго-западного, а иногда и северного (полесского) диалектных типов. Юго-западные элементы в наибольшей степени проявляются к западу от бассейна реки Інгульця, а также в восточно-полтавских и частично в южнослобожанских говорах. Полесские черты находим на севере слобожанских говоров. Формирование степных и слобожанских говоров продолжается еще и сейчас. В новых говорах отмечается значительно большая вариативность фонетических и морфологических явлений, чем в старых украинских (архаических) говорах (см. об этом подробнее в [Жилко 1971, 5-7]).

[11] В "Исторической грамматике украинского языка" 1957 г. говорится, что нулевая флексия в глагольной форме 3 л. ед. наст. I спряжения представляет собой архаизм, существовавший еще в общеславянский период [Історична граматика 1957, 328].

[12] Однако в большинстве других говоров, глагольные системы которых имеют так называемое III спряжение, в данных стяженных формах 3 л. ед. наст. фиксируется /т/ при наличии нулевого окончания в глаголах I спряжения. Это явление отмечается в целом ряде гуцульских, западно-карпатских и надсянских говоров (см. [Марчук 1969, 176; Закревская 1966, 127, карта № 3]). Ср., например, формы, записанные в говоре с. Бітля, Львовской обл.: *доби́рат, ши́бат, кри́ват, ку́кат,*

га́ўкат, мн'а́ўкат, по'ли́ват, гу́кат, пребива́т, ми́кат, ўзу́ват, вы'гл'адат, не-"тра́йат, пригр'и́ват, стр'и́л'ат, затыкат, чи́тат, три́мат, ни́кат, но *пасе́, бриде́, ме"те́* [Возний 1969, 178].

[13] Все примеры приведены в [Бевзенко 1960] без ударения.

[14] Учитывая широкое распространение флексии /т/ в формах 3 л. ед. наст. от глаголов I и II спряжений в русском языке и наличие этой флексии в ряде украинских говоров, можно с интересом отнестись к точке зрения Н.Ван-Вейка о ее древнем характере. Так, Н.Ван-Вейк, проанализировав случаи употребления глагольных форм 3 л. ед. наст. с флексиями *Ø, -тъ* и *-ть* в старославянских памятниках письменности, допускает их древнее происхождение. Он достаточно решительно высказывает мнение о том, что наличие различных в морфологическом отношении глагольных форм 3 л. ед. наст. в Мариинском ев., Ассеманиевом ев., Синайской псалтыри и других памятниках письменности (в том числе и таких форм, как, например, *лежіто-сь, съм'ѣріто, поставити-и*) "не позволяют нам отказаться от гипотезы о существовании доисторического *ѣ* наряду с *ѣь*" [Ван-Вейк 1957, 302]. Важно также привести мнение Ф.Т.Жилко, который отмечает, что формы 3 л. ед. наст. с флексией /т/ от глаголов I спряжения (типа *в'ін пи́шит, ма́йет, чи́шит*) являются архаическими в юго-западных украинских говорах, в то время как флексию /т/ в аналогичных формах в некоторых юго-восточных говорах (в частности, в ряде слобожанских и степных) следует считать новообразованием, возникшим под влиянием русского языка (ср. юго-восточные украинские формы *в'ін чита́йет, гра́йет, сп'ива́йет*) - см. [Жилко 1966, 97]. См. также примечание 7.

[15] Тот факт, что формы типа *вися́* (наряду с формами типа *пи́ше, несе́, но́си*) зафиксированы только на северо-западе восточнославянской территории, а именно - в некоторых среднерусских (Гдовский и Селигерский районы) и севернорусских (Ладожский район) говорах, на территории которых славянские племена (кривичи и словене) в свое время встретились с местными племенами (эстами, латгальцами, весью, корелой), может свидетельствовать о том, что данные формы в этих говорах являются новообразованиями, возникшими в результате усвоения местным населением чужой (в данном случае - русской) речи, обладавшей сложной системой в употреблении флексий /т/ и *-Ø* (см. подробнее в [Строганова 1970, 130]).

Литература:

[Аванесов 1955] - *Аванесов Р.И.* К вопросам образования русского национального языка // ВЯ, 1955, № 2.

[Бевзенко 1960] - *Бевзенко С.П.* Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960.

[Бевзенко 1969] - *Бевзенко С.П.* Відмінності української мови на морфологічному рівні. // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Бромлей 1973] - *Бромлей С.В.* Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке. // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

[Бромлей 1989] - *Бромлей С.В.* Карты 80, 81. // ДАРЯ. Выпуск II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.

[Бромлей, Булатова 1972] - *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Булаховский 1953] - *Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953.

[Вайян 1952] - *Вайян А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

[Ван-Вейк 1957] - *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.

[Ващенко 1957] - *Ващенко В.С.* Полтавські говори. Харків, 1957.

[Возний 1969] - *Возний Т.М.* Система дієслівних форм часу в говірці села Бітлі на Львівщині. // Українська діалектна морологія. Київ, 1969.

[Гецова 1963] – *Гецова О.Г.* К вопросу о формах 3-го лица глагола в русских говорах. // Славянская филология. Вып. 5. М., 1963, с. 105-131.

[Грунський, Ковальов 1931] - *Грунський М., Ковальов П.* Історія форм української мови. Харків, 1931.

[Довгопол 1969] - *Довгопол С.Ф.* Деякі особливості словозміни говірки села Котельви на Полтавщині. // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Дроздовский 1971] - *Дроздовський В.П.* Про деякі фонетико-морфологічні явища, пов'язані з граматичною аналогією. // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

[Дурново 1969] - *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

[Жилко 1964] - *Жилко Ф.Т.* Про умови формування полтавсько-Київського диалекту - основи української національної мови. // Полтавсько-Київський диалект - основа української національної мови.

[Жилко 1955] - *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Жилко 1966] - *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

[Жилко 1971] - *Жилко Ф.Т.* Про лінгвогеографічне дослідження новостворених говорів української мови. // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

[Закревська 1966] - *Закревська Я.В.* Система особових форм дієслова в західних говорах української мови (теперішній час). // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

[Иванов 1978] – *Иванов В.В.* К истории форм настоящего времени в древнерусском языке XI – XIV вв. Эволюция форм 3-го лица ед. и мн. числа по данным памятников письменности). // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978

[Иванов 1982] - *Иванов В.В.* История временных форм глагола. // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

[Історична граматика 1957] - *Безпалько О.П. и др.* Історична граматика українсько мови. Київ, 1957.

[Керницький 1967] - *Керницький І.М.* Система словозміни в української мови. На матеріалі пам'яток XVI ст. // Наукова думка. Київ, 1967.

[Кузнецов 1955, 1] - *Кузнецов П.С.* [Рец.]: С.П.Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. // ВЯ, 1955, № 2.

[Кузнецов 1955, 2] - *Кузнецов П.С.* Письмо в редакцию. Ответ на рецензию Т.П.Ломтева. // ВЯ, 1955, № 3.

[Кузнецов 1956] - *Кузнецов П.С.* К истории форм 3-го лица натоящего времени в русском языке. // "Slavia", roč. XXV, z. 2, Praha, 1956.

[Лавер 1969] - *Лавер В.И.* Система глагола в говорах Закарпатской области УССР. // АКД. Одесса, 1969.

[Логвин 1965] - *Логвин В.П.* Морфологічна система говірок Нижньої правобережної Наддністрянщини. // Територіальні діалекті і власні назви. Київ, 1965.

[Ломтев 1951] - *Ломтев Т.П.* Белорусский язык. М., 1951.

[Ляпунов 1899] - *Ляпунов Б.М.* Исследования о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. СПб., 1899.

[Марчук 1969] - *Марчук Н.Й.* Форми 3-і особи дієслів теперішнього часу в українських говорах. //Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Марчук 1983] - *Марчук Н.Й.* Система дієслівної словозміни. // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983.

[Мацкевич 1959] - *Мацкевіч Ю.Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.

[Мирчев 1958] - *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.

[Младенов 1979] - *Младенов Ст.* История на българския език. Превод от немского издание през 1929 г. на проф. д-р Ив. Дуриданов. София, 1979.

[Мукан 1969] - *Мукан А.М.* Варіантність форм у деяких новостворених говорах української мови. // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Нагін 1969] - *Нагін Я.Д.* Фонетични особливості херсонських говірок. // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

[Назарова 1969] - *Назарова Т.В.* Аналогія структурного зв'язку в говорах української мови. // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

[Нарысы 1964] - Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

[Обнорский 1953] - *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

[Попова 1970] - *Попова Т.В.* Морфонологические чередования согласных в спряжении глагола настоящего времени в юго-западном украïинском говоре с. Саджава. // Праці XIII респ. діал. наради. Київ, 1970.

[Потебня 1866] - *Потебня А.* Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866.

[Русанівський 1971] - *Русанівський В.М.* Структура українського дієслова. Київ, 1971.

[Селищев 1927] - *Селищев А.М.* [Рец.]: Н.Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924. // ИОРЯС, т. XXXII, 1927.

[Строганова 1970] - *Строганова Т.Ю.* Формы глаголов 3-го лица без *т* конечного. // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

[Топоров 1961] - *Топоров В.Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. // ВСЯ, вып. 5. М., 1961.

[Филин 1970] - *Филин Ф.П.* Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков. // ВЯ, 1970, № 5.

[Филин 1972] - *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград, 1972.

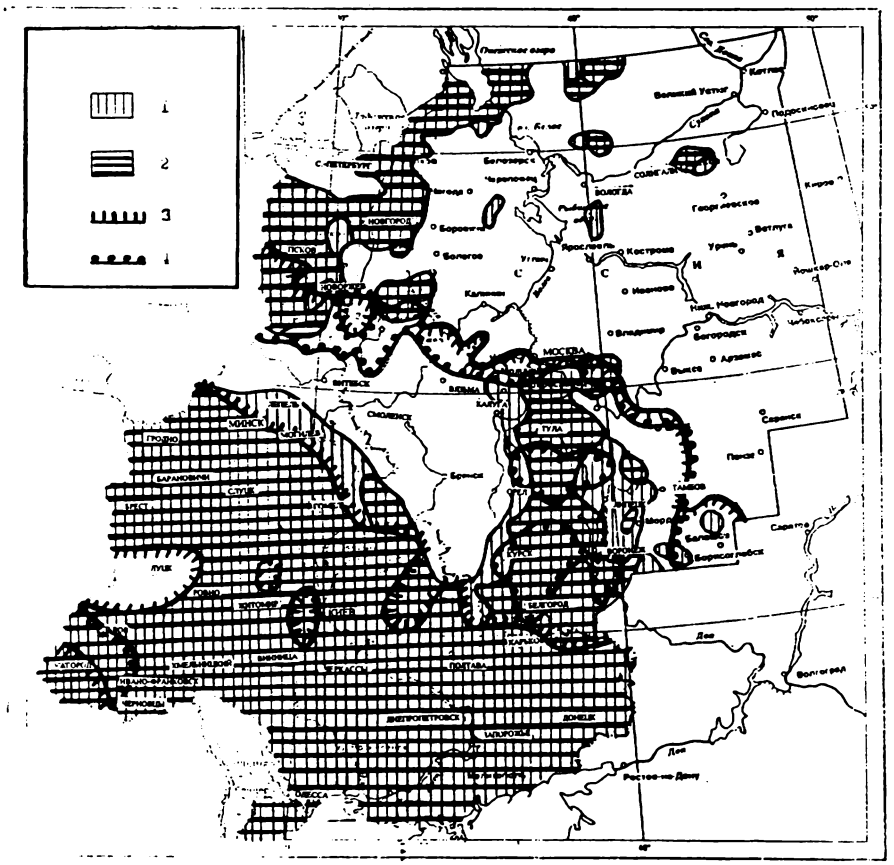
[Цонев 1934] - *Цонев Б.* История на българский език. Том II. София, 1934.

[Шило 1957] - *Шило Г.Ф.* Південно – західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

[Шило 1971] - *Шило Г.Ф.* Проблема розмежування наддністрянських і західнополіських говорів. // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

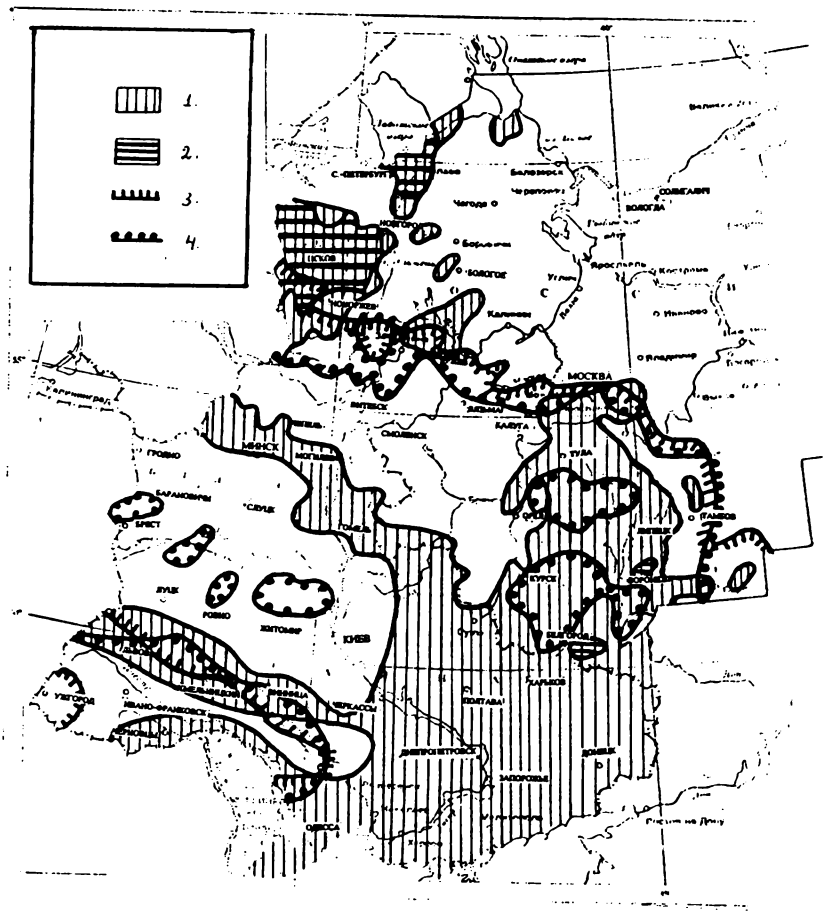
Карта № 1. Флексии формы 3 лица ед. числа настоящего времени глаголов I спряжения.

1 - нулевая флексия (-Ø) в глаголах с наосновным ударением (например, рус. диал. *он м'ёл'е*, *игрáе*); 2 - нулевая флексия (-Ø) в глаголах с наконечным ударением (например, рус. диал. *он н'ес'ё, п'ечё*); 3 - флексия */т'/* (например, рус. диал. *он м'ёл'ет', н'ес'ёт'*); 4 - флексия */т/* (например, рус. лит. *он мéлет, несёт*).

Карта № 2. Флексии формы 3 лица ед. числа настоящего времени глаголов II спряжения.

1 - нулевая флексия (-Ø) в глаголах с наосновным ударением (например, рус. диал. *он но́с'и, во́з'и*); 2 - нулевая флексия (-Ø) в глаголах с наконечным ударением (например, рус. диал. *он в'ис'й, кр'ичй*); 3 - флексия */т'/* (например, рус. диал. *он но́с'ит', в'ис'и́т'*); 4 - флексия */т/* (например, рус. лит. *он но́сит, виси́т*).

А.В.Тер-Аванесова

Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения

На карте показаны системы окончаний родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения (ниже они обозначаются как Р., Д. и М.) в восточнославянских диалектах. Многообразие их в диалектах восточнославянских языков связано с различными путями перестройки "стандартной древнерусской" системы (развившейся из праславянской системы склонения фонетическим путем) Р. **ženy, *zemlě,* Д.-М. **ženě, *zemli*). Исконное состояние системы окончаний Р., Д. и М. имеется на периферии восточнославянской области - в юго-западных украинских говорах, граничащих со словацкими диалектами, также сохраняющими восходящую непосредственно к праславянской систему *а*-склонения (о мелких ареалах этого явления в других частях восточнославянской территории см. ниже). Развитие новых систем флексий Р., Д. и М. шло по пути унификации твердого и мягкого вариантов склонения - в восточных диалектах рассматриваемой области, или по пути унификации показателя Р., Д., М. в мягкой разновидности склонения; большая часть диалектов при этом сохраняла твердую разновидность склонения в неизменном виде. И лишь в центральных говорах современной восточнославянской территории, а именно в западных говорах русского языка (Новгородской, Псковской, Смоленской, Калужской, Брянской, Орловской, Белгородской областей) твердая разновидность склонения подвергалась перестройке: либо по мягкому варианту склонения, либо по пути совпадения показателей Р., Д., М., либо вследствие преобразований в падежной системе (возникновения противопоставления "предложных" и "беспредложных" падежей).

В диалектологических атласах восточнославянских языков окончания Р. и Д.-М. падежей ед. числа существительных *а*-склонения показаны на разных картах (в ДАБМ, в отличие от ДАРЯ и АУМ, картографированы только флексии Д. и М.), что, с одной стороны, затрудняет изучение систем *а*-склонения, а с другой - не соответствует тому факту, что подсистема окончаний Р., Д. и М. *а*-склонения развивалась как единое целое. Поэтому задачей данной карты является показ типов систем Р., Д., М. *а*-склонения с учетом твердой и мягкой разновидности склонения, а также с учетом ударности-безударности флексий.

Судьба подсистемы флексий Р., Д. и М. существительных *а*-склонения в восточнославянских диалектах тесно связана с судьбой других флексий, представленных фонемами **i* и **ě*. Так, во многих украинских говорах совпадают флексии Д.-М. ед. числа, И.- В. дв. числа существительных *ja*-склонения и Р., Д., М. ед. числа *i*-склонения; в части западноукраинских диалектов в этих падежах представлена флексия, восходящая к -**i*, в прочих говорах - инновационная флексия **-ě* [Дейна, 98]. Подобная картина наблюдается и в русских говорах, где известны по крайней мере два ареала совпадения указанных флексий: северо-западный с флексией Р.,Д.,М., восходящей к -**i*, и восточный - с флексией, восходящей к **-ě*; взаимное влияние *ja*- и *i*-склонения распространяется в части этих ареалов и на Тв. ед. числа [Попова, 53-64]. По-видимому, безударное окончание *-uj* (Тв. *pálkuj, dól'uj, sól'juj*) представляет собой контаминацию исконных флексий *ja*- и *i*-склонения. При составлении данной карты из перечисленных выше учитывались только окончания счетной формы, но лишь при оценке систем, отличных от стандартной (праславянской) в твердом варианте склонения.

Вопрос об устройстве падежных систем и о типичных падежных контекстах возникает, главным образом, по отношению к говорам русской территории и рассматривается в соответствующем разделе комментария.

На карте твердая и мягкая разновидности склонения показаны отдельными знаками. Мягкая разновидность склонения в северо-западных русских говорах показана только на дополнительной карте. Если на карте имеется только знак, показывающий твердую разновидность склонения, а обозначение мягкой разновидности отсутствует, то это означает совпадение окончаний твердой и мягкой разновидности склонения. Ниже дается характеристика систем Р., Д., М. *а*-склонения, встретившихся на восточнославянской территории.

2. Украинская территория. Данные о системах флексий Р., Д. и М. *а*-склонения в говорах на территории Украины получены из карт АУМ, тт. 1 и 2, карт атласа Т.В.Назаровой [Назарова] и диалектологической литературы [Дейна].

В украинских говорах встречаются следующие системы окончаний Р., Д. и М. *а*-склонения.

I. "*Украинские*" системы. Их особенностью является окончание Р., Д. и М. -**ě* в мягком типе склонения; твердый и мягкий типы *а*-склонения различаются только в Р. Все "украинские" системы восходят к следующей системе флексий:

Р. **-y / *-ě*

Д.-М. **-ě / *-ě*

Различия между "украинскими" системами обусловлены различиями в рефлексации **ě*. Соответственно различаются:

"*украинская литературная*" система (**ě* > *і*): Р. *сті*[*ни́*], *зе*[*мл'і́*], Д.-М. *сті*[*н'і́*], *зе*[*мл'і́*]);

"*полесско-украинская*" система (**ě* > *іе* или другие *е*-образные звуки): Р. *сті*[*ни́*], *зе*[*мл'іе́*], Д.-М. *сті*[*н'іе́*], *зе*[*мл'іе́*]).

Возникновение "украинских" систем относится к древнерусскому периоду, а преобладание флексии -**ѣ** над исконной -**и** в Д.-М. мягкой разновидности *а*-склонения наблюдается в памятниках южного происхождения с XIII в. [Шахматов, Крымский, 74].

II. Системы с исконным различением твердого и мягкого типов склонения, восходящие к системе стандартного древнерусского языка:

Р. **-у* / **-ě*

Д.-М. **-ě* / **-і*

Системы такого устройства встречаются на восточнославянской территории только в украинских говорах. Данные АУМ и атласа Т.В. Назаровой свидетельствуют о существовании двух типов систем, восходящих к "стандартной древнерусской":

"*галицко-волынская*", образующая компактный ареал в Галичине (на территории Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской областей), а также на Буковине и в Закарпатье, со стандартным (западно)украинским фонетическим развитием исходной системы флексий: Р. [*ст'інə́*], [*земл'і́*], Д.-М. [*ст'ін'і́*], [*землə́*]. За пределами основного ареала эта система встречается отдельными вкраплениями на территории подольских говоров и образует небольшие ареалы на западе Волынской области, по-видимому, имевшие продолжение на территории холмских говоров. Отдельные пункты с такой системой разбросаны в среднем Полесье, причем некоторая их концентрация наблюдается у восточной границы Волынской и на западе Ровенской области, по краю обширного ареала "полесско-украинской" системы флексий *а*-склонения. Таким образом, широкий клин волынских (т. н. *середньонадбужанських*), западнополесских и брестско-пинских говоров с "украинской литературной" системой оказывается обрамленным системами со "стандартным древнерусским" различием твердого и мягкого типов *а*-склонения, как бы разрезая на две части полесскую зону распространения последних.

"*Среднеполесская*" система: Р. [*стени́*], [*земл'іе́*], Д.-М. [*стен'іе́*], [*земл'і́*]. Данная система флексий имеет одно существенное отличие от "галицко-волынской": мягкость конечного согласного основы перед флексией Д.-М. Эта мягкость нуждается в специальном фонетическом комментарии.

Карта 172 второго тома АУМ показывает флексии мягкого варианта *а*-склонения на примере слова *земля*. Как известно, мягкие согласные в украинском отвердели перед гласными переднего ряда **і*, **е*, **ь*; однако

изоглоссы отвердевших согласных перед разными гласными переднего ряда несколько различаются, как различаются и изоглоссы отвердения согласных разных классов (см., например, карту 87 второго тома АУМ, посвященную твердости-мягкости переднеязычных перед ударенными рефлексами **i*). В частности, изоглосса твердости рефлексов **l*, **l'* перед рефлексами **i* проходит значительно южнее, нежели изоглоссы твердости других согласных в той же позиции. Ее прохождение в брестско-пинском Полесье описано Ф.Д. Климчуком [Климчук, 99]; в среднем Полесье эта изоглосса проходит от украинско-белорусской границы по течению Горыни, а затем примерно на 51,4° с.ш. резко поворачивает на восток, см. [Никончук, карта 22], [АУМ, т.2, карта 87]. Тем самым, мягкость конечного согласного основы [*л'*] в Д.-М. мягкого варианта *а*-склонения (а другие мягкие основы в АУМ 2 не показаны) лишь в нескольких северных пунктах ареала распространения "среднеполесской" системы рассматриваемых флексий обусловлена фонетически, а именнно, сохранением мягкости *л'* перед рефлексом **i*. В большей части говоров с "среднеполесской" системой, которым свойственно отвердение *л* перед рефлексами **i* не на морфемном шве, мягкость конечного согласного основы [*л'*] перед окончанием Д.-М. -**i* обусловлена, по-видимому, морфонологической аналогией, выравниванием мягкости конечного согласного основы. Выравнивание конечного согласного основы в мягком типе склонения наблюдается и в соседних говорах с переходом **ě>*i*, см. ниже.

Твердость конечного согласного основы в парадигме единственного числа перед недифтонгическим гласным переднего ряда в говорах с "среднеполесской" системой сохраняется только в instr. sg. (*земле́ju*), впрочем, в некоторых говорах той же территории в данной форме имеется инновационная мягкость исхода основы (*земл'е́ju/земл'о́ju*, см. карту 174 второго тома АУМ).

Говоры с "среднеполесской" системой Р., Д., М. образуют небольшие ареалы в среднем течении Горыни и Случи. Отдельные говоры с такой системой встречаются в северо-восточном Полесье.

Нельзя исключать того, что в каких-то говорах "среднеполесская" система флексий *а*-склонения могла быть источником "украинской литературной" системы, хотя более очевидным кажется образование последней из несравненно более распространенной "полесско-украинской".

III. "*Горынско-белостокская*" система характеризуется омонимией флексий Р., Д. и М. и совпадением твердой и мягкой разновидностей *а*-склонения. Встречается в двух фонетических вариантах, отличающихся друг от друга только твердостью-мягкостью *л* перед рефлексами **i*:

северо-западный:	Р., Д., М. *стен́и, земл'і́*;
юго-восточный:	Р., Д., М. *стен́и, земл́и*.

Данная система флексий встречается в говорах, которым свойствен переход **ě* > **i* и совпадение рефлексов **ě*, **i* и **y*. Ее северо-западный вариант представлен в говорах Брестской области севернее Каменца, прилегающей к ним узкой полоске белостокских говоров и некоторых говорах междуречья Горыни и Случи (говоры с сохранением мягкости *л* перед рефлексами **i*, см. выше в разделе о "среднеполесской" системе *а*-склонения; см. также [Атлас Белосточчины, карта 1]). Юго-восточный вариант данной системы встречается в говорах по течению Случи и в среднем течении Горыни; имеются отдельные пункты с такой системой склонения и за пределами указанных ареалов. Поскольку данная система в украинских говорах встречается на очень небольшой территории, ее варианты показаны на карте одним знаком.

"*Горынско-белостокская*" система флексий Р., Д., М. имеет, по-видимому, чисто фонетическое происхождение, в отличие от внешне совпадающей с ней "новгородской" системы (см. ниже). Поэтому трактовка ее окончаний, предложенная в [АУМ, т. 2, карты 172, 173] кажется оправданной; ей мы и следуем, показывая данную систему иным знаком, нежели "новгородскую".

Необходимо отметить, что в западной части говоров, знающих переход **ě* > **i* (на месте **ě* в них произносится звук среднего ряда *и*, а предшествующий ему согласный - твердый), тем не менее представлена "украинская литературная" система Р., Д., М. *а*-склонения. Нарушение правил рефлексации **ě*, наблюдаемое в этих говорах, очевидно, объясняется влиянием соседних говоров с "украинской литературной" системой *а*-склонения.

IV. "*Новогалицкая*" система. Эта система имеет то же устройство, что и "литературная белорусская" - в обеих Р., Д. и М. мягкой разновидности склонения имеют единое окончание -**i*, - но время и условия возникновения этих систем, по-видимому, различны:

Р.	**-y/*-i*
Д.-М.	**-ě/*-i*

Фонетически они раличаются довольно сильно.

"Белорусская литературная" система: Р. [*сц'аны́*], [*з'амл'і́*], Д.-М. [*сц'ан'е́*], [*з'амл'і́*].

"*Новогалицкая*" система: Р. [*ст'іни́*], [*земли́*], Д.-М. [*ст'ін'і́*], [*земли́*].

"*Белорусская литературная*" система на территории Украины встречается лишь в нескольких населенных пунктах в нижнем течении Припяти, где проходит южная граница обширного ареала распространения данной системы. "Новогалицкая" система вкраплениями встречается в основном ареале "галицко-волынской" системы и, очевидно, является достаточно поздним новообразованием в говорах данной территории.

V. "*Русская литературная*" система (характеризующаяся выравниванием мягкой разновидности склонения по твердой) на территории Украины образует небольшие ареалы в междуречье Припяти и Днепра, на севере Черниговской, Сумской и Харьковской областей.

3. Территория Белоруссии. При составлении карты использованы карты ДАБМ, к сожалению, не дающие полного представления об интересующих нас окончаниях. Имеются лишь карты, показывающие окончания Д. и М. у основ на парный твердый (карта 67) и задненебный согласный (карты 65, 66) и окончания М. у основ на твердый шипящий (карта 68). Окончания Р. не картографируются, очевидно, потому, что материалы, собранные к ДАБМ, не показывают диалектных различий. Поэтому окончаниями Р. на большей части белорусской территории по умолчанию считаем *-ы / -і* (как в белорусском литературном языке). Однако в диалектологической литературе указывается, что в некоторых говорах встречается окончание Р. *а*-склонения *-е*, чаще всего в мягком типе (о распространении этого окончания не говорится); в твердом типе склонения такое окончание встретилось в немногих северо-восточных говорах (приводятся примеры только безударных окончаний) [Нарысы..., 161]. По-видимому, в этих последних представлена рассматриваемая ниже "ловатская" система окончаний Р., Д., М. Наконец, окончание Р. *-е* у существительных с твердой основой (*вадé, з высатé, з Масквé*), отмечаемое в говорах Гродненской и запада Брестской обл. (см. [Нарысы..., 161]), объясняется фонетически - переходом **у>е*, и территориально отчасти совпадает с окончанием *-е* И. мн. существительных мужского рода (*сталé, бак'é* и под.; см. там же, с. 30); данный фонетический переход имеется и в корневых морфемах, и поэтому при составлении карты флексий Р., Д., М. не учитывается. Мягкая разновидность *а*-склонения в ДАБМ, как и в ДАРЯ, не показана, однако в [Нарысы..., 160-163] говорится, что окончания Д.-М. у основ на парный мягкий и на шипящий в белорусских говорах совпадают, см. также карту-схему 10 в [Нарысы..., 157]. Таким образом, обозначения, выставленные на карте восточнославянского атласа по данным ДАБМ, оказываются ущербными: они фактически указывают только флексии Д.-М. слов с основой на парный твердый, парный мягкий и отвердевший шипящий.

Частично территория Белоруссии (южные районы, где распространены говоры полесско-украинского типа) картографирована в АУМ и Атласе Т.В. Назаровой. Первый позволяет довольно точно провести границу распространения "украинской литературной" системы *а*-склонения (брестско-пинское Полесье) и границу "полесско-украинской" системы на территории Белоруссии. Второй, по-видимому, точнее других источников позволяет судить о микроизоглоссах отображенной в нем территории, -

области в нижнем течении Припяти - месте схождения изоглосс "украинского", "белорусского" и "русского" типов систем *а*-склонения.

На территории Белоруссии по данным ДАБМ устанавливается наличие следующих систем *а*-склонения (ниже приводятся только формы Д.-М., окончаниями Р., как сказано выше, предположительно считаются *-ы/-і*):

I. "*белорусская литературная*" система, образующая сплошной ареал в центральной и северо-западной Белоруссии, юго-восточная оконечность которого доходит до междуречья Припяти и Днепра (см. выше о системах *а*-склонения на территории Украины):

Д.-М. *сц'ан'е́, м'ажс́е́*.

II. "Украинская литературная" система: Д.-М. *стен'і́, межи́ ~ меж'и́*.

Эта система распространена в брестско-пинском Полесье; данные ДАБМ подтверждаются картами АУМ.

III. "Новгородская" или одна из "южнопсковских", скорее всего "ловатская" (об устройстве и распространении этих систем см. ниже, в разделе, посвященном говорам русского языка), встречается в нескольких населенных пунктах на границе с Псковской областью:

Д.-М. *сц'аны́, м'ажы́*.

Это система с омонимией флексий Р.,Д. и М. и совпадением твердого и мягкого типов склонения.

IV. Система такого же вида фиксируется ДАБМ к северу от Бреста и Каменца Брестской обл., а также на северо-западе Пинского р-на (в междуречье Припяти и Ясельды). Как уже говорилось выше в разделе об украинских говорах, на данной территории эта система, названная "горынско-белостокской", в отличие от "новгородской" и "кривичских", должна рассматриваться как результат фонетического развития системы "стандартной древнерусской" либо "украинской" (едва ли "белорусской литературной", учитывая основную территорию распространения "горынско-белостокской" системы и специфически украинские черты, свойственные говорам с этой системой склонения: совпадение рефлексов **у* и **і*, характер рефлексов **о* и **е* в новозакрытых слогах и др.). "Горынско-белостокская" система *а*-склонения образуется вследствие совпадения рефлексов **ě* с рефлексами **і* и **у*.

V. Двусмысленные показания ДАБМ относительно распространения флексий Д.-М. *сц'ан'е́, м'ажс́е́* интерпретируются следующим образом.

1. В бассейне средней и нижней Припяти эти показания ДАБМ соответствуют "*полесско-украинской*" системе окончаний Р., Д. и М. *а*-склонения (Р. [*стени́*], [*межс́е́*]~[*меж'і̯е́*], [*земл'і̯е́*], Д.-М. [*стен'і̯е́*], [*межс́е́*]~[*меж'і̯е́*], [*земл'і̯е́*]). Эта система на территории Белоруссии идентифицируется только по данным карт АУМ и атласа Т.В. Назаровой.

2. Ареал данной системы флексий Д.-М., расположенный на севере и востоке Белоруссии (охватывая восточную половину Витебской, почти целиком Могилевскую и большую часть Гомельской областей) указывают на "*русскую литературную*" систему *а*-склонения (с выравниванием мягкого типа склонения по твердому).

Необходимо отметить, что на данной карте не показано сосуществование "русской литературной" и "белорусской литературной" систем Р.,Д.,М., отмечаемое вдоль границы этих двух систем (его можно видеть на соответствующих картах ДАБМ). Изоглосса, изображенная на данной карте, реально отделяет чисто "белорусские" системы и говоры с сосуществованием "белорусской" и "русской" систем - от чисто "русских" систем. Заметим, что карта-схема 10, помещенная в [Нарысы..., 157], наоборот, показывает максимальное распространение "русской литературной" системы на территории Белоруссии. Полоса белорусских говоров с "русской литературной" системой Р., Д., М. непосредственно граничит с русскими говорами, имеющими "русскую литературную" систему *а*-склонения.

"Русская литературная" система *а*-склонения на территории Белоруссии в междуречье Припяти и Днепра устанавливается по картам 48 и 49 атласа Т.В. Назаровой.

По-видимому, эта система распространена также в северо-западной части Гродненской обл. и на севере Брестской.

4.1. Русская территория. Русская часть карты составлена по материалам, собранным для ДАРЯ. Она оказалась во многом отличной от карт 1 и 2 II тома ДАРЯ, посвященных ударенным окончаниям соответственно Р. и Д.-М. твердой разновидности *а*-склонения, поскольку при ее составлении учитывались также и безударные окончания (что позволило выявить некоторые новые системы флексий) и окончания мягкого типа склонения. Несмотря на то, что примеры на мягкий тип склонения встречаются в записях не всегда, на территории русских говоров удалось установить ареалы совпадения и различения твердого и мягкого типов *а*-склонения, а также уточнить типы парадигм твердого *а*-склонения, встречающиеся в русских говорах.

Различие твердой и мягкой разновидностей *а*-склонения наблюдается в западных, некоторых северо-западных и значительной части южнорусских говоров, охватывая огромную территорию. В мягкой разновидности обычно выступает единая для всех трех падежей флексия: *-е* (<**ě*) в южнопсковских и прилегающих к ним говорах Тверской и Смоленской областей или *-и* (<**i*) в юго-западных и южнорусских говорах; флексия *-и* встречается также по всему южному краю ареала распространения мягкой флексии *-е*. Типы систем *а*-склонения с мягкой разновидностью *-и*, а также деление основ на

морфонологически твердые и мягкие в говорах этого типа, превосходно описаны Л.Н.Булатовой [Бромлей, Булатова, 55-59]; к сожалению, она не упоминает о системах с мягкой разновидностью *-е*. Деление основ существительных на морфонологически твердые и морфонологически мягкие не является предметом данной карты, но ниже при характеристике той или иной системы окончаний *а*-склонения, как правило, говорится об особенностях этого деления. В целом же для русских говоров характерно, что фонетически твердые и мягкие согласные являются морфонологически твердыми и мягкими соответственно, за исключением некоторых особенностей по говорам у *j*, **r*, **r'*. В большинстве говоров твердые шипящие и *ц* являются морфонологически твердыми, т.е. присоединяют окончания твердой разновидности склонения, и лишь в западных и южных говорах [*ц*], [*ж*], [*ш*], как правило, морфонологически мягкие [Бромлей, Булатова, 58, сноска 21].

Особый интерес представляет собой морфонологический статус задненебных согласных. Материалы ДАРЯ по *а*-склонению показывают, что зоной сплошной морфонологической мягкости задненебных является территория севернокривичских (южнопсковских и юго-западных новгородских) говоров. На этой же территории встречаются и такие говоры, где задненебные согласные присоединяют окончания Р., Д. и М. *а*-склонения, отличные как от твердой, так и от мягкой разновидности (см. об этих системах ниже). В южнорусских говорах тоже встречаются системы склонения с морфонологической мягкостью задненебных, однако на этой территории они не образуют сплошного ареала.

4.2. Если на украинской и белорусской территории диалектные различия в области окончаний Р., Д. и М. *а*-склонения касаются только мягкой разновидности, а твердая сохраняет свое исконное устройство без изменений (исключение составляет только украинская "горынско-белостокская" система склонения), то в значительной части русских говоров перестройке подверглась и твердая разновидность склонения. Некоторые типы новых систем исторически засвидетельствованы очень рано (например, система *а*-склонения древненовгородского диалекта [Зализняк 1995, 78-82]; следует предполагать раннее образование и других инновационных систем *а*-склонения, встречающихся в значительно более поздних памятниках, чем памятники древненовгородского диалекта, - поскольку эти системы послужили "аналогом" для построения древненовгородской [Зализняк 1993, 212-216]. Развитие систем склонения в одних говорах русской территории не выходило за рамки преобразований морфонологического характера, а в других шло по пути изменения падежных значений, или перераспределения флексий относительно

падежных контекстов. В ряде диалектных зон имели место оба рода преобразований (новгородские и псковские говоры).

Для описания диалектных различий в области русских падежных систем Л.Н. Булатовой была предложена максимальная падежная система, полученная путем взаимного наложения падежных систем отдельных говоров русского языка [Бромлей, Булатова, сс. 32-39, 46-51] и задающая все (с точки зрения современных знаний об устройстве падежных систем в русских говорах) контексты, существенные для установления состава падежей в говоре. При составлении данной карты учитывались, вслед за Л.Н. Булатовой, контексты, соответствующие приводимому ниже списку падежей.

1. *Родительный предложный*, соответствующий отделительному падежу Л.Н. Булатовой, определяется контекстами с предлогами *с, из, от, до, для, после, возле, около, у* и др., управляющими в русском литературном языке родительным падежом.

2. *Родительный беспредложный*, выступающий в контекстах отрицания (*нет воды),* в партитивных контекстах *(мало воды)*, при некоторых глаголах (например, *бояться воды),* а также обычно в контекстах, выражающих принадлежность (*чистота воды).* Однако в ряде говоров, в особенности в центральных, среди перечисленных выделяются посессивные контексты (любые или только с одушевленными существительными в роли зависимых слов *(платье жене)*, или же только выражающие отношение одного лица к другому (*брат жене)*, ср. литературное *он мне друг*), в которых выступает флексия Д.; поэтому на основании только таких контекстов выводы относительно флексий Р. беспредложного не делаются.

3. Во многих говорах контекст предлога *у* отличается от контекстов других предлогов, управляющих в литературном языке родительным падежом. В некоторых говорах к юго-западу от Москвы с данным контекстом совпадает контекст предлога *от.* На данной карте окончание *-е* в контексте с предлогом *у* обозначется специальным знаком только в тех случаях, когда в контексте других предлогов, упавляющих Р. в литературном языке, выступает другая флексия.

4. *Счетная форма*, выступает в сочетаниях с числительными *две, три, четыре* и восходит в части говоров к nominativus dualis. В максимальной системе, предложенной Л.Н. Булатовой, счетная форма отсутствует.

5. *Дательный* в большей части русских говоров определяется теми же контекстами, что и в РЛЯ. В юго-западных говорах, расположенных вблизи границы с Белоруссией, также как и во многих белорусских и украинских говорах, предлог *по* управляет местным падежом (изоглосса этого явления на русской территории показана на карте 39 второго тома ДАРЯ; см. также карту в настоящем сборнике, посвященную управлению предлога *по*).

Отличие контекста с *по* от других контекстов Д. существенно для характеристики той системы *а*-склонения, в которой различаются окончания Д. и М.

6. *Местный* падеж выступает в контекстах с предлогами *в* и *на*.

7. *Предложный* падеж (контексты с предлогами *о* и *при*) в материалах встречается редко.

4.3. Северо-западные системы. Им свойственны совпадение окончаний Р., Д. и М. и/или окончание М. твердой разновидности *а*-склонения *-ы*. Окончанием мягкой разновидности склонения, если имеется ее противопоставление твердой, обычно бывает *-е*. Основы на *ш, ж, ц* обычно трактуются как морфонологически твердые, основы на задненебные в большей части говоров - как морфонологически мягкие.

Ниже перечислены типы систем Р., Д, М. *а*-склонения, встречающиеся на русском северо-западе, по материалам ДАРЯ. Эти типы имеют разную "мощность": некоторые охватывают большие территории, другие - меньшие; есть типы, встретившиеся всего в нескольких говорах; нельзя исключать их случайность. Типы разделены на подтипы в зависимости от 1) совпадения или различия мягкой и твердой разновидности склонения, 2) флексии мягкого типа (*-е* или *-и*; в некоторых говорах возможно сосуществование этих двух флексий), 3) морфонологической твердости / мягкости задненебных и 4) совпадения или различия ударенных и безударных флексий твердой разновидности склонения.

1. Типы с совпадением Р., Д., М. I. Тип " *жены́, коро́вы*".

А. Р., Д., М. *жены́, коро́вы, земли́, руки́*;

Б. Р., Д., М. *жены́, коро́вы, земле́, руке́*;

II. Тип " *жены́, коро́ве*".

А. Р., Д., М. *жены́, коро́ве, земле́, руке́*;

Б. Р., Д., М. *жены́, коро́ве, земли́, руки́*.

В. Р., Д., М. *жены́, коро́ве, земли́, руке́*.

III. Тип "*жене́, коро́ве*".

А. Р., Д., М. *жене́, коро́ве, земле́, руке́*;

Б. Р., Д., М. *же*[*не́*], *коро́*[*ве*], *земле́, руке́* (ср. систему II А).

IV. Тип "*жены́/жене́*".

А. Р., Д., М. *жены́/жене́, коро́вы/коро́ве, земли́/земле́, руки́/руке́*

Б. Р., Д., М. *жены́/жене́, коро́вы/коро́ве, земле́, руке́*.

2. Типы с разными флексиями Р. и Д.-М. ("обратные").

I. Р. предложный и Р. беспредложный совпадают:

А. Р. *жене́, коро́ве, земле́, руке́*, Д.-М. *жены́, коро́вы, земли́, руки́*;

Б. Р. *жене́, коро́ве, земле́, руке́*, Д.-М. *жены́, коро́вы, земле́, руке́*;

В. Р. *жены́, коро́ве, земле́, руке́*, Д.-М. *жены́, коро́вы, земле́, руке́*.

II. Р. предложный отличается от Р. беспредложного, Д. и М.:

А. Р. предл. *жене́, коро́ве, земле́, руке́*, Р. беспредл., Д.-М. *жены́, коро́вы, земли́, руки́*;

Б. Р. предл. *жене́/жены́, коро́ве/коро́вы, земле́/земли́, руке́/ руки́*, Р. беспредл., Д.-М. *жены́, коро́вы, земли́, руки́*;

В. Р. предл. *жене́, коро́ве, земле́, руке́*, Р. беспредл., Д.-М. *жены́/жене́, коро́вы/коро́ве, земли́/земле́, руки́/руке́.*

III. *Тип с совпадением Р. и Д. и отличием их от М:*

Р.-Д. *жене́, коро́ве, земле́, руке́*, М. *жены́, коро́вы, земли́, руки́.*

4.3.1. Наиболее широко распространена *"новгородская"* система с совпадением флексий Р., Д., М. и неразличением твердой и мягкой разновидности склонения: Р., Д., М., *жены́, коро́вы, руки́, земли́* (тип *1*.I.А.). Эта система встречается в северо-западных говорах, причем территория ее современного распространения во многом совпадает с территорией новгородских, а также севернопсковских, земель. Данная система представляет собой довольно позднюю инновацию: она известна в памятниках новгородского происхождения с XIV в. (см. [Кузнецов 1949, 74]). По-видимому, развивается она из древненовгородской системы *а*-склонения: Р., Д., М. жєнѣ, ꙁємлѣ, см. [Зализняк 1989, 212]. Эта система встречается как в чистом виде, так и с отклонениями к системе "русской литературной" (Р., Д., М. *жены́, коро́вы, руки́, земли́*, Д.-М. также *жене́, коро́ве, руке́, земле́*). Учитывая территорию распространения говоров со смешанными системами, можно думать, что отклонения от чистой "новгородской" системы появляются под влиянием литературного языка или под влиянием географически близких говоров с "литературной" системой.

4.3.2. К югу от "новгородской" системы расположены говоры с совпадением Р., Д. и М., но различением (хотя бы частичным) твердой и мягкой разновидности склонения. Тип Р., Д., М. *жены́, коро́вы, земле́, руке́* (*1*.I.Б) может быть условно назван *"верхневолжским"*, учитывая основной ареал его распространения. По данным диалектологической экспедиции 1997 г., эта система встречается и значительно севернее, нежели это показывают материалы ДАРЯ: она отмечена в говорах деревень, расположенных на южном побережье оз. Ильмень (*Ретлё, Буреги, Пустошь* Старорусского р-на Новгородской обл.), и в диалектной области, прилегающей к северной оконечности оз. Селигер (Демянский р-н Новгородской обл.). Конечные рефлексы **ě* звучат здесь как очень близкое к [и] напряженное [ę].

Приводимые ниже примеры показывают, что в современных говорах, по материалам ДАРЯ, противопоставление твердого и мягкого типа имеется не во всех падежах. Так, в говоре *д. Стёпаново* оно имеется в Р. (в имеющихся примерах - только в Р. предложном) и М., но отсутствует в счетной форме

(примеры на Д. мягких основ отсутствуют); в говоре *д. Кузёмкино* - только в Р. (предложном), а в счетной форме, Д. и М. отсутствует, в говоре *д. Мясково* твердый и мягкий типы склонения различаются в Р., Д. и М. (примеры на счетную форму отсутствуют), правда, мягкая разновидность представлена только основами на задненебный.

Стёпаново Великолукской обл. Холмского р-на (С.-Зап. № 250).

Р. тверд.: *у жены́, у сестры́, после рабо́ты, для коро́вы, нет жены́, нет сестры́*; мяг.: *у снохе́, от реке́, для семье́, без родне́, без па́лки, из дере́вни.* Счетн. тверд.: *две коро́вы*; мяг.: *две снохи́.* Д.-М. тверд.: *к сестры́, к жены́, на воды́*; мяг.: *в родне́, в семье́.*

Кузёмкино Торопецкого р-на Псковской обл. (С.-Зап. № 272).

Р. тверд.: *в жены́, ф с'естры́, посл'е рабо́ты, дл'а каро́вы, н'ет с'естры́*; мяг.: *ат р'ек'е́, б'ез з'емл'е́, дл'а с'ем'је́, б'ез ранн'и́, ф снах'и́, б'ес па́лк'и, з д'ер'е́вн'и, н'ет жо́нк'и.* Счетн. тверд.: *дв'е каро́вы*; мяг.: *дв'е снах'и́.* Д.-М. тверд.: *к с'естры́, г жены́, нъ вады́*; мяг.: *г з'емл'и́, в ранн'и́, к с'емји́.*

Мясково Калининской обл. Кировского р-на (Зап. № 135).

Р. тверд.: *ат жары́, дъ вайны́, про́т'иф избы́, по́с'л'ь вайны́, с в'асны́, н'ет с'астры́, н'ет шко́лы*; мяг.: *мук'е́ купл'у́, б'ьз наг'е́.* Д.-М. тверд.: *в Масквы́, в бал'н'и́цы, нъ уары́, пъ трапы́, нъ вайны́, в ызбы́*; мягк. тип: *ап снах'е́, нъ рук'е́, нъ наг'е́, ф сах'е́.*

В говоре *д. Блиновка Торопецкого р-на Великолукской обл.* (З. № 91) имеется следующая разновидность данно́й системы: в контексте с предлогом *у* выступают окончания *-е/-ы* в твердой, *-е/-и* в мягкой разновидности склонения, в Р., Д., М. в мягком варианте сосуществуют окончания *-и* и *-е*:

у-предложный падеж тверд.: *у вад'ы́, у с'естры́, у жан'е́*; мяг.: *у з'амл'и́, у рук'е́, у радн'е́.* Р. тверд.: *съ стар'иныы́, с вады́, с с'астры́, з б'ады́, з жаны́, съ с'т'аны́, б'ьс каро́вы*; мяг.: *с р'ак'е́, з'амл'е́ б да́л'и, с наг'и́, з дуг'и́, с радн'и́.* Д.-М. тверд.: *к каро́вы, нъ рабо́ты, Л'е́ны, авцы́, вады́, ба́бы, жаны́, сказал с'астры́, угълавы́, ба́бы пр'иход'ицца встава́т', нъ уары́, в гълавы́, нъ уса́д'бы, на стъраны́, в ха́ты, в ызбы́, на кварт'е́ры, на слу́жбы*, мяг.: *радн'е́, рук'и́, дуг'и́, радн'и́, в с'амје́, нъ р'ак'е́.*

4.3.3. К западу и югу от "верхневолжской" системы расположен ареал еще одной системы с совпадением Р., Д., М., отличающийся от "верхневолжской" ятевым безударным окончанием твердой разновидности склонения (тип "*жены́, коро́ве*"). В мягкой разновидности обычно бывает окончание *-е* (тип *I*.II.А): Р., Д., М. *жены́, коро́ве, земле́, руке́.* В части говоров в мягкой разновидности отмечается колебание *-е* и *-и*. Поскольку основной ареал данной системы расположен в бассейне Ловати, а также между Ловатью и Западной Двиной, условно назовем ее *"ловатской"*. Полоса говоров с такой системой проходит также через Невель вдоль

белорусско-российской границы, отдельные пункты вкраплены в описываемый ниже "севернокривичский" ареал или расположены вдоль южной границы ареала "верхневолжской" системы. В качестве примера взята система говора *д. Кретивля Великолукской обл. Усманского р-на* (Зап. № 103); в счетной форме - окончание *-е* < **ě*:

Р. удар. твер.: *з бер'óзъвай кары́, у пл'иты́, у с'ираты́, у с'астры́, у жан'é* (! - *у*-предложный падеж); безудар. твер.: *нъканýн'ь свáд'б'и, с халст'úн'и, см'атáн'и кладýт*; удар. мяг.: *ат сах'é, б'ас с'амjé, б'аз радн'é, радн'é н'éту, скóл'къ бы́лъ трух'é*; безудар. мяг.: *у дóчк'и, у кóйк'и, у адны́й сас'éтк'и, з г'ерман'ии, з д'ар'éўн'и, къ тéй бáн'и*. Счетн. удар. твер.: *д'в'е з'им'é*; безудар. твер.: *д'в'е карóв'и*. Д.-М. удар. твер.: *у Масквы, нъ вайны́, у избы́, в нужды́, в адней изб'é* (! - аналогия с *у*-предложным?), *ф пл'иты́, пъ расы́, нъ пл'иты́, в избы́*; безудар. твер.: *пъ пр'ирóды, нъ рабóт'и*; безудар. мяг.: *в адны́й д'ар'éун'и*.

4.3.4. В Невельском р-не и далее на восток по южной границе зоны северо-западных систем встречаются системы *а*-склонения, в которых при твердой разновидности "ловатского" типа имеется мягкая разновидность Р., Д., М. *-и*. Говоры с *"невельской"* системой (тип *1*.II. Б) встречаются, по-видимому, также на северо-востоке Витебской области (см. выше о системах Р.,Д.,М. *а*-склонения в белорусских говорах). В качестве примера приводим материал говора *д. Шершни Усвятского р-на Великолукской обл.* (Зап. N 290).

Р. удар. тверд.: *у с'астры́, пъс'л'á вайны́*; безудар. тверд.: *с субóт'и, пъсл'á рабóт'и, дл'и карóв'и, nahóд'и, б'ис карóв'и*; удар. мяг.: *б'из" з'амл'и́, двá часá хад'н'и́, з'амл'и́*; безудар. мяг.: *из д'ар'éун'и, б'ис пáлк'и*. Д.,М.: *к с'астры́, к Масквы́, к п'éчк'и, у шкóл'и, у шýб'и*.

Большой интерес представляют системы *а*-склонения с совпадением Р., Д. и М., в которых основы на задненебные согласные ведут себя иначе, нежели основы на парные твердые и на парные мягкие согласные. В таких системах в безударных окончаниях твердой разновидности может быть колебание флексий *-ы* и *-е*, основы на задненебный присоединяют исключительно *-е*, а основы на парный мягкий присоединяют *-и* (тип *1*.II.В). Эти системы разбросаны в центральной части севернокривичского ареала, в говорах Великолукского, Торопецкого и Невельского р-нов. В качестве примера приводится ниже система говора *д. Богозино Невельского р-на Великолукской обл.* (Зап. № 286).

Р. удар. тверд.: *дъ вайны́, с ыржы́, дл'ь пл'иты́, з уары́, у пл'иты́, т'и жаны́ таб'е жáлкъ ал' касы́, вады́ давóл'нъ*; безудар. тверд.: *рыб'и нáб'йет', хáт'и н'éт, с'úл'и н'éт, стáж рабóт'и, тъвар'ý рыб'и, н'éт карóв'и*; основы на задненебный: *с' к'илъурáм мук'é, у дачк'é, мук'é мнóуъ*; основы на парный мягкий: *кълъ з'амл'é*. Д.-М. удар. тверд.: *нъ вайны́, у вады́, на той уары́, w*

Масквы́, к с'астры́, нъ скъвърады́, нъ пл'иты́, нъ с'т'аны́; безудар. тверд.: *у ха́т'и, к те́й стъръны́, у П'е́нзы, у ры́бы, ув адне́й бр'иуа́ты, ув е́тъй ко́мнъты;* основы на парный мягкий: *у з'амл'и́, у тей с'ам'ии́;* примеры основ на задненебный, к сожалению, отсутствуют.

Данную систему, по-видимому, можно считать наиболее архаичной из всех рассмотренныхвыше, развившихся из древнепсковской: Р., Д., М. **женѣ, ꙁемли** (о древнепсковской системе см. в [Зализняк 1993, с. 216]). Образование систем *а*-склонения, подобных показанной выше, можно представить себе следующим образом. Первоначально в системе древнепсковского типа основы на задненебный согласный трактовались как морфонологически твердые, смягчаемые переднерядными окончаниями, и присоединяли окончание твердой разновидности склонения *-е*. Позже, когда в Р., Д., М. твердой разновидности проникает в качестве вариантного не смягчающее основу окончание *-ы*, основы на задненебные остаются за пределами тенденции к присоединению этого окончания. Мягкая разновидность склонения у основ на парный мягкий согласный остается в неизменном виде. Новое окончание *-ы* твердого типа склонения по говорам или продолжает варьироваться со старым *-е* (системы типа *1*.IV.А-Б), или побеждает, вытесняя *-е* вовсе (в каких-то говорах системы *1*.I.А и *1*.I.Б?), или вытесняет старое окончание в безударный вариант склонения (рассматриваемая система *1*.I.В). В результате в говорах рассматриваемого типа образуется новое противопоставление типов основ; существенным оказывается противопоставление задненебных согласных всем прочим, а также баритонированных основ окситонированным. "Невельская" система в таком случае может рассматриваться как результат развития древнепсковской системы в том же направлении, с той разницей, что основы на задненебный в ней либо выравниваются по мягкой разновидности склонения, либо, подобно всем твердым основам, присоединяют новое окончание <и>.

4.4. Еще один крупный ареал систем *а*-склонения на северо-западе, "севернокривичский", назван так потому, что с ним совпадает пучок изоглосс, отождествляемый с племенным диалектом кривичей [Николаев]. Особые типы систем Р., Д., М. *а*-склонения представляют собой одну из таких изоглосс. "Севернокривичские" системы распространены в южных районах Псковской, юго-западных - Тверской и на северо-востоке Смоленской областей. Отдельными вкраплениями они встречаются и севернее, но не заходят восточнее рек Волхова и Ловати.

Материалы ДАРЯ показывают на этой территории необычайную пестроту и дробность ареалов языковых явлений, и это относится в том числе и к рассматриваемым системам склонения. Сами системы предстают, как правило, в довольно неустойчивом виде, допуская колебания

практически в каждой форме. Тем не менее можно указать ряд их отличительных признаков (не обязательно встречающихся в каждой отдельной системе): окончание *-е* в Р., хотя бы только в предложном употреблении; окончание *-е* в счетной форме; на периферии "севернокривичского" ареала встречается окончание *-е* в Р., Д., М. мягкой разновидности склонения, в целом же для ареала, как кажется, характерно моновариантное *а*-склонение; окончание *-ы* в Д. и М. ед. твердой разновидности (часто наряду с *-е*).

В рассматриваемом ареале встречаются системы с совпадением и различием флексий Р., Д., М.

4.4.1. "Ятевая" система (Р., Д., М., *жене́, земле́*) в чистом виде практически не встречается (среди редчайших исключений - система говора д. *Козодои* Великолукской обл., Зап. № 50).

Столь редкая в современных русских северо-западных и западных говорах, она представляет собой систему раннего древненовгородского диалекта, безраздельно господствующую в берестяных грамотах XI-XII вв. и начиная с XIV в. вытесняемую системой Р., Д., М. *жены́, земли́*.

Интерес представляет единственный в своем роде говор д. *Мхи* Осьминского р-на Ленинградской обл. (С.-Зап. № 87), в котором представлена "ятевая" система, но в твердом варианте склонения конечный согласный основы сохраняет твердость (Р., Д., М. [*жене́*], [*з'емл'е́*]). По-видимому, такая система может рассматриваться как начальный этап перехода от "ятевой" (древненовгородской) системы склонения к "новгородской".

В тех говорах, где элементы "ятевой" системы склонения сосуществуют с элементами других систем, первая, по-видимому, не является исконной, что следует, в частности, из области ее распространения.

4.4.2. Шире распространена система, которую условно можно назвать "*южнопсковской*", с сосуществованием форм типа *жене*, *жены* в Р., Д., М., см. например, материал *д. Воробьи Великолукской обл. Торопецкого р-на* (Зап. № 98).

Р. предл., тверд.: *у с'астры́, ат вайны́, дъ вайны́, ат стр'ил'б'е́, пос'л'и изб'е́, са шко́лы, с рабо́ты, с л'ад'и́ны, с рабо́т'и, б'ис каро́в'и*; мяг.: *з з'амл'и́, дл'а с'амйи́, б'из радн'и́, ат р'ак'е́, б'из з'амл'е́, з д'ар'е́ун'и, ф стару́шк'и*. Р. беспредл., тверд.: *н'ет с'астры́, н'ет травы́, жалкъ изб'е́, изб'е́ н'е́ту, мно́гъ мал'и́ны́, н'е́т ма́мы, рабо́ты н'ь ажыда́й, мно́гъ ры́бы, вы́шъ каро́в'и*; мяг.: *над'е́л з'амл'е́*. Счетн., тверд.: *дв'е́ каро́в'и*. Д.-М. тверд.: *нъ вайны́, нъ гары́, у другой стъраны́, у йады́, тъ гълавы́, к казы́, к с'астры́, к вайны́, у Масквы́, з'имы́ канца́ н'е́т, тъ душе́, у изб'е́, у свайо́й изб'е́, к с'астр'е́, нъ вайн'е́, у бр'ига́ды, ма́мы плохъ, к каро́вы, нъ машы́ны, хад'и́ла*

ф шу́бы, у то́й пълав'и́ны, у Плат'и́шны, г ба́бы, г ба́б'и; мяг.: *нъ сл'аг'и́, к ран'н'е́.*

Вдоль северной границы севернокривичского ареала и в особенности в системах к юго-востоку от Торопца встречается также различие твердой и мягкой разновидности (окончание мягкой разновидности Р., Д., М. *-е*). Отличие мягкой разновидности от твердой в системах севернокривичского ареала наблюдается на границе с областью различения твердой и мягкой разновидностей склонения (с "верхневолжскими" и "ловатскими" системами).

4.4.3. "Обратные" системы обобщили мягкий вариант склонения: Р. *жене́ земле́*, Д., М. *жены́, земли́.* Система такого устройства представлена в сербохорватском литературном языке; она встретилась в западной части севернокривичского ареала, в районе Опочки, Новоржева, Пушкинских гор и в некоторых тверских говорах, отмечается в Архангельской области, в говорах по рекам Онеге, Пинеге и Мезени. Обратные системы в рассматриваемом ареале имеют ряд разновидностей, редко встречаясь в чистом виде.

Как кажется, для "обратных" систем типично неразличение твердой и мягкой разновидности, хотя в северной части ареала встречаются и системы с мягкой разновидностью на *-е*.

А. В говоре *д. Черноярово Опочецкого р-на Псковской обл.* (Зап. № 29) твердая и мягкая разновидности склонения совпадают, "обратная" система представлена в следующем варианте: Р.,Счетн. *жене́, мукé, земле́*, Д.-М. *жены́* (реже *жене́*), *земли́*: .

Р.предложный тверд.: *с хр'а́п'е, са шко́л'е, ат рабо́т'е, с м'е́лачы*; мяг.: *гл'и даро́г'и* (подле), *б'из ба́бушк'е, гл'и каро́фк'е*. Р. беспредложный тверд.: *каро́в'е н'ет, ры́б'е н'асу́т', трав'е́ мно́га, мал'и́н'е мно́га;* мяг.: *мук'е́ н'е́т, з'амл'е́*. Счетн. тверд.: *дв'е́ ја́м'е*. Д.,М., тв. тип: *пр'и вайны́, к с'астры́, в Масквы́, к с'т'ан'е́, на ро́д'ины, ф т'ур'м'е́, в вады́;* мягк. тип: *па н'ад'е́л'и, на вы́с'елк'и.*

Б. В говоре *д. Таложня Новоторжокского р-на Калининской обл.* (БСТ № 583) имеется вариант этой системы: Р., Счетн. *жене́* (реже *жены́*), *руке́, земле́* (в Р. беспредложном *земли́*), Д.-М. *жены́, земли́*. Р. предложный тверд.: *у жын'е́, с вады́, съ стран'е́, у с'астры́, насч'о́т ызб'е́, у изб'е́, с рабо́т'и, дл'ь каро́в'ь, с машы́н'и, у ба́б'и*; мяг: *у снах'е́, с р'ик'е́, из р'ик'е́, вдол' р'ик'е́, у сах'е́, б'ьз радн'е́, с наг'е́, б'ас па́лк'и, из д'ер'е́вн'и.* Р. беспредложный, тверд.: *н'ет жын'е́, н'ет с'истр'е́, кърамы́с вады́, н'ет каро́в'ь*; мяг.: *з'амл'и́, м'аши́ч'ек мук'е́, н'ет наг'е́.* Счетн. тверд.: *тр'и́ в'арсты́, д'в'е́ каро́в'ь, д'в'е́ казы́*, мяг.: *тр'и́ снах'е́*. Д.-М. тверд.: *на ва́ты, нъ га́ры, к с'астры́, пъ ч'ьр'ады́, пъ душы́, нъ стъраны́, ф шко́лы, нъ кварт'и́ры, скажы́ Шу́ры*; мяг.: *ф с'амји́, в з'амл'и́, пъ з'амл'и́.*

В. В говоре *д. Столбово Опочецкого р-на Великолукской обл.* (Зап. № 14) имеется следующий вид "обратной" системы: Р. *жане́* (редко *жены́*), *руке́, земле́*, Д.-М. *жаны́* (единично *жене́*), *земле́, руке́/руки́*.

Р. предложный тверд.: *с канáв'и, гл'и карóвы, пос'л'ь вайны́, с...стран'е́, ат рабóт'ь, с-тъд машы́н'е, с е́тъй стран'е́, с Маскв'е́, с карóв'ь, б'ьс см'атáн'ь*; мяг.: *ат р'ак'е́, ф какóй старýшк'ь*; Р. беспредложный тверд.: *карóв'и н'е́ былъ, нъб'ирáй мал'и́н'ь, такóй вышыны́, скат'и́н'ь н'е́т*, мягк. тип: *з'амл'е́ кусóк, з'амл'е́ дад'и́м*. Счетн. мяг.: *тр'и́ буханк'и*. Д.-М. тверд.: *в вады́, в ызбы́, г з'имы́, нъ гары́, нъ рабóты, в ызб'е́, ф к'ислаты́, г з"имы́*, (предложный падеж *аб жаны́*), *ф те́й стъраны́, нъ вайны́*; мяг: *тъ з'амл'е́, на рук'е́, на рук'и́*.

Г. Вариант "обратной" системы с последовательно проведенным окончанием *-е* в мягкой разновидности склонения представлен в говоре д. *Снегири Ленинского р-на Великолукской обл.* (Зап. № 92).

Р. тверд.: *дъ вайн'е́, дъ вайны́, у карóвы, карóвы н'е́ту*; мяг.: *у св'ин'jе́, н'е́т з'амл'е́, кълъ сах'е́, з гарóхъвъй мук'е́, кълъ р'ак'е́, з з'амл'е́, зл'и р'ак'е́, з'амл'е́ сыпл'ут'*; Д.-М. тверд.: *у йáмы, у Масквы́, у газ'е́ты, у Жукапы́, нъ рабóты, па учóбы, к казы́, нъ вады́, ф шкóлы, нъ жары́, нъ гълавы́*; мяг.: *к з'амл'е́, к с'амйе́, к св'ин'йе́, к р'ак'е́, нъ наг'е́*.

Д. Системы аналогичного устройства, но с безударным окончанием *-е* в твердом типе склонения ниже проиллюстрированы материалом говора д. *Артемово Великолукской обл. Локнянского р-на* (Зап. № 62). Общий вид системы: Р. *жены́, коróвы/коро́ве, земле́ /земли́*, Д.-М. *жены́ (*единично *жене́), коróвы, руке́/руки́, земле́*.

Р. удар. твер.: *пóс'л'и вайны́, с Масквы́, мýш с'астры́, у майój с'астры́*, безудар. твер.: *са шкóл'е, с рабóт'и, из б'ар'óсты, у с'в'óклы*, удар. мяг.: *с пъд з'амл'и́, з'амл'е́ мала*, безудар. мяг.: *з дарóг'и, у н'áн'к'и, у картóшк'и, у д'ар'е́вн'и, къла л'и́н'ии, д'е́т'и н'ав'е́стк'и*. Д.-М. удар. твер.: *вады́, в Масквы́, нъ касы́, нъ пл'иты́, к с'астр'е́* (!), *тъ м'ажы́*, безудар. твер.: *ф крас'и́въй кóфты*; удар. мяг.: *нъ сах'е́, нъ к'ишк'е́, нъ рук'и́, к свajój с'амjе́*, безудар. мяг.: *в р'и́г'и сушы́п'и, г дарóг'и, тъ дарóг'и*.

Такие системы достаточно редки и встречаются главным образом в пределах ареала "ловатской" системы *а*-склонения.

Все описанные выше системы севернокривичского ареала показывают либо совпадение Р., Д., М. и варьирование в них окончаний *-<е>* и *-<и>* (такие системы в основном расположены в западной части ареала), либо обобщение мягкого варианта склонения, который в чистом виде встречается редко и лишь на северо-западе и северо-востоке рассматриваемого ареала. Более частыми являются "обратные" системы, в которых более или менее отчетливо прослеживается тенденция к унификации показателя Р., Д., М.

4.4.4. По краям севернокривичского ареала расположены системы *а*-склонения с противопоставленным Р., Д., М. (*жены́, земли́, руки́*) "предложным родительным" (*жене́, земле́, руке́*). В пределах севернокривичского ареала с "предложным родительным" совпадает счетная форма; в расположенных севернее говорах Новгородской обл. с этой же системой счетная форма обычно совпадает с Р., Д., М. Редкие в чистом виде, "предложно-обратные" системы чаще всего встречаются "в сочетании" с "новгородской". Ниже приводится материал нескольких говоров, показывающих разновидности данной системы.

Е. В говоре *д. Козловка Торопецкого р-на Великолукской обл.* (Зап. № 93) только часть предложных контекстов выделяется в Р. предложный падеж с окончанием *-е*, одинаковым для всех типов основ, остальные объединяются с Р. беспредложным; Р. беспредложный, Д., М. *жены́, руке́* (реже *руки́*), *земле́*.

Р. предложный тверд.: *у с'астр'е́, у жан'е́; с Маскв'е́, с вайны́; дл'а карóв'и, дл'а карóвы, пóс'л'ь вайн'е́, пóс'л'ь рабóты;* мяг.: *дл'а с'ам'jе́, дл'а радн'е́*. Р. (контексты, в которых различаются флексии твердого и мягкого варианта) тверд.: *ат ызбы́, ат вады́, ат с'т'аны́, н'а бóл'шъ л'и́тры, травы́ н'е́т, с'и́лы ма́ла, п'ар'и́ны, вайны́ н'ь былó, мал'и́ны, вад'и́цы, муч'и́цы*; мяг.: *ът р'ак'е́; мук'е́*; (контексты, для которых имеются только примеры на мягкий тип) *б'ьз з'амл'е́, кълъ р'ак'е́*. Д. тверд.: *к н'ав'е́сты, пъ аннóй стáраны́, пъ с'п'ины́, карóвы, травы́ н'е́т, И́ры, к Масквы́, к с'т'аны́, пъ вады́, к ма́мы, пъ карóвы, пъ квáрт'ир'ы, г жаны́*; мяг.: *г з'амл'е́, к с'ам'jе́*. М. тверд.: *в цéрквы, в пáхаты, в Масквы́, нъ р'аз'и́ны, в Варшáвы, нъ гары́, в ызбы́, в т'ур'мы́, на жóпы, нъ м'ажы́, аб вайны́, в фаты́, на рабóты, в т'ьмнаты́, в гълавы́, нъ ахóты, нъ вайны́, в гълав'е́, в пáхът'ь*; мяг.: *в шалух'и́*.

Говор *д. Горки Луковниковского р-на Калининской обл.* (З. № 162) имеет ту же систему *а*-склонения, но в более чистом виде:

Р. предложный тверд.: *у жын'е́, у с'истр'е́, дл'а карóв'и, посл'е рабóт'и, с вайн'е́*; мяг.: *у снах'е́, дл'а с'им'jе́*. Счетн. тверд.: *д'в'е карóв'и*; мяг.: *д'в'е́ снах'е́*. Р. с предлогом *из*, беспредложный тверд.: *из ызбы́, н'ет жаны́, н'ет с'астры́*; мяг.: *из р'ик'е́, у нас р'ик'е́ такóй н'éту, н'исап'éтв'иннъj з'имл'е́*; контексты, для которых имеются примеры только на мягкий тип склонения: *ад з'имл'е́, б'из радн'е́*. Д.-М. тверд.:. *к ма́мы, пъ з'имы́, к с'астры́, г жаны́, г бáбы, к ызбы́, пъ в'асны́, на гълавы́, в Масквы́, на бáрш'ш'ины, на тój стъраны́, нъ избы́*; мяг.: *к с'имjе́, к ранн'е́*.

Таким образом, все встречающиеся на русском северо-западе (по материалам ДАРЯ) системы Р.,Д.,М. *а*-склонения являются довольно поздними новообразованиями, возникшими в результате действия целого ряда тенденций. Ни одна из них не засвидетельствована памятниками

письменности, относящимися к этому региону, и ни одна из них (за исключением "новгородской" и "ятевой") не является результатом прямого развития какой-либо из систем, известных в этом регионе в древнерусский период - древненовгородской или древнепсковской. Обе названные системы также являются инновациями, возникновение которых, впрочем, относится к очень раннему времени, - близкому к позднепраславянской эпохе [Зализняк 1993, 216].

Северо-западные системы Р., Д., М. тем не менее образуют достаточно определенные ареалы, границы которых могут быть соотнесены с политическими границами древнерусского периода и даже ареалами распространения археологических памятников племенной эпохи. Соотнесение ареалов рассматриваемого явления с данными исторической географии и археологии требует специального исследования и выходит за рамки настоящей работы, однако предварительное сопоставление тех и других позволяет сделать некоторые предположения. Не вызывает сомнений, что ареал "новгородской" системы Р., Д., М. может быть непосредственно соотнесен с территорией Новгородской земли и северных псковских земель. "Верхневолжская" система, структурно близкая как древненовгородской (она может быть "получена" из "древненовгородской" в результате распространения окончания *-ы* в твердом варианте склонения), так и древнепсковской системе (подобно последней, она сохраняет принцип различения твердой и мягкой разновидностей склонения), расположена на территории, в XII веке уже входившей в состав Новгородской земли, а ранее колонизированной кривичами [Седов 1975, 250, рис. 2].

"Ловатская" система выводима из древнепсковской (она может быть результатом распространения в мягком типе склонения окончания *-е* и в ударной позиции твердого типа склонения - окончания *-ы*) встречается в смоленско-новгородском пограничье к северо-западу от торопецкого ареала кривичских древностей [Седов 1975, 241-250]. Имеющая с ней ряд общих черт "невельская" система, отличающаяся от "ловатской" архаическим окончанием мягкой разновидности *-и*, образует вместе с последней подобие ареала, перерезанного в южной части севернокривичскими системами. Напрашивается сопоставление "ловатско-невельского" ареала систем Р., Д., М. *а*-склонения с заселением в IX-X веках верховий Великой и Ловати смоленско-полоцкими кривичами и дальнейшим продвижением их на север к верховьям Волги и озеру Селигер ([Седов 1960], [Седов 1970, 109-124]). Говоры с "невельской" системой, находящиеся на периферии севернокривичского ареала, остались за пределами действия общей для "севернокривичских", "ловатской" и "верхневолжской" систем тенденции к распространению флексии *-е* в мягкой разновидности *а*-склонения.

Ареал "севернокривичских" систем соотносится с ареалом древнейших археологических памятников кривичей ([Седов 1975]).

Особенность систем этого ареала — наличие Р. предложного падежа, выраженного "моновариантной" флексией *-е*. Появление Р. предложного в памятниках северо-западного происхождения относится к древнерусскому периоду (см. [Дыбо]).

Весьма вероятно, что именно Р. предложный и счетная форма послужили толчком для образования "обратных" систем склонения в этом ареале. Не исключено также, что обратные системы в рассматриваемом ареале представляют собой достаточно древнее новообразование. Существенно, что более менее чистые "обратные" системы, обобщившие мягкий вариант склонения, встречаются в районе Опочки, Торопца, а также редкими вкраплениями — в верховьях Волги — территории древнейших кривичских археологических памятников.

Из морфонологических тенденций перестройки систем *а*-склонения, характерных для русского северо-запада, следует назвать распространение в твердой разновидности склонения окончания *-ы*, не проникающее, как правило, только в Р. предложный и в *у*-предложный падежи. Другой важной инновацией, охватившей значительную часть северо-западного ареала (видимо, лишь ту часть, которой было свойственно различение твердой и мягкой разновидностей склонения) стало окончание мягкой разновидности *-е*, появляющееся, по-видимому, достаточно поздно под влиянием основ на задненебные согласные.

4.5. Коротко охарактеризуем типы систем Р., Д., М. *а*-склонения, встречающиеся на остальной территориии русского языка.

1. "Русская литературная" система *а*-склонения распространена в северо-восточных говорах Ее отличительной чертой является выравнивание мягкой разновидности склонения по твердой. (Р. *жены́, з'емл'и́*, Д.,М. *жен'е́, з'емл'е́*).

Обычно в южнорусских говорах «русская литературная» система встречается в сочетании с *у*-предложным падежом, имеющим окончание *-е: у жене́, у земле́*.

2. Довольно редкий на территории русского языка представляет собой «белорусская литературная» система с мягкой разновидностью *-и*.

3. В западных и юго-западных русских говорах на территории, ограниченной течением рек Десны, Оки и Угры, а в южной своей части расположенной западнее границы Орел—Ливны—Щигры—Старый Оскол, расположены системы Р., Д., М. *а*-склонения, условно названные "*деснинскими*". В этих системах падежные флексии перераспределены относительно падежных контекстов по признаку "предложное-беспредложное употребление" (нарушаемому лишь предложными

контекстами Д.). Для этих систем характиерно окончание мягкой разновидности склонения *-и*:

Р.предложный, М. – *жан'е́, з'амл'и́*

Р. беспредложный, Д., счетн. форма – *жаны́, з'амл'и́.*

4. К юго-востоку от Смоленска встречается система с совпадением твердой и мягкой разновидности, совпадением флексий Р. и Д. и отличием их от флексии М.:

у-предложный, М. – *жан'е́, з'амл'е́*

Р., Д, счетн. форма – *жаны́, з'амл'и́.*

5. Южнорусская система Р., Д., М. *а*-склонения, которую можно условно назвать "*донской*", расположена к востоку от "деснинской", образуя с последней переходную зону. Для большой части говоров с "донской" системой характерно различение твердой и мягкой разновидности склонения с общим для Р., Д., М. мягкой разновидности окончанием *-и:*

Р.предложный, Д., М. – *жан'е́, з'амл'и́*

Р. беспредложный, счетн. форма – *жаны́, з'амл'и́.*

Обширный ареал этой системы ограничен линией Старый Оскол— Щигры— Ливны— Ефремов— Ряжск— Моршанск— Кирсанов— Воронеж— Острогожск, но к востоку от Дона она образует уже «кружевной» ареал, перемежаясь с «руссской литературной» системой.

6. В центральных, восточных и юго-восточных говорах встречаются говоры с системой Р., Д., М.:

Р., Д.,М. - – *жан'е́, з'амл'и́ (з'амл'е́)*

Счетн. форма – *жаны́, з'амл'и́.*

Данная система не образует крупных ареалов.

Литература:

[Атлас Белосточчины] — Atlas gwar wschodniosiowiańskich Biaiostoczczyzny. T. II, Wrociaw, 1989.

[Бромлей, Булатова] — *С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[Дейна] — *K. Dejna.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrociaw, 1955.

[Дыбо] — *А.В. Дыбо.* Деклинационные различия новгородских диалектов в XIII-XIV вв. и их локаллизация. // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

[Зализняк 1993] — *А.А. Зализняк.* К изучению языка берестяных грамот. // В.Н. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1979-1986 гг.) М., 1988.

[Зализняк 1995] — *А.А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

[Зализняк 1977] — *А.А. Зализняк.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

[Климчук] — *Ф.Д. Климчук.* Гаворкі заходнягя Палесся. Мінск, 1983.

[Кузнецов] — *П.С. Кузнецов.* Очерк морфологической системы пильмасозерского говора. // Материалы и исследования по русской диалектологии. т. 2. М., 1949.

[Назарова] — *Т.В. Назарова.* Лінгвістичний атлас нижньої Прип'яти. Київ, 1985.

[Нарысы] — Нарысы па дыялекталогіі беларускай мовы. Мінск, 1978.

[Николаев] — *С.Л. Николаев.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи. // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

[Никончук] - *М. Никончук.* Лексичний атлас правобережного Полісся. Київ — Житомир, 1994.

[Попова] — *Т.В. Попова.* Образование падежных форм дательного, творительного и местного единственного числа существительных женского рода типа *соль, грязь, печь, кровь, мать.* // Восточнославянские изоглоссы. М., 1995.

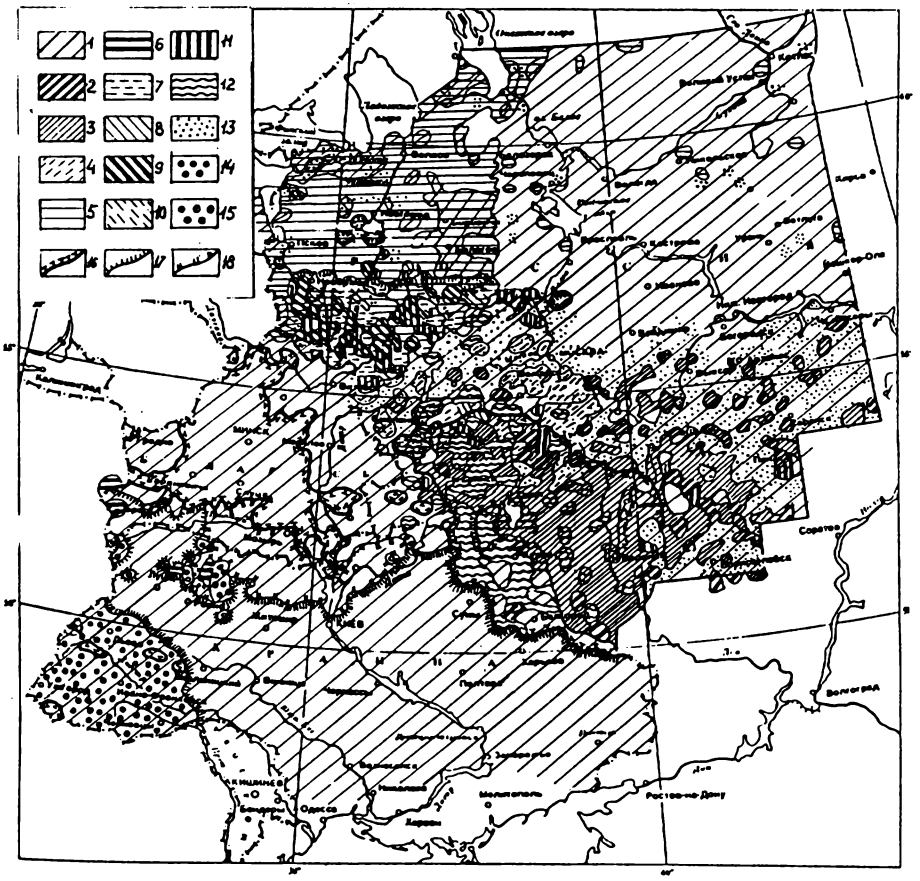
[Седов 1960] - *В.В. Седов.* Кривичи. // Советская археология, № 1, 1960.

[Седов 1970] - *В.В.Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

[Седов 1975] - *В.В.Седов.* Смоленская земля. // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.

[Шахматов, Крымский] — *О. Шахматов, А. Кримський.* Нариси з історії української мови та хрестоматія. 1922.

Карта № 1. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения.

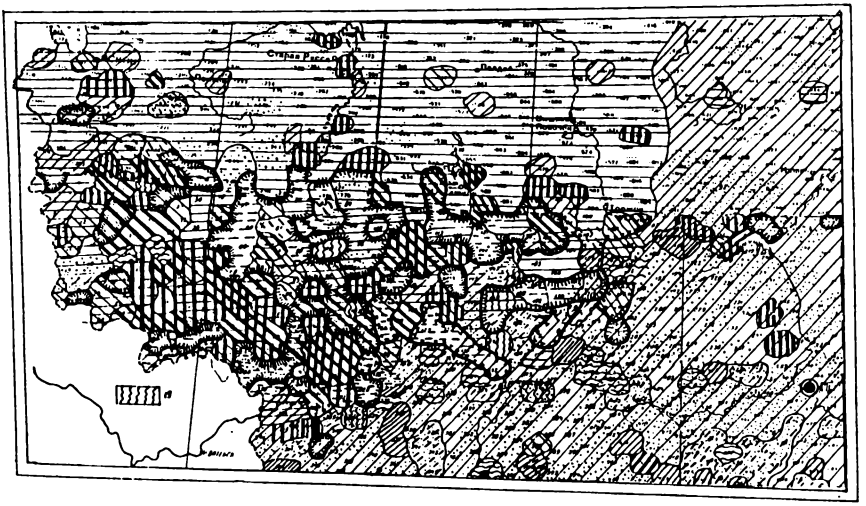

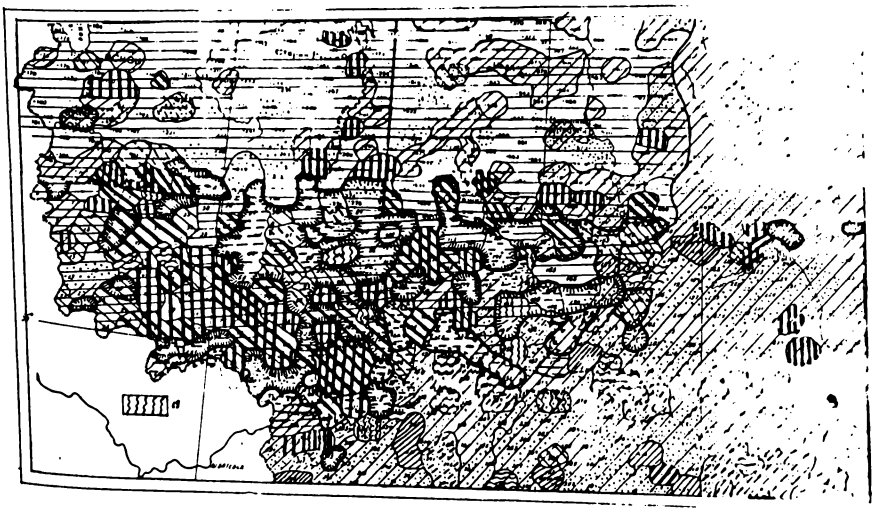
Твердая разновидность склонения: *1* — Р. *жены, коровы*, Д.-М. *жен҃ѣ, коров҃ѣ* (рус. *жены, жене*, укр. *жени, жені*, полесск. *жени, женіе*, бел. *жаны, жане*); *2* — Р. предложный *жены, коровы*, Р. беспредложный, Д., М. *жен҃ѣ, коров҃ѣ* (рус.); *3* — Р. беспредложный *жены, коровы*, Р. предложный, Д., М. *жен҃ѣ, коров҃ѣ* (рус.); *4* — Р. (ударное окончание) *жены*, Р. (безударное окончание) *коров҃ѣ*, Д., М. *жен҃ѣ, коров҃ѣ* (рус.); *5* — Р., Д., М. *жены, коровы* (рус.); *6* — Р. , *жены, коровы*, Д.-М. *жени, корови* (только в украинских говорах с переходом **ѣ>*i: жени, корови*); *7* — Р., Д., М. (ударное окончание) *жены*, Р., Д., М. (безударное окончание) *коров҃ѣ* (рус.); *8* — Р. предложный *жен҃ѣ, коров҃ѣ*, Р. беспредложный, Д., М. *жены, коровы* (рус.); *9* — Р. *жен҃ѣ, коров҃ѣ*, Д., М. *жены, коровы* (рус.); *10* — Р. (ударное окончание) *жены*, Д., М. *жены, коровы*, Р. (безударное окончание) *коров҃ѣ* (рус.); *11* — Р., Д., М. *жен҃ѣ, коров҃ѣ* (рус.); *12* — Р. предложный, М., *жен҃ѣ, коров҃ѣ*, Р. беспредложный, Д. *жены, коровы* (рус.); *13* — Р. с предлогом *у: у жен҃ѣ, у коров҃ѣ (у рук҃ѣ, у земл҃ѣ)* (рус.). Мягкая разновидность склонения: *14* — Р. *земл҃ѣ*, Д.-М. *земли* (укр.: *зем[л'і], зем[ли]*, или полесск. *зем[л'ie], зем[лі])*; *15* — Р. *земл҃ѣ*, Д.-М. *земли* (укр.; в отличие от системы *14*, в Д.-М. мягкая основа: *земл'ie, земл'і)*; *16* — Р., Д., М. *земли* (рус. *земли*, укр. галицк. *земли*, бел. *зямлі)*; *17* —Р., Д., М. *земл҃ѣ* (рус. *земле*, укр. *землі*); *18* — Р., Д., М. *земл҃ѣ* (полесск. *земл'ie*).

Примечания. 1. На карте показана только южная граница мягкой разновидности склонения *земл҃ѣ* в русских говорах. Полностью изоглосса *17* на территории русских говоров показана на карте № 2 «Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения в северо-западных русских говорах». 2. Изоглосса *16* на территории русских говоров очерчивает зону, в пределах которой данное явление фиксируется лишь в отдельных говорах.

Карта № 2. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения в северо-западных русских говорах.

См. условные обозначения к карте № 1. *19* — Р. предложный, Д., *жен'ѣ, коров'ѣ*, Р. беспредложный, М. *жены, коровы* (рус.).

Н.Л. Голубева

Флексии звательного падежа

Данная работа является продолжением лингвогеографического описания вокатива. Материал разделен на две части: звательный падеж как специальный морфологический способ выражения вокатива и другие, "неморфологические" средства вокатива. При этом избранный нами подход к вокативу как к целостному явлению требует, чтобы в каждой публикации одна часть материала рассматривалась как основная, а другая - как фоновая.

В предыдущей публикации [Голубева 1995] главным объектом описания были "неморфологические" средства выражения вокатива. К ним относятся повторы типа рус. *Вань, Ва́ня! Ка́тя, а Ка́тя!* укр. *Мари́я, о Мари́я!*; специальные лексемы, употребляемые при обращении, типа рус. *ма́тушка, ба́тюшка, брат* (так называемые регулятивы, соответствующие лесемам *пан, пани* и т.п.); частицы - рус. *эй,* укр. *о;* формы-новообразования с усечением или удлинением конечного гласного типа *Мари́н! Петь!* и *Мари́ноу! Мари́н-эй! Пе́т'оу!* (от Им.п. *Мари́на, Пе́тя*) - подробнее см. [Голубева 1987; она же 1998]. Перечисленные средства вокатива отмечаются в первую очередь в материалах ДАРЯ, поэтому русские говоры были на первом плане в предыдущей статье.

Задачей данной работы является описание морфологических средств вокатива. Формы старого зв. падежа гораздо лучше сохранились в украинских говорах, поэтому в данной статье украинский материал находится на первом плане: ему посвящены две более подробные карты-врезки, он является некой точкой отсчета при рассмотрении материала русских говоров (по белорусским говорам осуществлено рекартографирование - см.далее).

В истории звательного падежа есть неясные вопросы: действительно ли он существовал во всех восточнославянских диалектах? если это так, то был ли он един или имел различия? как происходил процесс его утраты? Диалектный материал мог бы пролить свет на историю зв. падежа; особую ценность он представляет еще и потому, что в памятниках, зв. падеж находился в условиях ограниченного и, вероятно, этикетного употребления (см. об этом также [Самійленко 1964, 103]).

Однако целостной лингвогеографической картины форм старого зв. падежа в восточнославянском регионе не существует, тогда как восточнославянские говоры показывают многообразные различия по

данному явлению и представляют в этом отношении большой интерес. Восточнославянские говоры можно расположить по "шкале" между двумя "полюсами": от говоров, очень хорошо сохранивших зв. падеж, где флексии старого зв. падежа претерпели лишь некоторые трансформации, - до говоров с полным отсутствием словоформ старого зв. падежа, где в звательной функции употребляются лишь формы именительного. Кроме этих "полярных" систем, существуют говоры, демонстрирующие различные стадии утраты зв. падежа. Рамки статьи не позволяют описать все эти диалектные системы детально, они представлены здесь в обобщенном виде, как **типы систем**.

В восточнославянской лингвистической литературе содержится много важных наблюдений по зв. падежу, однако они предстают как разрозненные, не всегда сопоставимые факты и никогда не охватывают всей системы флексий зв. падежа хотя бы в одном говоре. Описываемые здесь лингвогеографические материалы позволяют представить флексии вокатива как системы, сопоставимые по единым критериям.

Периферийное положение зв. падежа в сфере внимания исследователей оправданно. Во-первых, вокатив издавна отличался от других падежей особым статусом. Кроме того, отмечается процесс утраты зв. падежа - даже в украинском языке [Самійленко 1964, 104]. Что же касается реликтовых словоформ зв. падежа, то их (для многих языковых систем), возможно, следует описывать скорее в синтаксисе, чем в морфологии, и изучать как средства выражения обращения, а не как один из падежей (ср. такой подход к белорусскому литературному языку [Кривицкий 1973, 202]).

Во-вторых, сведения о зв. падеже, особенно как о системе флексий, нельзя получить из монологических текстов, с которыми обычно приходится работать историкам и диалектологам, так как он относится к явлениям диалогической речи, а она фиксируется значительно реже. Кроме того, в ситуации разрушающегося зв. падежа его реликты, видимо, начинают употребляются в каких-либо особых стилистических условиях и специфических речевых ситуациях[1], а следовательно, и зафиксированы могут быть только при специальном опросе, целенаправленном внимании к этому явлению или длительном наблюдении говора.

Периферийное положение вокатива в грамматических описаниях повлекло за собой, однако, некоторые потери. Так, реликты зв. падежа в русских говорах не описаны; в программу АУМ зв. падеж не включен, и хотя он собран по программе ОЛА, но здесь вопрос сформулирован более узко, поэтому украинский материал по зв. падежу от терминов родства в ОЛА не попал, равно как и по другим средствам вокатива, например, лексемам *пан, пани* и т.п.

В основу работы положены следующие материалы[2]: 1) по русским говорам - картотека вопроса № 79 ДАРЯ[3]; 2) старый зв. падеж в украинских говорах описывается по картотеке вопросов 2001-2002 ОЛА; 3) по белорусским говорам использованы данные ДАБМ (карты 93 и 94), [Нарысы 1964], монография М.А.Жидович [Жыдовіч 1969, 114-120, 125, 161-162]. Белорусских данных недостаточно[4] для детального сопоставления в комментарии, они показаны только на карте 3.

Выводы о зв. падеже в нашей работе основаны на материале личных имен, так как это наиболее сопоставимый материал[5]. Картографируемые личные имена, относятся к типам склонения на -*ā (-*jā) и на -*o (-*jo).

Для праславянского языка реконструируется следующая система форм вокатива (см. [Тимченко 1926, 5]):

Основа	Флексия зв.падежа
на -o-	-e (**orbe*)
на -jo-	-iu (**konju* от основ на *iu*)
на -ā-	-o (**ženo*)
на -jā-	-e (**duše*)
на -i-	-i (из *ei*: **gosti* из *gostei*)
на -u-	-u (из **eu* или **ou*: **suneu* или **sunou*)

В материалах, описываемых в нашей статье, зафиксированы как флексии зв. падежа, соответствующие праславянским, так и флексии, возникновение которых относится историками к более позднему времени. Так, возникновение флексии *-'у* в укр. *Надю!* связывается с влиянием склонения на -*o в староукраинской период [Самійленко 1964, 103]. В публикуемой статье все формы зв. падежа рассматриваются как члены синхронной системы форм и не описываются с диахронической точки зрения; но, с другой стороны, когда определяются **типы систем флексий** старого зв. падежа (это и есть основной результат работы), то большая или меньшая сохранность древних флексий в зв. падеже учитывается.

Основное территориальное различие восточнославянских говоров по картографируемому явлению (наличие - отсутствие старого зв. падежа) представлено следующими ареалами.

1. Достаточно компактный ареал, где старый зв. падеж сохранился (зафиксированы различные его формы от существительных с основами на -*ā и -*ō, а в части говоров отмечены различные флексии для твердой и мягкой разновидности указанных основ). Это белорусско-украинский ареал - большая часть украинских и южнобелорусские говоры (за исключением украинских говоров "диагональной" полосы - см. далее), в

которых представлены системы, включающие от одной до пяти флексий зв. падежа.

2. Зона небольших разреженных ареалов, в которой отмечены лишь реликты старого зв. падежа - формы преимущественно с флексией *-о* и только от существительных с основами на -*ā (-*jā), без различения твердой и мягкой разновидности. Имеется в виду, прежде всего, северо-восточный ареал русских говоров. Тот же тип, но на значительно меньшей территории отмечается в белорусских говорах - полоса по северной границе ареала 1, а также в некоторых украинских говорах, расположенных по северо-западной, западной и юго-западной границе Украины - в материалах ОЛА это шесть населенных пунктов: 373, 405, 444, 438, 472, 470.

3. Ареал, где нет зв. падежа. Это большая часть русских и белорусских говоров, а также "диагональная" компактная полоса украинских говоров (см. карты)[6].

Каждый из ареалов (1, 2 и 3), в свою очередь, характеризуется неоднородностью, описанию которой и посвящен комментарий.

Формы звательного падежа в украинских говорах. Типы систем флексий выделены в абстрагированном от реальной языковой действительности виде. Во-первых, каждый из типов представлен как очередная ступень развития в направлении от старой праславянской системы форм вокатива (см. выше), - ступень, увиденная автором в материале ОЛА. При этом типы флексий, выделенные нами в мужском склонении, с одной стороны, и в женском, с другой, как кажется, не во всем обнаруживают "параллелизм" развития древних флексий; склонения на -*ā и -*о характеризуются своеобразием в развитии флексий зв. падежа. Далее, в одних говорах сосуществуют параллельные ступени (например, полносохранившаяся система флексий и в мужском, и в женском склонениях или же системы с утратой флексий и т.д.) - этим характеризуется часть говоров центрального ареала зв. падежа. В других говорах сочетаются разные ступени развития флексий в мужском и женском склонении (отмечено архаическое состояние в одном склонении и черты его разрушения в другом - в различных комбинациях) - таким соотношением характеризуются в первую очередь юго-западные, западные и северо-западные говоры, которые в женском склонении вообще представляют собой пеструю картину с точки зрения типов флексий. Хотя при выделении типов не удалось отразить, как именно сосуществуют в говорах мужские и женские флексии, однако это сосуществование можно увидеть при сравнении двух карт-врезок по украинским говорам (материал

картографирован на украинском фрагменте бланковки ОЛА). Типы же описаны для мужского и женского склонения отдельно.

Во-вторых, наша работа построена только на одной семантической группе существительных (см. выше). Можно предположить, что при подключении к личным именам терминов родства и других групп картина могла бы быть более пестрой и сложной. Об этом говорит, например, материал по единственному украинскому говору (Шапошниковка Ворон. Ольховатск., ОЛА-849), в котором записаны формы им.п. в функции вокатива *Petró! Pawló! Iwán! Andr'ij̑! Al'óxa!* и зв. формы *d'id̑u! xlópče!*, из-за которых трудно отнести систему флексий к какому-либо типу. Вначале целесообразно исследовать зв. падеж на сопоставимом материале и выявить членение восточнославянских говоров с точки зрения зв. падежа.

Украинско-белорусский ареал старого звательного падежа распадается на несколько территорий. Белорусская часть не комментируется из-за отсутствия материала. Украинские говоры делятся на четыре части, если говорить о женских личных именах, и на три, если речь идет о мужских личных именах (см. карты-врезки)[7].

На картах 1 и 2 очертания ареалов украинских говоров, сохранивших зв. падеж, близки, хотя и не совпадают. Точно так же близки, но не совпадают территории отсутствия зв. падежа у этих имен. В немногих (обычно пограничных) говорах, по материалам ОЛА, наблюдается отсутствие форм зв. падежа в одной группе личных имен и наличие их в другой, что, возможно, говорит о разрушении старого зв. падежа.

Материал позволяет выделить следующие украинские типы флексий зв. падежа.

1. **Полносохранившиеся** системы флексий старого звательного падежа - из трех флексий для женских личных имен и из двух флексий для мужских личных имен (то есть для склонений на -*ā и на -*o)[8]:

а) для женских личных имен отмечаются флексии *-o - -'y - -(j)e*, например[9]:

н.п.	**Обл., район**	**флексия -о**	**флексия -'у**	**фл. -е**
475	Киев. Сквир.	*Xýmo, Hól'ko*	*Marús'u, Nád'u*	*Soxvíje*
478	Черкас. Зол.	*Mán'ko, Oksáno, T'áno*	*Hal'u*	*Marí̑je*
491	Киев. Тараш.	*Ólko, Hánno Oksáno*	*Marús'u, Mán'u, Ól'u*	*Marýje*
481	Сум.	*Mót'ko, An'úto,*	*Tón'u*	*Marýje*

	Белоп.	*Prón'ko*		
495	Сум. Трост.	*Oléno, Katyrýno*	*Marús'u*	*Mar'ije, Náste*
459	Киев. Бород.	*Oléno*	*Marús'u, Mán'u*	*Náste*
460	Киев. Бров.	*Hánno, Mán'ko*	*Marús'u, Mán'u*	*Kátre*
462	Черн. Нежин.	*Mót'ko*	*Hálu, Marús'u*	*Náste*
500	Черк. Уман.	*Hánno, Oksáno*	*Ól'u*	*Marýje*
502	Полт. Семён.	*Maryko, Vérko, Paráska, Véro, Oléno*	*Marús'u, Nád'u, Natál'u*	*Nad'ije*
503	Полт. Велик.	*Hánno, Jalysavéto, Ól'ho, Horpýno*	*Wál'u*	*Mar'ije*
504	Полт. Котел.	*Hánno, Oléno*	*Marús'u, Mán'u*	*Kátre*
508	Кир. Новоар	*Hánno, Jaudóxo*	*Kát'u, Ól'u, Ksén'u*	*Maryje, Xrýste*
510	Кир. Онуфр.	*Marýno, Marús'ko, Parásko*	*Nád'u*	*Xrýste*
512	Днеп. Магд.	*L'éno*	*Ól'u, Hán'u*	*Marúse*
515	Хар.В/бу рл.	*Natášo (Marús'o)*	*Ól'u, Nád'u, Vár'u*	*Marúse*
843	Белг. Короч.	*Halýno, Kylýno Lído*	*Hál'u, Zóju, Marús'u*	*Zóje*
847	Ворон. Остр.	*Orýno, Kylýno*	*Man'u*	*Mar'ije*

б) для мужских личных имен отмечаются флексии *-е* - -(')*у*, например: *Iwáne! Pétre! Páwle!* (и *Páwole!*) *Fédore! Pylýpe! Mýtre! Adáme! Mexájlo! Stefáne! Sýdore! Andr'ijáne! V'íktore! Íhore! Románe! Justýne! Seméne! Varxylóme! Hnáte! Jósyfe! - Serh'íju! Vasýl'u! Vás'u! Hryhór'u! Týmku! Júrku! Myhál'u! Pít'u! Míšku! Íl'ku! Andr'íju! Iláxu! Wolód'u! Matv'íju! Anatóliju! Hrýc'u! Hrýn'u! Onopreju! Zaxárku! Petrún'u! Ivás'u! Kornélu! Haurýlu!* Флексия *-е* в мужском склонении отмечается у твердых основ, флексия *-у* -

в первую очередь в уменьшительных вариантах имени, которые чаще всего оканчиваются на мягкий согласный или же заднеязычный; *-у* отмечается также в полном варианте имени с основой на [j].

Всего в материалах ОЛА отмечено 42 говора с полносохранившейся системой флексий зв. падежа в склонении на -*о (из 102 населенных пунктов). Из них в 12 говорах зафиксированы также и формы им. падежа в функции вокатива, в 2-х - усеченные новообразования (типа *Ивá!*), в 9 - вокативные словоформы с флексией -о (типа *Микóло!* от им. *Микóла*) - см. о них примечание 8.

Распределение флексий между разными группами личных имен, соответствующее полносохранившемуся типу, отмечается в памятниках староукраинского языка [Самійленко 1964, 103-104] и констатируется для современного украинского литературного языка [Жовтобрюх, Кулик 1965]. На картах 1 и 2 говоры типа 1а) и 1б) показаны толстой штриховкой.

2. **Редуцированные** системы, в которых число флексий сокращается за счет мягкой разновидности.

а) У личных имен женского рода вместо двух флексий для мягкой разновидности в полносохранившемся типе (*-'у* и *-(j)е*) существует лишь одна из них - *-'у*, реже *-е* , при этом наблюдается тенденция к их территориальному распределению, что отмечается в работах украинских диалектологов [Самійленко 1964, 105].

н.п.	**Обл., район**	**флексия -о**	**флексия -'у**	**фл. -е**
406	Волын. Влад.	*Vaselýno*	*Marús'u, Són'u, Hánu, Ráju*	
487	Черн. Кицм.	*Mar'íjo,Illéno, Parásko, Katr'íno*		*Annýse*

б) У личных имен мужского рода осталась одна флексия *-е* для твердого варианта основы. Что же касается всех других типов существительных, которые имели в полносохранившихся системах флексию *–у* (кириллица), то у них в редуцированных системах в вокативе употребляется форма им. падежа: *Iváne! Stepáne! Demýde! Sydore! Spyrydóne! Maksýme! Prokópe! Bohdáne! Páwle! Pétre! - Vasýl'! Tódoš'! Sláwko! Majcéj!*

В материалах ОЛА отмечено 43 таких говора. Их можно назвать говорами с неполным материалом, так как приводятся в основном

вокативные словоформы с твердыми основами, примеры же других типов существительных, столь многообразные в полносохранившихся системах, здесь единичны. Столь массовое отсутствие в материалах форм зв. падежа от мягких основ и от уменьшительных рассмотрено нами как утрата специальной флексии вокатива для этих типов существительных, или как менее развернутый ответ на вопрос программы ОЛА. В 7 говорах этого типа зафиксированы также словоформы типа *Mykólo!* (*Nykólo!*), *Mykýto!* (от им. *Mykóla, Mykýta* с основами на -*ā).

Именительный падеж в вокативе параллельно с формами зв. падежа с флексией -е зафиксирован примерно в половине этих говоров (в 19 населенных пунктах). В первую очередь утрачивают вокативную флексию словоформы *Павло́* и *Петро́,* позже других - словоформа *Ива́н* (*Ива́не!* - наиболее распространенная словоформа, если судить по материалам ОЛА). Лишь в 27 говорах из 102 у личных мужских имен нет форм зв. падежа и в этой функции употребляется именительный.

В части говоров наблюдается не только утрата флексий по сравнению с полносохранившимся типом, но и их перераспределение, так как существительные, которые употреблялись ранее с утратившейся флексией, получают какую-либо из сохранившихся флексий. В женском склонении такие системы немногочисленны и часто представлены неполным материалом, а в мужском единичны. Эти говоры представляют собой пеструю картину, так как утрачиваются и перераспределяются разные звенья. В отдельных говорах лишь элементы перераспределения флексий отмечаются на фоне системы без этих изменений. В таком случае на карте ставились два знака.

Н.п.	Обл., район	флексия -о	флексия -у	фл. –е
520	Днпр. Новомоск.	***Márus'o,*** *Oléno, Mawrúsko, Mán'ko*	*Mán'u*	
515	Харк. В/Бурлук.	***Marús'o,*** *Natášo*	*Ólu, Nád'u, Vár'u*	*Marúse*
505	Харк. Дергачев.	***Mán'o,*** *Oléno* '	*Marús'u*	

3. Унифицированные системы флексий у основ на -*ā. В этих говорах у личных имен женского рода утрачиваются флексии мягкой разновидности и происходит расширение сферы употребления флексии твердой разновидности -*о* - *о*-унификация флексий.

Н.п.	Обл., район	флексия -о	фл. -у	фл. –е
484	Зкрп. Тяч.	***Ól'o***, *Ánno, Már'iko, Julýno*		
449	Льв. Скол.	***Már'o, Kátr'o,*** *Parás'o, Poláno, Oléno*		
514	Харк. Кегич.	***Mar'ýjo,*** *Oléno, Véro, Nád'ko, Parásko,*		

Иногда элементы *о*-унификации отмечаются на фоне той или другой относительно хорошо сохранившейся системы флексий (см. также предыдущую таблицу к пункту 2):

Н.п.	Обл., район	флексия -о	фл. -у	фл. -е
492	Черн. Канев.	***Márjo, Kát'o***	*Hálu*	
428	Льв. Дрогоб.	***Nás'c'o, Marýn'o***	*Ólu*	
489	Винн. М-Кур.	***Vás'o*** (жен.)	*Maryju*	
467	Зкрп. Иршав.	***Ánc'o, Polán'o,*** *Oléno*		*Mar(j)e, Af(j)e*
450	Ив-Фр. Калусь.	***Marús'o,*** *Mar'ijo,* ***Dús'o, Porán'o***	*Ól'u*	
417	Ровн. Берез.	*Oléno, Parásko, Dárko, Okséno,* ***Marús'o***		*Márje*

Эти системы флексий украинских говоров необходимо сравнить с северо-восточными русскими, в которых *о*-унификация является преобладающим типом флексий у зв. форм. Из 19 украинских говоров, в которых, по материалам ОЛА, отмечена *о*-унификация, только 6 говоров соотносимы с северо-восточными русскими системами, в остальных же 13 украинских населенных пунктах *о*-унификация флексий в женском склонении сосуществует с различными системами флексий зв. падежа в мужском склонении, а в русских говорах последние утрачены (ср. карты).

К различиям украинских и русских диалектных систем с *о*-унификацией относится и еще одно, касающееся вариантов личных имен типа *Ва́ня, Пе́тя, Коля,* а также *Ва́нька, Пе́тька, Ко́лька,* относящихся к женскому склонению: их распространенность очень велика в русских говорах и ничтожно мала в украинских[10] (см. также примечание 8).

4. Говоры с **неполным** материалом.

н.п.	Обл., район	флексия -о	флексия –у	фл. –е
401	Волын. Люб.		*Hánu*	
408	Волын. Рож.		*Nádu*	
410	Ровен. Дубр.			*Nást'e*, *Vál'e*, *Oksén'e*
412	Льв. Мостис.		*Marúsu*, *Wulénku*	
436	Киев. Полес.	*Kátro*		
441	Черн. Щорс.			*Mán'e*

5. Говоры, в которых в функции звательного употребляется **именительный падеж** : *Катери́на*! *На́дя*! *Мари́я*! - *Ива́н*! *Павло́*! (или *Па́вел*!) *Васи́ль*! и т.п.[11].

Употребление именительного падежа при обращении требует замечаний. Принято считать, что в русских и белорусских говорах именительный падеж широко и повсеместно употребляется в звательной функции. (При этом материал специально не изучен, в том числе и автором данной статьи, а при повсеместном распространении частотность может быть разной). Картографирование украинского материала ОЛА по именительному в функции звательного показывает, что он распространен не повсеместно и неравномерно, причем, это красноречивая неравномерность. Им. падеж при обращении зафиксирован либо в говорах, где нет зв. падежа, либо же в говорах, которые являются пограничными с ареалами его отсутствия[12]. Ср. также замечания к максимальным системам флексий: "При обращении употребляется зв. форма, которая отличается флексией от им. падежа"(ОЛА-503); "Voc. ... Изредка и N.sg" (836).

Материалы ОЛА свидетельствуют, что и именительный падеж, и другие средства вокатива, а именно: два вида усеченных форм - типа *Кать!* и типа *Ива́! Мари́!* от *Ива́н! Мари́я!* (последний более характерен для украинских говоров), повторы *Га́нна, Га́нна!* и частицы (*О Катери́но! Ма́рья, о Ма́рье! Мэй Стефа́не!*), единично отмечаемые в украинских говорах, не характерны для типа полносохранившихся систем флексий старого зв. падежа, основной ареал которого находится в центре Украины. Они отмечаются на северо-востоке, северо-западе, западе и юго-западе Украины, где преобладает редуцированный и/или унифицированный тип флексий с *о*-унификацией.

Примечательно, что территория распространения именительного и зоны, где отмечены другие средства вокатива не совпадают, а скорее

дополняют друг друга: именительный почти всегда отмечен там, где отсутствуют и старый звательный, и другие средства вокатива (в первую очередь, это северные украинские говоры, кроме их восточной части). Интересно, что характерные русские словообразовательные варианты *Ваньк! Петьк!* и *Ва́ня! Пе́тя!* (кроме широко распространенных *Мань! Вань!*) также отмечаются в украинских говорах с разрушающимся старым зв. падежом - имеющих редуцированную или унифицированную систему флексий.

Рассмотрим украинский ареал старого звательного падежа в целом. Он делится на несколько частей: полносохранившиеся, редуцированные и унифицированные системы флексий, говоры с неполным материалом и с отсутствием форм зв. падежа. Каждый из этих ареалов имеет свою величину и плотность, может быть меньшим или большим, компактным или разорванным, а также существовать в виде отдельных «сгущающихся» населенных пунктов. Важным является то, что каждый из этих ареалов так или иначе, но все-таки вытянут с юго-запада на северо-восток, таким образом, общее расположение ареалов относительно друг друга можно назвать «диагональным».

Такое же "диагональное" направление в расположении ареалов поддерживается и на прилежащей русской территории - ареалами наиболее активных новообразований: усечений типа *Маш! пап!* и типа *па! ба! Ната́ль! де́душ!* (отпадает не только флективный гласный, но и согласный основы), а далее ареалом форм с дифтонгическим продлением типа *Машу́! ма̀мэ́й!* - см. карту 3. Эти русские ареалы являются прямым продолжением украинского ареала отсутствия зв. падежа.

Подобное расположение ареалов известно в русской лингвогеографии и отражено, например, на синтаксических картах ДАРЯ - это изоглоссы конструкций с предлогами *по* и *с* типа *побежать по соседку, по хлеб, по грибы* и *приехать с Москвы, вынуть с ящика* [Кузьмина 1993, 60, 84, карты 3 и 4], описанные также Л.Е.Лопатиной в предыдущем выпуске ВСИ. Вероятно, о таком же характере ареалов местоименных новообразований в псковских говорах пишет Н.Д.Сидоренская[13]. В членении говоров Захаровой - Орловой "диагональное" расположение ареалов можно усмотреть лишь на картах 2 и 4 [Захарова, Орлова 1970, 53 и 56][14]. Указанные синтаксические диалектные особенности, имеющие "диагональные" ареалы в русских говорах, а частично и фонетические на картах 2 и 4, как и зв. падеж, больше характерны для украинских говоров.

Флексии звательного падежа в северо-восточных русских говорах. Своеобразие русских говоров, связанное со зв. падежом, особенно ярко проявляется при сопоставлении с украинским материалом, которое осуществляется эксплицитно и имплицитно[15] (см. далее).

В украинских говорах системы флексий зв. падежа выделяются четко, а в северо-восточных русских говорах границы между выделенными типами расплывчатые и зыбкие, отмечаются переходные стадии от одного типа флексий к другому, наблюдается взаимовлияние флексий, трансформация их в результате воздействия просодии.

Северо-восточный ареал реликтов зв. падежа имеет разреженный характер и пустой в своей центральной части. Похожую форму на этой же территории имеют ареалы других явлений фонетики и морфологии, например стяжение в окончаниях глаголов и прилагательных [ДАРЯ II, карты 87, 89 и др.].

Интересно, что сгущение и разнообразие наиболее архаических элементов зв. падежа в русских говорах отмечается в зоне говоров с неоглушением конечных согласных [г, д, ж, з], что для русского диалектного континуума характерно говорам Верхнего Поветлужья [ДАРЯ 1, карта 73 и др.]; важно отметить, что это явление считается общеукраинской чертой.

Следующие черты присущи северо-восточному русскому ареалу в целом и являются спецификой этих говоров по сравнению с украинскими.

1. В русском ареале зв. падежа отмечено во много раз больше говоров с "**неполным**" материалом - в них зафиксированы не все типы основ существительных, способные (с большей или меньшей вероятностью) варьировать флексию зв. падежа. Интересно, что в материалах чаще отсутствуют те звенья, которые и разрушаются, как правило, раньше других: это различия по твердости - мягкости и по линии уменьшительность//ее отсутствие (последнее релевантно для украинских говоров).

При этом важно отметить, что "неполнота" материала в украинском ареале - это одна из ступеней неоднородности этого ареала (перехода от полносохранившихся систем флексий зв. падежа к говорам с его отсутствием). Русские же говоры с "неполным" материалом отражают основной, а возможно, и единственный русский тип вокатива. Таким образом, украинские и северо-восточные русские говоры с "неполным" материалом различаются не столько в количественном отношении[16], сколько по существу, отражая специфику русских говоров.

2. В украинских говорах существуют флексии зв. падежа для основ на -*ā и на -*o, причем, вторая система флексий дает более широкий и компактный ареал, она более проста (отмечено меньше типов систем флексий, чем в склонении на -*ā). В русских говорах, напротив, в склонении на -*o зв. падеж практически не сохранился (единичные *Ива́не!* и *сы́ну!* отмечены в тех севернорусских говорах, где зафиксированы и общеукраинские варианты *Са́нко*, *Васи́лько*, *Павло́*).

3. В северо-восточных русских говорах в зв. падеже склонения на -*ā отмечаются, формально говоря, те же флексии, что и в полносохранившихся украинских системах, - *-о, -у* и *-е*. Зафиксированы даже шесть вятских говоров, в которых эти флексии могут быть интерпретированы как распределенные исторически правильно между типами основ. Однако между русскими и украинскими системами флексий есть существенные различия. Так, в склонении на -*ā в русских говорах отмечаются практически две флексии зв. падежа: *-о* и *-у* (*-е* единична). Как правило, *-о* и *-у* не встречаются в одном говоре, а образуют системы с *о*-унификацией, единично с *у*-унификацией флексий. Происхождение русской флексии *-у* неясно. Если об украинских словоформах типа *Нáд'у* известно, что они возникли под влиянием склонения на -*о в староукраинский период, то написания, подобные *Кáт'оу, Кáт'у* в материалах ДАРЯ, позволяют предполагать фонетический путь возникновения *-о* из *-у*, или восприятие собирателями *-о* как *-у*.

4. Большая часть украинских говоров имеет какую-либо архаическую систему флексий (полносохранившуюся, редуцированную, унифицированную) и лишь 6 говоров соответствуют русским, то есть отмечено *о*-унификация в склонении на -*ā и отсутствие зв. форм от основ на -*о). В северо-восточных русских говорах, напротив, единично отмечены следы распределения флексий *-о* и *-'у*, *-о* и *-'е*, *-е* (*[э]*) (всего в 6 из 1458 населенных пунктов северного тома); практически весь северо-восточный ареал русских говоров можно отнести к унифицированному типу с *о*-унификацией - расширением сферы употребления флексии *-о* на твердые и мягкие основы, причем во многих говорах флексия *-о* явно очень употребительна (приводится много примеров), но материалы характеризуются неполнотой - не представлен какой-либо тип основы.

В северо-восточном ареале русских говоров можно выделить следующие системы флексий зв. падежа.

1. **Распределение** флексий между твердыми и мягкими основами (во всяком случае, противоречий для такой интерпретации материала нет). Соответствуют украинскому **редуцированному** типу флексий в склонении на -*ā, но в русских говорах полностью утрачены еще и флексии склонения на -*о.

а) Флексии **-о - -'у**: *18 лю́бушко, Ста́сенько - А́лю; 103 Анюткo, ма́тушко - Ва́сю; 670 Ни́нко, Ло́рко, ма́мо, Только - Мару́сю, Ма́ню; 860 Ироо, ма́моо - Ма́нюу* (а также *Па́шко, де́ду*); *1005 Ма́нько, Га́лько - Ма́ню; 1022 Ва́сько, Бо́рько - Ма́ню, Со́ню;* к этому же типу предположительно относим *696 Та́нькоу - Ма́ню, Пе́тёу.*

б) Система флексий **о - -'е и -'у**, то есть вариативность флексий в мягкой разновидности (их можно назвать коммутативными[17] системами):

116 Ва́лько - Ва́лю и *Ва́ле, 129 Ли́до - Га́ле* и *Та́ню, 135 На́тько - Ду́ню* и *На́де; 1053 ма́мо, Пара́нькоо, Гла́денькоо, Па́шко - Гла́вде* и *Га́лю; 1354 ма́мо, сосе́дко - сестри́це* и *Ма́ню, Мару́сю* (а также *Ве́рой, Зи́ной*), *1432 Ра́йко, Раи́ско - Ва́ське, Ма́ньке, Мари́йке, Ле́нке* и *Ма́ню, Мару́сю.*

2. Говоры с **трансформированными** флексиями. Они единичны; в них отмечены звательные формы, флексии которых не соответствуют так называемым исторически правильным типам вокативных флексий (имеем в виду, прежде всего, праславянский тип и тип чешского литературного языка, а также украинские системы флексий вокатива). Можно предположить, что флексии (зв., а также и им. падежа) трансформировались под воздействием просодии, взаимовлияния вокативных флексий разных типов существительных и, возможно, других факторов[18] *503 мамэ, ба́бэ, Грунья́шкэ - Ма́ню, На́дю, Мару́сю* (а также *Ива́нко, Па́нко*); флексии *-о - -'ей, -е* и *-[э]* : *1236 Ге́нкоо - Ка́теей, Ко́леей;* условно относим сюда же *261 Си́фко, де́тко - Ко́льке, Серёшкэ* (*"один раз"*); флексии *-о* и *-у* в твердой разновидности *636 Ду́нькуу, Ма́нькууу, Га́лькуу, Ма́нькоо* (возможно возникновение *-у* в результате воздействия просодии); флексии *-'е* и *-'у* , *-'е* и *-'о* в мягкой разновидности *1456 На́де, Ма́ню, Мару́сю* (*а также Ли́дыы*), *691 Ви́т'оо, Ва́льк'е.* Из-за неясности происхождения флексий и трудности их интерпретации сюда же относим также: *166 Нюше, Сте́пы, Веры* (*без уд.*)[19], *1227 Ви́т'ко, Зо́йко, Ни́нкэ.* Вышеприведенные факты зафиксированы в тех зонах территории ДАРЯ, где нередко отмечаются наиболее архаические элементы - в зоне Онежского озера и в вятских, а также поветлужских говорах.

3. **Унифицированные** системы с *о-унификацией флексий.* Материал делится на две части: 1) говоры с флексией *-о* в зв. падеже как у твердых, так и у мягких основ (говоры с полным материалом); 2) и 3) говоры с неполным материалом, в которых зафиксированы примеры только от одного типа основы - твердого или мягкого (возможно, эта неполнота материала вызвана реликтовым характером явления).

1) *13 ма́мо, Та́н'о, лю́бушко, 20 Та́н'о, ма́мо, 63 ба́бо, Ва́н'о, Же́н'о, 120 Ва́н'о, ба́бушко и др., 124, 129 Ли́до, Га́л'о и др. Кири́ловно, 190, Ва́л'о, ма́мо, 455 Ра́йко, Юрко, Праско́вьйо, Ма́рьйо, Ма́рьюшко, 646 ма́мо, Ва́н'о, Ма́шо, сосе́дко, ма́тушко, 648 Ли́до, Ко́л'о, Са́нко, Коля́нко, Ванюшко, оте́ц Алекса́ндро, 680 Ва́л'о, Мишу́тко, 741 ма́мо, ба́бушко, ба́бо, Са́шко, Ми́шко, Ко́лько, Пе́тько, Ко́л'о, 735 ма́мо, Га́л'о, Ири́но, Ли́лько, Ми́шко, на́по, 835 А́л'о, Са́шо, Са́шенько, Ва́сенько, 836 Га́л'о, А́нно, Ма́шо, де́тко, Ва́лько, 840 Ге́но, Ге́нко, Ге́нушко, Па́вле,* (*жен.*), *Не́л'о, ма́мо, Мару́сько, 960 ма́мо, Ма́н'о, Мару́с'о, сосе́дко, сестри́ц'о, 973 ма́мо, на́по, Зо́йо, Та́нько, Шу́рко, Ле́нко, 975 Мари́йо, Са́н'у на́по, 1078 ма́мо, Ни́но, Кол'о, 1103 ма́мо, Ри́ма, То́л'о, 1149 ма́мо, Ко́л'о, Во́во, Па́н'о,*

1223 ма́мо, Ге́но, Ко́л'о, 1218 тёт'о, ма́мо.

2) *1, 4, 14, 15, 19, 61, 93, 94, 96, 98, 107, 110, 119, 120, 133, 134, 152, 160, 162, 139, 184, 224, 226, 242, 141 ма́тушко, Лексáндро, Серёшко, 438, сосе́дко, 473 Ва́люшко, 490 Ва́нько, 654 Ма́шко, 661 Катери́но, 673 Нюро, ма́тушко, 672 Вале́рко, 678 Ирко, Ни́но, 781 ба́бушко, То́лько, 782 ба́бушко, Са́шко, 839 ма́мо, На́дько, Ванюшко, 842 Раи́ско, Са́нько, дя́д'о, 838 Лы́ско, Ка́рко, Воро́нко, 846 Ни́нушко, 848 Сла́вко, 841 Ко́лько, Са́шко, 852 Ва́ську, 858 Раи́зо, Ду́нько, Ни́нко, Яку́нько, 845 Ва́нько (Ко́лькоу и т. п.), 974, 975 Бори́ско, 973 Нюшко, Ва́нько, 976 Ва́нько, Мару́ську, де́до, 981 Све́то, Шу́рко, 985, 989, 998, 1001, 1013, 1015, 1032, 1046, 1077, 1078, 1092, 1119, 1196, 1198, 1188, 1221, 1225, 1219, 1244, 1308, 1305, 1342, 1362, 1407, 1413, 1415, 1373, 1377, 1446,613 ма́мо, 628 Ва́ленькоо.*

3) 48 Ва́н'оо, Ма́рьйоо, 389 Лю́с'о, Мару́с'о, 652 Гла́вд'о, Мару́с'о, 653 Ва́л'о, 238 Та́н'о, 962 Га́л'о, А́л'о, го́сьйо, 1029 Ва́с'оо, 1038 Мару́с'о, 1059 Ма́н'оо, 1234 Ма́н'о, 1268 Бо́р'оо, 1320 Ко́лък'о, Ма́ньк'о.

4. Говоры с **неполным** материалом, в которых отмечена флексия *-'е* (*-е*) или флексия *-'у* (-у) как единственные. Флексия *-'е* (*-е*): *967 Ка́т'е, Ка́теньк'е, Катюшк'е, Надюшк'е, 165 ди́тке, ди́тк'е, 1228 до́чк'е* (и *до́чк'а*). Флексия *-'у* (*-у*): *132 Инну, 148 Ва́н'у, Пе́тьку, Фе́н'у, 258 ба́бушку, 671 ма́му, 674 Ко́л'у, 491, Ма́н'у, 837 Ле́л'у, 993 Ва́л'у, 1091 Мару́с'у, Ма́н'у, 1175 Кла́вд'у, Ма́н'у, 1316 Ни́ну, 1338 На́д'у, Ма́ньк'у, Ма́н'у,* (а также *Ду́ней и т.п.*), *341 Ма́н'у, Мару́с'у* (а также *Ва́нькой* и т.п.), *1456 ма́му.* Ср.: аналогичные говоры с неполным материалом, в которых отмечена флексия *-о* в одном из двух типов основ, отнесены нами к системам с *о*-унификацией флексий (см. подпункты 2) и 3) предыдущего пункта). Однако вряд ли следует считать приведенный в данном пункте материал системами с *у*-унификацией или *е*-унификацией флексий: во-первых, в перечисленных здесь говорах представлен только один тип основы, твердый или мягкий, а соответствующих говоров с полным материалом не отмечено; кроме того, подобные говоры не столь многочисленны, как говоры с флексией *-о*.

5. Говоры с **обобщением** флексий, доходящем до распространения флексии вокатива одного склонения на существительные другого склонения. В украинском ареале подобное явление не отмечено. Материалы таких говоров позволяют думать, что в условиях, когда явление находится на грани исчезновения, унификация флексий может распространяться за пределы одного склонения, в котором исторически отмечалась данная флексия, или же трансформированные просодией варианты флексий подверстываются под флексию другого склонения. Таким образом, какая-либо одна флексия может восприниматься как некая "общая" флексия вокатива - не только для разных типов существительных,

но и для разных типов склонений[20]: *742 сы́нку - А́нноу, Ма́ньокоу, Ва́лоу, Тама́роу, 1034 сы́но, сы́нко - ма́тушко, 1089 сы́ну, сы́нку, учи́телю, де́ду - Мару́с'у, Ман'у, 1370 Ма́н'уу - Ива́нуу, 1149 Яковлево* (вероятно, от *Яковлев*, фамилии или отчества, - наряду с *Ли́до, ма́мо* и т.п.).

6. Говоры с **взаимодействием им.** падежа и зв. форм требуют подробного рассмотрения. В них употребляются имена лиц мужского пола на *-о* в им. падеже: существительные типа ***сы́нко, де́дко, Ива́нко,*** а также более распространенные ***де́душко*** и др. с суфф. *-ушк-*.

Известно, что у существительных мужского рода с флексией *-о*, обозначающих лиц (*ба́тюшко* и т.п.), в русских говорах отмечается процесс разрушения парадигмы склонения на -*о и переход их в склонение на -*ā. Этому посвящен вопрос № 78 Программы ДАРЯ. В материалах ДАРЯ, описанных В.Н.Тепловой [Теплова 1982], нередко отмечаются параллельные формы в им. падеже: *ба́тюшко и ба́тюшка, де́душко и де́душка* и т.п.

Сравнение материала вопросов № 78 и 79 ДАРЯ (**о*-парадигма у слов типа *де́душко* и зв. формы) позволяет предположить, что в части говоров старые зв. формы с флексией *-о* от существительных на -**ā*, находящиеся на грани исчезновения, испытывают поддерживающее влияние со стороны формы им. падежа на *-о* (на *-ушко*), типа *де́душко, сва́тушко, Никола́юшко,* когда им. падеж последних употребляется при обращении. Этот смежный вопрос не затронут в статье В.Н.Тепловой, но при рассмотрении зв. падежа его нельзя оставить без внимания, так как предварительный сравнительный анализ материала вопросов № 78 и 79 демонстрирует факты взаимодействия в десятках говоров.

Взаимодействие склонений осуществляется, на наш взгляд, в следующих шагах и связях. Словоформа *ба́бушко, ба́бо* отмечается в им. падеже наряду с *де́душко, де́до* (это создает вариантность, так как уже есть им. падеж *ба́бушка, ба́ба,* исторически правильный). Связь зв. и им. падежей считается давней и прочной; употребление им. падежа при обращении считается нормальным, независимо от наличия специальных зв. форм. В этих обстоятельствах системы, в которых зв. формы находятся на грани исчезновения, а значит в звательной функции употребляется форма им. падежа, - получают "приток" словоформ на *-о*, являющихся якобы формами им. падежа, обозначающих лиц женского пола и имеющих параллельные формы на *-а* (*ба́бушка* и *ба́бушко, ба́ба* и *ба́бо*). Это может оказаться поддержкой для исчезающих зв. форм на *-о*, продлить их существование.

Такая поддержка, вероятно, в первую очередь сказалась на терминах родства - группе более консервативной по сравнению с личными именами. Например, в некоторых говорах приведена зв. форма с флексией *-о* только

для терминов родства женского рода: *ма́мо* 76, 83, 100, 163, 165, 168, 170, 177, 183, 430, (наряду с *сы́нушко, зя́тюшко*), 734 (наряду с *на́по, Фе́дько, ребяти́шко*), 1018 (наряду с флексией *-оу*), 1027, 1035, 1209, 1400, 1416, 1447, 1458, *ма́тушко 104, 131, 375, 739* (наряду с *Тама́рушко*), *1156, 1215* (наряду с *ми́лко, ма́мушко*), *ба́бо 64, 733, 169, 361* (наряду с *Та́нько, сы́нушко, зя́тюшко*), *ба́бко, ба́бушко 39, 42, 89, 992, те́тушко, сва́тьюшко 32, сосе́дко 1389.* В нас. п. 244 приведен пример *тет'о Шура*, где флексия *-о* отмечена у термина родства, а личное имя в вокативе употреблено в форме им. падежа. В некоторых говорах примеры с большей уверенностью позволяют говорить о "поддержке", которую получает флексия *-о* терминов родства со стороны им. падежа типа *де́душко, ба́тюшко*, ведь эти формы им. падежа употребляются в функции вокатива, ср.: *404 де́до, Па́вло, Гро́мушко - ма́тушко, 645 Ива́нко, Коля́нко - ма́тко, 778 Нико́люшко - до́чко, ма́мо* и др. говоры.

В материалах вопроса № 78 приводятся вариантные словоформы женского рода на *-а* и на *-о* в им. падеже (*ба́ба и ба́бо, ба́бушка и ба́бушко, Ната́льюшка и Ната́льюшко* и др.). Их, вероятно, следует считать гиперкоррективными; они являются ярким свидетельством связей и процессов, о которых сказано выше. Круг же вариантных словоформ мужского рода на *-а* и на *-о* в им. падеже (в материалах вопроса № 78) значительно шире в северо-восточных русских говорах - это и имена лиц мужского пола *Ва́н'о и Ва́ня, Са́нко и Са́н'ка, Па́н'я и Па́н'о*, и термины родства мужского рода *де́до и де́да, дед; де́дко и де́дка, ба́тько и ба́тька.* Таким образом, в существительных, обозначающих лиц мужского пола, процессы взаимодействия склонений на -*о и на -*ā, о которых идет речь, - более активны в северо-восточных русских говорах.

При наличии большого количества говоров, в которых есть внутридиалектные варианты с флексиями *-а* и *-о* в им. падеже, интерпретация словоформ, приведенных в вопросе № 79, затруднена. Строго говоря, иногда неизвестно, является ли звательная форма на *-о* архаической, исконной, или ее существование связано с поддержкой со стороны им. падежа с флексией *-о,* или же это им. падеж склонения на -*о, употребленный в зв. функции. На основании данных ДАРЯ в ряде случаев нельзя решить вопрос об отнесении словоформ с флексией *-о,* приведенных в ответах на вопрос № 79, к зв. форме или им. падежу. (Недостаточным будет и перечисление этих нас. пп., ведь вопрос № 78 нацеливает на фиксацию парадигм трех частотных существительных *де́душка, ба́тюшка и мальчи́шка* или *де́душко, ба́тюшко, мальчи́шко*, поэтому отсутствие более широкого круга подобных сковоформ в материалах ДАРЯ не означает его отсутствия в говоре). В связи с этим подробно приводится материал.

По отношению к украинским говорам не возникает вопроса о взаимодействии склонений и о связанной с этим трудности интерпретации материала по зв. падежу. Как известно, словоформы с флексией *-о* в им. падеже типа *Павло́, Васи́лько,* а также *ба́тько* типичны для украинского языка, и в наших материалах они регулярны и более распространены, чем варианты *Па́вел и Михаи́л* (словоформы типа *Пе́тя, Па́ша* и *Ва́нька, Пе́тька* в укр. материалах не зафиксированы - см. примечание).

Что же касается русских говоров, то в этой группе существительных (с флексией *-о* в им. падеже, обозначающих лиц мужского пола и характеризующихся чертами разрушения), есть более и менее устойчивые подгруппы слов. Но особое место занимает, судя по материалам вопросов 78 и 79 ДАРЯ, словоформа *де́до*. Она реже приводится в вопросе 78 и довольно часто - в вопросе 79, причем, несколько раз - с пометой: "единственная звательная форма". Сказанное относится прежде всего к северной части русского ареала, а не к южной, где более распространены варианты мужского имени на *-ко* типа *Са́нко, Ива́нко* (см. далее)[21]. Итак, вероятно, им. падеж словоформ *ба́тюшко, де́душко*, употребляющийся в вокативе, вряд ли осознается как зв. форма, чего нельзя с уверенностью сказать о других существительных: *ба́тько, ба́тька и ба́тя, де́дко* и *де́дка*. Словоформа же *де́до* нередко осознается как специальная форма зв. падежа, о чем есть несколько прямых свидетельств: *де́до* 49, 68, 172, 183, 210, 241, 314, 334, 349, 357, 359, 366, 367, 383, 388,403, 423, 464, 484, 500, 503, 738, 984, 1165, 1179, 1192, 1195, 1360, 1365 (наряду с *ма́мо*), 1371, 1397, 1401. Ср. также 403, 409 *ба́тька* - им.п. *ба́тько*! Зв., 995 Им. *де́дка*, зв. *де́дко*!, 166 *де́да* (им. в функции зв. падежа).

В южной части северо-восточного русского ареала зв. падежа широко отмечаются в вопросе № 79 словоформы от мужского личного имени на *-ко*: *Па́нко, Па́шко, Па́но, Па́, Са́нко, Са́шко, Са́но, Ива́нко, Ге́нко, Ге́но, Фе́дько, Сла́вко, Ми́шко, Ю́рко, Васи́лко* (без мягкости), *Нико́лко, Ко́лько, Коля́нко, Его́рко, Стефа́нко, Вале́рко, Ефи́мко, Макси́мко, Са́ська, Бори́ско,* а также термины родства мужского рода на *-ко: ба́тько, бра́тко, сы́нко:* 2, 11, 23, 25, 29, 93, 107, 112, 119, 120, 110, 160, 1876, 216, 226, 259, 261, 325, 398, 427, 467, 503, 504, 645, 601, 644, 736, 737, 1017, 1050, 1052, 1058, 1068, 1093, 1100, 1142, 1167, 1191, 1216, 1229, 1301, 1324, 1305, 1344, 1347, 1352, 1386, 1387, 1391, 1395, 1397, 1401, 1413, 1415, 1377, 1379, 1430, 1438, 1424, 1453. В материалах нет пояснений, но думается, что это формы им. падежа с флексией *-о*, употребленные в значении вокатива. В ответах на вопрос № 78 нередко приводятся словоформы типа *Никола́юшко, Миха́йлушко, Его́рушко* и т.п. образования от личного имени с суфф. *-ушк-*. В украинских говорах широко распространены словоформы на *-ко,* без суффикса *-ушк-* типа *Ю́рко, Васи́лько,* которые для русских

говоров не столь регулярны, но в южной части ареала отмечены. Интересно, что в северной части ареала, в отличие от южной, наряду с мужскими отмечаются и женские имена на *-ко*, которые уже следует интерпретировать как специальные зв. формы на *-о*: 94, 96, 97, 134, 152, 503, 504, 645, а также в южной части ареала 1301, 1305.

В этих же говорах (с фактами взаимодействия им. и зв. падежей) отмечены единичные зв. формы с флексией *-у* от существительных *сы́нко*, *де́тко*, *Ива́нко*: 27 *сы́нку* ("редко"), *Ива́нко*, 219 *ба́тько*, *ба́тьку*, 1007 *сы́нку*, 1426 *де́тку*, 1439 *Ива́нку*; сравн. также 19 *Па́вле* при *Ва́нько*, *Ви́тько* (без комментариев, поэтому нельзя сказать от *Па́вел* или от *Па́вло*, но форма исторически правильная и единственная в материалах северо-восточного ареала).

Сравнительный анализ материалов ДАРЯ по вопросам 78 и 79 (по 500 нас.пп. из 1458) показывает также следующее. Одни говоры северо-восточного русского ареала сохранили архаическое состояние в двух явлениях - зв. падеже и склонении на -*о, другие утратили и то и другое. С точки зрения взаимодействия им. и зв. падежей интерес представляют говоры третьего типа, в которых частично утрачена парадигма склонения на -*о у существительных *ба́тюшко* и т.п. и одновременно формы зв. падежа с флексией *-о* находятся на грани полной утраты. Этих говоров меньше, чем полностью сохранивших или полностью утративших указанные выше архаические явления. Как ни странно, именно в говорах третьего типа создаются условия для взаимодействия - в их материалах нередко расширяется круг словоформ на *-о* в им. падеже существительных с суффиксом *-ушк-*, распространяясь на мужские личные имена; 254 *Ива́нушко, Парамо́нушко,*_272 *Его́рушко, прадёдушко, брати́шко,* 259 *Ива́нко, Ванюшко* 238 *Его́рко,*_*Алексе́юшко* и др., 270 *ба́тюшко, Леони́душко, дя́дюшка Ника́ндро.* Это расширение круга словоформ на *-о* в им. падеже, как было сказано, затрудняет интерпретацию материала по зв. форме, которая представлена единичными реликтовыми словоформами, например: зв. формы *Ко́лько, Серёжка, Серёшкэ* и им. падеж *де́тко, Сла́вко* в нас.п. 261; зв. форма *Бори́ско,* единственнная в нас. п. 974 - при хорошо сохранившейся парадигме склонения на -*о слов *ба́тюшко*, зв. форма *Та́н'о! е*динственная в нас. п. 238 при им. падеже *Его́рко, Алексе́юшко;* в нас.п. 972 - *Шу́рко и Шу́рка, Зо́я и Зо́ё* "употребительно в равной степени".

Примечательны говоры, в которых у существительных типа *ба́тюшко* почти утрачена парадигма склонения на -*о, остались лишь вариантные формы им. падежа - с флексиями *-а* и *-о*, но при этом наблюдается "усиление" звательных форм - *Све́то, Шу́рко, Шур, Шу́ронь*, представленных формами на *-о* и новообразованиями *Шур, Шу́ронь* (от им.

Шу́ронька). Нет ли здесь явления, подобного заместительной долготе, когда одно уходящее явление как бы передает свою "силу" другому.

Ареал отсутствия старого зв. падежа. На большей части территории русских говоров формы старого зв. падежа отмечаются единично. Но это разная единичность, подчиняющаяся определенной закономерности. Ее анализ показывает неоднородность ареала и позволяет разделить эту территорию русских говоров на три зоны[22], которые соотносимы с украинским и русским ареалами зв. падежа:

1 - зона сильного влияния украинского ареала: юго-западные говоры, прилегающие к украинской территории (западная часть Ю. ДАРЯ);

2 - зона слабого влияния украинского ареала: западная часть южного наречия и среднерусских говоров (тома Зап. и С.-Зап. ДАРЯ);

3 - зона влияния северо-восточного русского ареала: восточная часть южнорусского наречия, восточная часть среднерусских говоров (тома ДАРЯ - Вост., Ю. - вост.часть).

Критериями деления этого ареала русских говоров на три части являются:

1) общее количество примеров старого зв. падежа;

2) наличие и количество зв. форм от существительных склонения на -*о типа *Ива́не! сы́ну!* - они характерны для украинских говоров;

3) наличие и количество зв. форм от вариантов мужских имен типа *Ва́ня, Пе́тя, Ва́нька, Пе́тька,* характерных для русских говоров;

4) исторически правильное распределение флексий;

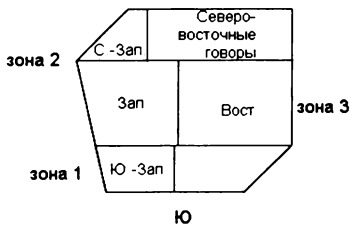
5) характер других средств вокатива.

Зоны 1 и 3, в сущности, продолжают украинский и русский ареалы зв. падежа, хотя и в очень ослабленном виде. Зона 2 характеризуется своеобразием: во-первых, в ней существенно меньше реликтов зв. падежа; во-вторых, здесь очень развиты все возможные новообразования (с усечением и удлинением гласного основы и окончания, повторы, лексические средства).

В зоне 1 есть даже говоры с системой словоформ зв. падежа, не противоречащей "правильным" украинским системам. Хотя в этих русских говорах словоформы представлены не полностью, однако и без противоречий, а также без участия тех дополнительных средств вокатива, которые характерны для русских говоров. Важно и то, что таких систем нет в главном русском ареале старого зв. падежа - в северо-восточных русских говорах. Украинские говоры с подобной неполнотой материала картографированы как системы с наличием старого зв. падежа. При словоформах старого зв. падежа здесь есть указания "чаще", "часто" (ср. : в северо-восточных русских говорах словоформы старого зв. падежа могут

сопровождаться пометами "редко", "при зове на расстоянии" и др. В зоне 1 отмечено16 нас. пп., в которых зафиксировано 32 примера старого зв. падежа, в том числе от сущ. склонения на -*ā жен. рода - 20 примеров типа *Ма́ню! Ма́мо!* и 12 примеров типа *сы́нку! де́ду! дру́же!* Существительных склонения на -*ā муж. рода *Ва́ня! Пе́тя!* не отмечено, это сближает такие говоры с украинскими. Преобладание примеров зв. падежа от существительных женского рода, напротив, сближает данные говоры с северо-восточным русским ареалом.

В зоне 1, в свою очередь, выделяются разные говоры, в материалах которых: а) приведены лишь отдельные примеры, соответствующие "правильным" украинским системам: нас .пп. Ю. ДАРЯ 9, 139, 142, 162, 198, 360, 488, 511, 810; б) подобные примеры приведены с переносом ударения на флексию (перенос ударения способствует сохранению словоформы, но, с другой стороны, он скорее всего, возник при употреблении словоформы в каких-либо особых условиях, например, при зове на расстоянии, как показывает материал северо-востока русских говоров: 293, 449, 477, 687, 780); в) примеры свидетельствуют о разрушении "правильной" системы - наблюдается перераспределение флексий: 463, 524, 525. (Вообще говоры с перераспределением флексий зв. падежа в наших материалах всегда немногочисленны, что, возможно, свидетельствует о неустойчивости такого типа).

Вероятнее всего, что формы старого зв. падежа в южнорусских говорах - это не регулярно образующиеся словоформы, а дополнительное средство вокатива, стоящее в одном ряду с интонацией и другими факультативными неграмматическими средствами (его основное грамматическое средство - им. падеж). Важно, что словоформы хорошо сохранили старую систему флексий именно вблизи украинского ареала.

В зоне 2 влияние украинского ареала проявляется слабее: старых форм здесь значительно меньше[23]. В этой зоне словоформы старого зв. падежа зафиксированы, как уже было сказано, гораздо реже: всего 13 примеров из 12 нас.пп. на почти тысячу обследованных нас.пп. Среди этих 12 говоров нет ни одного, где реликты старого зв. падежа соответствовали бы или не противоречили бы "правильным" украинским системам, как это было в зоне 1. В 7 говорах отмечено по одному примеру "правильных" систем, в том числе от существительных *о-склонения - 3 примера: С.-Зап. 247 *де́ду!* Зап. 21 *ма́тку!* 385 *де́ду!* Остальные примеры являются элементами систем с каким-либо перераспределением флексий: С.-Зап. 241

Ма́н'у! Зап. *61 ба́бу!. 243 Кла́вд'у! 297 То́ньку!, 723 Ма́н'о! Та́н'о! 683 Ли́дку!* или же с участием просодии: Зап. 240 *Ле́нкуу!* С.-Зап. 83 *Анюшкоо!*

В зоне 2 активны новообразования вокатива. Так, в С.-Зап. 240 приводятся усеченные формы типа *ма! Лёшк! Тётка Марьй!*, повторы типа *Саньк, а Сань!* Во всех нас.пп. этой зоны отмечается, наряду с перечисленными формами, форма им. падежа в зв. функции и усеченные зв. формы типа *Мань!* и *Ма-ань!.*

Интересно сравнить говоры зон 1 и 2 с точки зрения общей системы средств вокатива, на фоне которой приводятся реликты старого зв. падежа. Так, в нас.п. Зап.683 приведено 14 примеров усеченных новообразований и одна форма им. падежа, кроме того, зв. формы типа *Нинóк! Натáшик!* (которые спорадически отмечаются и в других говорах, но здесь, в Зап. томе ДАРЯ, есть сгущение нас. пп. с подобными словоформами). Что же касается юго-западных говоров ДАРЯ, то здесь не отмечено новообразований, при реликтах старого зв. падежа преобладает им. падеж в зв. функции, а также формы с частицей: *О, Ва́ня!* (частица *о* при зв. формах отмечена в некоторых украинских говорах и ни разу в русских, где ей соответствуют частицы (вокативные междометия) *эй* (*ей*), *э* [Голубева 1995; она же 1998].

В зоне 3 (восток ДАРЯ) зафиксированы словоформы старого зв. падежа, которые можно было бы назвать остатками, отголосками северо-восточных русских флексий зв. падежа. Она характеризуется наименьшим общим количеством примеров, незначительным количеством зв. форм от существительных *о- склонения (типа *сы́нку*). В 4-х говорах отмечено по одной зв. форме от существительных *ā-склонения (*Ма́мо! ба́бушко! Ма́ню! Пе́тю!*), в других 4-х говорах зафиксированы зв. формы с переносом ударения на флексию или увеличением ее длительности, то есть с поддержкой форм старого зв. падежа фактором просодического характера: Вост. 272 *Ма́н'у-у,* 659 *Ма́н'коо,* 143 *Райскуу,* 687 *Маню́,* 780 *сынку́*. В двух говорах отмечаются элементы перераспределения флексий в зв. формах.

Формы старого звательного падежа и новообразования рассматриваются вместе, что позволяет увидеть факты общей картины вокатива.

На карте 3 "Формы старого зв. падежа и новообразования" основным ареалом зв. падежа является украинско-белорусский, а северо-восточный русский ареал представляет явление в ослабленном виде. Важно подчеркнуть следующее. Во-первых, ареалы-"слои" в белорусско-украинском ареале расположены в "диагональном" направлении. Во-вторых, ареал отсутствия звательного падежа вклинивается в компактную

территорию украинских систем с хорошо развитым звательным падежом, находясь в центре и будучи окружен говорами с хорошо развитой системой вокативных флексий. В-третьих, этот ареал отсутствия зв. падежа в украинских говорах продолжается на русской территории - также в "диагональном" направлении - ареалом новообразований. Последний состоит из двух частей, каждая из которых реализует одну из противоположных тенденций в развитии новообразований - это юго-западные новообразования с усечением флективного гласного и северо-восточные новообразования с его продлением.

С.П.Обнорский писал, что тенденции к усечению и к продлению тематического гласного основы в вокативе (флексии у вокатива, как известно, не было) существовали в языке с древности и связаны с особой интонацией вокатива. Эти две тенденции, возможно, являются универсальными для многих языков. Спорадически они встречаются и в разных говорах восточнославянской территории. Но лишь на определенных территориях отмечается сгущение таких нас.пп., где отмечены формы с продлением или с редукцией гласного (флексии); только в этих говорах формы с дифтонгическим продлением или с редукцией гласного (а также редукцией конечного согласного основы) получили, как можно предполагать по массовости примеров и замечаниям к ним, статус специальной зв.формы, "право на гражданство". Именно такие говоры и образуют "диагональную" полосу, соединяющую два главных ареала старого зв. падежа. Они же являются непосредственным продолжением также диагонально расположенного ареала отсутствия зв. падежа в украинских говорах. Такой же "диагональный" характер распространения имеют и другие явления, более характерные для украинских говоров, чем для русских (см. выше).

А.В.Исаченко писал о призывной функции языка и о том, что средства, служащие для ее выражения, нередко противоречат тенденциям, действующим в данной языковой системе; их назначение - побуждать слушающего к действию, поэтому они должны обратить на себя внимание собеседника. Так, в языковых системах с редукцией гласных употребляются призывные средства с продлением гласных и т.п. Призывную функцию языка выполняют императив, вокатив. С точки зрения этой идеи А.В. Исаченко, простое употребление в вокативной функции им. падежа - это слишком неспецифичное средство. Но в современном русском литературном языке им. падеж употребляется с выделением интонацией в отдельную синтагму (даже при самом спокойном обращении)[24].

Активное распространение новообразований в русских говорах можно рассматривать как возмещение отсутствующего старого зв. падежа: чем слабее морфология, тем больше активизируются всяческие "подпорки"

ей - средства других языковых уровней - повторы, частицы, лексемы-регулятивы, просодический фактор, рождающий новые разновидности словоформ (*Маш! ма! Мáшоу!*). О новообразованиях вокатива в украинских и белорусских говорах, мы пока знаем мало.

Пометы собирателей к материалам позволяют предположить что если в говоре есть специальная зв. форма, в том числе реликт зв. падежа, то она может и не быть ведущей, а употребляется, например, в специальных условиях - зов на расстоянии и т.п.

Общая лингвогеографическая картина зв. падежа в восточнославянских говорах следующая.

1. На восточнославянской территории выделяется **юго-западный**, белорусско-украинский ареал, где зв. падеж сохранился, и **северо-восточные** русские говоры, где то же явление представлено в ослабленном виде, и такое соотношение ареалов типично для восточнославянского языкового континуума. Характерным является и то, что **юго-западные украинские говоры** (юго-запад в узком смысле слова) - **сходны с северо-восточными русскими говорами:** как и севернорусские, они характеризуются **утратой** некоторых элементов полносохранившихся систем, **перераспределением** флексий (хотя при этом в украинском языке существует зв. падеж, а в русских - лишь его реликты). Самая яркая черта сходства украинского юго-запада и русского северо-востока - это говоры с ***о*-унификацией** флексий зв. падежа, которые являются основным, преобладающим типом в русских северо-восточных говорах, а на украинской территории сгущаются именно на юго-западе. Кроме того, в юго-западных украинских говорах отмечены **новообразования,** типичные для русских говоров.

2. Соотношение ареалов **старого** зв. падежа и **новообразований** можно представить как "распространение" зв. падежа в "диагональном" направлении (из ареала центра Украины, на юго-запад и на северо-восток) с постепенным ослаблением и утратой звеньев старой системы вокативных флексий, которые могут восполняться новообразованиями (см. карту 3 и комментарий выше).

3. В западных и северо-западных русских говорах, которые соотносятся исследователями с предполагаемой территорией **кривичских** племенных диалектов, реликты старого зв. падежа отмечаются реже, чем в других русских говорах. Для этой зоны характерно также своеобразие в территориальном распространении новообразований: они здесь наиболее разнообразны (отмечаются все их виды) и сосуществуют друг с другом, тогда как в других зонах территориально распределяются. Так, новообразования-повторы типа *Петь, а Петь! Петь, Петь! Петь, Петя!* образуют в кривичской зоне наиболее плотный ареал, который

продолжается в восточные среднерусские говоры, но в более разреженном виде. Такое распространение новообразований-повторов, вероятно, позволяет отнести их к явлениям "кривичского пояса" [Николаев 1988] (см. карту в [Голубева 1995]).

Материал подтверждает, что ареалы новообразований являются важной частью общей лингвогеографической картины вокатива и что их нужно изучать не только в связи с проблемами обращения, разговорной речи, но и с проблемами истории языка, исторической диалектологии.

Примечания:

[1] В русском литературном языке ХУШ в. (в условиях утраты вокатива) формы зв. падежа используются в приподнятом, возвышенном стиле, а формы им. падежа - при обращении, окрашенном фамильярным, пренебрежительным тоном [Николаева 1972, 131-132]. В материалах северо-восточных русских говоров иногда отмечается, что специальные зв. формы (вместо им. падежа в вокативной функции) употребляются при зове на расстоянии, при повторном, настойчивом обращении.

[2] Автор выражает глубокую благодарность белорусским диалектологам из Института языкознания им. Я.Коласа и украинским диалектологам из Института украинского языка им. А.А.Потебни за предоставление этих материалов и возможность использования их в работе.

[3] В сводном русском атласе этот материал не картографирован, в региональном атласе северных областей Ю.С.Азарх составлена карта, которая нами не использовалась, так как на ней отражен не весь материал - карта хранится в архиве ИРЯ РАН.

[4] В комментариях к картам ДАБМ материал не приводится, а в соответствующей картотеке ОЛА он невелик. Наиболее полно примеры по старому зв. падежу в белорусских говорах приведены в монографии М.А.Жидович, их приводит и Е.Ф.Карский [Карский 1956, 128-130, 157, 164-165].

[5] Как известно, в звательной функции (в обычной, не поэтической речи) употребляются не все семантические группы существительных, а в первую очередь термины родства и личные имена, мужские и женские, а также наименования лиц по различным признакам. В наших лингвогеографических материалах наиболее последовательно отмечаются личные имена: русск. *Мари́я! Све́то! Ка́ть! Са́шо! Шу́рка! Генк! Ванюшко! Ната́ха!* и т.д.; укр. *Мико́ла! Васи́ль! Гриць! Павло́! Ка́тре! Га́нку! Окса́но!* и т.д. Термины родства оказались несопоставимой для картографирования группой - из-за отсутствия украинского материала (далее в комментарии приводятся примеры терминов родства из русских говоров). Другие группы существительных в зв. функции

(например, *бригадир! дефки! и т.п.*) в данных ДАРЯ встречаются нерегулярно, а в украинских материалах отсутствуют.

6 При отсутствии систематического употребления форм старого зв. падежа в русском ареале, они все же, как показывают материалы ДАРЯ, отмечаются спорадически и служат одним из средств выражения вокатива. Причем в распространении этих единичных фактов обнаружена определенная закономерность (см. далее). Сопоставимых белорусских материалов у автора нет.

7 Говоры с разными вариантами неполноты материала картографированы по-разному – в зависимости от их количества и лингвогеографической характеристики. В мужском склонении они причислены к редуцированным системам (см. далее текст комментария). Девять говоров, в которых в женском склонении отмечены словоформы с флексиями -у и -е, не рассматриваются как отдельные части большого ареала - ввиду их малочисленности и маргинального расположения. Говоры, в которых в женском склонении отмечены только словоформы с флексией *-о*, отнесены к системам с *о*-унификацией, так как многие из них образуют один ареал с системами указанного типа - см. карты 1 и 2.

8 В украинском материале подавляющее большинство личных мужских имен относится к склонению на -*о, а женских - к склонению на -*ā. Это связано с тем, что такие мужские варианты имени ā-склонения, как широко распространенные рус. *Ми́ша! Пе́тя! Ва́ся!* - встретились в украинских материалах единично, им соответствуют *Миха́йло! Дмитро́! Петро́! Васи́ль!* (*о-склонение). Иногда в материалах по вопросу ОЛА 2001 отмечаются мужские имена склонения на -*ā с флексией *-о* в вокативе типа *Mykólo*! *Mykóla*! ОЛА-501, *Kuz"mó*! 402. При этом флексию приходится интерпретировать предположительно, если не приводится форма им. падежа при вокативе малораспространенных имен, например: *Olékso 471* и др.

9 Материал приведен с разной степенью подробности для основ на -*ā и на -*о: личные имена женского рода даны почти полностью и по населенным пунктам, а мужские личные имена - обобщенно. Это связано с тем, что материал по женским личным именам богат, разнообразен и дает более пеструю картину, кроме того, он важен для сопоставления с северо-восточными русскими говорами - его трудно обобщить без потерь. Мужские же личные имена повторяются в материалах по разным украинским говорам; в русских говорах в склонении на -*о зв. формы практически отсутствуют.

10 Вопрос о **словообразовательных моделях** мужских и женских личных имен, употребляемых при обращении, может быть исследован отдельно. Распространение этих моделей дает ареалы. Так, в говорах с архаическими флексиями зв. падежа (русских и украинских), в отличие от других говоров, шире отмечается употребление полного варианта имени: *Мари́я! Алексáндра! Катери́но! Па́вел!*

Ива́н! и т.п. В русских архаических говорах (северо-восточных) очень употребительны образования *с* уменьшительно-ласкательными суффиксами - *ушк-, -оньк-/-еньк-, -очк-/-ечк- и др.: Ната́льюшка! Та́нечка! И́ронька! Ванюша! Пе́течка! и т.п.*, тогда как на остальной восточнославянской территории, в том числе в украинских говорах, они значительно реже отмечаются при обращении.

[11] Им. падеж в значении вокатива иногда отмечается в украинских говорах наряду с формами зв. падежа. В данной работе это сосуществование не приводится, равно как и сосуществование старого зв. падежа с новообразованиями. Детальное описание типов сосуществования разных средств вокатива не входит в задачи данной работы.

[12] Конечно, отсутствие форм старого звательного может вызвать при сборе материала повышение частотности именительного в этой функции, и наоборот. Однако эта оговорка более важна для материалов ДАРЯ и не меняет общей картины в украинских говорах.

[13] "Распространение ряда диалектных особенностей с запада и юго-запада на север, вероятно, вызвано экстралингвистическими факторами, которые сейчас еще не вскрыты" [Сидоренская 1973, 134]. И далее, когда речь идет о "движении" диалектных явлений (явление было, но утратилось, "переместясь" на другую территорию): "Возможно, что мысль о движении ряда диалектных особенностей в псковских говорах с юга и юго-запада на север даст объяснение и другим фактам, не отраженным в древнепсковской письменности" [там же].

[14] Это изоглоссы прогрессивной ассимиляции типа *де[н'к'а]* (*денька*), прогрессивного или переходного смягчения задненебного типа *ру[т'и]* (*руки*) и произношение *мн* на месте *вн* (*да[мно]*) - карта 2; а также изоглоссы произношения твердого *н* перед *ш* (*ме[нш]е*), сочетания *шч* (*ш'ч'*) на месте долгого шипящего, суффикса *-ищ-* в названиях ягод (*брусница*) и ареал слова *хлев* - карта 4.

[15] Мы старались рассмотреть материал ДАРЯ и ОЛА как единый. С этим связана тенденция применять одни и те же критерии (например, критерий твердости - мягкости основы при анализе русского материала, что может показаться излишним, так как выделенные в результате этого объекты картографирования не дают ярких ареалов).

[16] Украинские говоры с неполным материалом немногочисленны и, как правило, находятся на периферии основного ареала зв. падежа - см. карту 1, где они показаны специальными знаками.

[17] "Коммутативность - переместительность", "лат. commutativus - подвергающийся перемещению"; "закон коммутативности - ...закон математической логики, по которому... результат операции, производимой над высказываниями, не зависит от того, в каком порядке берутся высказывания" [Кондаков 1975, 254, 253].

www.ruslang.ru

[18] Например, в результате слияния вокативной частицы *эй!* с флексией формы, употребленной при обращении (им. падежа, зв. формы) - это позволяют предположить материалы ДАРЯ по некоторым говорам - см. [Голубева 1998].

[19] Здесь звук [*ы*], как кажется, можно интерпретировать как флексию *-е*, так как, по нашим наблюдениям, в северовосточных русских говорах звук [э], репрезентирующий флексию *-е* после твердых, может быть в большей степени продвинут к заднему ряду и, таким образом, сблизиться с [*ы*] в восприятии носителей литературного языка (особенно при просодическом усилении); ср. звук [*9*], введенный в ОЛА для украинских говоров и по артикуляционным характеристикам также являющийся средним между [э] и [*ы*] русского литературного языка: "9 звук средний между [е] и [у] [латинская транскрипция - Н.Г.], как в укр. диалектном z9lenyi (*зелений*)" [ОЛА. Справочные материалы 1978, 62]. В украинских материалах ОЛА флексия зв. падежа *-9* интерпретировалась нами как *-е* (эти случаи единичны).

[20] Подобные явления и с такой же их интерпретацией отмечает М.А. Жидович в белорусских говорах [Жыдовіч, 1969]; судя по относительному количеству таких примеров, можно предположить, что в белорусских говорах явление более распространено.

[21] Ср.: М.А. Жидович рассматривает эти формы как вокативные.

[22] Деление русских говоров на зоны является огрубленным, речь не идет о четких границах между ними, поэтому при обозначении этих зон удобно пользоваться единицами деления территории ДАРЯ на тома - С., С.-Зап., Зап., Вост. и Ю., состоящий, в свою очередь, из VIII - западного тома, и IX - восточного.

[23] Ср.: 32 словоформы на 550 нас. пп. зоны 1 (что составляет 6%) и 13 словоформ (в зоне 2 почти на 1000 нас. пп. (что составляет 1,3% от общего числа нас. пп зоны). Сравним: 6% и 1,3% - это единичности, но они различаются более чем в 4 раза.

[24] Сюда не относятся случаи "обращения" для поддержки внимания собеседника в монологической речи.

Литература:

[Жыдовіч 1969] - *Жыдовіч М.А.* Назоунік у беларускай мове. Мінск, 1969.

[Жовтобрюх, Кулик 1965] – *Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М.* Курс сучасної української літературної мови. Ч. І. Київ, 1965.

[Голубева 1987] - *Голубева Н.Л.* К вопросу о происхождении усеченной звательной формы. - Русские диалекты. М., 1987.

[Голубева 1995] - *Голубева Н.Л.* Средства выражения значения вокатива. - Восточнославянские изоглоссы. М., 1995.

[Голубева 1998] - *Голубева Н.Л.* Вокативные словоформы на *-оу, -ау, -ей, -ай* в русских говорах. - Язык: Изменчивость и постоянство. К 70-летию Л.Л.Касаткина. М., 1998.

[Карский 1956] - *Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. Вып.2-3. М., 1956.

[Кондаков 1975] - *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.

[Кривицкий 1973] - *Кривицкий А.А., Михневич А.Е.Подлужный А.И.* Белорусский язык для небелорусов. Минск, 1973.

[Кузьмина 1993] - *Кузьмина И.Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

[Нарысы 1964] - Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1965.

[Николаев 1988] - *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи. - Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

[Николаева 1973] - *Николаева Т.М.* Звательная форма в русском литературном языке XVIII века. - Развитие синонимических отношений в русском литературном языке XVIII века. (Ломоносовские чтения). Изд-во .казанского ун-та. 1972.

[ОЛА. Вступительный выпуск 1978] - ОЛА. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1978.

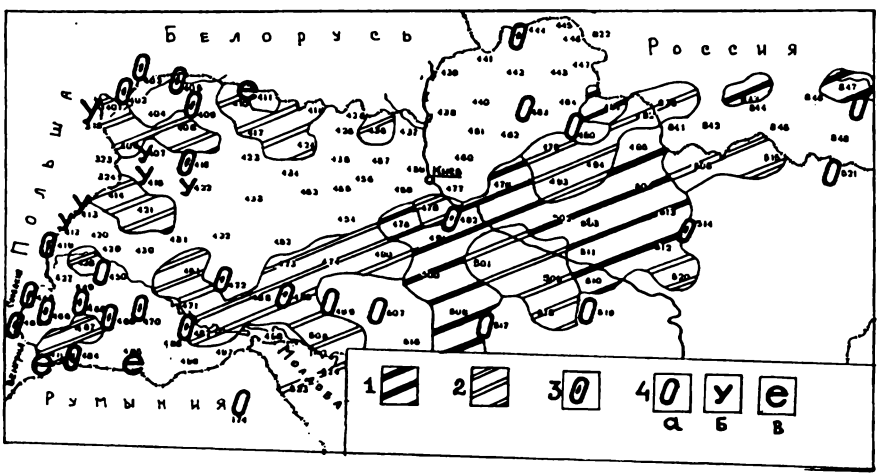
[Самійленко 1964] - *Самійленко С.П.* Нариси з історичної морфології укр. мови. ч.1 Київ, 1964.

[Теплова 1980] - *Теплова В.Н.* Склонение существительных с суфф. *-ушк-, -ишк-* в русском языке. ОЛА. Материалы и исследования. 1980. М., 1982.

[Тимченко 1926] - *Тимченко Е.* Вокатив в укр. мови. ЗНТШ т. CXVII-CXVIII. Львов 1926, с.3-18.

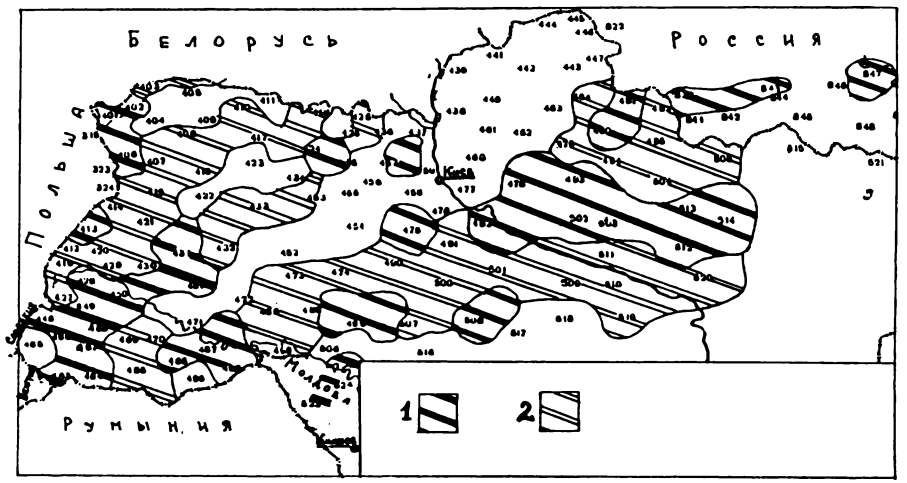
Карта № 1. Флексии звательного падежа склонения на -*ā в украинских говорах. Женские личные имена.

1 – полносохранившиеся системы флексий – *-о, -'у, -е: Катери́но! – На́д'у! – Мари́је!* и т.п.; 2 – редуцированные системы флексий – *-о, -'у* или *-о, -'е: Катери́но! – На́д'у! Марус'у!* и т.п. или *Катери́но! – На́д'е! Мари́је!* и т.п.; 3 – унифицированные системы с *о*-унификацией флексий: *Катери́но! На́д'о! Мари́јо!* и т.п.; 4, 5, 6 – говоры, по которым приведен неполный материал: 4 – только с флексией *-о – Катери́но!* и т.п., 5 – только с флексией *-у – На́д'у!* и т.п., 6 – только с флексией *-е – Мари́је!* и т.п.

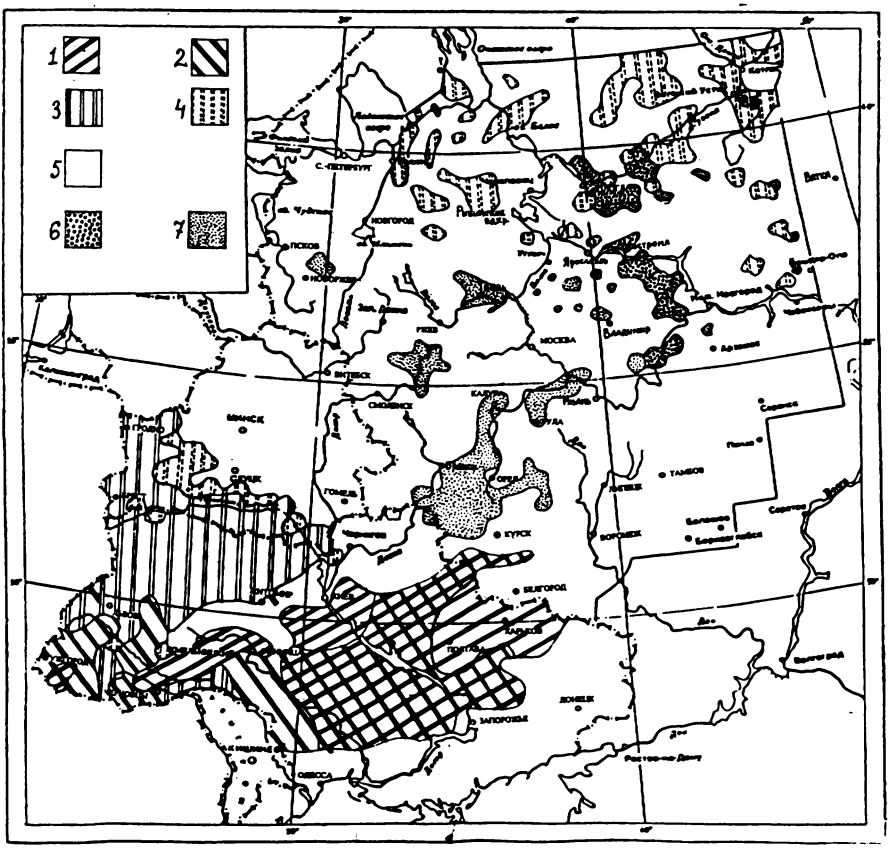

Карта № 2. Флексии звательного падежа склонения на -*о в украинских говорах. Мужские личные имена.

1 – полносохранившиеся системы флексий – *-е, -'у: Ива́не! Па́вле!* (от им. *Па́вло*) – *Васи́л'у!* и т.п.; 2 – редуцированные системы флексий – *-е: Ива́не! Па́вле! – Васи́л'!* и т.п.

Карта № 3. Флексии старого звательного падежа и новообразования .

I. Старый звательный падеж. 1, 2 – полносохранившиеся системы флексий: 1 – склонения на -*ā – *Катери́но! – На́д'у! – Мари́је!* и т.п., 2 – склонения на -*o – *Ива́не! Па́вле! – Васи́л'у!* и т.п.; 3 – говоры с утратой флексий зв.падежа: а) склонение на -*ā: редуцированные системы флексий: *Катери́но! – На́д'у! Марус'у!* (*На́д'е! Мари́је!*) и т.п.; унифицированные системы флексий – *Катери́но! На́д'о! Мари́јо!* и т.п.; б) склонение на -*o: редуцированные системы флексий: *Ива́не! Па́вле! – Васи́л'!* и т.п.; 4 – склонение на -*ā: унифицированные системы флексий – *Катери́но! На́д'о! Мари́јо!* и т.п.; склонение на -*o: утрата флексий старого зв. падежа и употребление им. падежа в вокативе – *Ива́н! Па́вел!* (и *Па́вло!*), *Васи́ль!* и т.п.; 5 – говоры, в которых флексии старого зв. падежа утрачены и в вокативе употребляется им. падеж: *Катери́на! На́дя! Мари́я! Ва́ня! Пе́тька!* и т.п.; *Ива́н! Пе́тр! Петро́! Васи́л'!* и т.п.

II. Новообразования. 6 – говоры, в которых в склонении на -*ā регулярно употребляются зв. формы с дифтонгическим удлинением флективного гласного: *Ма́шо́у! Ва́н'о́у!* и т.п.; *Ма́ша́й! Ва́н'е́й!* и т.п., а также др. виды дифтонгического удлинения; 7 – говоры, в которых в склонениях на -*ā употребляются зв. формы с редукцией флективного гласного и конечного согласного основы: *ма!* (от им. *мама*), *ба́бушˌ!* (от им. *ба́бушка*), *Мари́!* (от им. *Мари́я*), *Авдотˌ!* (от им. *Авдотья*) и т.п., а в склонении на -*o – зв. формы с редукцией конечного согласного основы: *Ива́!* (от им. *Ива́н*) и др.

Л.Е.Лопатина

Употребление предложно-падежных сочетаний типа *по лесам - по лесах*

Предложно-падежные сочетания "предлог *по* + существительное во мн. ч." в локативно- и темпорально-дистрибутивном значениях (типа совр. рус. *по лесам, по праздникам*) имеют в восточнославянских диалектах (как, впрочем, и в современных восточнославянских языках) различное оформление.

В современном русском литературном языке в этих сочетаниях выступает форма дат. п. мн. ч." с окончанием *-ам*, в белорусском и украинском литературных языках – форма местн. п. мн. ч. с окончанием *-ах*.

В древнерусском языке в дат. и местн. падежах мн. ч. у существительных разных типов основ выступали три ряда окончаний: Д. *-амъ, -ямъ*; М. *-ахъ, -яхъ* (осн. на ā); Д. *-омъ, -емъ*; М. *-ѣхъ, -ихъ* (осн. на ŏ); Д. *-ьмъ*; М. *-ьхъ* (осн. на i). Под влиянием склонения существительных с основой на ā окончания *-амъ* (*-ямъ*), *-ахъ* (*-яхъ*) с течением времени распространились и на другие основы. Это влияние основ на ā отмечается уже в памятниках XIII в. [Иванов 1990, 264]. В современных восточнославянских языках сохранились отдельные следы старых окончаний – такова, напр., в русском языке форма *поделом*. В белорусском литературном языке до 30-х гг. XX в. встречалось ударное окончание местн. п. мн. ч. *-ох* (*-ёх*), напр. *Па канёх!* [Граматыка 1962, 59]. Отражением старых форм местн. п. мн. ч. в украинском языке является употребление в юго-западных украинских диалектах форм существительных на *-ох, -ех, -іх*, которые встречаются здесь наряду с формами на *-ах, -ях* [Бевзенко 1960, 92].

В древнерусских памятниках в локативном значении употреблялись сочетания предлога *по* с существительными в дат. п. мн. ч. Например: Идоша *по кѣльямъ своимъ* (Лавр. лет.); А дружина ти *по городомъ* далече (Ипат. лет.); Грозы твоя *по землямъ* текутъ (Сл. о полк. Иг.).

Употребление предлога *по* с дат. п. мн. ч. для обозначения места известно и украинским памятникам XIV – XVIII вв., встречаются подобные сочетания и в произведениях XIX в. Ср. примеры, приведенные в [Безпалько 1960, 145 – 146]: по дорогам (XIV в.), по всимъ уходамъ, по озерамъ (XVI в.); по болотам, очеретам (XVIII в.); по морям, по городам, по степам (XIX в.). Однако уже в XV в. для старобелорусских и староукраинских памятников, в отличие от старорусских, становится обычным употребление в локативно-дистрибутивном значении сочетания

предлога *по* с местным пад. сущ. мн. ч. Напр.: послалъ по всих своих землѧх [Ист. о Гвид., 168], по корчмах ходят (Виш., Книжка, 37) [Ср.-ист. синтаксис 1968, 271].

Конструкция "*по* + местн. п. мн. ч. существительного", вытеснившая свой синтаксический синоним "*по* + дат. п. мн. ч.", стала нормой современных литературных украинского и белорусского языков, напр.: (укр.) по всіх на́прямах (на́прямках), розійшлися по хатах, по цілих днях; (бел.) па далінах, па узгорках, працаваў па вечарах, па панядзелках [Жовтобрюх и Кулик 1961, 385; Ломтев 1951, 120; Карский 1956, 438 – 439].

Употребление сочетаний "*по* + местн. пад. сущ. мн. ч." – общенародная черта белорусского и украинского языков. Употребление этой предложно-падежной конструкции распространилось в украинском и белорусском языках, в отличие от русского языка, в период самостоятельного развития, последовавшего после общего древнерусского периода, и явилось, по-видимому, результатом развития внутренней тенденции украинского и белорусского языков, поддержанной также близостью польского языка, в котором подобное употребление издавна было обычным: ср. польск. po kamykach, po różnych miejscach, po gałęziach, po nocach, po całych dniach [Karłowicz, 1908, s. 275]; ср. также чешск.: běhati po úřadech, jezditi po lázních, hledati po zásuvkách, pracovatí po nocích [Velký slovnik 1956, s. 156].

Органичность конструкции "*по* + местн. пад. мн. ч." в белорусском и украинском языках подтверждается также повсеместностью ее распространения во всех диалектах Украины и Белоруссии. Об этом свидетельствуют данные карты ОЛА [Вопросник ОЛА, 2912; карта составлена И.Б.Кузьминой, рукопись], которая легла в основу нашей карты. Вопрос 2912 ОЛА формулируется так: "С каким падежом – дательным или предложным – сочетается предлог "по" в выражениях с пространственным значением?". В результате сборщики материала были ориентированы лишь на фиксацию пространственных, локативно-дистрибутивных конструкций и не отмечали подобные им темпорально-дистрибутивные конструкции.

Карта И.Б.Кузьминой свидетельствует, что во всех обследованных пунктах на украинской и белорусской территориях употребляются конструкции с местн. пад.: напр., ра 'horax, ра ɣara'dax, ра 'l'asax. Встречены лишь следующие отступления. В единичных белорусских пунктах (331, 344, 346, 400) возможно употребление формы местного пад. с окончанием *-ох*, наряду с *-ах*: хоʒ'іс' ра 'l'asoh / 'l'asax, и в нескольких пунктах (327, 329, 337, 390) – с окончанием *-ам*. В четырех украинских пунктах (433, 474, 475, 497) встречены формы с окончанием *-ам*. Все указанные пункты не образуют компактных территорий, кроме двух смежных пунктов на северо-

западе Белоруссии, где зафиксировано употребление форм с окончанием *-ам*.

Данные о преимущественном употреблении в белорусских диалектах окончания *-ах* (*-ях*) в конструкции "*по* + местн. пад. мн. ч." (напр., *па м'асцах*) подтверждаются в [Нарысы 1964, 184].

Дополнительные сведения об употреблении конструкций "*по* + местн. пад. мн. ч." в украинских говорах приводятся в [Жилко 1966, 202, 261, 262], где дана карта № 7 "Закінчення *-ах* у місц. відм. мн. іменників чол. і середн. роди: *по дворах, по селах*", и в [Бевзенко 1960, 86, 91 – 93]. Говоря об окончаниях местн. пад. мн. ч. существительных муж. и сред. рода, Ф.П.Жилко отмечает, что старые формы *-іх* (<*-ѣхъ*), *-ох* (<*-ъхъ*) -о- и -і- основ (напр., *на бараніх, по пол'ох, по лісох*) сохранились в части юго-западных говоров – карпатских, приднестровских, западноволынских [Жилко 1966, 84, 183]. Особым окончанием данных форм отличаются и слобожанские говоры (северо-восток Украины и русское пограничье). Здесь наряду с окончанием местн. и дат. пад. мн. ч. *-ам, -ах*, встречаются окончания *-ім, -іх* после мягких основ. Все эти данные отмечены на нашей карте.

К сожалению, составители ДАБМ и АУМ не дали карт, посвященных употреблению словосочетаний предлога *по* и сущ. в местн. пад. мн. ч., несмотря на то, что соответствующие вопросы имеются и в украинской и в белорусской Программах [Праграма 1950 – вопр. 144, 147; Програма 1949 – вопр. 241]. По-видимому, именно однообразие материала повлияло на решение составителей.

В русских говорах в рассматриваемом значении с предлогом *по* употребляется форма сущ. дат. пад. мн. ч. Об этом свидетельствует уже упомянутая карта ОЛА, карта ДАРЯ № 39 [вы п. II. Морфология], а также карта № 2 в [Кузьмина, Немченко 1964, 322]. Карта ДАРЯ [см. Комментарии 1989, 62] составлена по материалам, извлеченным из ответов на вопросы "Программы", посвященные формам дат. и предл. пад. мн. ч. [Программа 1947, вопр. 82, 84]. Несмотря на отсутствие специального вопроса в "Программе", данный материал "отражает характер распространения словосочетаний типа *ходить по всех дворах, готовить по праздниках...*".

Как показывают упомянутые карты, конструкции с формой предл. пад. мн. ч. существительного (наряду с формой дат. пад. мн. ч.) встречаются в русских говорах лишь на территории России, примыкающей к Белоруссии и Украине.

Таким образом, можно сделать вывод о повсеместном употреблении на русской территории особой конструкции "*по* + дат. п. мн. числа существительного", которая отличает русский язык и от остальных восточнославянских, и от западнославянских языков. С другой стороны,

общенародный характер аналогичной конструкции с предл. пад. мн. ч. в украинском и белорусском языках (как в литературных языках, так и в говорах) свидетельствует о её исконности. По-видимому, в данном различии отражено (несмотря на непоследовательность его исторической фиксации в памятниках письменности) одно из древнейших языковых противопоставлений, характерных для славянской языковой общности.

Литература:

[Бевзенко 1960] – *Бевзенко С.П.* Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960.

[Безпалько 1960] – *Безпалько О.П.* Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960.

[Вопросник ОЛА] – Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

[Граматыка 1962] – Граматыка беларускай мовы, т. 1. Мінск, 1962.

[Жилко 1966] – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

[Жовтобрюх, Кулик 1961] – *Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М.* Курс сучасної української літературної мови, ч. 1. Київ, 1961.

[Иванов 1990] – *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка, изд. 3-е. М., 1990.

[Карский 1956] – *Карский Е.Ф.* Белорусы, вып. 2 – 3. М., 1956.

[Кузьмина, Немченко 1964] – *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* О различительных явлениях русских говоров в области предложных сочетаний // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1964, № 4.

[Ломтев 1951] – *Ломтев Т.П.* Белорусский язык. М., 1951.

[Нарысы 1964] – Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

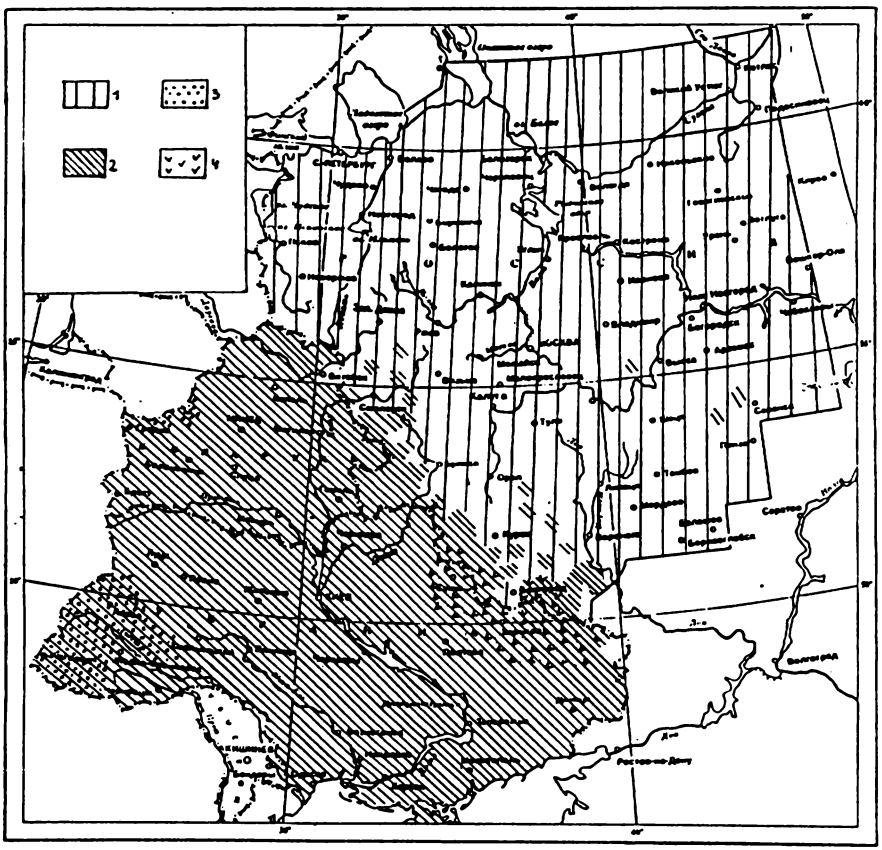
[Ср.-ист. синтаксис 1968] – Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968.

[Karłowicz 1908] – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, t. 4. Warszawa, 1908.

[Velký slovník 1956] – Velký rusko-český slovník, d. III. Praha, 1956.

Карта. Конструкция типа *по лесам – по лесах*.

1 – рус. *по лесам*; 2 – бел. *по лясах*, укр. *по лісах*, рус. *по лесах*; 3 – бел. *по лясох*, укр. *по лісох*; 4 – укр. *по лесіх*.

Л.Е.Лопатина

Родительный падеж в функции прямого объекта

Вариативное употребление винительного и родительного падежей в синтаксической функции прямого объекта свойственно всем восточнославянским языкам[1].

В восточнославянских диалектах, как и в литературных языках, обычным является употребление "родительного части" (партитивного) вещественных существительных (называющих то, что может делиться) при глаголах типа *купить, выпить, насыпать*: напр., рус. *купить хлеба, выпить воды, насыпать крупы*; бел. *сабраў мёду, наліць малака*; укр. *брав сиру, хліба.*

Более разнообразную картину по различным восточнославянским языкам и их диалектам дает употребление род. п. прямого объекта конкретно-предметных существительных. Это прежде всего так называемый "родительный вре́менного пользования", напр.: *одолжите ножичка* (рус.); *дай серпа* (укр.); *дай нажа* (бел.). Другие случаи употребления род. п. конкретно-предметных существительных (такие, как рус. *возми куска*, бел. *знайшоў грыба*, укр. *перекинуў воза*), по-видимому, совпадают по значению с вин. п. прямого объекта. На предлагаемой карте отражено употребление род.пад. конкретно-предметных существительных в функции прямого объекта.

Сопоставительное изучение данного явления в восточнославянских диалектах представляет определенный интерес, а имеющийся материал делает возможным составление сводной восточнославянской карты. Для картографирования использованы карты [АУМ 1, № 278, 2, № 262; ДАБМ, № 211] и неопубликованные карты [ОЛА, № 9] и [ДАРЯ, № 7], подготовленные И.Б.Кузьминой.

Украинские карты составлены в соответствии с вопросом № 222 [Програма 1949]: *"Бери серпа чи бери серп? Взяв ножа чи взяв ніж? Перекинув воза чи перекинув віз?"*. Карта № 278 показывает употребление конструкций типа *беру серп - беру серпа*, т.е. только примеры со значением "временного пользования". На карте № 262 учитываются и примеры типа *перекинув воза - віз*, но подобные конструкции не отмечаются особым знаком.

Для карты № 211 ДАБМ использовался материал, соответствующий вопросу № 138 [Праграма 1950]: "Употребляется ли род. п.ед.ч. вместо вин. п. от неодушевленных сущ. м.р.?" Собранный материал, как говорится в

комментарии к карте [ДАБМ Каментарыі, 756], свидетельствует о повсеместном употреблении в белорусских диалектах род. п. объекта временного пользования. По-видимому, по этой причине примеры типа *дай нажа* здесь не картографируются. На белорусской карте показано лишь употребление словосочетаний типа *старажуйе анбар[а], паклаў хамут[а], дру[к]а схвациц', знайшоў грыб[а]* и т.п.

Материалом для карты ОЛА послужили ответы на вопрос [Вопросник ОЛА]: 1. Родительный выделительный а) *купить муки на пироги* 2904, b) *одолжить нож*, диал. *одолжить ножа* 2905. К сожалению, вопросы 2904 и 2905 относятся к той части Вопросника ОЛА, которая была признана обязательной для работы только в так называемых опорных населенных пунктах. Несмотря на редкую сетку обследованных пунктов, картина соотношения конструкций того и другого типов представлена достаточно наглядно.

Для нашей карты были использованы ответы, соответствующие второй части вопроса (2905), отмеченные на карте № 9. Эта карта представляет собой основной источник для картографирования данного явления на русской территории. В отношении белорусской и украинской территорий карта подтверждает и уточняет показания национальных атласов. В примечании к карте И.Б.Кузьмина пишет, что обычным значением конструкций с род. п. прямого объекта является значение "временного пользования". Ею отмечено также, что юго-восток русской территории выделяется отсутствием рассматриваемых конструкций.

К карте ОЛА необходимо было обратиться также для дополнения карты № 211 ДАБМ, поскольку лишь из комментария к карте ДАБМ мы можем сделать вывод о повсеместном употреблении род. п. в значении объекта временного пользования. Это подтверждается картой ОЛА. На карте ОЛА не отмечено ни одного пункта с исключительным употреблением вин. п. в данном значении, т.е. во всех обследованных пунктах в значении временного пользования возможно употребление род. п. Следовательно, на территории употребления род. п. неодушевленных существительных (типа *паклаў хамута, знайшоў грыба*) не исключается и употребление род. п. объекта временного пользования. Этот белорусский ареал карты № 211 ДАБМ, в свою очередь, смыкается с украинским ареалом преимущественного употребления род. п. прямого объекта, обозначенном на карте № 278, т. I АУМ. Оба они образуют единую территорию – ядро частотного употребления конструкций с род. п. прямого объекта конкретно-предметных существительных разнообразной семантики.

Программа ДАРЯ не имеет специального вопроса относительно употребления род. п. прямого объекта, поэтому на карте ДАРЯ

И.Б.Кузьминой были использованы данные ОЛА, отдельные примеры, отобранные из материалов к другим вопросам, а также из записей, сделанных ею в собственных экспедициях.

Таким образом, рассмотренные карты дают в достаточной степени сопоставимый материал, использованный нами в сводной карте, охватывающей восточнославянские диалекты.

В литературных восточнославянских языках вариативное употребление род. и вин. падежей прямого объекта отмечается в следующих случаях (по данным следующих грамматик: [Русская грамматика 1980; Курс 1951; Жовтобрюх и Кулик 1961; Граматыка беларускай мовы 1966; Беларуская граматыка 1986]).

1) При модальных глаголах, обозначающих желание, стремление, просьбу, ожидание, достижение цели и т.п. Например: (рус.) *просить совет – совета, деньги – денег, ждать поезд* (определенный, конкретный) – *поезда, письмо – письма*, но только *ждать бабушку, дочку; хотеть пряник – пряника*, но *хотеть счастья; заслуживать орден – ордена*, но *заслужить орден; требовать чек* и *требовать ясности, справедливости*; (бел.) *шукаць нажа, чакаць аўтобуса* и *шукаць (свой) нож, чакаць (5-ы) аўтобус*. В украинском языке в этих случаях употребляется преимущественно род. п. Например: *бажати не сну, а життя; потребувати перепочинку, потребують кадрів; догляду требує; шукала гребінця, шукає сірників; хотіти щастя* и *що хочеш*.

Можно отметить некоторые ограничения вариативности в подобных сочетаниях в зависимости от характера существительного (одушевленное – неодушевленное, конкретное – абстрактное существительное, определенный – неопределенный предмет и т.п.), от вида глагола.

2) При глаголах типа *брать, добыть, дать, насыпать, выпить* вещественные существительные (называющие то, что может делиться, измеряться количественно) в форме род. п. обозначают партитивность, например: (рус.) *выпить чаю, насыпать песку*; (укр.) *взяв сиру, дай солі, купити сірників*; (бел.) *прынесці дроў, наліць малака*. Существуют различные мнения по поводу квалификации данного значения. Например, авторы [Курс 1951] пишут: "Назва "частковий" не зовсім точна... тому що цей родовий відмінок показує часто не стільки частковість, скільки неозначеність кількості". Противопоставление грамматического значения вин. п. определенного объекта и род. п. неопределенного объекта обосновывается в работах А.М.Кузнецовой (см., например: Кузнецова 1963, с. 7-10).

3) При таких глаголах, как *дать, одолжить, просить, получить, достать*, род. п. конкретного существительного указывает на то, что предмет дается, одалживается и т.п. на время. По-видимому, здесь можно

говорить о неопределенности временно́го отрезка. Напр.: (рус.) *Достали нот, баса, альта, две скрипки... (Крылов); С виду такой тихенький, говорит так деликатно: "Одолжите ножичка починить перышко..." (Гоголь); Будь другом, ничего не спрашивай.., дай револьвера! (Чехов)*; (укр.) *У Сірка очей позича (приказка)*; (бел.) *зайшоў папрасіць вілак.*

Для русского литературного языка употребление род. п. в данном значении является редким, "род. п. в подобных случаях – форма устаревающая, ее употребление отражается в литературе XIX в." [Русская грамматика 1980, с. 36]. В украинском и белорусском литературных языках такое употребление широко распространено.

Кроме указанных случаев употребления род. п., можно отметить и некоторые другие. Например, в украинском литературном языке род. п. конкурирует с вин. п. при глаголах *грати, танцювати, співати: співати гімна (гімн)*. По-видимому, род. п. является здесь формой экспрессивной актуализации и персонификации объекта. На последнее указывает тот факт, что род. п. прямого объекта в украинском литературном языке может иметь только окончание одушевленных существительных *-а*, но не *-у*, присущее неодушевленным существительным [Курс 1951, 77].

Следует добавить, что в экспрессивных контекстах, при актуализации объекта, возможно расширение рамок употребления род. п. прямого объекта, характерное для разговорной речи, просторечия, профессиональных жаргонов. Показательны в этом смысле такие устойчивые сочетания, как (рус.) *дать стрекача, получить тумака, дать крюка (крюку), загнать шара в лузу*; (бел.) *даць цягу, даць драпака, даць кухталя (тумака)*; (укр.) *дати сторчака (упасть вниз головой, кувырком), дати штурхана (тумака).*

Таким образом, формы вин. и род. п. прямого объекта в литературных восточнославянских языках не всегда полностью совпадают по значению. Значение формы род. п. в данной функции может определяться двумя факторами: 1) оттенком ограниченности (неопределенности) а) количества: (рус.) *дайте чаю*, б) времени: (бел.) *дай нажа* (на неопределенное время); 2) эмоциональным выделением, актуализацией объекта – помимо приведенных выше фразеологизмов, этот оттенок присутствует и при выражении просьбы (в конструкциях с род. п. объекта "временного пользования"): *одолжите ножичка, дай револьвера.*

Сходная картина наблюдается и в диалектах: к специфическим, особым значениям формы род. п. здесь относятся, по-видимому, лишь значения партитивности и "временного пользования".

Анализ диалектного материала определяется тем, что отбор его был ограничен рамками вопросника, где внимание было сосредоточено на употреблении предметно-конкретных существительных. В свою очередь

при картографировании круг существительных еще более сужался. Как уже было сказано, в ДАБМ не учитывались примеры типа *дай (прыńасʼи, падай) нажа*. Несмотря на то, что подобные примеры в ДАБМ не картографируются (как употребляемые повсеместно), в комментарии к карте № 211 приводятся ценные замечания сборщиков, указывающие на особое значение данной формы: "11: *прыńасʼи нож, але падай нажа (на час)*. 48: *дай нъжа (на короткі час)*. 51: *прыńасʼи нажа і прыńасʼи нош (у залежнасці ад таго, на час ці надоўга)*. 140: *ńасʼи нош, але дай нажа (на кароткі час)*. 234: *прыняс'и нажа (калі на час)*."

Последовательно учитываются примеры с род. п. "временного пользования" типа *бери серпа, взяв ножа* в [АУМ 1, 2]. Ср. также следующие примеры: *дали нам трактора; батʼко мені даў плуга* (Миколаївська обл.); *позичу си ножа* (Тернопільска обл.) [Жилко 1955, Додатки, 254, 291, 292].

Таким образом, в национальных атласах так или иначе представлены сведения об употреблении словосочетаний с родительным падежом, имеющим особое, отличное от сочетаний с вин. п., значение временного пользования.

Вместе с тем, по свидетельству ОЛА, в диалектной речи всех восточнославянских языков повсеместно употребляется также родительный партитивный. Ср. характерный украинский диалектный пример, в котором рядом употреблены формы род. п. (для выражения части) и вин. п.: *старостам дайе рушники, бойаринам лент по поўаршина..., світилкам дайе тоже ленти* (Дніпропетр.обл.) [Жилко 1955, Додатки, 296]. В ДАБМ и АУМ, однако, употребление род. партитивного не картографировалось - по-видимому, такая задача не ставилась ввиду его повсеместного распространения (как и в литературных языках).

Белорусская карта составлена на основе примеров типа *старажуе (пільнуе, каравулі) маґазин/-а, анбар/-а* и т.п. Учитываются и такие примеры, как *паклаў хамута, выńасʼи стала, знайшоў ґрыба, кʼину камʼенʼчыка, носа зломиш, друка (палку) схваґиґ, вукапаґʼи пńа* и др. Украинская карта (АУМ 2, № 262) учитывает примеры типа *перекинув воза - віз*.

Разнообразный материал был использован И.Б.Кузьминой при составлении русской карты. Однако этот материал (ввиду отсутствия соответствующих вопросов в программе) был недостаточно систематическим, неравномерно представляющим говоры разных территорий.

Вопросник ОЛА ограничивал сбор материала примерами типа a) *купить муки* и b) *одолжить нож/ножа*. Лишь случайно фиксировались примеры *купит самовара, возми куска-то, избы хотела хорошей, братец*

прин'ос коўша, ждико фикуса, пошли домика искат, дайте мне вашева адреса (приведены на карте Кузьминой)..

Таким образом, кроме рассмотренных двух категорий - родительного партитивного и родительного временного пользования, в восточнославянских диалектных материалах отмечаются довольно многочисленные употребления род. п. прямого объекта, в которых трудно усмотреть какое-либо особое, специфическое значение, кроме выполняемой с той или иной степенью вероятности функции экспрессивного выделения.

Аналогичный материал содержится в следующих монографиях: [Кузьмина 1993; Нарысы 1964; Жилко 1955 (раздел "Додатки" здесь содержит "Записи говірок української мови")]. Приводим примеры, извлеченные из этих монографий.

Рус.: (здесь приводятся в первую очередь примеры с такими глагольными словосочетаниями, которые невозможны или очень редки в современном литературном языке, а именно сочетания с глаголами восприятия, чувства, достижения и др.): *ушла смотреть морошки; мы любили народа-то этого; почему ты жалеешь чужих полсапожков?* (Архангельская обл.); *очков-то трудно достать* (Новгородская обл.); *рассказов всяких знает* (Калининская обл.); *покачай ты зыбки-то* (Карелия); *дверей-то открой*; *одного ребра сломаю; таких шапок носят в городе?* (Вологодская обл.); *вот теперь я кажной газетки прочитаю; погляди моей квартиры* (Ленинградская обл.); *послушайте моих слов* (Ярославская обл.).

Бел.: *спл'оў каўша; ум'еў зраб'иц стала; адзеў харошага касьцюма; с'ин'ака набила; треба вырвац зуба* (Ваўкавыскі р-н); *ты уже буквара куп'ила; треба по'раба выкапац'и* (Пружанскі р-н).

Укр.: *шукат' сваго пол'а; стаў воўк вириват' хвоста* (Черніговська обл.); *перехристит' лоба* (Житомирська обл.); *вивернут' кажуха*; *дайе и падарка* (Волинська обл.); *гл'ед'ет' кожного бурака* (Ровенська обл.); *стали селани маніхвеста читат'* (Полтавська обл.).

Таким образом, диалектный материал демонстрирует более свободное в сравнении с литературными языками употребление род. п. прямого объекта. Он возможен здесь при глаголах активного и целенаправленного действия (таких, как *смотреть, поглядеть, слушать, найти, открыть, сломать* и т.п.), при глаголах чувства (*любить, жалеть* и т.п.), глаголе *знать*.

Н.В.Маркова также пишет о большей свободе употребления род. п. прямого объекта в диалектах и в языке русского фольклора, отмечая при этом, что "наиболее широкое употребление род. п. имеет место в большинстве севернорусских говоров и территориально примыкающей к ним части среднерусских" [Маркова 1988, 96-97].

Представляет интерес и наблюдение И.Б.Кузьминой, сопоставлявшей диалектный материал XIX – начала XX в. с современным и отмечающей тенденцию к сокращению употребления род. п. прямого объекта в диалектах, причем "территория распространения диалектных конструкций с род. п. объекта на протяжении последних десятилетий как бы сжимается в двух направлениях: с юго-востока на северо-запад и с запада на восток... Может быть, в конце XIX – начале XX в. диалектные конструкции с род. п. объекта в какой-то мере были присущи и южнорусским говорам" [Кузьмина 1993, 36-37].

Близость некоторых функций род. и вин. падежей была свойственна еще древнерусскому синтаксису: в древнерусских письменных памятниках род. п. последовательно использовался в партитивном значении и в значении объекта при отрицании (см. [Борковский, Кузнецов, 208])[2].

Параллельно в древнерусском языке, а затем и в отдельных восточнославянских языках наблюдалось употребление род.пад. неодушевленных конкретно-предметных существительных в функции прямого объекта с глаголами определенной семантики (см. [Сравнительно-исторический синтаксис 1968, 158-160; Историческая грамматика 1978, 346-348]). Ср. следующие примеры, свидетельствующие о том, что род. прямого объекта употреблялся в древности свободнее, чем в современных восточнославянских языках, круг глаголов, сочетающихся с род. п. прямого объекта, был шире.

Др.-рус.: *овому носа оурезаша* (I Новг.л., л. 136); *пути прося* (Лавр. л., л. 144 об.); *князи съглядаша полковъ свои(х)* (Ипат. л., л. 193); *стеречи земл҃* (Ипат. л., л. 140); *послушавше дроужины* (Ипат. л., л. 154 об.).

Ст.-рус.: *городовъ и остроговъ досмотрили* (Моск. гр. 1614 г. № 43); *взяти т҃хъ пошлинъ* (Улож. 1649 г., с. 13); *и они едва нашего слова послушали* (Письма Ив. IУ, л. 148); *Жалея Струны, ... пагубу приял* (Аввакум. Житие, с. 69); *и ты чадо блюдися ... им҃ния* (Домострой, с. 62); *тотъ послушаетъ барабана* (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 19); *Пожал҃ть алтына потерять полтина* (Пословицы ХУП в., л. 365).

Ст.-бел.: *вживала тых речей краденых* (Лит. ст. 1529 г., с. 106); *и мы спытали Ганны* (Вил. гр. 1510 г. № 27); *Смотр҃ли есмо того д҃ла* (Вил. гр. 1510 г. № 46); *стер(г)ли гробоу Іс(с)ва* (Страсти Христовы, л. 34 об.); *выслоухаи последнее просбы моее* (Страсти Христовы, л. 3).

Ст.-укр.: *тыхъ з҃мль имаеть оставить* (Кременец. гр. 1434 г. № 126); *мы того листа... выслухавши, и то зрозум҃ли* (Острож. гр. ХУІ в.); *Смотри ряду панского* (Переспорога, 226); *ниже послушает истинны* (Виш. Книжка, с. 96).

Целенаправленность действия – заметный признак лексической семантики глаголов, управляющих род. п. прямого объекта. Ср., в

частности, сочетаемость с род. п. глаголов *слушать*[3] и *смотреть*, обозначающих направленность на чувственное восприятие, но не глаголов *слышать* и *видеть*. В этой связи следует отметить и частоту употребления в объектных конструкциях с род. п. глагольных форм императива, а также инфинитива с модальными словами типа *надо, треба*.

Таким образом, можно отметить несомненную связь диалектного и исторического материала, употребительность здесь однотипных глаголов, способных сочетаться с род. п. прямого объекта.

Круг глаголов, сочетающихся с род. п. прямого объекта, в исторических памятниках шире, чем в современных литературных языках. Бóльшая архаичность, близость к историческому материалу, по сравнению с литературными языками, проявляется и в диалектах.

В современных языках наблюдаются различные тенденции к ограничению вариативности род. и вин. падежей, употребление объекта в форме род. п. для выражения его актуализации, экспрессивного выделения. Употребление род. п. в исторических и диалектных примерах носит более нейтральный характер.

Примечания:

[1] Явления "аккузативно-генитивной переходности" глаголов определенных лексических групп были известны общеславянскому и прослеживаются в древнейших памятниках письменности (см. [Крысько 1994, 162-164]).

[2] Эта близость род. и вин. падежей проявилась также в формировании (первоначально на базе существительных с основой на **o*) категории одушевленности.

[3] Такое употребление глагола *слушать*, для современного литературного языка воспринимаемое как архаичное, было характерно еще для начала XIX в. Ср. примеры из В.А.Жуковского: Что, подруженька, с тобой? Вымолви словечко, *Слушай песни* круговой, Вынь себе колечко (Светлана); Братья-друзья арзамасцы! Вы *протокола послушать*. Верно, надеялись. Нет протокола! О чем протоколить? (Отрывок речи на заседании "Арзамаса" (1818).

Литература:

[Беларуская граматыка 1986] – Беларуская граматыка, ч. 2. Минск, 1986.

[Борковский, Кузнецов 1963] – *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

[Вопросник ОЛА] – Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

[Граматыка беларускай мовы 1966] – Граматыка беларускай мовы, т. П. Мінск, 1966.

[Жилко 1955] – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Жовтобрюх и Кулик 1961] – *Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М.* Курс сучасної української літературної мови, т. П. Київ., 1961.

[Историческая грамматика 1978] – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

[Крысько 1994] – *Крысько В.Б.* Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

[Кузнецова 1963] – *Кузнецова А.М.* Родительный падеж прямого объекта в современных восточнославянских языках. АКД. М., 1963.

[Кузьмина 1993] – *Кузьмина И.Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

[Курс 1951] – Курс сучасної української літературної мови, т. II. Київ, 1951.

[Маркова 1988] – *Маркова Н.В.* Родительный падеж прямого объекта в русском фольклоре Карелии // Язык русского фольклора. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988.

[Нарысы 1964] – Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

[Русская грамматика 1980] – Русская грамматика, т. II. М., 1980.

[Сравнительно–исторический синтаксис 1968] – Сравнительно–исторический синтаксис восточнославянских языков. М., 1968.

Памятники письменности:

[Аввакум, Житие] – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Под общей ред. Н.К.Гудзия. М., 1960.

[Вил. гр. 1510 г.] – Виленская грамота 1510 г. – Литовская метрика, РИБ, т. XX. Спб., 1903.

[Виш. Книжка] – Книжка И.Вишенского. Вишенский И. Сочинения. М.–Л., 1955.

[Домострой] – Домострой, XVI в. Изд. ОРЯС. М., 1908.

[Ипат. л.] – Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. – ПСРЛ, т. II. Спб., 1908.

[Кременец. гр. 1434 г.] – Кременецкая грамота 1434 г. – В.Розов. Українські грамоти, т. I. Київ, 1928.

[Лавр. л.] – Лаврентьевская летопись, 1377 г. – ПСРЛ, т. I. Л., 1926–1927.

[Лит. ст. 1529 г.] – Старый литовский статут 1529 г. "Временник Имп. московского Общества истории и древностей российских", кн. 18. М., 1854.

[Моск. гр. 1614 г.] – Московская грамота 1614 г. – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. III. 1842.

[Острож. гр. XVI в.] – Острожская грамота XVI в. – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. П. Спб., 1865.

[Пересторога – "Пересторога" И.Борецкого (1605 – 1606 гг.), во Львове. – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846.

[Письма Ив. IV] – Письма Ивана Грозного А.Курбскому. – Сочинения князя Курбского, т. I. РИБ, т. XXXI. Спб., 1914.

[Пословицы XVII в.] – Сборник пословиц XVII в. // П.К.Симони. Старинные сборники русских пословиц... – Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. Спб., 1899.

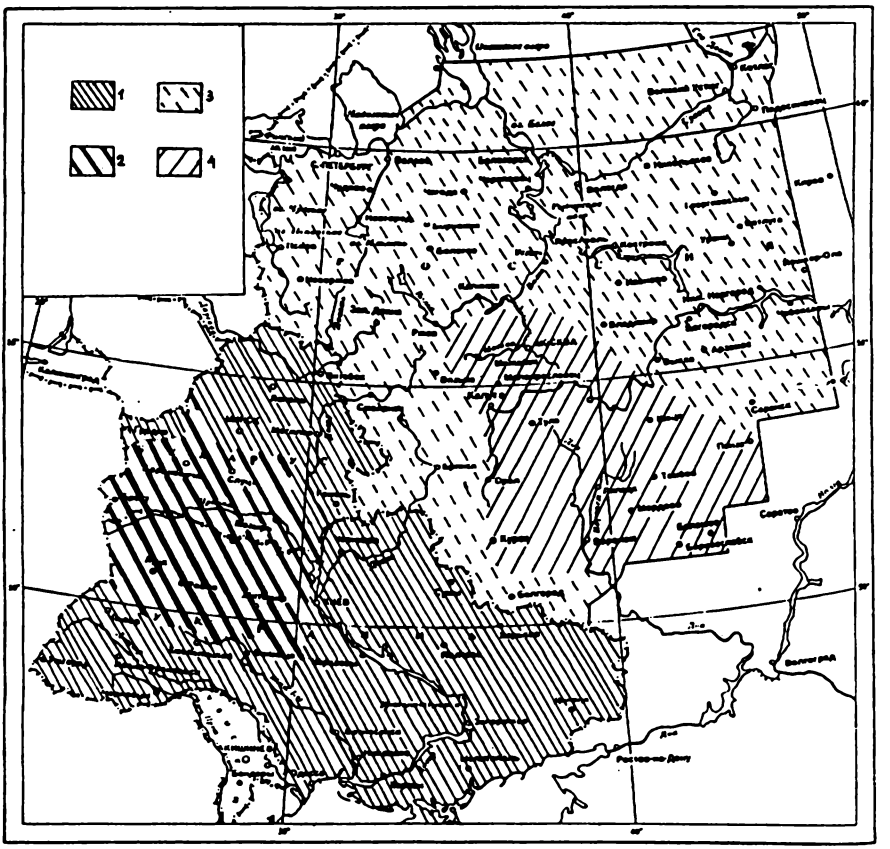
[Страсти Христовы] – Страсти Христовы в западнорусском списке XV века – Памятники древней письменности и искусства, № 140. Спб., 1901.

[Улож. 1649 г.] – Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649.

[Уч. и хитр. ратн. стр.] – Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, изд. 1647.

Карта. Родительный падеж в функции прямого объекта.

1 – употребление род. п. и вин. п. в конструкциях типа укр. *уз'аў н'іж, уз'аў ножа́,* бел. *дай нож, дай нажа́*; 2 – преимущественное употребление род. п. в конструкциях типа укр. *уз'аў ножа́,* бел. *знайшоў грыба*; 3 – в отдельных пунктах отмечены конструкции типа рус. *одолжи ножа́* (при совместном употреблении конструкций с вин. п.); 4 – отмечены конструкции только с вин. п.

Л.Е.Лопатина

Сочетания типа *у меня болит голова* (рус.) – *мне галава баліць* (бел.),

Особенностью значительной части белорусских и украинских говоров является употребление конструкций типа *мне галава баліць* (бел.), *мені голова болить* (укр.). Эти конструкции распространены на западе и севере Белоруссии, северо-западе Украины. В остальных белорусских, русских, а также в большинстве украинских говоров этой конструкции соответствует сочетание с род. п. и предлогом *у*, типа *у меня болит голова* (рус.), *у мяне баліць галава* (бел.), *у мене болить голова* (укр.).

При составлении сводной карты были использованы следующие материалы: [ДАБМ 1964, карта 223; ДАБМ каментарыі; АУМ 1 1984, карта 280; АУМ 2 1988, карта 272 и комментарии к ним], а также [Жилко 1966, 163, 189; приложение, карта № 5]. Рассмотренные карты ДАБМ, АУМ 1 и АУМ 2 составлены по материалам вопросов [Праграма 1950, № 148; Програма 1949, № 224 а].

Особенностью вопроса № 224 а [Програма 1949] является ориентация сборщиков украинского материала на различение трех разных конструкций, в том числе двух беспредложных – с дательным и винительным падежами: "Мені болить голова чи в ме́не болить голова, чи мене́ болить голова?" *Мене* (форма род. и вин. пад. ед. ч.) в данных конструкциях имеет значение вин. п., так она квалифицируется и в [Курс – 1951, т. II, 83]. Как отмечается там же, употребление вин. падежа в этих конструкциях (напр.: "Голова та й зуби так мене́ болять, аж лупають") диалектизм, характерный прежде всего для юго-западных говоров.

Действительно, как показывают карты № 280 [АУМ 1] и № 272 [АУМ 2], основной территорией распространения конструкций с аккузативом типа *мене́ болить голова* являются юго-западные говоры, хотя такие конструкции употребительны и восточнее наряду с предложной конструкцией (*у ме́не болить голова*). К сожалению, в различных трудах нет единства в квалификации формы местоимения *мене* в составе конструкции, нет этого единства и в украинских атласах. Так, в легендах к картам форма местоимения в конструкции *мене болить голова* интерпретируется то как генитив [АУМ 1, карта № 280], то как аккузатив [АУМ 2, карта № 272].

Существует попытка различать генитив и аккузатив по ударению: с р. в [АУМ 2, карта № 272] - генитив *ме́не*, аккузатив *мене́*, в [Українсько-

російський словник, т. 6] - род. *мене́*, в предложных сочетаниях с вин. – *про ме́не, на ме́не*. По-видимому, следует признать существование единой для род. и вин. падежей формы *мене* с неустойчивым, различным по говорам, ударением.

Квалификация данной конструкции как аккузативной подтверждается следующим примером, где позицию местоимения замещает существительное, относящееся к типу склонения с различными формами род. и вин. падежей: *дитину живіт болить* [Тимченко 1925, 53].

Реже в аккузативной конструкции встречается вариант местоименной формы *н'а*, отмеченный лишь в карпатских говорах [АУМ 2, карта № 272].

Вопрос белорусской программы предполагал сбор материала не только по конструкции типа *мне баліць галава* или *у мяне баліць галава*, но и по конструкции типа *захварэла яму маці* или *захварэла ў яго маці*. Однако в комментариях к карте № 223 [ДАБМ каментарыі, 770] составители отмечают, что материалы по второму типу конструкций не картографируются, поскольку они не дают диалектных различий: здесь употребляются лишь конструкции с дополнением в род. пад.

Не может быть использован нами и материал ОЛА, соответствующий вопросу № 2844 - о возможности употребления конструкции с дат. пад. личного местоимения типа болг. *Майка ми е болна*: наша сводная восточнославянская карта отражает употребление лишь тех конструкций, в которых форма личного местоимения *мне / у меня* выражает посессивное н е о т ч у ж д а е м о е значение.

По-видимому, употребление беспредложной формы в рассматриваемых здесь диалектных конструкциях чаще всего ограничивается сочетаниями с глаголом *болеть* и его синонимами. Применительно к украинскому языку это утверждается в [Курс 1951, 83]; не противоречат такому утверждению и белорусские примеры в [ДАБМ каментарыі, 770, 771]: *мне баліць галава, баліць мне рука, баліць мне спина, мне сягоння баліць у горлі, рукі мне ломіць*.

В предложениях, предикативную основу которых составляют сочетания типа *мне галава баліць, мені голова болить, мене голова болить*, форма дат. п. (реже вин. п.) имеет субъектное значение. Соответственно субъект состояния выражается и формой род. пад. с предлогом *у* в предложениях типа *у меня болит голова* [Русская грамматика 1980, т. II, 431, 439].

В русских говорах конструкция с беспредложным личным местоимением в дат. пад. не отмечена, нет в [Программа 1947] и соответствующих вопросов ни в синтаксическом, ни в морфологическом разделах. В русских говорах повсеместно распространены конструкции типа *у меня болит голова*.

Употребление диалектных конструкций с субъектным дат. пад., выражающим отношение неотчуждаемой принадлежности, сближает белорусский и украинский языки с западнославянскими. В польском и чешском языках рассматриваемый дат. пад. может входить в состав конструкций более широкого лексического наполнения: при различных глаголах употребляются здесь и местоимения, и существительные в дат. пад. без предлога. С р. польск.: не только *Boli mi głowa,* но и *łzy mu kręcą się w oczach* [Szober 1953, 360]; чешск.: *Hlava mi praská* [Заичкова 1972, 79].

В славянских языках распространен также дат. пад. принадлежности, иногда квалифицируемый как дат. пад. заинтересованного лица. С р. болг.: *Майка ми е болна.* Подобная конструкция часто встречается в старославянских памятниках, напр.: и абиє истрѣби сѧ ємоу проказа (Сав. 33, Мф. VIII, 3); чл҃коу єдиномоу ...оугобьисѧ нива (Сав. 57, Лк. XII, 16); ꙗко дъщи... болѣшєємоу (Сав. 52, Лк. VIII, 42) [Чешко 1970, 157].

В памятниках письменности восточнославянских языков нередко отмечаются субъектные конструкции с беспредложным дат. пад., выражающие посессивное неотчуждаемое значение, напр.: др.-рус.: ср҃дце ми горить [Сказ. о Б. и Г.], и отверъзостасѧ емоу очи [Сл. о Адаме и Еве]; ст.-рус.: Кому болят кости, не думаетъ в гости [Пословицы XVII в.]; ст.-бел.: штобы сѧ Трыщану нога у стрымени рушыла [Пов. о витязах]; коли еи уже почал живот нароста(т) (Александрия) [Ср.-ист. синтаксис 1968, 202]; ст.-укр.: если ему на речи добрии память быти могла [Палінодія]; Татарове, учувши о той войнѣ, з боку гледили, ко[то]рому нога послизнется (Зап. Мужиловського) [Мельничук 1958, 271]. Встречаются и конструкции, выражающие посессивные отношения в широком смысле, напр.: др.-рус.: в се врѣмѧ родисѧ Ꙗрославу с҃нъ (Лавр. л.); ст.-бел.: абы ему панства не взѧлъ (Пов. о витязях); ст.-укр.: аже ємоу взѧлъ вєпрѣ. на єго дубровѣ (Зудечев. гр. 1430); єму гетманство отнято (Лет. Сам.) [Ср.-ист. синтаксис 1968, 185; Безпалько 1960, 63].

В современных литературных белорусском и украинском языках конструкции с беспредложным дат. пад., выражающие отношение неотчуждаемой принадлежности, квалифицируются как редкие и устаревшие; то же можно сказать и об аккузативных конструкциях в украинском языке – типа *тебе* (*мене*) *напав кашель* [Історія української мови, 121].

Употребительны в этих языках, как и в русском литературном языке, сочетания с предлогом *у* + род. пад. Так, в белорусском, вместо устаревших конструкций типа (*час*) *ідзе каму-н.* (*хутка*), (*сэрца*) *б'ецца каму-н.* употребляются обычно конструкции (*час*) *ідзе у* (*для*) *каго-н.* (*хутка*), (*сэрца*) *б'ецца у каго-н.* [Беларуская граматыка 1986, 9]. Сохраняются конструкции с дат. пад. лишь в устойчивых сочетаниях, напр., *баліць*

галава каму-н. в значении "кто-н. заботится, беспокоится о чем-н." и в поговорках, напр., *што каму рупіць, той аб тым жупіць* [Русско-белорусский словарь 1953, 39]. Подобные свидетельства находим и в [Українсько-російський словник, 1953]: *у мене* (реже *мені*, редк. *мене́*) *боли́ть голова́* (т. 1, с. 79). Ср. также украинские поговорки, приведенные в [Тимченко 1925, 53]: *Пани бйуться, а мужикам чуби трясуться; Ми люде дорожнії, нам животи порожнії.*

В русском языке возможны конструкции с дательным субъектным, выражающие различные внешние и внутренние состояния - в том числе, очень редко, и неотчуждаемость, напр.: *Больному нездоровится; Вам стыд и позор; Мне стало холодно ногам* (Л.Толстой) [Русская грамматика 1980, т. II, 431].

Таким образом, конструкции с дат. пад. беспредложным рассматриваемого типа, т.е. выражающие отношение неотчуждаемой принадлежности (так же как и типа *заболела ему матка*) не нашли развития в современных восточнославянских языках и постепенно исчезают. Можно полагать, что употребление этих конструкций в части украинских и белорусских диалектов поддерживалось активностью подобных конструкций в западнославянских языках и, прежде всего, в польском.

Литература:

[Безпалько 1960] - *Безпалько О. П.* Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960.

[Беларуская граматыка 1986] – Беларуская граматыка, Мінск, 1986.

[Жилко 1966] - *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

[Заичкова 1972] – *Заичкова И.* Дательный беспредложный в современном русском литературном языке. Praha, 1972.

[Історія української мови] – Історія української мови. Синтаксис. Київ, 1983.

[Курс 1951] – Курс сучасної української літературної мови, т. II. Київ, 1951.

[Мельничук 1958] – *Мельничук О.С.* Історія вживання давального безприйменникового відмінка в української мові. // Дослідження з синтаксису української мови. Київ, 1958.

[Русская грамматика 1980] – Русская грамматика, т. II. М., 1980.

[Русско-белорусский словарь 1953] – Русско-белорусский словарь. М., 1953.

[Тимченко 1925] – *Тимченко Є.* Номінатив і датив в українській мові. Київ, 1925.

[Українсько-російський словник 1953] – Українсько-російський словник, т. I.

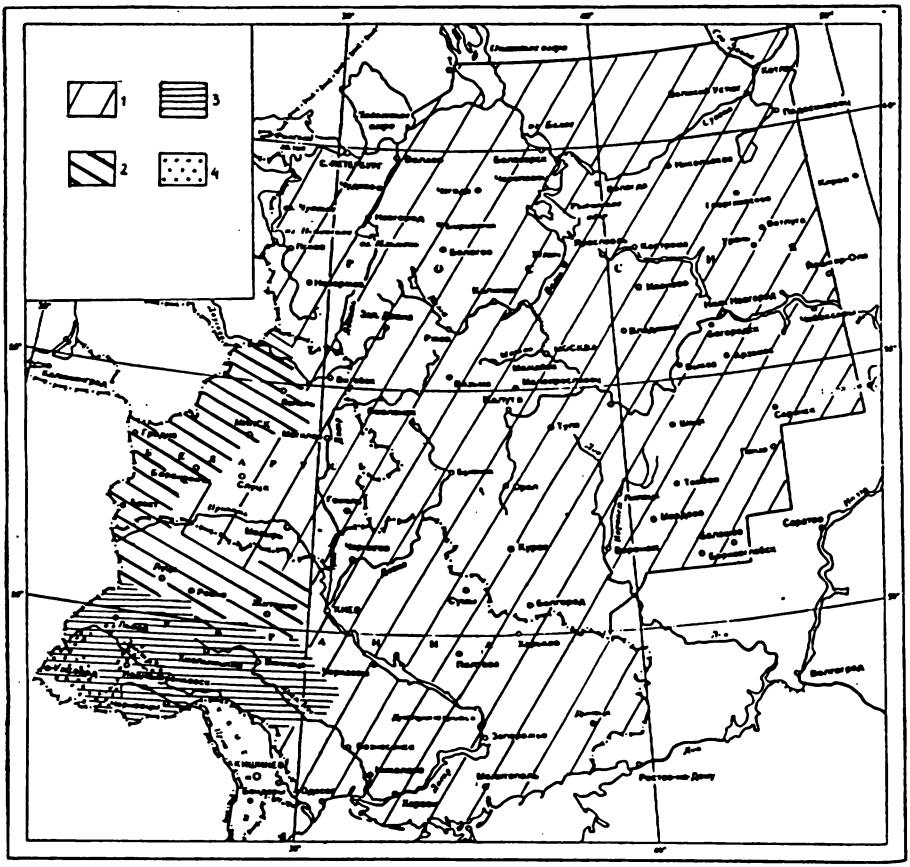
М., 1953.
[Чешко 1970] – *Чешко Е.В.* История болгарского склонения. М., 1970.
[Szober 1953] – *Szober St.* Gramatyka języka polskiego, wyd. 3. Warszawa, 1953.

Памятники письменности:

[Александрия] – Александрия по Ленинградскому списку. "Александрыя". Мінск, выд. АН БССР, 1962.
[Зап. Мужиловського] – Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы, т. II. М., 1953.
[Зудечев. гр. 1430] – Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. СПб., 1846.
[Лавр. л.] – Лаврентьевская летопись. 1377 г. ПСРЛ, т. I. Л., 1926.
[Лет. Сам.] – Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Київ, 1878.
[Палінодія] – Захарія Копистенський, Палінодія, 1621 р. // Русская историческая библиотека, т. IV, кн. 1. Спб., 1878.
[Пов. о витязях] – Повесть о витязях, изд. А.Н.Веселовского. // Сб. ОРЯС, т. 44, № 3. СПб., 1888.
[Пословицы XVII в.] – В кн.: П.К.Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. // Сб. ОРЯС, т. 66, № 7, СПб., 1899.
[Сав.] – Саввина книга, изд. В.Н.Щепкина // Памятники старославянского языка, т. I, вып. 2, СПб, 1903.
[Сказ. о Б. и Г.] – Сказание о Борисе и Глебе конца XI в. по сп. в Успенском сборнике XII в. // Сб. XII в. Московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899.
[Сл. о Адаме и Еве] – Слово о Адаме и Еве. // Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравова, т. 1. СПб., 1863.

Карта. Сочетания типа *у меня болит голова* (рус.) – *мне галава баліць* (бел.) – *мені голова болить* (укр.) – *мене голова болить* (укр.).

1 – рус. *у меня болит голова*; 2 – бел. *мне баліць галава*, укр. *мені (мні) болить голова*; 3 – укр. *мене болить голова*; 4 – укр. *болит н'а голова*.

Л.Е.Лопатина

Словосочетания числительных *два, три, четыре* с существительными

Словосочетания существительных с числительными *два, три, четыре* в современных восточнославянских языках (как в литературных, так и в диалектах) имеют некоторые особенности. Эти особенности связаны с историей данных числительных. В отличие от других количественных числительных, *два, три, четыре*, по происхождению прилагательные, в именных словосочетаниях выполняли роль определения, согласуясь с существительными в числе и падеже, а *два* и в роде.

Картина согласования этих числительных с существительными в древнерусском и, позднее, в истории восточнославянских языков была достаточно пестрой. В ранних древнерусских памятниках, как правило, числительное *два* (*две*) сочеталось с существительным в дв. числе, а *три, четыре* с существительным во мн. числе. Впоследствии, в связи с постепенной утратой дв. числа, начинают употребляться существительные мн. числа и при числительном *два*, преимущественно в формах косвенных падежей.

В им. и вин. падежах существительных формы дв. числа сохраняются дольше; после утраты категории дв. числа под влиянием тождества окончаний род. пад. ед. ч. и им., вин. пад. дв. числа некоторых существительных (напр.: род. п. ед. ч. и им. п. дв. ч. – *столá, коня́, вóлости, путú*) они начинают ассоциироваться с формой род. п. ед. ч. В результате при числительном *два* стала последовательно употребляться форма род. п. ед. ч. существительных, в том числе и тех, у которых формы им.- вин. п. дв. ч. и род. п. ед. ч. не совпадали (напр., *дъвѣ рыбѣ – две рыбы, дъвѣ селѣ – два села*). Впоследствии форма род. п. ед. ч. существительных стала употребляться и числительных *три, четыре*. [Борковский, Кузнецов 1963, 198-206].

В современном русском литературном языке числительные *два, три, четыре* в им. и вин. пад. сочетаются с существительными в род. п. ед. ч.: *два брата, две сестры, три дóма, две подруги*. Исторически это форма утраченного дв. числа [Русская грамматика 1980, II, 78]. Влияние старого дв. числа в русском языке дает о себе знать в несовпадении ударения в следующих случаях: *два, три, четыре шагá, часá, рядá* (прежнее ударение

им. п. дв. ч.) наряду с род. п. ед. ч. *шáга, чáса, рядá*. В косвенных падежах (кроме винительного) числительные согласуются с существительными во мн.ч.

В современных белорусском и украинском литературных языках при числительных *два, три, четыре* существительные во мн.ч. употребляются и в им. (вин.) падеже, напр.: белор.: *два сыны́, браты́, дзве сяброўкі* [Беларуская граматыка 1985, 120]; укр.: *два інженери, дві вчительки, чотири топóлі* [Жовтобрюх, Кулик 1961, 286].

Таким образом, в белорусском и украинском языках формы существительных им. п. мн.ч., употреблявшиеся при числительных *три, четыре*, распространились и на существительные, сочетающиеся с числительным *два*. Так, белорусские сочетания *два сталы, два кані, дзве рукі* (вместо прежних *дъва стола, дъва коня, дъвѣ руцѣ* и т.д.) возникли по образцу сочетаний *четыре кони, трье столи* и т.п. [Ломтев 1951, 78].

Влияние исчезнувшего дв. ч. в рассматриваемых словосочетаниях с числительными *два, три, четыре* сказывается в этих языках прежде всего на ударении. Так, в украинском языке при несовпадении в ударении им. п. мн.ч. и род. п. ед. ч. (напр., род. ед. *сúна, дýба, гóлосу, сестрú, весни́, відрá* – им. мн. *сини́, дуби́, голосú, сéстри, вéсни, вíдра*) существительное в сочетании с данными числительными имеет ударение род. п. ед. ч., которое совпадало с ударением исторического дв. числа, напр.: *два сúни, два дýби, два гóлоси, дві сестрú, дві весни́*. Правда, в литературном украинском языке в настоящее время существует тенденция к унификации этой формы с мн. числом, особенно для существительных м.р., в результате чего появляются формы: *два сини́, два дуби́* [Курс 1951, 104 – 105].

Итак, в словосочетаниях существительных с числительными *два, три, четыре* в современных восточнославянских литературных языках проявляются особенности их исторического согласования и последствия утраты двойственного числа.

В восточнославянских говорах картина употребления данных словосочетаний еще более пестрая; здесь остаточные признаки двойственного числа и прежние синтаксические связи представлены в различной степени.

Для составления сводной карты употребления словосочетаний рассматриваемых числительных с существительными мужского и женского рода были использованы материалы картотеки ДАРЯ, данные атласов АУМ и ДАБМ и других публикаций.

Русский диалектный материал частично представлен в составленной И.Б.Кузьминой неизданной карте "Употребление сочетаний числительных *два, три, четыре* с существительными муж. рода в им. п. мн. числа". В комментарии к этой карте автор пишет: "Учитываются примеры с

существительными муж. рода с основой на твердую согласную типа *два мальчики* и т. п., функционально и семантически соответствующие сочетаниям типа *два мальчика, три столба* в других говорах и в литературном языке". Обобщая данные этой карты, И.Б.Кузьмина отмечает, что компактная территория распространения конструкций типа *два мальчики* расположена лишь на границе с Белоруссией.

Был рассмотрен также материал картотеки ДАРЯ по вопросу 131, относящийся к говорам на территории Ярославской, Костромской, Горьковской, Вологодской областей. На эту территорию обращают внимание авторы "Русской диалектологии" [Русская диалектология 1973, 180], отмечающие здесь словосочетания с согласованием числительных *два, три, четыре* с существительными женского рода (только с подвижным ударением) во мн. ч., т.е. сочетания типа *две ру́ки, три сёстры*. Действительно, рассмотренный нами материал подтвердил наличие таких сочетаний. Хотя анализируемые конструкции представлены в говорах этой территории преимущественно одиночными употреблениями, тем не менее в целом они составляют достаточно компактную группу. Приведем характерные примеры: *дви ру́ки*; *две и́збы, две по́лосы*; *три по́лосы, две го́ловы*; *две ко́сы, три вёрсты*; *две ко́зы*; *две сте́ны* (С., Волог. обл., 82, 937, 938, 943, 949, 993); *две мое ру́ки*; *четыре го́ловы*; *три зи́мы* (С., Яросл. обл., 1059, 1070, 1071); *две сёстры* (С., Калинин. обл., 379); *три го́ловы*; *две ру́ки, две сно́хи*; *две о́вцы* (С., Костром. обл., 983, 986, 1100).

Следует отметить, что на этой же территории наблюдается большой разнобой в сочетаемости числительных *два, три, четыре* с существительными разных морфологических типов. В частности, встречаются в этих конструкциях существительные муж. р. в форме им. п. мн.ч. (*два столбы́, два разы́, два сы́ны*; особенно часто – существительные мягкой разновидности склонения: *два рубли́, два дни, три ко́ни*), а также в форме, отражающей старый им. п. дв. ч.: *два переда́, два сорта́*; *три раза́, два рога́* (С., Волог., 828, 839, 1079); с другой же стороны, по аналогии с сочетаниями числительных *пять* и далее, встречаются единичные примеры типа *три стару́х, три старико́в* (С., Волог., 129, 173); *три разо́в* (С., Калинин., 408).

Особо должны быть отмечены конструкции с формами род. п. существительных жен. рода на *–е*, а также отражающими старый им. п. дв. ч., типа *две зиме, две корове*. Эти конструкции (рассмотренные А.В.Тер-Аванесовой, см. с. 170 настоящего тома), характерны для ареала, охватывающего южнопсковские говоры и значительную часть тверских.

Белорусский диалектный материал представлен картами ДАБМ № 207 и № 208, составленными по вопросам № 135 "б" – о различении сочетаний *дзве* (*тры, чатыры*) *ха́ты* и *дзве* (*тры, чатыры*) *ха́це* и № 136 "а" – об

употреблении конструкций типа *былі* (*было*) *два* (*тры*, *чатыры*) *браты́* и *было двух братóў*[1]. Для сводной карты был использован материал, касающийся употребления числительного с существительными муж. и жен. рода.

Использованные карты ДАБМ свидетельствуют о преимущественном употреблении данных конструкций с существительными в им. п. мн.ч. Вариантные конструкции *двух братóў* или *дзве хáце* употребляются в основном наряду с этими, характерными и для литературного белорусского языка, конструкциями. В частности, в комментариях к картам ДАБМ подчеркивается характерная для ряда пунктов редкость употребления конструкций типа *двух братóў* по сравнению с конструкциями типа *два браты́* [ДАБМ каментарыі, 751 – 752].

Украинский диалектный материал извлечен из следующих карт АУМ: т. 1, № 274 – употребление конструкций *дві рукú*, *дві руцí*, *двойе рук*; т.2, № 257 – употребление конструкций *дві рук*[*ú*], *дві рук*[*ы́*], *дві рýки*, *дві рýк*[*ы*], *дві руцí*; *дві жíнці*; № 259 – употребление конструкций *два гарні пáрубки*, *два гарних пáрубки*, *три високих топóлі*. Для сводной карты не использовался материал, касающийся употребления сочетаний с собирательными числительными (*двойе рук*), поскольку мы не располагаем сопоставимыми примерами по остальным восточнославянским диалектам. В свою очередь, карты АУМ не дают материала об употреблении конструкций типа *двох хлóпцув*, хотя в комментарии к карте № 259 [АУМ 2, 57] такие конструкции отмечаются в нескольких пунктах. Недостающий материал был восполнен по монографии Ф.Т.Жилко [Жилко 1955, 111 – 112, 175, 188]. Здесь на карте № 11 [Жилко, 175], показывающей центральные украинские говоры, отмечена территория распространения конструкций типа *тр'ох братí* в части волынских и приднестровских говоров. Кроме того, уже без картографирования, отмечается наличие этих конструкций на более широкой территории юго-западных говоров, частично также в юго-восточных говорах (западностепных). На остальной украинской территории употребляются, как и в литературном украинском языке, конструкции с существительными муж. рода типа *два хлóпці*, *три брáти*.

Таким образом, мы располагаем достаточно сопоставимым материалом для сводной карты употребления словосочетаний числительных *два*, *три*, *четыре* с существительными мужского и женского рода. Карта свидетельствует о значительных различиях в характере этих словосочетаний между русскими диалектами, с одной стороны, и белорусскими и украинскими, с другой. Различия касаются в первую очередь грамматической формы существительного. В русских диалектах

указанные числительные в им. п. употребляются преимущественно с существительными в род. п. ед. ч. (за исключением территорий, пограничных с Белоруссией, а также восточной части северных говоров). В белорусских и украинских говорах преимущественно употребляются словосочетания указанных числительных с существительными в им. п. мн.ч.

Специфической архаичной чертой, общей для части белорусских и украинских говоров, а также для южнопсковских и части тверских, является сохранение в составе данных словосочетаний форм существительных жен. рода, восходящих к формам дв. ч.: *ха́це* (бел. е<ѣ), *зиме* (рус. е<ѣ), *руці*, *нозі*, *дівці* (укр. і<ѣ). Общей украинско-белорусской чертой является также употребление в роли им. п. числительных форм *двух*, *трох*, *чатырох* (бел.), *двох*, *тр'ох*, *четыр'ох* (укр.), имеющих аналогию в польском языке.

Форма существительных женского рода в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре*, совпадающая (по характеру ударения) с им. п. мн.ч. (рус. *две ру́ки*, *три го́ловы*, *две ко́сы*; укр. *дві ру́ки*, *дві но́ги* и т.п.) наблюдается только на периферийных участках северо-востока и юго-запада восточнославянской языковой территории.

Примечание:

[1] Ср. белорусские и украинские конструкции "числительное *двух* (в им. п.) + одушевленное существительное" и аналогичные польские конструкции с мужско-личной формой числительного типа dwóch (trzech, czterech) chłopców.

Литература:

[Беларуская граматыка 1985] – Беларуская граматыка, ч.1, Мінск, 1985.

[Борковский, Кузнецов 1963] – *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

[Жилко 1955] – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

[Жовтобрюх, Кулик 1961] – Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М. Курс сучасної української літературної мови, т. II. Київ, 1961.

[Курс 1951] – Курс сучасної української літературної мови, ч. II. Київ, 1951.

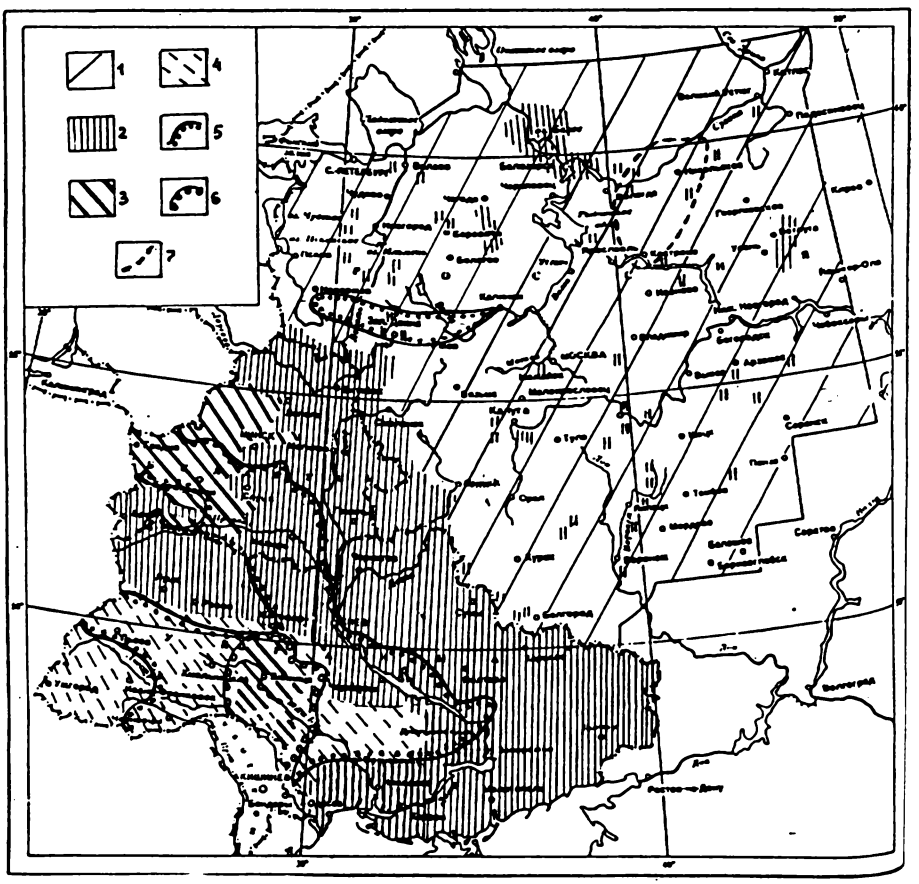
[Ломтев 1951] – *Ломтев Т.П.* Белорусский язык. М., 1951.

[Русская грамматика 1980] – Русская грамматика, т.II. М., 1980.

[Русская диалектология 1973] – Русская диалектология. Под ред. П.С.Кузнецова. М., 1973.

Карта. Словосочетания числительных *два, три, четыре* с существительными.

1 – конструкции с формами род. п. ед. ч. типа рус. *два мужика, два стола, две жены*; 2 – конструкции с формами им. п. мн. ч. сущ. муж. р. типа рус. *два мужики, столы*; бел. *два браты́*, укр. *два па́рубки*; 3 – отмечены (наряду с конструкциями, указанными в п. 2) конструкции типа бел. *двух брато́ў*, укр. *двох хлопців*; 4 – то же при отсутствии точных картографированных данных; 5 – отмечены (наряду с конструциями типа рус. *две коровы*, бел. *две хаты*, укр. *дві руки*) конструкции типа рус. *две корове*, бел. *две хаце*, укр. *дві руці́* – рефлексы форм дв. ч.; 6 – преимущественное употребление конструкций типа укр. *дві руці́*; 7 – отмечены (наряду с конструкциями типа рус. *две косы́*) конструкции типа рус. *две ко́сы*.

И.А.Букринская
О.Е.Кармакова

Названия деревянной посуды, в которой растворяют тесто

Названия посуды для теста, долбленой и бондарной, относятся к пласту архаической лексики.

Обычно у восточных славян тесто растворяли в деревянной емкости, сделанной из дощечек-клепок, стянутых обручами (одним или двумя), с вставленным дном, реже подобного рода посуда выдалбливалась из цельного дерева [Зеленин 1991, Этнография 1987]. Отличительная черта реалии - большой объем. Это связано с необходимостью выпекать несколько хлебов, что, в свою очередь, объясняется нуждами традиционно многочисленной крестьянской семьи и тем фактом, что хлеб могли выпекать не каждый день (это подчеркивается и информантами: "из теста семь больших ковриг хлеба выходит" – д. Давыдовская Ленинградской обл.).

В зависимости от территории и местного обычая посуда имеет различную форму (ремарки об этом мы находим в материалах русского и украинского диалектологических атласов): 1. расширяющаяся книзу; 2. расширяющаяся кверху; 3. ровная по всей длине, прямая. Посуда может иметь ручки, как у ушата, а в некоторых областях снабжена ножками (обычно их три). Сверху емкость накрывают крышкой (*вéко, вíко)*, куском материи, холстом (*надéжник, дежни́к, (на)квáшéник)*, полотенцем, скатертью. Рецепт приготовления дрожжевого теста, т.е. с закваской, славяне заимствовали у германцев вместе со словом хлеб - **xlěbъ*, до этого им было известно только пресное тесто [Нидерле 1956]. Для закваски хлеба в восточнославянских деревнях до сих пор используется пивная гуща, дрожжи, чаще, однако, в посуде просто оставляют кусок уже перебродившего теста. После того, как тесто поднимется, его вымешивают руками, формуют хлебы и сажают на деревянной лопате в печь на под, иногда подстилая капустные листья, соломенные кружки, чтобы не подгорал низ хлеба.

Итак, в приготовлении теста различались две стадии: 1. заквашивание (растворение) и 2. вымешивание. В части говоров для двух названных стадий использовалась одна посуда, а в части говоров - разная, т.е. в одной емкости опара подходила, заквашивалась, в другой тесто вымешивалось.

Основные названия деревянной посуды показаны на карте: рус. – *дежá, дéжка, квашня́, квашóнка* и более редкие: *кáдка* и производные, *хлéбня, хлéбница, опáрник, опáрница;* укр. – *діжá, дíжка;* блр. – *дзяжá, дзéжа, дéжка.*

Составление карты по данной теме вызвало затруднения, связанные с тем, что вопросы программ к национальным атласам сформулированы по-разному, и материалы в связи с этим не вполне сопоставимы.

Для картографирования территории русских говоров была использована карта 23 "Названия посуды, в которой замешивают тесто [ДАРЯ III], основывающаяся на вопросе Программы 153 "В чем растворяют тесто: *дежа, квашня...*" Таким образом, показанные наименования являются прямым ответом на поставленный вопрос и обозначают посуду, где заквашивают, растворяют тесто, т.е. для первой стадии процесса приготовления теста.

Опубликованные белорусские атласы не содержат карт по рассматриваемой реалии, что скорее всего свидетельствует о лингвистическом единообразии территории, так как вопрос о названии подобной посуды содержится и в [Праграма 1950, в.172], и в программе для Лексического атласа [Інструкцыя 1971, в. 153]. Сформулированы они так же, как и в [Программа 1947] для русского атласа: "У чым расчыняюць цеста: *дзежка, дзяжа, квашня*". Материалы белорусских словарей [Слоўнік 1980; Тураўскі слоўнік 1983, Бялькевіч 1970; Сцяшковіч 1972] и упомянутых вопросников свидетельствуют: основным названием реалии являются слова *дзяжá, дзéжка, дежкá,* хотя не исключено, что в отдельных единичных говорах может употребляться и наименование *квашня́.* В связи с изложенным выше картографирование на территории Белоруссии произведено разреженным знаком.

В [Програма 1949] к украинскому атласу в разделе Б. "Чи вживаэться у вас слово і яке його значення?" содержится вопрос 137: "Діжа (посуд для тіста)", т.е. вопрос о том, в какой именно посуде растворяют тесто, отсутствует, при этом особые семантические пометы имеются лишь в небольшой части ответов. Картографирование украинской территории проводилось по материалам карты 176 "Утрата демінутивності суфікса -к- (*дíжка – діжá*)", составленной по упомянутому 137 вопросу [АУМ I], а на территории АУМ 2 и АУМ 3 по данным этого же вопроса, полученным из архива отдела диалектологии Института украинского языка УАН (за предоставленные материалы авторы выражают особую благодарность зав. отделом диалектологии ИУЯ УАН П.Е.Гриценко), а также по материалам [ОКДА 2,124-125]. Вот почему лишь для части украинских говоров с уверенностью можно сказать, что *діжá, дíжка* – это посуда именно для растворения теста. В других украинских говорах те же названия обозначают деревянную посуду, в которой только вымешивают тесто, а

опара подходит в глиняной посуде. Обращение к словарям также не проясняет картину, поскольку в словарных статьях нет детальной информации о предназначении реалии : *діжа́* - квашня, кадка, в которой приготовляют тесто [Гринченко 1907]; *діжа́* - 1. кадка; (для теста – обычно) квашня; обл. дежа; 2. (тесто) квашня [Словник 1953].

Кроме того, во всех восточнославянских языках употребляются наименования *но́чвы, ночёвки, корыто,* а в украинских говорах еще и *не́цки,* обозначающие долбленую деревянную посуду удлиненной формы, часто расширенную кверху, которая используется для различных хозяйственных надобностей: мытья, купания детей, стирки белья, рубки овощей, мяса, просеивания муки, крупы, а также и для вымешивания теста, т.е. на втором этапе его приготовления. "Ковда *квашню́* замесишь, вываливаешь в *ночёвки*, потом разделываешь пироги." Куйбыш., Сталингр., Самар., Пенз. [СРНГ 13]. Об этом же свидетельствуют материалы "Общеславянского лингвистического атласа" (вопрос 1061), где для русских говоров приводятся упомянутые наименования, а также *се́льница, ча́ша, бадья́* и др. Соответствующий материал по украинским говорам представлен в [АУМ 2] на карте 285 "Ночвы", составленной на основе вопроса 50 "Як у вас називаэться – *но́чви, ваган́и, не́цьки?*" Перечисленные слова не картографируются как не соответствующие теме карты.

Слово **děža (дежа́, діжа́, дзяжа́)* связано с индоевропейским корнем * *dhoi̯gʰ-i̯ā* со значением 'месить глину, тесто'. К этому же корню восходят нем. *Teig*, а также англ. *dough* 'тесто'. И у западных славян распространены названия посуды для теста с этим корнем, например чеш. *dž*, слвц. *dieža*, польск. *dzieża*, в.-луж. *dźěža* и *žěža* н.-луж., впрочем как и у южных славян: сербохорв. диал. *дӣжва*, стар. *diežě* [Фасмер I, ЭССЯ 5]. В славянских языках рассматриваемые слова отмечаются и с другими значениями: 'подойник', 'кадушка', 'тесто', 'сосуд', 'масленка' [ЭССЯ 5].

Как хорошо видно на карте, распространение слов *дежа́, де́жка* в значении 'деревянная посуда для теста ' объединяет говоры южнорусского наречия с говорами украинского и белорусского языков, противопоставляя их территории северного наречия и среднерусских говоров. Но сравнение карты ДАРЯ с картой 35 "Деревянная посудина для закваски теста Лексического атласа Московской области [ЛАМО 1991] показывает, что ареал лексемы *дежа́* продвинут на север, доходя до Москвы и захватывая юго-восточную часть Подмосковья: Домодедовский, Коломенский, Павло-Посадский, Подольский, Орехово-Зуевский, Шатурский районы, т.е. небольшую часть среднерусских говоров.

Обращаясь к украинским говорам, следует подчеркнуть, что название *дíжка* в [АУМ 1] трактуется как утрата деминутива. Однако можно предположить, что в части говоров подобное наименование является самостоятельным словообразовательным вариантом, изначально не

имевшим значения уменьшительности. В современных русских говорах, где названия *дежá* и *дéжка* сосуществуют, они в большинстве случаев употребляются как синонимы, например в Липецкой, Тамбовской, Курской областях. Хотя в отдельных говорах можно обнаружить и деминутивное значение, присущее суффиксу *–к(а)*: "*дежá – для хлеба, дéжка – поменьше, для пирогов*" (с. Муравлево Курской обл.) [Липовская 1985].

В исторических словарях *дежá* толкуется как деревянная кадка, в которой ставят тесто или хранят продукты (1683г.) [Сл.РЯ 1980], с тем же значением отмечено и слово *дéжка* (под 1682г.). В более ранних памятниках письменности – берестяных грамотах – XII-XIV вв. – *дѣжа* зафиксирована в значении 'мера зерна' [Зализняк 1995], в [Сл.ДЯ 1990] значение этого слова толкуется, исходя также из данных берестяных грамот – 'сосуд как мера зерна'.

Названия *квашня́, квашóнка* распространены только в говорах русского языка – территория северного наречия и среднерусских говоров. Единично отмечены другие наименования с корнем *кваш-/квас-*: а говорах Подмосковья - *заквáска, заквáсница, квасни́ца, квашни́к, подквáсье* [ЛАМО 1991], зафиксированы в нескольких говорах южного наречия *квасни́ца, квашни́ца* при сосуществовании со словом *дежá* [Липовская 1985, 163].

Наименования *квашня́, квашóнка*, восходящие к **kvasьna*, по свидетельству этимологов, родственны слову *kvasъ, обозначающему во многих славянских языках закваску: укр. блр. *квас*, ст.-слав. квасъ, сербохорв. *квас*, словен. *kvās*, в.-луж., н.-луж. *kwas* – 'закваска, свадебный пир' [Фасмер 3]. В свою очередь от **kwasьna* образовано польск.редк. *kwaśnia* ж.р. 'место, где готовят квас', (диал.) 'кислое кушанье'; др.-русск. *квасня* ж.р. 'закваска', 'место, где делают или продают квас', *квашня* ж.р. 'кислое тесто' (16 в.), 'деревянная посуда для заквашивания теста, квашня' (1627г.), русск. диал.*квашня* 'посуда, в которой делают квас' (моск., ряз., пск.), 'тесто, опара' (волог., мурман., новг., пск., ворон., курск. и др.) [ЭССЯ 13]. Как следует из материалов современных региональных словарей, *квашня́* употребляется в значении 'кислое тесто', 'опара' достаточно часто: архангельские, вологодские, ярославские говоры. Это значение отмечено и в [Сл.РЯ 1980].

Картографируемое значение 'посуда для приготовления теста', как представляется, связано с первым, исходным значением и развилось на основе метафорического переноса.

Наименование *квашóнка* во многих говорах, видимо, не является деминутивом, представляя собой, подобно форме *дéжка* (см. выше), самостоятельный словообразовательный вариант. Стоит отметить, что *квашóнка* встречается в памятниках XVI в., в то время как квашня́ зафиксировано лишь в XVП в.[Сл.РЯ 7,1980].

Приведенные выше факты, отраженные в исторических словарях, позволяют этимологу В.А.Меркуловой считать название посуды *квашня́* русской инновацией, которая вытеснила слово *дежа́* на территории северного наречия. Однако лингвогеографическая картина и обращение к региональным памятникам письменности старорусского периода дают повод сомневаться в столь категоричной оценке фактов.

По данным Г.В.Судакова, *дежа́* в значении 'сосуд для теста' не отмечается в исследуемых памятниках конца XV-XVII вв. на территории от Поморья до Рязани, а обнаружено лишь в воронежских актах [Судаков 1988]. Скорее всего, можно предположить, что диалектное противопоставление *дежа́–квашня́*, делящее восточнославянскую территорию по диагонали с северо-запада на юго-восток, является старым диалектным различием, уходящим своими корнями в древнерусский период.

Кроме вышеприведенных слов, ареалы которых хорошо прочитываются на карте, по говорам встречаются картографируемые дополнительными знаками образования с корнем *кад-*: *ка́дка, кадýшка, кадýлька*. При этом следует заметить, что лексема *ка́дка* характеризует говоры северного наречия (ладого-тихвинская группа говоров), а в южных отмечено название *кадýшка* с пометами информантов "новое"; *кадýлька* зафиксировано лишь в четырех частных диалектных системах Вологодской обл. Наименования с рассматриваемым корнем известны также единично в говорах украинского и белорусского языка. Основное значение лексемы *ка́дка* и однокоренных (из **kadъka*) – деревянная бочка, используемая для различных надобностей, что следует из анализа материалов диалектных словарей и атласов. Потому-то эти наименования всегда сосуществуют с основными названиями *квашня́ / дежа́*.

Хле́бня, хле́бница картографированы одним знаком, они встречаются в южной диалектной зоне: вокруг Каширы, восточнее Нижнего Ломова, вокруг Скопина, Воронежа, Обояни, Орла, а также в говорах Смоленской обл. Эти названия имеют прозрачную внутреннюю форму и скорее всего являются образованиями поздними, возникшими, как представляется, из составного наименования *хлебная дежа́ / хлебная де́жка*. Они зафиксированы в южных говорах всегда при сосуществовании с основными названиями *дежа́* или *де́жка*, при этом в говорах Воронежской обл. снабжены пометами "новое".

Небольшой ареал образуют именования *опа́рник, опа́рница* на территории, частично совпадающей с "Чухломским акающим островом", который характеризуется не только своеобразием фонетических и морфологических черт, но и лексических: например, здесь отмечены особые названия вечерних собраний молодежи – *пля́ска, сби́тень, заря́нка*.

Рассматриваемым словам также свойственна прозрачная внутренняя форма: посуда для опары – *опáрник, опáрница.*

На территории русских говоров не получили отражения наименования деревянной посуды для теста, встретившиеся единично: *ряшка* (Архангельское Болховского района Костромской обл.), *дупёлко* (д.Заводское Межевского района Костромской обл.) [ДАРЯ III]. Также не показаны различные варианты, обусловленные особенностями фонетической системы говоров, которые оговорены и перечислены в национальных атласах.

Не получили картографического воплощения следующие слова: *рóзлив, пирóжник, лáтка, плóшка, ставóк, тóпни́ца, твóрник* – русск., *макі́тра, макóтра, муравки* – укр. – обычно служащие для обозначения глиняных емкостей, хотя не исключена возможность, что в отдельных говорах приведенные лексемы называют и деревянную посуду.

Итак, исследуемые наименования деревянной посуды для теста четко делят восточнославянскую территорию на две противопоставленные части, которым соответствуют образования от двух корней: *квас- / кваш-* и *дежс-/діж-*. Подобное членение лингвистического пространства свойственно и ряду карт фонетического, морфологического и лексического уровней, например, "Звонкая задненебная согласная фонема в сильной и слабой позициях"[ДАРЯ I, карта 44], "<Т> или <Т‘> в окончаниях 3-го лица глаголов" [ДАРЯ II, карта 79],"Прилагательное *суягная* и его соответствия" [ДАРЯ III, карта 67].

Литература

[Інструкцыя 1971] – Інструкцыя збіранне матэрыялаў для складання лексічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1971.

[Бялькевіч 1970] – *Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

[Зализняк 1995] – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

[Зеленин 1991] – *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

[ЛАМО 1991] – *Войтенко А.Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991.

[Липовская 1985] – *Липовская Н.А.* Названия посуды, в которой растворяют тесто для хлеба // Диалектография русского языка. М., 1985.

[Меркулова 1988] – *Меркулова В.А.* К вопросу о диалектных различиях в лексике // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.1984. М., 1988.

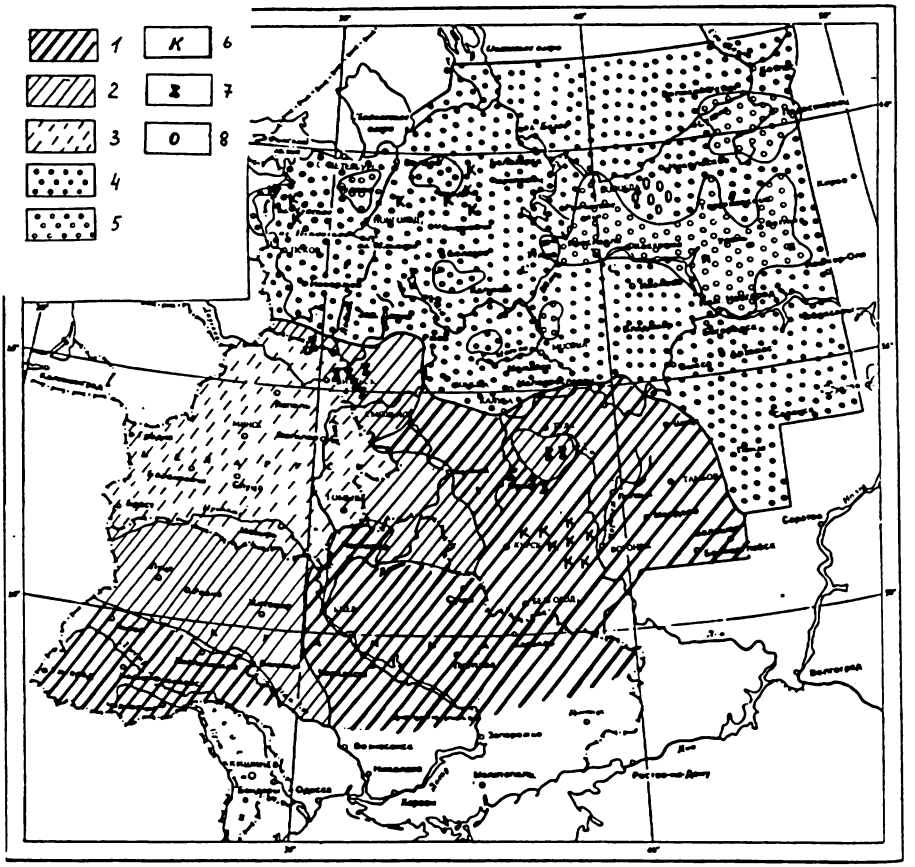
[Нидерле 1956] – *Нидерле Л.* Славянские древности. М.,1956.

[ОКДА 2] – Общекарпатский диалектологический атлас. Вып.2,М.,1994.

[Слоўнік 1980] – Слоўнік беларускіх гаворак пауночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, т.1-5, 1980.
[Сл.ДЯ 1990] – Словарь древнерусского языка (XI –XIV вв.), т. III, М.,1990.
[Сл.РЯ 1980] – Словарь русского языка XI-XVII вв.т.7, М., 1980.
[СРНГ] – Словарь русских народных говоров.Вып.7,13.Л.,1977.
[Судаков 1988] – *Судаков Г.В.* География старорусского слова. Вологда, 1988.
[Сцяшковіч 1972] – *Сцяшковіч Т.Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
[Тураускі слоўнік 1983] – Тураускі слоўнік.т.2.Мінск,1983.
[Фасмер] – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка.М., 1960-1964.
[ЭССЯ] – Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О.Н.Трубачева. // Вып. 5, 12, 13. М., 1978-1987.
[Этнография 1987] – Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.,1987.

Карта. Названия деревянной посуды, в которой растворяют тесто.

1 – рус. *дежа́*, укр. *діжа́*; 2 – рус. *де́жка*, укр. *діжка*; 3 – бел. *дзяжа́, дзе́жка, де́жка* (неполнота материала, см. комментарий); 4 – рус. *квашня́*; 5 – рус. *кваша́нка*; 6 – рус. *ка́дка, кадо́шка, кадо́лька*; 7 - рус. *хле́бня, хле́бница*; 8 - рус. *опа́рница, опа́рник.*

Г.П.Клепикова

Названия *кукушки*

Сводная карта и комментарий к ней базируется на данных лексических карт № 75 ДАРЯ (составитель Н.А.Липовская), № 309 ДАБМ (составитель В.Шелег), фонетических карт № 18 АУМ 1 (составитель Т. Назарова) и № 12 АУМ 2 (составитель Д.Бандривский), посвященных произношению гласных в названиях, соответствующих укр. литер. ***зозуля*** и под. (последняя карта также содержит сведения об иных названиях птицы). В полной мере учитывается восточнославянский (и прежде всего украинский) материал соответствующей карты ОЛА (1-й лексический выпуск, карта № 21 **Кукушка** Cuculus canorus и комментарий к ней, составлены А.Габовштяком). Для изучения восточнославянских названий птицы *кукушка* в лингвогеографическом аспекте существенны сведения не только синхронического характера (=фиксации в указанных диалектологических атласах), но и диахронического, - например, разыскания в области этимологии и истории названий в общеславянском контексте. Именно поэтому привлекаются некоторые факты и суждения, содержащиеся в ряде специальных публикаций по интересующей нас теме[1].

В восточнославянских языках (и тем более в масштабах Славии - см. * ОЛА) для обозначения указанной птицы большее распространение имеют названия с корнем *kuk=, - они практически преобладают на русской языковой территории, широко представлены на белорусской (часто - параллельно с названиями, восходящими к *žegъz=), но на украинской выступают спорадически, как правило - на периферии ее (некоторые восточные и западные области). Наиболее частотными восточнославянскими формами являются репрезентанты словообразо-

---

* В ЭССЯ (13, с.93) это название рассматривается в рамках праформы *kukučьka 'кукушка' (непосредственно реализована чеш. диал. [морав., ляш], слвц. **kukučka**, польск.диал [например, кашуб.] **kukuczka**, укр.диал. [карпат.] **кукучка**) и реконструируется : *kukukъ + =ьka (о *kukukъ - "чистое звукоподражание" - там же, с. 93, ср. *kukъ 'то же' и глагол *kukati 'куковать' - там же, с.94). В ЭСРЯ о *кукушке* говорится, что "слово собственно русское" (II, с.436, с XVII в.) (см. и: Сл. рус. яз. XI-XVII вв., 8, с.113). Однако, как показано далее, этот дериват в разной степени известен и другим восточнославянским диалектам, ср. даже в.-слвц. kukuška [!] (ОЛА). О связи семантики 'птица' ~ 'вид растения' см., например, в: [Габовштяк 25] (там же литература). Ср. и: [ЕСУМ II, 274].

вательной модели с суфф. =**ушк**=, представленные в двух фонетических вариантах, - в зависимости от произношения гласной первого слога ***куку́шка*** ~ ***коку́шка***[**] (***какушка***) (в фонологической транскрипции ОЛА - kUk-uš-ьk-a).

В р у с с к о м языке вариант ***кукушка*** типичен для большинства среднерусских говоров и говоров южного наречия (является также нормой литературного языка - ср.: ССРЛЯ, 5, с.1807), в виде небольших анклавов фиксируется во многих говорах северного наречия (таковы, по данным ДАРЯ, р-ны зап. оз. Белое, зап. Череповца, отдельные пункты и районы Вологодской, Костромской, Нижегородской обл., в русских говорах Мордовии и др., а , по ОЛА, - между Сев. Двиной и Пинегой, на побережье Белого моря, ср. и русские говоры Прибалтики) (см. карту 1). Вариант ***коку́шка*** (***каку́шка*** - в "акающих" говорах) в целом оценивается как характерный признак "северо-восточной диалектной зоны" (см.: Захарова-Орлова, с.91, карта 14), а также представлен малыми анклавами в говорах Ладого-Тихвинской группы северного наречия, как единичные фиксации - в новгородских говорах (относящихся к западным среднерусским окающим говорам), ср. также говоры Беломорья (ОЛА)[***] . Кстати, в СРНГ ***кукушка*** приводится только со значениями - 'удод', 'лягушка', 'кукла, фигурка из стебля, цветов и др.,...используется в обряде встречи весны', также - 'вид растений' (Orchis, Cypripedium и др.)(16, с.47-48). Гораздо больше в СРНГ данных о географии и семантике формы ***коку́шка*** и др., - так, в значении 'кукушка' она отмечена в Яросл., Волог., Костр., Влад., Моск., Нижегор., Мар., Морд., Чуваш., Казан., Куйб., Смол., Твер., Новг., также Арх., Вят., Перм., далее - Урал., Тобол., Томск., Новосиб., Иркут., но и - Курск.(упомянем. и деноминативы – ***коку́шечка*** [ум.-ласк.], ***кокущёнка*** [уничиж.] и др. - 14, с.106-107).

[**] **у** > **о**(: **а**) объясняется либо как результат диссимиляции гласных, либо как влияние *кокот* 'петух' (ЭСРЯ, со ссылкой на: [Булаховский]), только первое - у: [Габовштяк, 24].

[***] Рус. диал. (пск., вост. Волхова) ***кику́шка*** 'кукушка', приведенное на нашей карте. - по-видимому, от звукоподражательного глагола **кикать** 'кричать(о птице)' и под. < *kykati, с другим вокализмом, чем *kukati (см. [Фасмер II, 231; ЭССЯ 13, 260] - ср.: рус. диал. ***кикать, кыкать*** 'кричать [о птице]', укр. *кикати* 'куковать' [Гринченко II. 230]). Единичное рус. диал. ***ku'kaška*** (р-н Череповца - ОЛА) может рассматриваться как локальная восточнославянская параллель к широко распространенному, например, в чешских диалектах варианту kukačka (=реализация модели kuk-ač-ъk-a). О другой, типологически близкой, русско-западнославянской корреспонденции (**кукушка ~ kukačka**) см. выше. Разумеется, если не принимать во внимание возможность ошибочной записи собирателей.

Территория распространения б е л о р у с с к о й диалектной формы ***кукушка*** продолжает западную часть соответствующего русского ареала, - она охватывает значительную часть Белоруссии (за исключением юго-западных говоров - р-н Бреста), при этом данная форма достаточно часто выступает параллельно с инокоренными названиями (напр., ***зязюля*** и под., в комментариях к карте ДАБМ находим сведения о вариантах - "реже" ~ "чаще", "новое" ~ "старое" и под. - с.897-898). Заметим, что анкетирование для ОЛА (правда, при значительно меньшем числе обследованных пунктов) как будто показывает присутствие названия ***кукушка*** на меньшей (чем в ДАБМ) территории - в некоторых северных и восточных говорах (на границе с Россией) и вост. Минска. Подобные расхождения ареалогических характеристик требуют, по-видимому, специальных разъяснений, - на основе привлечения ряда дополнительных данных, в том числе историко-языковых (в частности, нуждается в подтверждении предположение некоторых исследователей о том, что зона употребления ***кукул'а*** расширяется - за счет репрезентантов *žegъz=).

В у к р а и н с к и х говорах, по ОЛА, вариант ***куку́шка*** (= ***ku'kuška***) отмечается крайне редко - на северо-востоке (Черниговская, Сумская обл.) и востоке Украины (Харьковская обл.), т.е. - в зоне русско-украинского пограничья, но и в центре (Днепропетровская, Кировоградская, Полтавская обл.) (в комм. к упомянутым выше картам АУМ 1 и АУМ 2 сведения о бытовании названий с подобной словообразовательной структурой отсутствуют). За пределами Восточной Славии обращает на себя внимание фиксация единичного в.-слвц. ***'kukuška*** (р-н Рожнявы - ОЛА), что представляет собой точный локальный восточнославянско-словацкий параллелизм.

Варианты ***куку́ша*** и ***коку́ша*** 'кукушка' употребляются только в русских говорах, выступая в виде небольших островных ареалов, - по преимуществу - в северном наречии, ср. ***коку́ша*** (р-н Вологды, Котласа, р-н оз. Воже, микроареал Коноша - Вельск), ***куку́ша*** (р-н оз. Воже., вост. Вытегры, р-н Вел. Устюга, но и сев. Смоленска [!]). В СРНГ ***коку́ша*** дается с пометой «Арх., Волог., Онеж., Новг., Смол...» (при ***ко́куша*** - «Онеж.» [14, с.104], и даже - ***кокоша*** [фольк.] - Север., Олон. [там же, с.100]), а ***куку́ша*** – «Север., Арх., Смол.» (там же, 16, с.47). Эти варианты, по-видимому, развились из названий, реализующих типичную модель kuk-uš-ьk-a**** .

Также лишь русским диалектным дериватом является и ***куку́шица*** (р-н Няндомы), ***коку́шица*** (сев. Каргополя) (ДАРЯ), ***ko'kušьsa*** 'то же' (арх., Беломорье - ОЛА) и ***куку́шица*** (Арх., Олон., Ленинг., Волог., Закамье –

**** Ср. замечание в ЭССЯ о том, что ***кукуша*** представляет собой "о б р а т н о е (разр. наша - Г.К.) образование" (13, с.93).

[СРНГ 16, 47], см. и в ССРЛЯ помету "обл." – [ССРЛЯ 5, 1807]), ***кокушица*** ([фольк.] "ласкат." - Арх., Олон., Вят. и др. – [СРНГ, 14, 104]), но и ***кокошица*** 'то же' (фольк. - Олон., Север [там же, с. 101])[2].

Словообразовательные модели kuk-ul-j-a ~ kuk-ul-ъk-a***** широко отражены в восточнославянском диалектном континууме прежде всего в белорусских говорах, в нескольких ареалах - северный (р-н Браслав-Полоцк-Витебск), центральный (р-н Новогрудок-Минск-Могилев), западный (р-н Гродно), юго-восточный (р-н Гомеля, Ельска),подробно география и употребление вариантов ***кукýл'а, кукýл'ка, кукýлка*** отражены на карте № 309 ДАБМ и в комментарии к ней (ср.и: ***кукýля*** [«разговорное»] [БРС 1, 624]). О существовании подобных дериватов в русских говорах см. и в ДАРЯ (комм. к карте № 75) - он отмечен однажды (=С.1019), но не картографирован. См. также кубан. ***кукýля*** 'кукушка' ([СРНГ 16, 45], также – [Даль II, 214]). Как следует из материалов ОЛА, репрезентанты данной модели представлены в некоторых западнославянских диалектах (лужицких) (ср. также кашуб. ***kukula*** 'самец кукушки' - цит.по: ЭССЯ)[3].

Наконец, с корнем *kuk= в западноукраинских говорах записаны дериваты, отражающие некоторые типичные "западнославянские" модели - это закарп. ***кýкаўка, кýкоўка*** (АУМ 2, № 12, ср. и ***'kukoцka*** - ОЛА; Латта № 326), весьма частотное в лемковских говорах ***кýкоўка, кýкôўка*** (Вост. Словакия), те же формы - в украинских говорах Югославии (вост. Славонски Брод) (АУМ 2), но и ***кокýлка***, также ***кокучка, кукучка*** [ЕСУМ 3, 130], все они иногда употребляются параллельно с ***зазýл'а, зезýл'а*** и др. (см. далее, также - карту). Как изолированное воспринимается ***кукáлка***, - отмечено в верховьях р. Стырь (АУМ 2).

Меньший ареал в восточнославянском языковом пространстве образуют названия *кукушки*, которые обычно возводятся к *žegъz=******, оно

***** *kukul'a /*kukulъka как дериват с l-суффиксом от упомянутого выше звукоподражательного корня (ср., например, *kukati) – [ЭССЯ 13, 93-94; Sławski III, 336].

****** Уже первые исследователи данного названия *кукушки* показали, что, помимо восточнославянской зоны, репрезентанты *žegъz= отмечаются и в ряде западнославянских языков (=диалектов), при этом - на периферии соответствующей языковой территории. Таковы в.-польск. ziezula, =lka, zazula, ю.-польск. ziazulka, zuzula и др., кашуб. gřegřółka (ср. старопольские формы: gżegżółka и под. [XV-XVII вв.]). чеш.диал. (с.-вост.) zezhulice, žežhulice и др. (также и : zezulka - р-н Клодзко, Ю. Польша), близкие названия находим в словацком - zezhuleica, žežhulica (рассматриваются как заимствования из чешского - подробнее: Klepikova 254-255) : собственно чешские формы (žežule/žežhule, žežulka/žezhulka, zezulka, žežhulice/ žežhulica/zezulice и под.) см.: [PSJČ 8, 1036-1037], с пометами «устар., народное». Современное распространение этих форм (и их пространственное

считается звукоподражательным (< и.-е. ge-gu-g' – [Sławski I, 388-389]; [ЕСУМ 2, 274]), слав. *žegъz= возводится к слав. & ***вост.***-балт. *gegužiā[4] из и.-е. *gheghug' (Топоров 190; ср. несколько иную версию В. Махека - [звукоподражательное] *žegъ + *zu= (: zvati)+ суфф. [Machek 594]; ср.: "вероятно, звукоподражательное" – [Преображенский 248, 408] и т.д.). При этом, поскольку в славянских языках существует большое число, главным образом, фонетических вариантов, допускается, что первичная форма "подверглась различным преобразованиям, вызванным ассимиляцией, но и диссимиляцией" (Sławski; ср.: "ассимиляция и упрощение согласных" - ЕСУМ); говорится о различных "дистантных ассимиляциях" (Фасмер II, 91), о метатезе (например, zh > hz [:*gъz=] - Machek), предполагается даже, что в древности существовали д в а варианта - ze(z)= ~že(ž)= (Holub-Kopečný 444) и под.[5].

В современных р у с с к и х диалектах, по данным ДАРЯ, названия птицы, возводимые к *žegъz=, встречаются сравнительно редко и, как правило, в виде небольших ареалов, - на севере, на западе и юго-западе русского диалектного континуума (часто - наряду с названиями, содержащими корень *kuk=). Форма ***загóска***, в которой ощущается связь с исходной, праславянской структурой основы, компактно зафиксирована в говорах на побережье Онежского оз.[6] и оз. Лача, ю.Няндомы, как единичное - к с.-востоку от Вологды, далее - к югу от Пскова, в р-не Опочка-Новоржев, зап.Луга (заметим, что в ОЛА единственный случай записи za'goska отмечен в р-не Вытегры). В р-не Новоржева, по ДАРЯ, известен и вариант ***загóнька*** (см. карту); в комментарии упоминаются и единичные ***загóшка*** (Волог., ср. и: [Липовская 197]), ***загвóска*** (р-н Вытегры), и даже ***гигóшка*** [!] (р-н Подпорожья, Ленинградской обл., также - Латвия [Липовская 197])[7] (в ДАРЯ картографируются как *загоска*). Эти сведения могут быть дополнены данными СРНГ. Помимо **загóзка** 'кукушка' (Новг., Пск., Смол., Олон. [также - Даль I, 569], ср. и иное значение - 'маленькая девочка, мальчик' [Пск.]), ***загóжка*** 'то же' (Олон.- по Далю), ***загóшка*** (Олон.), ***загóза*** (Новг., ср. омоним - 'желчь' [Арх.])(т.10, с.15) и ***жегóжка*** 'кукушка' (Петрозав., Пудож, Олон.) (т.9, с.99), ср. также варианты ***загóзочка*** (Олон.), ***зóгза*** (Волог.), ***зокóзка*** (р-н Онежского оз.), ***загóнька*** (Новг.) [Klepikova 252]. При этом ***зегзúца*** отмечается в источниках со значением 'птица иволга' [!] ([СРНГ, т. 10, 16]; но как «устар.» - и 'кукушка' [Даль I, 690])[8]. В говорах русско-белорусского и русско-украинского пограничья отмечены немногочисленные случаи

соотношение с названиями, содержащими корень *kuk=) изучено в ОЛА, ср.: польск. zazul'a, zezula, zyzula и под.,чеш. zezul'ka, *zezulka (комм., с. 151, также - Габовштяк 25).

записи иных форм, которые иногда могут оцениваться как заимствованные элементы: ***зезю́ля*** - хорошо известна в говорах ю.-зап. Брянска (Стародуб) и (единично) - в р-не Суджы, ***зозу́ля*** (сев. Ст. Оскола), ***зезю́лька*** (***зозу́лька***) (р-н Новозыбкова, зап. Суража, зап. Смоленска), варианты z'i'z'ul'a, z'e'z'ul'a, z'a'z'ul'a (р-н Брянск) приведены в ОЛА. СРНГ (т.11, с.244, 326) расширяет представление о географии подобных названий: ***зезю́ля*** (Пск., Зап. Брянск., Томск.), ***зезю́лька, зезю́лечка*** (Зап. Брянск.), ***зезю́лик*** 'самец кукушки' (Смол.), но и ***зозу́ля*** 'кукушка' (курск., твер., русские говоры Латвии, далее - Тобольск. [!]; ср.: « зап.», « юж.» - Даль), ***зозу́линка*** (Смол.)[9]. Формы, репрезентирующие *žegъz=, не отражены в ССРЛЯ.

В б е л о р у с с к и х говорах, по ДАБМ, названия с основой *zegъz=, представлены во многих районах, - иногда - как единственное (см., например, Зап.Полесье, на севере и северо-западе - р-н Витебск-Полоцк-Поставы и др.), но часто и как внутридиалектный вариант, параллельно с другими названиями (с корнем *kuk=), характеристика таких вариантов приводится в комментарии к карте № 309 (с.897-898). В материалах Атласа преобладает форма ***з'аз'у́л'а, з'аз'у́л'ка***[10], интересна единичная фиксация ***зогзу́л'а*** (ю.-вост.Пинска), отмечены и записи ***з'аўз'у́л'а, заўз'у́л'а, з'еўз'у́л'ка*** (р-н Слуцк, вост. Пинск)[11], Как указывалось выше, несколько иначе описана ситуация в ОЛА, - карта № 21 (и комм.) как будто свидетельствует о значительно большей фреквентности рефлексов *žegъz=, представленных, помимо ***z'a'z'u̯'a*** и под., формами ***z'o'u̯'zul'a, z'o'zul'a, zo'zul'a, z'e'z'ul'a, 3'e u̯'z'ul'ik***[12].

Наиболее широкое распространение репрезентанты *žegъz= (***зозуля, зазуля, зезуля*** и др.) получили в украинском языке. Они известны повсеместно[13], о чем можно судить по упоминавшимся выше фонетическим картам (АУМ 1, № 18, АУМ 2, № 12 - на последней отражены и инокоренные названия - см. выше). Уточнению соотношения рассматриваемых орнитологических наименований двух основных типов (=разнокоренные лексемы) в п е р и ф е р и й н ы х диалектных зонах (Закарпатье, Лемковщина) могут способствовать некоторые региональные украинские атласы (ЛАЗГ № 19, AJDŁ № 142 и др.)[13]. Собственно фонетическая информация указанных карт АУМ важна для дополнительной характеристики единого в *лексическом* отношении украинского диалектного континуума - противопоставленные ареалы произношения гласного первого слога как ***зозуля*** (***зузуля***) ~ ***зазуля*** достаточно велики и компактны[15] (в противоположность ареалам ***зез'у́л'а*** и под.[16], ***зеўз'у́л'а***[17]), что позволяет интерпретировать их как свидетельство действия значимых для украинской исторической фонетики факторов, обусловивших четкую дифференциацию украинских диалектов, в том числе - и по данному

признаку (ср., в частности, гипотезу о негомогенности староукраинского языка (Ю.Шевелев [Shevelov 752] и др.).

* * *

Восточнославянская лингвогеография дает, таким образом, возможность весьма четко описать с о в р е м е н н ы е границы бытования противопоставленных лексических явлений - названий *кукушки*, - содержащих корень *kuk = (и демонстрирующих также использование различных словообразовательных средств, фонетических вариаций гласной корня, что позволяет увидеть членение данного макроареала на иных, чем лексический, языковых уровнях) и репрезентантов *žegъz=. В свою очередь ареал последних также оказывается дифференцированным, - прежде всего на уровне фонетического облика лексем. Помимо рассмотренных выше различий в произношении гласного 1-го слога в укр. ***зозуля***, обратим внимание на расчлененность данного ареала на два субареала по *иному* признаку. Один, бóльший по величине и компактный по характеру, представляет формы, возникшие в результате специфического развития "первичного комплекса" (*žegъz=), с определенной последовательностью ассимилятивно-диссимилятивных процессов, приведших в конечном счете к появлению в восточнославянских языках (также - на восточной и юго-западной периферии западнославянских)[18] фонетической структуры с удвоенным слогом, содержащим **z=**(+ гласный) (***зозуля*** и под.). Этот путь последовательно пройден украинским языком, для которого, как уже говорилось, подобные названия являются наиболее типичными. В значительной мере аналогично развитие *žegъz= и в тех белорусских говорах, где представлены подобные наименования - **зязюля** и др. (существенное отличие от украинского - сравнительно редкая фиксация изменений гласного корня [**е > о/а**]); при этом вряд ли имеет смысл говорить о заимствовании из одного языка в другой, - скорее речь должна идти о общности судеб некоторых явлений в западной группе восточнославянских говоров (Ю.Шевелев [Shevelov 752])[19]. В русских говорах формы данного типа, зафиксированные в русско-белорусско-украинском пограничье, могут допускать различное толкование, - и как "исконные", возникшие в говорах, составлявших в прошлом некое единство с частью (северно)украинских и (восточно)белорусских (=***зезюля*** и др.), и как возможное, - достаточно позднее,- заимствование из украинского (=ю.-рус. ***зозуля***).

Другой субареал, значительно меньший по величине, "разорванного" типа, реализованный преимущественно на русской территории в виде ряда в основном небольших островков - западные и северные говоры. В нем также фиксируется множество фонетических вариантов, но все они

манифестируют *иной* путь трансформации исходного *žegъz=, - т.е. действие иных комбинаций фонетических факторов. В частности, оно обеспечило сохранение (звонкого) задненебного: *загоска* (*загонька*), *загвоска, зогзуля* и др. (иногда с оглушением - напр., *г* > *к* - *зокозка* [см.выше]), благодаря чему (а также спорадически фиксируемым вариантам с начальным *ж=* - напр., *жегожска*) поддерживается связь с формой, принимаемой за исходную (см. карту-схему 2).

Подобная многоаспектная интерпретация восточнославянских фактов на какой-то стадии предполагает учет данных языков (=диалектов) и других групп. Тогда, как указывалось выше, становится возможным констатация - на *современном* этапе, - с одной стороны, локальных русско-словацких (*кукушка* - kukučka), русско-чешских (*кукашка* - kukačka), белорусско-польско-лужицких (*кукуля* ~ kukula) корреспонденций, а, с другой, - восточнославянско-польско-чешских (зозуля и под. ~ zazul'a, zezul'a ~ zezulka, žežulka и др.), но и русско-(белорусско)-польско-чешских (*загоска* и др. ~ [*зогзуля*] ~ gžegžółka, gžegžołka, gzegzołka, zegzołka, zeksulenka ~ ze[g]zulka, žežhulice, zezhulice и др.), - при этом исследователи допускают бóльшую употребительность (=распространенность) подобных западнославянских форм в п р о ш л о м (ср. ст.-польск. gžegžółka, ст.-чеш. zezhule и т.д.).

Примечания:

[1] **Boranić D**. Onomatopejske rječi za životinje u slavenskim jezicima// Rad JAZU, t.178. Zagreb, 1908 (=Boranić); **Булаховский Л.А.** Семасиологические этюды. Славянские наименования птиц // Вопросы славянского языкознания Львів, 1948 [Булаховский]; **Он же**. Общеславянские названия птиц // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1948 [=Булаховский. Изв.АН СССР]; **Klepikova G.** Isoglosses of the Slavic Names of the Bird 'Cuculus canorus'// Cercetări de lingvistică [Supliment]. Mélanges linguistiques offérts á Emil Petrovici. Bucureşti, 1958 [=Klepikova]; **Ferianc O.** Slovenské názvoslovie vtákov. Bratislava. 1958; **Габовштяк А**. Два названия птиц в славянских языках// ОЛА.Мат-лы и иссл. М., 1975 [=Габовштяк] ; **Липовская Н.А**. Названия кукушки //Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987 [=Липовская] и некоторые другие.

[2] Ср также редкие ***куку́шница*** 'то же' (Волог.), ***куковница*** и под. (СРНГ 16, 39).

[3] Высокую частотность имеют дериваты, образованные по близкой модели (kuk-ul-ъk-a) в польском (**kukułka**, **kukuṷka**, **kukǫlka** и др. - центр, восток Польши), в словацком (**kukulka** - Вост. Словакия (ОЛА).

[4] Не только как свидетельство древности балто-славянской языковой общности, но и как *единства* балто-славянских и германских фактов (ср., например,

др.-сев. gaukr 'то же' < и.- е. *ghoug' [Топоров 190-191], там же - о сомнительности сближения *geg= и *kek).

[5] Ср. в более общем виде - "слово испытало множество изменений и ономатопея ощущается слабо" ([Boranić 75]).

[6] ***загоска*** 'кукушка' - как лексическая особенность онежской группы межзональных говоров северного наречия - упомянута в: [Захарова-Орлова, 119].

[7] Следует обратить внимание на удвоение слога с согласным **г**, что образует, по крайней мере, внешнюю параллель к балтийским формам (прус. geguse, лит. gegužė̃ (: gegùžis, gegž̃, gegẽlė, gegùle и др.), лтш. dzęguze, dzęguôze, dzęguse и др.(см.: Топоров 189-190).

[8] В памятниках древнерусской письменности находим такие варианты **жегозѹла** (XVI в.), **зегзица** (Слово о Полку Игореве), **зегѹла** (XIV в.), но и **зогзица, зогзуля** (XIV в.) ([Срезневский I, ст. 847,969], при **кѹкавица** [XVI в.], там же, ст.1360). Ср. также: Сл.рус.яз XI-XVII вв. - те же формы (5, с.368; 6, 54) и: **загозица** [XVI в.], **загоска** [**загостка** -XVII в.](5, 170, 174), ср. и **ѣзгуля, ѣзгулия** ([XVII в.] - 5, 37), ср. и: [Липовская 198].

[9] Также: ***зязюлечка*** (Орел), ***зюзюля, зезюлюшка*** (Смол.), ***зузуля*** (Рыльск), ***зузюля, зозуленька*** (Курск) [Klepikova].

[10] В литературном языке - ***зязюля*** (***зязюлька*** - *ум.-ласк.*) [БРС 1, 541].

[11] Л.А. Булаховский видит в **в[=ў]** результат ассимиляционных процессов - ***зевзуля*** < ****зелзуля***...< ***зезуля*** (Булаховский. Изв. АН СССР, с. 109). Можно допустить и развитие **в(=ў)** < **г** , имея в виду бел. диал. ***зогзуля*** (см. выше), вместе с тем версия Л. Булаховского кажется предпочтительной.

[12] Ср. и ***зязюлюхна*** (р-н Орша) и др. варианты (Klepikova). На территории Польши (р-н Белосток) также z'ez'ulka, zazula, zozula и др. (AGWB № 93).

[13] Исследователи, до публикации АУМ, склонны были видеть на Украине лишь "следы" подобных названий (подробнее – [Топоров 190]). Именно факт широкого распространения ***зозуля*** и др. в украинском диалектном континууме оказался решающим в признании их исконными (а не заимствованными) элементами (ср. [ЕСУМ 2, 274; Sławski I, 388-389]).

[14] В литературном языке - ***зозу́ля, зозули́ця*** (*разг., редко*) и др. [СУМ 3, 678]) ср. и: [Гринченко II,177].

[15] Форма **з[о]зу́л'а (з[у]зу́л'а)** отмечена в обширном ареале, охватывающем северную половину западноукраинских говоров (здесь южная граница его совпадает с пучком изоглосс, выделяющих надднестровско-буковинско-подольско-карпатскую диалектную зону – [АУМ 2, № 401, также №№ 400, 402]) и бо́льшую часть восточноукраинских говоров. Напротив, **з[а]зу́л'а** представлена в двух дистантно расположенных ареалах: на Востоке - сев. Житомира, севернее линии Киев-Прилуки-Конотоп и на левом берегу р. Ю.Буг. ю. Винницы (АУМ 1), а в западноукраинских говорах - в рамках указанной выше диалектной зоны (АУМ 2, № 401). При этом процессы, приведшие к возникновению в обоих ареалах единой

формы, остаются *неясными*. Актуальным остается предположение А.А.Шахматова об открытом характере **о** (="склонность к **а**") в "древнерусском", что нашло отражение (с XIII в.) в укр. ***багато, гаразд*** и др.[Шахматов 178]. С другой стороны, А.А. Шахматов указывает на процесс ä [: e] > а - в определенных условиях, иллюстрируя его как раз формами: **žegъzica/ zögъzul'a, žögъžьka > žagzica > zagzica, zagzul'a > zazul'a, zagoška** - при **zogzul'a, zogoška**, укр. **зозуля, зазуля (Шахматов** 62-64). Наконец, следует иметь в виду, что с е в е р н о у к р а и н с к и м говорам известна нейтрализация оппозиции безударных **[а]** ~ **[о]** ([АУМ I, № 71, 72]; ср. и: *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985, № 7).

[16] В виде небольших островных ареалов - на севере Украины, но (редко) и на юго-западе (Гуцульщина) (АУМ 2).

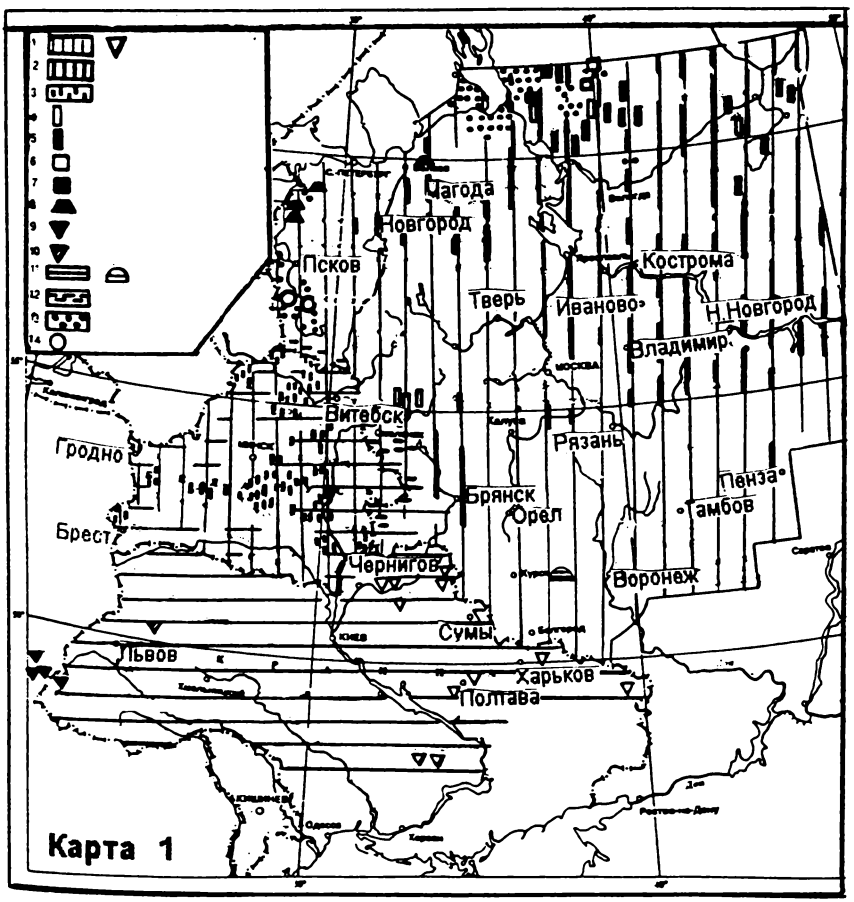
[17] В некоторых говорах Среднего Поднестровья (там же).

[18] По материалам ОЛА, - в.-польск.(редко - ю.-зап., зап. польск.) **zazul'a, zezul'a, zyzyl'a, zezulka**, с.-зап.чеш. **zezulka, zezulka** и др. ср. также соответствующие примеры в: Sławski, Machek и др.

[19] Ф.Т.Жилко видит причину общих признаков (в том числе лексических) в интенсивных перемещениях белорусского населения, например, в правобережнополесскую диалектную область, и в формировании здесь разнообразных переходных говоров - "преимущественно на основе белорусских элементов" *(Жилко Ф.Т.* Ареальні системи української мови // Мовознавство, 1990, № 4, с.22-23).

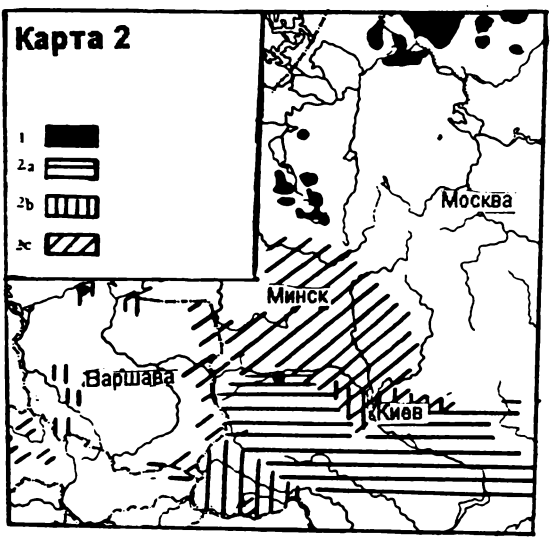
Карта № 1. Названия ‘кукушки’.

1 – *куку́шка*; 2 – *коку́шка*; 3 – *куку́ля*; 4 – *куку́ша*; 5 – *коку́ша*; 6 – *куку́шица*; 7 – *кокушица*; 8 – *кикушка*; 9 – *ку́каўка, ку́коўка*; 10 – *кукалка*; 11 – *зозу́ля* (*зазуля, зузуля*), *зезуля*; 12 – *зезю́лька, зозу́лька*; 13 – *загоска*; 14 – *загонька*.

Карта № 2. Дифференциация современного ареала репрезентантов *žegъz= по фонетическим признакам (ДАРЯ, ДАБМ, АУМ, ОЛА).

1 – Формы с сохранением =g=; 2 – Формы без сохранения =g=: a. *зозуля* (*зузуля*), b. *зазуля*, c. *зезуля* и под.

Г.П.Клепикова

Названия *петуха*

Сводная карта и комментарий к ней представляют диалектный материал, касающийся названий *петуха* в восточнославянских языках и отраженный в диалектологических атласах этих языков. Использованы карты № 64 ДАРЯ (составитель Н.А.Липовская), № 294 ДАБМ (составитель В.М.Шелег), № 319 АУМ 1(составитель К.Симоненкова.), № 331 АУМ 2 (составитель Т.Назарова). Включение соответствующих вопросов в программы национальных атласов объясняется тем, что уже предварительные разыскания в области диалектного словарного состава свидетельствовали о наличии в каждом из этих языков лексических (а в некоторых - и словообразовательных) вариантов[1] (ср. Опыт, Даль, Гринченко, Носович и др.). Из работ, специально анализирующих русские наименования мужской особи семейства куриных, отметим статью Н.А.Липовской (=Диалектные названия петуха// Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977), которая использовала опубликованные и архивные данные региональных русских атласов, и ДАБМ (а также материалы ряда словарей); замечания и выводы автора учитываются нами при рассмотрении восточнославянской ситуации **в целом***.

Эта ситуация может быть описана следующим образом. (1) для р у с с к и х диалектов лингвогеографически значимы как лексические, так и словообразовательные противопоставленные явления: с одной стороны, это названия *петуха* с корнем **pě=* (: **pěti*) и рефлексы **kočetъ*, с другой, противопоставление в первом из ареалов дериватов ***петух, петун, пе(в)ун*** и др., а во втором - ***кочет, коч, кочеток***; (2) для у к р а и н с к и х говоров актуально прежде всего противопоставление лексических явлений - названия с корнем **pě=* (среди них высокой частотностью обладают названия, репрезентирующие словообразовательную модель **pěvьnь*) и названия, восходящие к **kogutъ*; (3) для

---

* Однако на нашей **сводной** карте не принимаются во внимание некоторые обобщения изолекс, присутствующие на карте к указанной статье. Заметим также, что данные региональных русских атласов о названиях *петуха* нашли отражение в упрощенных картах-схемах, иллюстрирующих **лексические** различия русских диалектов в пособиях по диалектологии. См., например. Русская диалектология (под ред. Л.Л.Касаткина). М., 1989, с.157.

белорусских, напротив, актуально противопоставление прежде всего словообразовательных явлений (в названиях с корнем **pě=*) - лексемы с иным корнем отмечены как единичные.

Общими для говоров всех восточнославянских языков являются несколько словообразовательных вариантов с корнем **pě=(< *pěti)*[**] . Это, во-первых, **pětuxъ*. Наиболее известен вариант ***петýх*** на русской языковой территории (в памятниках отмечен с XVI-XVII вв. - **пѣтух** и под. - ([Сл.рус.яз. XI-XVII вв., т. 15, 30] ср. и [Черных]). ДАРЯ фиксирует его в качестве единственного обозначения *петуха* в двух больших и близко расположенных ареалах: а) с е в е р о - в о с т о ч н ы й , охватывающий вологодскую группу, и северо-восток костромской группы говоров северного наречия[2] и б) ю г о - з а п а д н а я и з а п а д н а я части центральных русских говоров, включающие некоторые говоры северного наречия (напр., белозерско-бежецкие) и срединную область среднерусских говоров (ю.-восток западных акающих, запад восточных окающих, восточные акающие), западную часть южнорусского наречия (западная, Верхне-Днепровская, Верхне-Деснинская группы, часть Курско-Орловской, некоторые группы межзональных говоров [напр., запад Тульской группы]) (см. карту). Особенностью географии данного названия является его представленность и за пределами указанных двух ареалов, где оно выступает и как междиалектный, и как внутридиалектный вариант, - параллельно с ***петýн*** (северо-запад), ***кочет*** (центр, юго-восток) и др.[3]. Достаточно подробно описана география наименования ***петýх*** 'петух' в СРНГ (т.26, с.332 и сл., там же - иные значения: 'вид рыб', 'вид растений', 'стропила',' узоры' и под.) (см. ниже).

Как естественное продолжение "западнорусской" части описанного выше ареала воспринимается фиксация лексемы ***пятýх*** - единственное обозначение *петуха* - на севере и западе белорусского диалектного континуума (=северо-восточный диалект, западная часть средне- и юго-западного диалектов[4]), кроме того, это название употребляется параллельно

[**] На связь подобных названий ***петуха*** и глагола *pěti указывают все этимологические словари ([Фасмер 3, 350 [и литература], 252, 253; Machek 365; Skok III, 672; Черных 2, 27-28] и др.). При этом рус. petux анализируется как *pě-t-ux-ъ , то же - слов. pe-t-eh (>petej) , а серб. petȁo (: pijetao) - как *pě-t-ьl-ъ. Однако, по словам М.Фасмера "дальнейшие сближения недостоверны" (с.350): *pě=/ *poi̯= сопоставляют с гр. παιάν, παιών, но эта этимология "не более ясная" (Черных). О.Н.Трубачев предложил видеть в *pěti ,*poję каузатив к глаголу *piti - с изменением значения 'поить' → ' петь, воспевать', что может относиться к "языческому обряду жертвенного возлияния" (дополнение к статье **пою, петь** в: [Фасмер 3, 350]; подробнее - *Трубачев О.Н.* Следы язычества в славянской лексике// ВСЯ. М., 1959, с.135 и сл.).

с ***пе́вень*** в некоторых говорах сев. Минска, в р-не Бобруйска, Могилева, Гомеля и др. (см. карту).

На территории у к р а и н с к и х говоров репрезентанты **pětuxъ* отмечены в виде микроареалов (=островных ареалов), при этом чаще всего - параллельно с вариантами, восходящими, как правило, к **pěvьnь*, Следует обратить внимание и на то, что значительное число фиксаций рефлексов **pětuxъ* содержит гласную е < *ě - п$^{(')}$[е]= (resp. [е^{a}], [ä], [â], [ə], [е^{u}], [и^{e}], [и], - т.е. «не-**і** [< *ě]») [АУМ 1, 67; АУМ 2, 74], они отмечены в пределах особой зоны (север, северо-восток Украины), где *ě произносится как «не-і» ([АУМ 1, № 15; ср. АУМ 2, № 13, 14]; ср. меньший по величине ареал подобного произношения *ě - в глаголе ***співає*** - [АУМ 1, № 16])[5]. Формы с «не-і»-рефлексом *ě в лексеме **pětuxъ* ю ж н е е указанной зоны достаточно часто отмечаются в говорах Левобережной Украины - как в пограничных с изоглоссой *ě(> е и под.) районах (напр., Конотоп, Сумы, Ромны), так и в отстоящих от нее (р-н Лубны-Полтава, Кировоград, Днепродзержинск, ср. и единичные фиксации - в р-не Хмельницкого). Вместе с тем форма с типичным украинских рефлексом *ě > **і** (***нітýх***) встречается в АУМ редко: с.-вост., ю.-вост. Шостки, вост. Прилук, Нежина, также - р-н Сум, Лубны, зап. Конотопа, а в Правобережной Украине - ю.-зап. Хмельницкого. Таким образом, распространение различных рефлексов *ě в лексеме ***петух*** позволяет допустить, что, с одной стороны, в части говоров (прежде всего левобережных) рефлексы **е** (и под.) и **і** в равной мере представляют закономерное развитие *ě; с другой, - что формы с начальным п$^{(')}$е= (пə=, пе^{u}=, пи^{e}=, пи=) могут в некоторых говорах рассматриваться и как заимствованные из русских диалектов, - при соответствующих фонетических трансформациях на украинской почве (утрата мягкости ***п***, изменение качества безударного гласного и др.). Впрочем, вопрос о возможности заимствования лексемы ***петух*** требует дополнительных исследований[6].

Достаточно обширным и компактным представляется ареал названий *петуха* , образованных от корня *pě= и суфф., возводимого к *=ьnь. Подобные формы характеризуют бóльшую часть украинских говоров - Восточная (Левобережная) Украина , а также северная и восточная части Западной Украины (ср. и литер. ***півень*** - СУМ). Изоглосса, четко ограничивающая распространение *всех* названий с корнем *pě= - *п$^{(')}$і́вен', п$^{(')}$е́вен', пі́вен'* и др. (и, следовательно, отграничивающая эту зону от области, где бытуют репрезентанты **koguťъ*) в основном совпадает с пучком изоглосс, очерчивающих юго-западные (в широком смысле) украинские говоры (помимо собственно юго-западных [закарпатских, бойковских, надсянских, гуцульских и буковинских], также поднестровские, волынские, западноподольские) [АУМ 1, дополнительная

карта IX], и идет по верховьям рр. Зап. и Ю.Буг, далее - к г. Могилев-Подольский и р. Днестр; "зона вибрации", где отмечены варианты (=разнокорневые лексемы), невелика (р-н Червонограда, верховья р. Стырь, далее - р-н Хмельницкого, запад и юг Винницкой обл.). Параллельное употребление однокоренных вариантов с корнем *pě= (***пи́вень ~ пету́х***) - в северных и северо-восточных украинских говорах отмечено значительно шире (см. также выше).

В б е л о р у с с к о м литературном языке - ***певень*** (***пеўнік*** *ум.-ласк.*) (БРС 2, с.167, 221). В диалектах вариант ***п'ев'ен'*** компактно представлен в западно-полесских (=брестско-пинских) диалектах, в центре и на востоке юго-западных и средне-белорусских диалектов; на периферии описанного ареала (р-н Минска, Могилева, Бобруйска, Гомеля и др.) отмечено значительное число вариантов (***п'ев'ен' ~ п'ату́х***); с другой стороны, единичные фиксации ***п'ев'ен'*** и др. встречаются на территории, где обычными являются названия ***п'ату́х*** (р-н Оршы, Бешенковичей и т.д.). Дериват, восходящий к *pěvьnь, известен и некоторым р у с с к и м говорам, - как показывает ДАРЯ, главным образом, на западе русского диалектного континуума (ср. микроареал Новозыбков-Стародуб-Трубчевск), как единичное данное название (часто параллельно с иными названиями) зафиксировано ю.-зап. Смоленска, в р-не Суджы, ю. Ст.Оскола и даже ю.-зап. Ливны (помимо Атласа, см. в донских говорах, в говорах р-нов Кургана, Новосибирска, Красноярска - [СРНГ 25, 310]).

Редко (и изолированно) в русских и украинских говорах отмечается дериват с суфф. ***=ник*** (< *nikъ), ср. зап.-русск. ***пе́вник*** (сев. Новозыбкова) (ср. и: [СРНГ 25, 310]), зап.-укр. ***пу́ник*** (р-н Червонограда - [АУМ 2, 74]).

Русско-белорусскую словообразовательную параллель образуют названия *петуха* с суфф. ***=ун*** - ***певун*** (***пеун*** и под.). При этом в русских говорах название имеет два акцентологических варианта (***пе́[в]ун ~ пе[в]у́н***), которые и отмечаются в ряде микроареалов, - в основном, в полосе севернорусских говоров, протянувшейся с юго-востока на северо-запад от Иванова-Костромы к Онежскому оз. Так, ***пе[в]у́н*** распространен в р-не Переславль-Залесский - Ростов, зап. Иваново, вокруг Ярославля и Рыбинска, с.-зап. Костромы, между Весьегонском, Череповцом и Кирилловом, вдоль оз. Белое, зап. Вологды, а также вост. Вытегры, зап. оз. Воже, сев. Вельска ,тот же вариант, как единичные записи, отмечен с.-вост. Тихвина, но также и в р-не Любань, и далее на запад - с.-вост. Порхова, Новоржева, в верховьях р. Сож, ю. Брянска. Вариант ***пе́(в)ун*** отмечен в некоторых говорах северного наречия (часто - в тех же районах, что и ***пе[в]у́н***) - с.-зап. Вельска, ю. оз. Лача, на юго-восточном берегу Онежского оз., на запад и юг от оз. Белое, вост. Череповца, с.-зап. Костромы, как единичное - ю.-вост. Москвы и Серпухова, на западе - ю. Духовщины, в р-

не Белева, Брянска, в. Щигры, ю. и с.-вост. Ст.Оскола, вост. Острогожска (см.карту). Варианты ***певу́н*** (Влад., Иван., Костром., Яросл., Волог., арх., Смол.,Твер., Моск., Новг., Орл., Калуж., Ряз., Симб. , но и донск., Свердл., Кемер., Томск., Новосиб., Урал) и ***певуно́к*** (*уменьш.*) (Новг., Пск., Смол.) приведены в [СРНГ 25, 311]. Лишь вариант ***пяву́н*** отмечается в отдельных белорусских говорах - к югу и западу от Минска, единично - также в р-не Могилева, Бешенковичей, Дубровно. Указанные западнорусские и белорусские диалектные факты образуют ареал "разорванного" (="цепочечного") типа, который может быть сопоставлен с описанным выше севернорусским ареалом, где представлена та же словообразовательная модель (на сводной карте акцентологическое варьирование не отражено, поскольку в восточнославянском контексте оно выявляется недостаточно ярко).

На западе, по преимуществу, русской языковой территории, спорадически отмечены варианты ***пе́юн*** (***пеюн***), которые генетически связаны с рассмотренными выше (ср. ***пе-в-ун*** > ***пе-j-ун***), о том же, по-видимому, свидетельствует и их география - названия ***пе́ю́н*** записаны в р-не Трубчевска, ***пеюн*** - вост. Новозыбкова, зап. Невеля, но и вост. Рязани. Данные СРНГ расширяют наши представления о распространении указанных вариантов, ср. ***пе́ун***, ***пеу́н*** (Новг.), ***пе́ун*** (Волог.), ***пеу́н*** (Влад., Иван., Калин., Яросл., Горьк., Костр., арх., Беломорье, а также - Новосиб., Читин.,), ***пеун*** (СПб., Моск., Смол. и Томск., Акмол.), ***пеуно́к*** (Новг., Яросл., Арх.) [вып. 26, 337]. Сходная словообразовательная модель обнаруживается в отдельных польских говорах, ср. единичное ***p'$^{(j)}$ejun*** (вост. Торунь - [MAGP IX, № 438, комм., s.106]).

Из названий *петуха* с корнем *pě=, известных говорам только *одного* языка, интерес в лингвогеографическом отношении представляет рус. диал. ***пету́н***. Его ареал выражен достаточно ясно - это главным образом северо-западная зона, которая в диалектном отношении квалифицируется как говоры северного наречия (Ладого-Тихвинская группа), некоторые межзональные говоры (Лачские, Онежские, Белозерско-Бежецкие), западные среднерусские (окающие и акающие), а также отдельные говоры западной группы южнорусского наречия. Вместе с тем структура ареала весьма сложна и мозаична, поскольку он слагается из суммы небольших ареалов, - в части их отмечены лишь фонетические варианты деривата ***пету́н***, однако во многих микроареалах зафиксировано параллельное употребление данного названия и (чаще всего) другие названия *петуха;* наконец, укажем на существование анклавов, где известно только последнее (ср., напр., р-н Лодейного Поля, р-н Тихвин-Пикалево-Боровичи, С.-Петербург-Гатчина-Любань, р-н Мал.Вишеры, Дно). Вдоль восточной границы относительно компактного распространения деривата ***петун***, на

некотором расстоянии от нее, протянулся ряд мелких островных ареалов, который, вероятно, может быть интерпретирован как свидетельство более широкого в прошлом употребления данной формы (ср. фиксации зап. Белый, вост. Нелидово, ю.-зап. Торжка, с.-зап. Лихославля, также в р-не Кимры, Углича, далее, около оз. Белое, - как своеобразный переход к компактному ареалу ***петун***, располагающемуся на территории лачских говоров) (см. карту). Важную роль в сужении сферы употребления (и вытеснении) ***петýн*** было, по-видимому, то обстоятельство, что ***петýх*** является литературным названием. В СРНГ также приводится название ***петýн*** (ср., помимо указанных выше районов, также - русские говоры Прибалтики, но и Урал, Байкал, Амур., ср. и ***пятýн*** - Олон., ***петунёнок*** *ласк.* - Прибалтика [вып. 26, 332]).

Наконец, приведем некоторые локальные названия *петуха,* образованные от корня **pě=* и известные в отдельных восточнославянских диалектах - русск. ***пятýк, спевýн, певúнь*** (ДАРЯ, комм., картографируются - соответственно - как ***петух, певун, певень***; напротив, отведены от картографирования ***пéтел, пéтель*** [например, в р-не Чухломы] и эксклюзивы типа ***косáрь*** [р-н Костромы], также и единичное ***пестýх***). Ср. и такие варианты, как ***пéвна*** (Волог.), ***пéвел*** (Орл.), ***пéтко*** (Вят.) [СРНГ 25, 310; СРНГ 26, 327], сев.-зап. бел. ***п'атóк*** [ДАБМ, 888], с.-укр. ***пет'кó*** (р-н Ровно - [АУМ 2, 74]), ***пивéц'*** (сев. Чернигова, вост. Коростень - [АУМ 1, 67]). По-видимому, как заимствование из восточнославянских диалектов - в.-польск. ***pietuch, piewień*** (р-н Белосток-Семятычи – [MAGP IX, № 438, комм., 106 и сл.]).

Значительно меньше ареалы двух других лексем, обозначающих *петуха* и образующих противопоставленные явления в восточнославянском диалектном пространстве - наряду с дериватами от **pě=*.

В русских диалектах это репрезентанты **kočetъ**** (и однокоренные), зафиксированные в северно-, средне- и южнорусских

*** В ЭССЯ (10, с.106) **kočetъ* рассматривается как образованное с суфф. =etъ и представляющее вариант к звукоподражательному **kokotъ* (см. ниже), отмечается и семантическое сближение с гнездом **kočъ, *koča, *kočanъ, *kokora* и др.(в значениии 'колышек' и под.). Последнее может объяснять широкое распространение в русских говорах **кочет** (**кочеток** и др.) в значении 'маленький колышек, вставленный в борт лодки - служит опорой весла' (север, Перм., Томск.), 'уключина' (Онеж., Томск., Краснояр.), 'круглое бревно - поперек кормы'(арх.), 'железный крюк в дверном косяке' (Вят.), **кочетá** 'палочки на мачте' (Волог.) и др. [СРНГ 15, 128] и сл.; ср.и: [Комягина, № 78]). Ср. также ***кóчень (кочетó)*** 'уключина' и под. (Перм., Томск., Иркут.)(СРНГ, с.129). Близкое направление семантического развития - ***кочет*** 'седалищная кость человека' (Вят.). По-видимому, в связи со значением 'петух' развились и ' вид растения', 'вид узора' и

говорах. Первые представлены центральной и южной частями костромских, вторые - большинством владимиро-поволжских (и их горьковской подгруппой) и восточными акающими говорами , третьи - частью Курско-Орловской группы, всей Восточной группой и многих межзональных говоров (тульских, елецких, оскольских). При этом данный макроареал (как и рассмотренный выше - северо-западный, для которого характерно название ***петун***) внутренне неоднороден и представляет картину сильной чересполосицы лексических явлений - наряду с микрозонами, для которых типична лексическая вариативность (***кочет ~ петух***) , существуют анклавы, где , по данным ДАРЯ, известно лишь одно название. Так, только ***ко́чет*** записано, например, в говорах р-на Обояни, Воронеж - Липецк, в р-не Борисоглебска, Балашова, в русских говорах Мордовии[7], в Горьковской обл., ю. Костромы и под. (кроме указанных р-нов см. и в Оренб., донск., Ставр., кубан., Краснояр., Байкал, Урал., сибир., Иркут., Читин., и др. - [СРНГ 15, 128] и сл.), только ***пету́х*** - в тамбовских, рязанских говорах, во Владимирской и Горьковской обл., на ю.-вост. от Москвы (единично) и др. Параллельное употребление двух указанных названий известно во многих микроареалах (р-н Орла[8], Калуги, Углича, ср. и далеко на западе - в р-не Новоржева). На востоке Европейской части России - некоторые говоры на правом берегу р. Ветлуга. Довольно четко локализуется вариант ***коч***[9] (правда, обычно параллельно с другими названиями, например, с ***пету́х***) - сев. Тамбова, р-н Сасова, зап. Пензы, в русских говорах Мордовии, напротив, ***кочеток***[10] встречается редко и поэтому не рекартографируется нами. Упомянем и явно малоизвестные формы - ***ко́чен(ь)*** (Вят.), ***кочети́на*** (Влад.) [СРНГ 15, 126, 129]. Многочисленные случаи параллельного употребления ***кочет ~ петух*** не в последнюю очередь связаны с влиянием русского литературного языка (ср. помету к ***кочет*** *"обл."* в: [ССРЛЯ]). В украинских говорах, по АУМ, форма ***ко́чет*** зафиксирована 2 раза (р-н Днепропетровска, Миргорода), ср. и ***ко́чут*** (зап. Коростеня) [АУМ 1, 67], (лишь ***ко́чет*** 'колышек, уключина' и под. - [Гринченко II, 295]; о бел.диал. ***ко́чут*** 'петух' (Гомель), ***ко́чат*** 'уключина' см. в: [ЭССЯ 10, 106].

Третий член лексического противопоставления в восточнославянских названиях *петуха* - репрезентанты **kogutъ*[****] , широко употребляющиеся

др. (там же, с. 130). Слово отсутствует в словаре П.Черныха. В качестве южнославянской (скорее семантической, чем словообразовательной) параллели отметим хорв.(диал.) kȍčūn 'вид железного крюка, на который вешают горшок (над огнем)' (о. Вргада – Jurišić 91).

[****] В [ЭССЯ 10, 107] **kogutъ* отождествляется с **kokotъ* (с k > g) и, следовательно, также определяется как "звукоподражательное" (ср. и: [Machek 212; Skok II, 121; ЕСУМ 2;Фасмер II, 283] и др.). Хотя соответствующие названия характерны прежде всего для западнославянских языков (resp. диалектов), они, как показывает АУМ (и

лишь на части украинской языковой территории (=юго-запад). Восточная граница распространения этого лексического элемента описана выше - при рассмотрении названий, восходящих к ***pěvьnь***, а западная граница укр. ***когут***, (***ко^{y}гýт***, ***кôгýт*** и др.)[11] проходит в Восточной Словакии (украинские говоры лемковского типа), то же название представлено в украинском островном ареале в р-не Славонски Брод (Югославия). Кроме того, в виде небольших анклавов это же название (часто - параллельно с ***півень***) употребляется в отдельных говорах Винницкой, Черкасской, Кировоградской обл., но и сев. Житомира, Ровно, что может оцениваться как результат определенных (и довольно поздних) междиалектных взаимодействий, - в том числе связанных с локальными перемещениями населения на территории Украины - в новое и новейшее время. Отмечено бытование ***когут*** и в единичных говорах на крайнем западе белорусской языковой территории [ДАБМ, комм., 888[12]]. Наконец, примеры окказиональной фиксации данного названия в русских (рязанских!) говорах приведены в [СРНГ 14, 44], ср. и комм. к карте № 64 ДАРЯ[13].

Изучение географии восточнославянских названий *петуха* и версий, касающихся их происхождения, а также учет данных других славянских языков, позволяет высказать некоторые соображения относительно реконструкции ситуации, которая могла существовать в позднепраславянский период, - т.е. в период возникновения диалектной дифференциации праславянского. По-видимому, уже тогда сложилось одно

иные источники), присутствуют в юго-западной украинской зоне (там же и - близкие значения, ср. 'тетерев' - Гринченко II, 262). Мысль о заимствовании из чешского в польский оспаривается, обсуждается и возможность влияния польского на украинский (ЭССЯ), однако, на наш взгляд, более перспективно предположение о существовании - уже в древности - ареала, объединявшего празападнославянские и часть правосточнославянских (=позднее - югозападных украинских) диалектов, где получили распространение звукоподражательные по происхождению наименования *петуха*, и противостоявшего другому, также д р е в н е м у (может быть, даже п е р в и ч н о м у), ареалу (южнославянские и большинство восточнославянских), где обычными были названия с корнем *pě= (см. выше). Эта идея может рассматриваться в рамках гипотезы о негомогенности (пра)восточнославянского диалекта в позднепраславянскую эпоху (ср. работы Ю.Шевелева, А.Зализняка и др.). Во всяком случае, вряд ли целесообразно некоторые общие черты в диалектной лексике трактовать л и ш ь в плане заимствований. Показательны в этом отношении, например, и названия, восходящие к *kogutъ в польских говорах, где, с одной стороны, представлены следующие формы: **kogut** ~ **kobut** (центр.) ~ **kokot / kokut** (зап.), а, с другой, - **kohut** (**koxut** : **koγut**) (ю.-зап.) ~ **kokot/kokut** (зап.) (MAGP, № 438, s. 106-107), однако проблема «исконности ~ заимствования» в сфере наименований данной птицы требует специальных разысканий.

из старых лексических противопоставлений - в зависимости от способа обозначения данной реалии. Для предков южных славян и значительной части восточных (но и некоторых западных[14]), были характерны названия (=дериваты) с корнем ***pě*= (**pěv*=), при этом ясны и различия в хронологии таких производных, как серб. ***петао***, болг. ***петел***, укр. ***півень***, рус. ***петух***, ***петун***, с одной стороны, и, напр., рус. ***певун***, ***пеун***, ***пеюн***, - с другой и т.д. В ряде древних славянских диалектов, напротив, получили распространение звукоподражательные названия, возводимых к **kogutъ* /**kokotъ* /**kočetъ*, но и **kokošь* (подробнее - [ЭССЯ 10, 115-116])[15]. Особенность *современного* пространственного распределения указанных выше основных типов славянских названий *петуха* состоит в том, что две зоны, где представлены названия с корнем **pě*=, ныне еще более дистанцированы, за счет обширного пространства неславянских языков - венгерского и румынского, в которых для обозначения птицы используются старые заимствования из славянского с корнем **ko(k)*= (венг. *kakas*, рум. *cocoş*).

Наконец, в некоторых древних славянских диалектах, вероятно, на периферии Славии, были известны и названия, репрезентировавшие **kurъ*.***** Ныне они зафиксированы в севернопольских диалектах (*kur, kurek, kuron, kuras* - MAGP IX, cz.2, s.). С определенными поправками на историческое развитие "периферийными" могут быть названы и некоторые русские говоры, ср. ***кур*** (и производные ***кура́н*** и под.) 'петух' (Твер., Яросл., Кост., Ленингр., Пск., Смол., Брян., Калуж., Марийск., Тер., Урал., и др. - [СРНГ 16, 106, 111, 112, 146, 150], также -'индюк' , ср. и [Даль II, 825] - «уст.» и «обл»); единичные фиксации в ДАРЯ (например, ***кур*** [Семеновский р-н, Горьк. обл.] не картографируются и включены только в комментарий). Далее - укр.диал. ***кур*** 'петух' (бойков. - КДО 397). Несомненно, слово в современных языках воспринимается как архаизм (ср. и [БЕР 3, 142-143]).

***** Об исконном характере слав. *kurъ 'петух' - первоначально 'птица, курица', см.: ЭССЯ 10, с.130. Вероятно, звукоподражательное - см. БЕР 3, с.143. В связи с этим праславянским элементом О.Н.Трубачев пишет: "...Вообще не следует смешивать факт относительно позднего (разр. наша - Г.К.) культурного заимствования и распространения курицы как домашней птицы в Европе с Востока с древним наличием звукоподражательного наименования, вторично употребленного о домашней курице" (ЭССЯ). Ср. и *kurьcь 'петух', - с последующим существенным изменением семантики (см.: [ЭССЯ 13, 129-130,133,132], также: [Skok II, 240; БЕР] и др.).

Примечания:

[1] По-видимому, важно в принципе различать типы диалектных лексико-словообразовательных вариантов - варианты, (а)отмечаемые в единичной системе - "частной диалектной системе"[=ЧДС], по определению Р.И.Аванесова и его последователей) и (б)представленные в совокупности (=континууме) диалектов. Соответственно употребляются и различные термины. Так, говорят о "разнодиалектной межсистемной синонимии" (resp.- "внутрисистемной синонимии") (см.: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с.151), о "междиалектной синонимии" , "диалектном лексическом множестве", "диатопической синонимии", о "гетеронимии" (Я.Гоосенс) и др. (подробнее см.: *Клепикова Г.П.* Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем// Слав.1980, № 2, с.79-80). Однако материал используемых нами атласов не дает возможности детализировать понятие лексических (resp. словообразовательных) вариантов.

[2] Традиционное обозначение единиц диалектной дифференциации русского языка см. в Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970, карта (повторена в различных более поздних публикациях). Последний, уточненный, вариант диалектного членения русских говоров опубликован в: [ДАРЯ, т.1] (М., 1986).

[3] Подробная характеристика зафиксированных в ДАРЯ вариантов, отмеченных в том или ином говоре (частотность и под.) приводится в комментарии к карте № 64. Вместе с тем специальные исследования отдельных микрозон показывают, что для говоров более обычна, по-видимому, "чересполосица" ареалов различных названий (="междиалектная синонимия"), нежели параллельное их употребление в одном пункте (="внутридиалектная синонимия"). Ср., например, положение в ярославских говорах ([*Мельниченко*, № 78]; там же, кстати, зафиксировано название ***додон*** 'петух', отсутствующее в ДАРЯ и в СРНГ), в русских говорах Башкирии [Здобнова, № 86]. Изучение вариативности в сфере наименований петуха будет продолжено в "Лексическом атласе русских народных говорах" (ср., напр., [Каде-Факторович, 60].

[4] Карта диалектного членения белорусской языковой территории воспроизведена в: Лексічны атлас беларускіх народных гаворак.1.Минск, 1993.

[5] Соответствующая рефлексация представлена и в формах ***п'ев'ен'***, ***пев'ен'***, ***певен'*** и др. (Север Украины - [АУМ 1, 67; АУМ 2, 74]).

[6] Ср. гидроним ***питоушок*** (ручей в Молдавии), зафиксировано 1 раз (Словник староукраїнскької мови.2. Київ, 1978, с.150.)

[7] ***ко́чет, коч, кочето́к*** 'то же' см. и в: Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1992, с.

[8] В "Словаре орловских говоров"(Орел,1992) отражены пока лишь названия ***ко́чет, кочето́к*** (с.101-102).

[9] Составители ДАРЯ интерпретируют форму ***коч*** из *кочет* - "в результате редукции до нуля звука заударного гласного". Впрочем, на наш взгляд, возможно и иное объяснение - ***коч*** как "аугментатив" к ***кочет***. Название ***коч*** см. и в: [СРНГ 15, 122].

[10] Формально - деминутив к ***кочет***. См. однако замечание в комментарии ДАРЯ, что ***кочеток*** "в ряде говоров является единственным и, по-видимому, нейтральным названием петуха".

[11] Пометы о характере употребления форм ("устар"., "редко" и др.) см. в: [АУМ 2, 75; АУМ 1, 67].

[12] ***кагу́т*** 'петух''(и ***ко́гут*** 'тетерев') - в гомельских говорах - см. в: [ЭССЯ 10, 107].

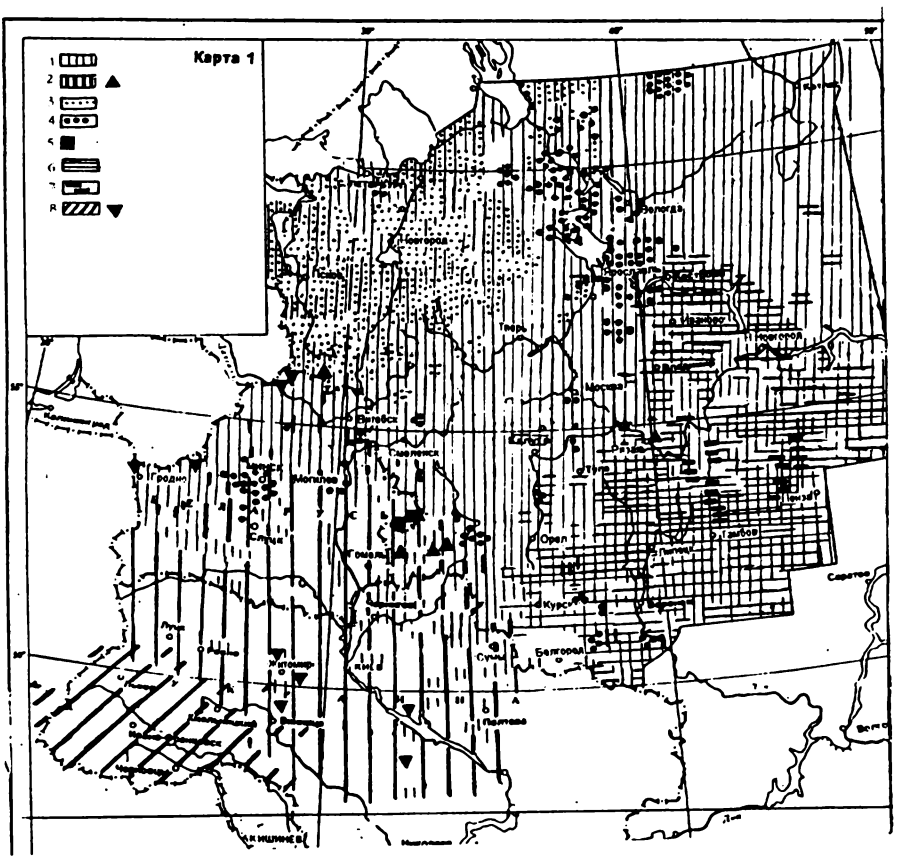
[13] О неясностях, возникающих при диахронической интерпретации данной формы см.: [ЭССЯ, там же].

[14] Например, в польских говорах отмечены названия с корнем *pě= и образованные с помощью суфф. *=akъ – piejak* (*=pe̯jak, pe̯jok, pše̯ja̯k* и под - центр и полоса Краков-Люблин), единичное piejek (Север Польши)([MAGP IX, № 438]; словин. *pojach* [*=pʉ́ojóx*] - материал из словаря Ф.Лоренца - см. [MAGP, комм. s.106]).

[15] В современных славянских диалектах как будто обнаруживаются репрезентанты ***kokošь** (*ж. р.*)(подробнее – [ЭССЯ 10, 115-116]) - это чеш. диал. (морав.) ***kokoš, kokeš***, слвц. диал. ***kokoš***, далее - укр.диал. ***ко́кош*** (Нижн. Поднестровье), ***кокóш*** (буковнск.)(ср. и: Гринченко 2, 267). Вопрос о возможном влиянии (для зап.-славянских диалектов) венгерского языка (ср. венг. ***kakas*** – [MNyTESz 2]) и (для украинских) - румынского (ср.рум. ***cocoş*** – [Rosetti III, 64]) подлежит специальному исследованию.

Карта. Названия ‘петуха’.

1 – *петух, пятух*; 2 – *певень, півень*; 3 – *петун*; 4 – *пе(в)ун, пеюн, пявун*; 5 – *певник, півник*; 6 – *кочет*; 7 – *коч*; 8 – *когут*.

Г.П.Клепикова

Названия белки Sciurus

Сводная карта ВСИ основана на материале, с одной стороны, двух национальных атласов - ДАБМ (№ 308, комм. с. 896, составитель В.Шелег) и АУМ (1, № 318, с.67, составитель И.Варченко и 2, № 330, с. 74, составитель Я.Закревская), а, с другой, - ОЛА (№ 7, сс.124 и 139-140, составитель В. Коннова). Использование ОЛА позволяет в известной мере компенсировать отсутствие соответствующей карты в ДАРЯ III [1]. Отметим, что в данной ситуации - презентации именований указанного зверька - сведения, почерпнутые из ОЛА, в целом оказываются достаточными, чтобы выявить основную особенность русского фрагмента восточнославянского диалектного континуума, а именно - преобладание в русских говорах названия 'b'ełka (с минимальным числом фонетических вариантов, практически - лишь различные рефлексы *ě ,ł > l, u̯, w и др. - ОЛА, с.139-140). Данные ОЛА также в полной мере коррелируют с материалами ДАБМ и АУМ.

Общая характеристика современного восточнославянского диалектного пространства сводится к констатации существования в нем **двух** ареалогически значимых (и сопоставимых) зон: в одной господствуют названия с корнем *bĕl=, в другой - преобладают названия с корнем *vĕver=; отмечается реализация в восточнославянских диалектах **двух** основных словообразовательных моделей с суфф. -ъk-a и -ic-a. Остальные, засвидетельствованные атласами названия (картографированные или приведенные лишь в комментариях) малочастотны, и обычно оцениваются как локализмы. При том, что степень их распространенности может заметно различаться - от представленности в анклаве, островном ареале до единичной фиксации)

1.Общевосточнославянскими являются названия 'белки', образованные от корня *bĕl=[2]. В русских диалектах, по ОЛА, распространен исключительно словообразовательный вариант bĕl-ъk-a (ср. *б'елка* и под. [Вост. 1957, № 228]; 'b'ełka, 'b'ieu̯ka и др. [ОЛА]); в диалектологической литературе редко отмечается и *белица* 'то же' (ср.-урал. - цит. по: [ЭССЯ 2, 65], однако обычно с иными значениями; ср. и – [СРНГ]). Название **белка** (*б'ёлка* и под.) широко распространено и в белорусских говорах, оно представлено примерно на 2/3 территории страны (восток, центр), и неизвестно в средне- и югозападных говорах , где чаще всего встречается форма *вавёрка* (и ее фонетические

варианты). Впрочем, по ДАБМ, во многих говорах оба разнокоренных лексических варианта сосуществуют как равноправные (или могут быть стратифицированы хронологически - см., например, пометы собирателей и составителей: [ДАБМ, с. 896-7]).Вариант *бе́лыца* отмечен лишь на юго-западе, в р-не Бреста; статус словообразовательного варианта 'b'ełačka и под., изредка отмечаемого в говорах (ОЛА) неясен, - не исключено, что это - деминутив к обычному 'b'ełka. Очень распространенными являются названия 'белки' с корнем *běl= и в украинских говорах; они отражают главным образом словообразовательную модель běl-ък-a (ср. и фонетические варианты корневого гласного из *ě), засвидетельствованы фактически повсеместно в Восточной Украине (=территория АУМ 1), кроме некоторых р-нов на юго-востоке, а также в значительном числе говоров Западной Украины (=АУМ 2).Здесь указанный словообразовательный вариант компактно отражен на востоке и севере, продолжая "восточноукраинский" ареал, а также в виде небольших вкраплений и островов, прежде всего - в поднестровских говорах, некоторых волынских. В то же время в волынских и части югозападных (карпатских) диалектах распространен иной вариант: běl-ic-a (: б'і'лиц'а и под.)[3].

ОЛА (к. № 7) свидетельствует о том, что за пределами восточнославянской языковой группы обозначения 'белки' с помощью производных от корня *běl= неизвестны, в то же время дериваты с этим корнем и суфф. -іса широко употребляются во всех славянских языках в иных значениях (см. - ЭССЯ).

В части восточнославянских говоров, а именно - в белорусско-украинской макрозоне, существует противопоставление рассмотренных выше лексико-словообразовательных вариантов соответствующим вариантам с корнем *věver=[4]. Последние преобладают в западном поясе указанной макрозоны, которая граничит с польскоязычной территорией и где , по ОЛА, названия белки с данным корнем являются по существу единственными[5]. Для *белорусского* диалектного континуума характерна нечеткость ("размытость") границы между ареалами, репрезентирующими два разнокоренных названия; это проявляется в том, что во многих говорах они употребляются параллельно (ср. обзор поясняющих помет в ДАБМ). Напротив, на *украинской* территории эта граница достаточно определенна. Правда, при достаточно компактном ареале дериватов от *věver=, восточнее его отмечаются ряд островных ареалов (ср. в р-не Ровно, ю.-вост. Хмельницкого, далее на юго-восток микрозона Бердичев-Винница-Жмеринка, ю.-вост. Винницы и др.). Другая особенность украинской ситуации - небольшое число фиксаций параллельного (в одном говоре) употребления двух вариантов - с корнями *běl= и *věver=.

Значительная вариативность форм с корнем *vĕver= в белорусско-украинской макрозоне проявляется прежде всего в области фонетики. *Консонантизм*. Так, наряду с наиболее частотным бел. *вавёрка* отмечаются, с одной стороны, случаи утраты начального v= (= изменения его в j[й]): зап.-бел. *яёрка* (и - единично – *ав'óрка*[6]), а, с другой, - переход начального v > ł (как диссимиляция), ср. фиксацию ю-зап. *лывíрка* (р-н Бреста – [ДАБМ]; аналогичные формы зарегистрированы и в [АУМ 2, 74]); еще один микроареал, где отмечены подобные изменения - западное Закарпатье (р-н Мукачева – [АУМ], подробнее см. и в: [ЛАЗГ № 126])[7]. *Вокализм*. Большое число вариантов записано в белорусских и украинских говорах и на месте 1-го и 2-го гласных (подробно – [ДАБМ; АУМ 1, 2]). Варьирование на уровне *словообразования* проявляется, например, в представленности, главным образом, на украинской языковой территории как модели vĕver-ъk-a (чаще), так и vĕver-ic-a (спорадически, например, в северноволынских говорах, сев. Ровно, единично - в р-н Черновцы; последний тип является обычным в украинских говорах Вост. Словакии). Наконец, АУМ 1 позволяет изучать и *акцентологическое* варьирование в лексема *вевíрка* (*вивíрка* и под.), - как правило, ударение падает на 2-й слог, лишь в некоторых районах - на 1-й, ср. 'в'ів'ірка (зап. Фастов и др.).

Помимо двух основных восточнославянских наименований 'белки', рассмотренных выше, в некоторых частях ареала отмечается ряд малочастотных названий. Внимание привлекает прежде всего ареал рус. *векша*[8] (во многих говорах - архаизм), которое зафиксировано ОЛА в нескольких ареалах в пределах западнорусских говоров (псковских[9], в гдовско-новгородской группе, в селигеро-торжковских, в русских говорах Вост. Литвы), также в говорах севернее Москвы и в соседних с ними говорах Ярославской, Владимирской обл. (см. и – [Вост. 1957, № 228], - там же отмечаются единичные фиксации[10]); севернее - в белозерско-бежецких и многих вологодских (междуречье Сухоны и Сев. Двины), наконец, под Архангельском [ОЛА, 139-140]. Словари у к р а и н с к о г о языка также отмечают лексему *векша* в значении 'белка' [ЕСУМ 1, 345].

Другой периферийный ареал, где известны малочастотные названия белки, - крайний юго-запад восточнославянского диалектного континуума (=карпатоукраинские говоры). Так, зап.-закарп. *'моўкуш* (=*ка, 'моўгушка, 'моўг'ішка* и др.)(р-н Ужгорода и Мукачева; подробнее – [ЛАЗГ № 126]) является унгаризмом (< венг. mókus 'белка' - определяется как "звукоподражание" от mákog [MNyTESz 2, 945; o > ó -"народно-этимологическое"]). Таким образом, может быть установлена севернорусско-юго-западноукраинская параллель - использование заимствования, возможно, из общего (финно-угорского) источника, для обозначения 'белки' : рус. *векша* ~ укр. *'моўкуш*. Эта параллель может быть

прояснена и за счет близости рус. диал. *вашка* (см.выше, и зап.-закарп. *вашчірка, вашкірка* ([ЛАЗГ]; об этимологии последнего – [ЕСУМ 1,341]).

Малочастотными в украинских ([АУМ 2]) говорах являются названия, образованные по семантической модели «*лускати* 'щелкать' & *[г]оріх*» ср. - *лôского'ріх* (буков.), *рôско'ріх*, *лôско'ріх* и др.(закарп.) и под. (подробнее – [ЛАЗГ]). Прозрачны и названия образованные по модели «'кот(кошка)' & ' дикий'», ср.закарп. *'дика 'мачка, ма'ґур 'дикий*, буков. *'к'іточка*, бойк. *'дика 'к'іточка* и под..

Этимология некоторых украинских локализмов неясна, ср. *каґабірка, ґубірка* (к югу от Днестра); ср. и зап.-закарп. *костырка* (также - в Вост. Словакии). Единичным является и сев.-укр. *шкабара* (р-н Дубно, Ровен.).

Таким образом, изучение восточнославянских названий 'белки', с одной стороны, дают доказательства *единства* данной макрозоны, поскольку основная масса ее говоров при образовании зоонима использует лексемы с корнем *bĕl=. С другой стороны , в общеславянском масштабе география указанных наименований свидетельствует о четком противопоставлении большинства восточнославянских диалектов диалектам остальных языков Славии – по признаку «образование названий 'белки' от корня bĕl=». Наконец, на данном материале подтверждается и особая связь части восточнославянских диалектов с диалектами других славянских языков и, следовательно, синхроническая "негомогенность" восточнославянского диалектного континуума.

Примечания:

[1] Известно. что программа Русского национального атласа (=[Программа. 1947]) содержит вопрос о названиях 'белки' (см. № 208). однако уже первый том Атласа (=[Вост. 1957]) показал. что дифференциация диалектов по данному лексическому признаку незначительна. Так. на карте № 228 на большей части территории. обследованной в [Вост. 1957]. отмечено название *б'ёлка* и лишь в микроареале (север Московской обл.. соседние р-ны Ярославской и Владимирской обл.) употребляется название *в'ёкша* (очень часто - как архаический вариант к *б'ёлка*). Восточнее Москвы *векша* фиксируется еще реже (единично - в Татарии. Мордовии и под.) [комм.. 1060] (см. также ниже).

[2] Слав.*bĕlъka < *bĕlъ [ЭССЯ 2. 82]. подробно о слав. *bĕlъ (: *bĕlъ[jь] – [там же. 79-80]).

[3] Ср. и гуцул. biłyc'a ([Rieger № 92]). Данный вариант. как факт украинских диалектов, зафиксирован АУМ 2 также на территории Брестской обл. (ср. выше - также [ДАБМ]).

[4] Несомненно. восходит к праславянскому. о чем говорит наличие производных в большинстве славянских языков: отмечаются связи с балтийскими (ср. лит.

voverĕ и под.) и иными и.-е. языками. Исходным считается корень и.-е. *ver= 'гнуть, изгибать' - см.: [Фасмер I, 282]. В.Махек указывает на родство слав.*věverica (и его продолжений) с некоторыми германскими формами, ср., например, нем. Eichhorn 'то же' - с утратой *V=. Для славянского он реконструирует *vaį-ver=, со следующими трансформациями: vi-ver=, vā-ver=, ver-ver= и др., однако, что касается самого *ver=, он пишет: "jsou jen najisti dohady": слово считает "praevropské" ([Machek 365]; ср. и: [ЕСУМ 1, 342] и др.).)

5 В польских диалектах отмечены следующие модели - VEVer-ъk-a (редко - vEver-a,. VeveR-ic-a), при единичных - кашуб. 'aįxerkatka, также 'xerka (р-н Познани), являющихся заимствованием из немецкого (с последующей фонетической адаптацией) ([ОЛА, 139]).

6 Ср. близкую форму - укр. (Вост. Словакия) о'вірка ([АУМ 2]). Отметим в этой связи важность рассмотрения подобные фонетические изменения на общеславянском фоне, так как данные ОЛА позволяют выявить зоны, где начальное *v= **может** подвергаться различным изменениям. Так, помимо белорусских и некоторых украинских говоров, аналогичные изменения наблюдаются в северовосточных польских говорах, также в лужицких, словенских, сербских ([ОЛА, 139]).

7 ОЛА отмечает это явление и в некоторых словенских говорах: laįverca, lé:varca, ср. и. серб. v'ĺeverica [Черногория] ([ОЛА, 139]).

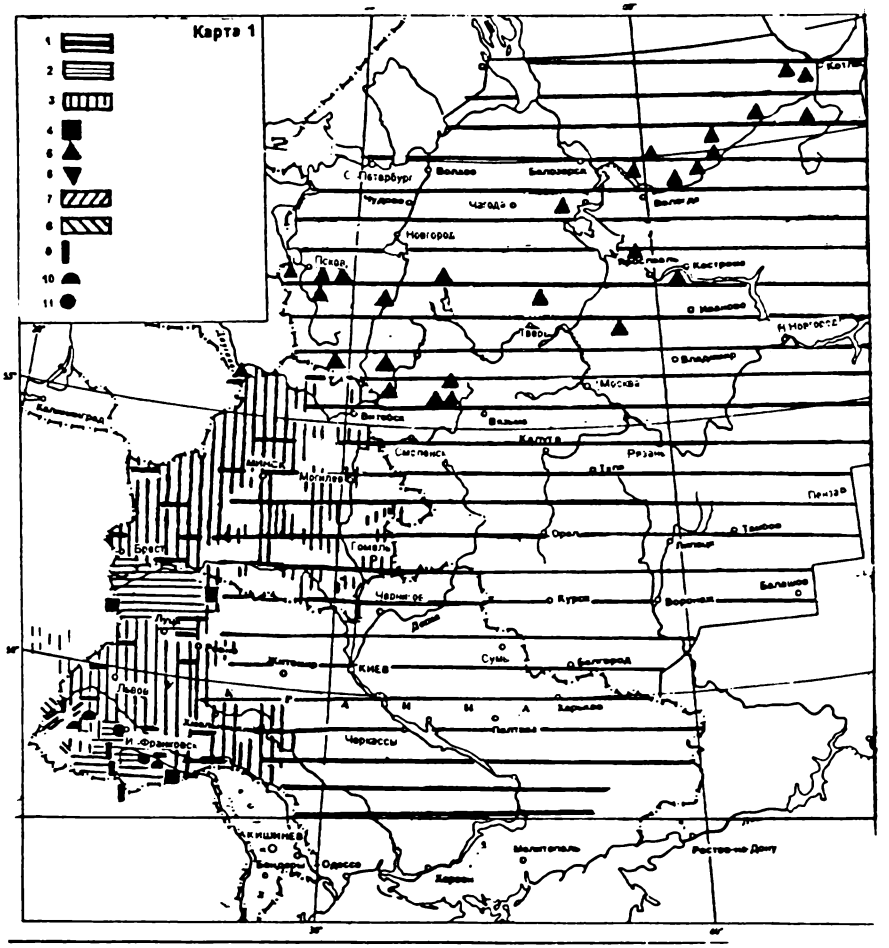
8 М.Фасмер сближает с вѣко. *веко* ([I, 287]). Ср. однако мнение О.Н.Трубачева: "Несомненно, связано с ***вашка*** 'молодая белка', ...вместе с которой ***векша*** могла быть заимствованием из финно-угорского или чувашского"(там же) (ср. и: [ЕСУМ 1, 345]). О *вашка* – [Фасмер I, 281]. Эта версия принимается и составителем карты № 7 ОЛА.

9 Ср. замечание З.Жуковской о повсеместном распространении названия 'белки' ***векша*** в **псковской зоне** ([Псковские говоры, 48]). Упомянем и важную информацию - запись 'v'ekša/'okša (!)/'v'akša (п. 712 - ОЛА).

10 Ср. и фиксируемое [Вост. 1957] переносное значение слова ***векша*** - 'девушка, не бывшая замужем'; ср. о том же и в: [Войтенко, № 158]. Историко-языковые данные указывают на существование в прошлом таких значений рус. **векша** как 'монета', 'беличья шкурка как денежная единица' (с XIV в., до этого **вѣверица**), см.: *Чурмаева Н.В.* О *беле* и *веверице* //Вопросы истории лексикологии и лексикографии в восточнославянских языках. М., 1974 с.230 и сл. Ср. также: бѣла, бѣлка 'зверек', 'шкурка', 'денежная единица', вѣверицѣ (в грамотах) – только 'деньги', вѣкша 'наименование денежной единицы' (*Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. с. 201-202. 598. 604. 605).

Карта № 1. Названия ‘белки Sciurus’ (ОЛА, ДАБМ, АУМ).

1 – *běl-ъk-a*; 2 – *běl-ic-a*; 3 – *věver-ъk-a*; 4 – *věver-ic-a*; 5 – рус. *векша*; 6 – укр. *вашкірка*; 7 – укр. *моўкуш, =ка*; 8 – укр. *костырка*; 9 – укр. *дика мачка* (*кітка*); 10 – укр. *кауабірка* (*уубірка*).

Г.П.Клепикова

1. Названия ‘валька для выколачивания белья’
2. Названия ‘[озимых] всходов зерновых культур’

При изучении и **картографировании** диалектных явлений, относящихся к лексико-семантической сфере, отмечается ряд существенных трудностей, специфических именно для данного языкового уровня.

Одна из них, кстати, наиболее часто встречающаяся, порождается внеязыковыми причинами. Это прежде всего возможность “смешения лексикологического изучения с этнографическим и подмена первого вторым”[1]. Она проявляется, например, в том, что исследователи сталкиваются с существованием **непротивопоставленных** диалектных различий, имеющих неодинаковую природу, и, в частности, - таких, которые объясняются либо о т с у т с т в и е м на части обследованной территории тех или иных “реалий” (“явлений” и под.), зафиксированных (и - соответственно - поименованных) на других ее частях, либо наличием “реалий” (“явлений” и под.), различающихся - в масштабах всего обследованного диалектного континуума - деталями устройства (состава и т.д.) и тождественных лишь “функционально”. Эта ”асимметрия”, как правило, - результат особенностей материальной и духовной культуры (т.е. быта, обычаев и др.) носителей данной совокупности диалектов, что прямо или опосредованно связано с природными условиями жизни соответствующего населения, определяющими в конечном счете как его хозяйственно-экономическую деятельность, общественный уклад, так и ментальность и - самое культуру.

Другая принципиальная трудность, возникающая при картографировании лексико-семантических явлений, связана с причинами внутриязыкового характера, - с тем, что в сфере “народной” номинации (=“терминологии”) устанавливается “стихийное” соотношение между «планом содержания» (=“реальная” действительность) и «планом выражения» (=обозначения, названия ее элементов); сама номинация имеет избирательный характер: степень ее детализации как бы зависит от “важности” тех или иных реалий (явлений) действительности для носителей диалекта (=единичного идиома) или группы диалектов[2], но также, как показали специальные исследования, и от степени **автономности**

языкового плана от внеязыкового, - в силу сложной связи между обоими этими планами. По определению Н.И.Толстого, зависимость "системы семем" от "системы реалем" тем слабее, чем меньше дискретность самих реалем; поэтому в разных языках (= их диалектах) "внеязыковая действительность сегментируется различно"[3] . Вследствие этого могут возникать непротивопоставленные диалектные различия[4]

Однако объективное существование указанных выше трудностей (эксплицированных в виде непротивопоставленных явлений), разумеется, не должно означать невозможность их преодоления и тщетность поиска способов ареалогической презентации диалектных материалов такого рода, - например, путем их многоплановой интерпретации и открытия неких неочевидных (="глубинных") противопоставленных диалектных различий.

Проблемы изучения и картографирования лексико-семантических единиц, выступающих как обозначение явлений народного быта ("традиционной культуры"), в теоретическом и практическом - применительно к конкретным картам - аспектах детально проанализированы во Введении к 3-му тому ДАРЯ. Признается необходимым (1) системный подход к изучению диалектной лексики. Он не был предусмотрен при создании Вопросника русских атласов[5], а собранный материал оказался в ряде случаев столь сложным лингвистическим объектом, не позволяющим корректное его картографическое его отображение, что это потребовало выработки комплексной методики (учитывающей соотношение языковых и внеязыковых характеристик) для его интерпретации именно как системы (точнее - как **фрагментов** системы). (2) основу подобной интерпретации составила стратификация типов различительных признаков, которые дают возможность всесторонне характеризовать структуру диалектных различий. Таким образом, удается выявить и разграничить, с одной стороны, (относительно) **простые** диалектные различия (лексические, семантические),[6] а, с другой, - **сложные** диалектные различия (которые отражают функционирование однокоренных [и разнокоренных] слов в едином "семантическом пространстве"[7]). В этой группе диалектных различий, кроме того, установлены два "подтипа" - а) диалектные названия относятся к **тождественным** наборам именуемых объектов и б) данные, отражающие, помимо собственно лингвистических различий, также и различия "в самих наборах именуемых объектов", и, следовательно, этот тип может квалифицироваться уже как лексико-внеязыковое (resp. лексико-этнографическое) диалектное различие[8].

По мнению составителей ДАРЯ III, в подобных случаях объектом картографирования становится лишь **распространение** слов (=терминов) (при фиксации **нетождественности** объектов наименования)[9].

Тщательная дифференциация диалектных различий разных типов (в том числе учет соотношения картографируемых названий и характера поименованных объектов) в значительной части случаев позволяет выбрать из множества критериев оценки различительных признаков, формирующих то или иное диалектное различие,[10] те из них, которые дают возможность интерпретировать диалектные данные в соответствии с параметром «противопоставленное диалектное различие». Это достигается, например, с помощью трансформации (=сужения, расширения) темы, заданной Вопросником[11].

Глубокая и разноаспектная интерпретация лексических данных ДАРЯ III, особенно манифестирующих сложные диалектные различия, значительно облегчают работу с русским материалом при составлении соответствующих карт, цель которых - выявление *восточнославянских* изоглосс. К сожалению, менее детальная обработка (в рамках АУМ и ДАБМ) материалов украинских и белорусских говоров не позволяет должным образом конкретизировать понятия «общности ~ различия» в масштабах *всей* указанной макрозоны. В качестве примера сложных случаев сопоставления данных трех атласов нами выбраны две карты, посвященные названиям (1) 'орудия для выколачивания белья при стирке' и (2) 'всходов зерновых культур'.

1. Названия 'валька(=палки) для выколачивании белья при стирке'

Сводная карта № 1 составлена по материалам соответствующих карт ДАРЯ III, № 29 (="Названия орудий для выколачивания белья при стирке", составитель – Е.Бурова), ДАБМ, № 252 (="Назвы праніка [прылады, якой пераць бялізну]", составитель – В.Шелег), АУМ I, №171 (="Суфікси іменника *праник*", составитель – П.Лысенко) и АУМ II, № 148 (="то же", составитель – М.Онышкевич).

Замечания этнографического свойства, связанные с характеристикой внешнего вида данной реалии народного быта и ее использованием, находим лишь в комментариях к русским диалектным материалам[12]; в остальных атласах сведения такого рода отсутствуют[13].

1. Имеющиеся данные свидетельствуют, что лексическим элементом, выступающим в восточнославянском диалектном континууме **в целом** как общее название 'валька... ' является группа дериватов с корнем *пра=*[14]. При этом в белорусско-украинском ареале они известны практически повсеместно, тогда как на русскоязычной территории компактно такие названия представлены в ее западной и юго-западной частях, а в виде

небольших островных ареалов - в относительно неширокой полосе вдоль указанной зоны. Подчеркнем, что некоторые словообразовательные модели реализуются в диалектах всех трех языков (однако - с различной частотностью), другие же модели имеют эксклюзивный характер. Неодинаковы - по языкам - и соотношения ареалов функционирующих дериватов. Все это дает возможность глубже изучить дифференцированность восточнославянского диалектного пространства и установить в его пределах некоторые сепаратные словообразовательные параллели. Итак, в восточнославянском макроареале отмечены следующие дериваты с корнем *пра=* (со значение 'валек').

Соответствия рус. *пран(н)ик*[15]. Он зафиксирован в ареале, фактически совпадающем с большинством говоров западной группы южного наречия (кроме его северной и западной периферии)[16]; как единичные подобные формы известны и в пределах иных групп южного наречия (см., например, в р-не Брянска, ареал Курск-Щигры, в р-не Белева и даже - сев.-зап. Калуги, зап. Гагарина). В рамках западных среднерусских говоров отмечаются лишь отдельные фиксации (р-н Опочки, Торопца, Холма). В белорусских говорах, по ДАБМ, этот тип является господствующим, при этом составители карты № 252 имеют возможность отметить ареальное противопоставление форм *пра́н'н'ик*[17]*~ пра́н'ик* (редко и - *апра́н'ик*), - так, в центральных говорах (примерно от Докшицы до Хотимска) последовательно фиксируются формы типа *пра́ннік*, но на значительной территории преобладает форма *пра́нік* (кроме северо-запада, запада и юга). В украинских говорах формы *пра́ник* (с вариантами - *пра́нэк, пра́н'ик, пра́н'ік* и др.) *~ пра́нник* (*пра́:ник* и под.) также преобладают. Первый тип зафиксирован на большей части Левобережной Украины и на востоке Правобережья (условно - восточнее линии Кагарлык - Б.Церковь - Винница), а в западноукраинской зоне - преимущественно в поднестровских говорах (по рр. Зап. Буг - Ю.Буг[18], а как единичные случаи к северу от этого ареала, - например, в р-не Житомира, Радомышля, Олевска, Овруча и под.). В отдельных юго-западных говорах (бойковских, гуцульских, буковинских, закарпатских) типичной является форма *пра́н:ик* (и фонетические варианты).

Таким образом, можно констатировать существование, во-первых, относительно локальной (но четко выраженной) центральнобелорусско-югозападноукраинской параллели (с примерами также из западнорусской зоны) - использование форм с удвоенным *=н=* (*=пранник),* и, во-вторых, параллели украинско (север, восток) - белорусско (север, юг)-западнорусской (*=праник).*

Менее значительным является ареал названий с тем же корнем, соответствующих рус. *прач*. Наиболее широко данное название

представлено в белорусских говорах (Полесье, Брестщина в белорусско-украинском пограничье), и на Украине - север и центр; в русских говорах - единичные случаи на границе с украинской языковой территорией (зап. Суджы - к югу от Новозыбкова). Упомянем здесь и единичные восточнославянские образования, базирующиеся на *прач=*; это, во-первых, укр.диал. *п'рáчка* (Житомирское Полесье р-н Овруч - Коростень) и севернее - уже бел.диал. *прáчка* (р-н Ельска); во-вторых, бел. *прачн'ек* (р-н Пинска).

Восточнославянские соответствия рус. **пральник** (: pra-lь-nik-ъ) хорошо известно прежде всего в западнорусских диалектах , это - (1) часть южнорусского наречия (=юг верхнеднепровских, многие верхнедеснинские, межзональные говоры типа "А" южнорусского наречия); эта же форма, как вариант к *валек* (*велёк*) часто отмечается в диалектном "поясе", примыкающем к описанной выше компактной зоне (ср., например, на территории ЮН: р-н Валуйки, Горшечное, Ельца, зап. Ливны, р-н Мценска, Орла, Белёва, Мещовска); (2) в западносреднерусских говорах (="акающий" тип) – большинство псковских, некоторые новгородские, как граничащие на юге с псковскими (ср. р-н Ст. Руссы), так и расположенные в центре этой группы говоров; в качестве одного из лексических вариантов данное название фиксируется на западе гдовской группы. Наконец, микроареалы с указанным дериватом отмечены ю.-зап. Вологды, южнее оз. Белое и даже - зап. Сольвычегодска.

Далее форма *прáльнік* спорадически регистрируется в юго-западных белорусских говорах и достаточно часто - в украинских (в виде небольших вкраплений и единичных фиксаций) во многих областях республики. Таковы, например, северо-восток (р-н Шостки, Путивля, Конотопа, Нежина, Чернобыля, сев. Киева), некоторые говоры по среднему течению р. Днепр (р-н Черкасс), также - в р-не Умани; далее - на северо-западе (на границе с Белорусским Полесьем) - р-н Новоград-Волынского, см. и близ Ровно, и затем - к югу (р-н Збаража, Шепетовки). На юго-западе - лишь в единичных пп.(р-н Калуша, Яремчи).

Соответствия рус. ***прайник*** (может быть, из pra-lь-nik-ъ, т.е. с l' > i̯?), отмечаемому редко на юго-западе России (ср. р-н Суджы и Рыльска, южн. Севска, также - зап. Жиздры и Мосальска), на белорусской территории можно указать сев., зап. *прáйнік* (р-н Новополоцка; Браслав - Поставы), а на украинской *п'райник* (только запад Закарпатья).

Форма *прáўник* (м.б., из pra-lь-nik-ъ, т.е. с l' > l [ł] > u̯) отмечается редко, ср. на Украине центр Закарпатья (микроареал) и единично - в южнобелорусских говорах *прáўнык* (р-н Столина).

Редким в восточнославянских говорах является дериват *прáлень* - отмечен преимущественно в русских: р-н Себеж - Невель, Велиж, восточная

часть псковских, отдельные пп. в р-не Холма; южнее - в р-не Дятьково, Мосальска и даже - в р-не Гагарина (правда, чаще всего в качестве одного из лексических вариантов). Ср. и белорусское соответствие - *пра́лен'* (р-н Новополоцка).

Малочастотными являются и некоторые другие дериваты с корнем *пра=*, используемые для обозначения 'валька' . Таковы зап.-рус. *пра́лка* (: pra-l-ъk-a) – в некоторых новгородских (р-н Дно, Луги, вост. Ивангорода), далее - русские говоры в Эстонии (западное побережье Псковского оз.), обычно - параллельно с другими наименованиями; единичной реализацией модели pra-t-ъk-a, по-видимому, является укр.диал. *п'ратка* (ю.-зап. Б.Церкви).

Отметим, что восточнославянский ареал названий с корнем *pra=* , со значением 'валек' имеет продолжение в других севернославянских языках, прежде всего - в польском. По MAGP, дериваты - диал. *pranik*, *pralnik*, *pracz* - представлены в узкой полосе вдоль границ Белоруссии и Украины (но также и на новых землях в Зап. Польше!); эти формы могут быть истолкованы как восточнославянские заимствования. Независимым образованием, вероятно, является единичное кашуб. *pralnica* (подробнее - MAGP 6, № 288; комм. s.123, 125).

* * *

II. Названия 'валька' с иными корнями характеризуются принадлежностью, как правило, к диалектам одного из восточнославянских языков. Эти названия достаточно сильно различаются и своей фреквентностью.

Мы начинаем рассмотрение наименований, зафиксированных в отдельных национальных атласах, с рус. ***валёк***[19], его варианта *велёк*[20], в целом распространенных, по ДАРЯ, в значительном числе русских диалектов. Последняя форма отмечена на сравнительно небольшой территории и достаточно компактно, главным образом, в пределах южнорусского наречия. Это так наз. "межзональные говоры типа "Б" (елецкие, юг тульских, многие оскольские), юго-западная часть восточной (=рязанской) группы, а также в нешироком поясе, в виде анклавов (часто - как вариант к иным названиям) - на северо-западе, севере и востоке от описанного выше "основного" массива, - т.е в р-не Орла, Мценска, Венева, далее - р-н Рязани, Тамбова, вост. Моршанска, в р-не Балашова и Ртищево. Вне этого "пояса", единично, данный вариант отмечен в р-не Смоленска, а в зоне среднерусского наречия - в отдельных говорах близ Торжка, на востоке - в р-не Касимова.

Более обычной и частотной является "первичная" форма *валёк*. Она представлена во всех трех русских наречиях. Это прежде всего **все** восточные среднерусские говоры, юго-восток западных среднерусских

(=часть селигеро-торжковских, далее - единично - в р-не Ст. Руссы, Гдова, Луги, а также в микрозоне между Ивангородом и С.-Петербургом). Компактно - и в ряде севернорусских, (примыкающих к упомянутым выше среднерусским, это - костромские, юг вологодских (р-н Кадникова, Харовска и под.; там же иногда, как вариант с иными названиями, - например, *палка);* ср. и отдельные вкрапления (см. р-н Вожеги, Вельска) и микроареалы (южная часть белозерско-бежецких говоров, далее - вокруг оз. Белое, Воже). В южнорусских говорах лексема ***валёк*** также представлена - *компактно* на востоке и севере рязанской группы (как естественное продолжение восточных среднерусских говоров) и в большей части тульских (межзональные говоры типа “Б”), в северной части межзональных говорах типа “А” , а также в верхнеднепровских. В виде более или менее значительных *островных* ареалов - в зоне, где чаще фиксируется форма ***велёк*** (р-н Ливны, Елец, в р-не Белгорода, Ст. Оскола, Воронежа, между гг. Боброво - Анна - Борисоглебск).

Единичные фиксации ***валёк*** отмечены и в западных русских говорах, для которых характерны названия с корнем *пра=* - р-н Смоленска, сев. Брянска, р-н Новозыбкова, далее к югу - р-н Курска, Обояни, Ракитного. За пределами русской языковой территории название *вал'о́к* отмечается в нескольких белорусских говорах. Это р-н Гомеля, сев. Борисова, ю. Полоцка; словообразовательный вариант ***валкаўн'и́ца*** фиксируется на западе Белоруссии - р-н Лиды (ДАБМ, с. 825). Очень редко названия с данным корнем употребляются за пределами восточнославянской диалектной зоны, ср. единичный случай - польск. диал. 'vaięg $d^{ų}$ oprа́no^{ų}. (MAGP 6, s.123).

III. Национальные атласы восточнославянских языков содержат также сведения о некотором числе сравнительно малочастотных названиях ‘валька’.

При этом характерно, что в белорусско-украинской макрозоне эти названия (не содержащие корень *пра=*) и немногочисленны, и представлены только единичными фиксациями, имеющими, по-видимому, статус окказионализмов позднего происхождения. Таковы, в частности, бел. *аб'ива́лка* (р-н Браслава), укр. *б'і'л'ак* (р-н Киева), *би'тушка* (южн. Полтавы), *'жачка* (р-н Житомира), *колово'ротка* (р-н Коростеня) и др. Лишь названия с корнем *довб=*, также редко фиксируемые, образуют небольшие ареалы, ср. укр. *доў'бишка* (*'довбишка*, *'довбдшка*, *'доўбушка*) (р-н Полтавы, сев. и зап. Днепропетровска - АУМ I, ср. и с.141); ср. и единичное белорусское соответствие – *доўб'ёшка* (Полесье - ДАБМ, с.825). Упомянем и сев.-зап. укр. *кійанка* ‘валек’ (которое, кстати, не картографируется в АУМ II), - несомненный полонизм[21].

В отличие от положения в белорусских и украинских диалектах, в русском диалектном континууме существует во многом уникальная ситуация. Она определяется тем, что в его северо-западной и северной частях, которые охватывают ряд западных среднерусских говоров и большинство севернорусских (исключение составляют костромские и южные вологодские) распространено очень большое число названий (в том числе словообразовательных вариантов), содержащих не менее 9 различных корней; большинство этих названий распространено на небольшой территории (и даже представлено всего в нескольких нас.п.). Южнее описанного выше "пояса" малофреквентные названия фиксируются крайне редко (или вообще отсутствуют - см. ниже)

Наибольший ареал в этой группе названий репрезентируют лексемы с корнем **pal=* - ***палица, палка*** (этимологию см. - [Фасмер III, 193]; там же - лит-ра). По ДАРЯ, в *западной* части этого ареала (который может быть определен как несплошной, состоящий из ряда небольших островов различной конфигурации) и включающий соответствующие среднерусские говоры (псковские, также - соседние с ними) и некоторые говоры северного наречия (север ладого-тихвинской группы, лачские, белозерско-бежецкие, онежские и западные части вологодских), преобладают продолжения деривата с суфф. *=ica* (:pal-ic-a). В *восточной* части ареала (представляющей собой говоры вологодской группы) употребляются названия, репрезентирующие модель с суфф. *=ъka* (: pal-ъk-a). При этом обычным является наличие *определения* "палки"(='валька'), - по-видимому в силу широты, и, следовательно, неопределенности семантики данной лексемы. Использование ее как т е р м и н а становится возможным в результате "сужения" (="специализации") общего значения; это достигается в результате присоединения, например, прилагательного[22]. Укажем на редкие случаи использования названий с корнем *пал=* за пределами рассматриваемого "северного" пояса малочастотных терминов, - это, например, имеет место сев.-зап., ю.-зап. Н.Ломова, в р-не Воронежа, сев. Ряжска и Рязани. Многочисленны примеры, когда названия с данным корнем выступают как лексические варианты (=дублеты и под.).

Названия с корнем ***колот=*** и различными суффиксами распространены в западных среднерусских говорах[23], таковы ***колотилка, колотушка*** (к югу от Ст. Руссы, в р-не Новгорода), те же названия и ***колотуха*** - в значительном ареале южн. С.-Петербурга; ср. и единичную фиксацию ***колотило*** (ДАРЯ, с.109). Другой ареал, где представлены подобные названия, - на западе северного наречия: ***колоталка, колотушка, колотуха*** (многие белозерско-бежецкие говоры), ***колотилка*** (говоры по берегам Рыбинского вдхр., р-н Углича), единичное ***колотило*** - сев. Пошехонья; далее - ***колотушка, колотель***, (южн. Вельска), только

колотушка - р-н Сольвычегодска, а в виде отдельных небольших анклавов (часто как лексический вариант) близ Галича, Кологрива, также Ветлуги и сев. Н.Новгорода. Единичное - ***колот*** (к югу от Костромы). В ЮН названия с данным корнем фиксируются крайне редко, ср.: **колотушка, *колотилка*** (южн. Калуги), ***колотель*** (вост. Орла); подробнее о некоторых вариантах см. в: ДАРЯ , с.109-110.

Названия ***клепалка, клепалица***[24] представлены, по ДАРЯ, в некоторых новгородских говорах, а далее на восток - в ладого-тихвинских; единичное ***клепалка*** - в р-не Ивангорода. Иные источники свидетельствуют о существовании в диалектах и некоторых других дериватов, ср. ***клепало*** 'валек' (нижегор. - Опыт; СРНГ)[25].

Название ***копыл*** (***купыл***)[26] отмечено в микроареле вост. Тихвина. Название ***каток***[27] и родств. (***покаток, ка[о]тушка*** - см. в: [ДАРЯ, 109]) употребляются на севере вологодских говоров (юг Архангельской обл.) в двух небольших анклавах - сев. Вельска и по среднему течению Сев. Двины (р-н Красноборска).

В нескольких микроареалах известны названия ***коршагá*** (ср. и большое число фонетических вариантов - ***коржагá, куршагá, коршегá, горшагá***), представляющие собой дериваты от корня *корч(ш)=*[28] с суфф. *=(j)aga*. Они сконцентрированы в южной части белозерско-бежецких говоров, а также в некоторых соседних говорах - р-н Весьегонска и Устюжны (как правило, параллельно с иными названиями).

Распространение названия ***кичига*** (***кичижка***), а также большого числа фонетико-словообразовательных вариантов, характеризуется тем, что они представлены в виде многочисленных островных ареалов. Чаще всего эти названия фиксируются в белозерско-бежецкой группе говоров (р-н Весьегонск - Устюжна); также - в виде отдельных "вкраплений" - южнее Бежецка, в р-не Кашина, вост. оз. Белое. Другой район бытования подобных наименований - сев.-зап. Солигалича; отмечено название ***кичига*** и в говорах к сев. от Вельска, к вост. от Сольвычегодска. Наконец, однокоренные (***качигá***), параллельно с иными названиями, присутствует в ряде говоров ю.-вост. Тихвина.

Названия ***пукалка, пукалица*** также являются узколокальными, они употребляются, в основном, в восточной части псковских говоров; как вариант ***пукалка*** отмечена и в р-не Тихвина.

Наконец, ***лоптá*** (***лаптá***), но и ***лопатá***, именно в значении 'валёк', представлено ДАРЯ лишь в говорах вокруг Костромы (= точно локализуемый "семантический эксклюзив"), иногда, впрочем, наряду с другими обозначениями данного орудия.

* * *

Таким образом, выше подробно рассмотрены названия ‘валька (для выколачивания белья)’, представленные в “поясе” на северо-западе и севере русской территории и имеющих обычно незначительное распространение - в виде компактных микроареалов или цепочек островных ареалов. Эта ареалогическая характеристика позволяет сделать вывод о, несомненно, позднем возникновении наименований указанного типа, - по-видимому, в результате вытеснения бытовавших ранее (=“устаревших”) названий. В качестве последних, вероятно, могут быть указаны лексемы с корнем *пал=*, которые , впрочем, и до сих пор еще преобладают (=ареально) в данном “поясе”, хотя и не занимают здесь компактной территории. Велико и число говоров, где “первичное”, по нашему мнению, обозначение функционирует в них в качестве одного из лексических вариантов, - наряду с другими (=более “новыми”).

Анализ лексических инноваций в обозначении данного орудия обнаруживает, что повторный процесс “именования” базировался на использовании нескольких мотивационных признаков (=“внутренних форм”). Это (1) мотивация по д е й с т в и ю - ‘бить’ (→ ‘выколачивать’) белье’, широко отраженная и в “старых” названиях с корнем *пра=* (< слав, *рьгаti), но представленная также и в малочастотных названиях, которые мы склонны рассматривать как “вторичные” (=более “новые”), ср. термины с корнями *колот=*, *клеп=*. Реже используется мотивационный признак «шум, производимый д е й с т в и е м [=битьем]»; этот МП отражен, например, в ***пукалка, пукалица***. Названия, мотивированные таким образом, как правило, встречаются вблизи границы зоны, где наиболее частотными являются дериваты с корнем *пра=* (см. многие псковские и новгородские, юг ладого-тихвинских, также - юг белозерско-бежецких). (2) мотивация по в и д у орудия (=валька) - «палка». Эта мотивация, несомненно, присутствует в локализмах *лопта́* (*лапта́*), *копы́л*, а также - в более распространенных названиях *кичи́га́* и родств. (последние представлены и в виде микроареалов, и отдельных “вкраплений”). Ср. вариант данного МП - «*искривленная* палка» - реализован в названии *коршага́* и под. (3) Мотивационный признак по д е й с т в и ю «валить, катить» и под, помимо типичного для русских диалектов названий ***валёк*** (***велёк***), служит основой “новой” номинации редко, можно упомянуть в этой связи лишь локальное название *като́к* и под.

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время невозможно дать исчерпывающий ответ о причинах возникновения достаточно обширной зоны в пределах русского диалектного континуума, где, по-видимому, происходил процесс значительной с м е н ы названий

интересующей нас реалии. Вероятно, определенную роль играли многие факторы. Например, осознание многозначности (="неинформативности") первичного *палка-палица* и потребность в дополнительных определениях ее назначения, (см. выше). Имели значения и экстралингвистические факторы. Так, в ходе массовый и длительный миграций из Верхней Руси на Русский Север происходила изоляция многих говоров от говора метрополии, что способствовало появлению новых, специфических (="местных") наименований 'валька' (часто - при долгом сохранении прежних названий, ср.: *палка - кичига*, *палица - качига* и др.), а также проникновению их извне, в том числе из соседних говоров (как вариантов - по отношению к "своим" терминам); естественно также наличие вариантных форм в пограничной полосе между значительными ареалами, где преобладает то или иное название (ср., например, *валёк - палица* в ряде псковских говоров, в говорах р-на Боровичи и под.).

Примечания:

1 Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 152.

2 В отличие от этого **научная** терминология отражает осознанное стремление (1) к соответствию «"одна реалия" ~ "одна семема" (: одна лексема [=словосочетание]")» и (2) к исчерпывающему наименованию **всех** объектов «плана содержания» (ср.: *Клепикова Г.П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1974, с. 32-33).

3 *Толстой Н.И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава(1) // ВЯ, 1963, № 1, с.39.

4 О "непосредственно не обусловленных материальной культурой и природными условиями непротивопоставленных лексических диалектных различиях" см.: [Вопросы..., 153].

5 [ДАРЯ III, 31 и сл.].

6 [ДАРЯ III, 33, 36].

7 Там же, с. 39. Ср.: "...Диалектные различия в семантических отношениях между словами, не связанными тождеством корня, имеют ту специфику, что в основе их лежит тождество семантического пространства, которое в разных коммуникативных общностях может по-разному члениться языковым сознанием их носителей", и далее: "...в сложных диалектных различиях в пределах всего (а не части) диалектного континуума...существует лишь тождество семантического пространства, соотнесенное с одним и тем же именуемым объектом, который может мыслиться как целое, либо как тот или иной набор частей целого" (с. 40).

8 [ДАРЯ III. 43]. Заметим, что несмотря на указанные ранее трудности анализа и картографирования подобных диалектных различий, **осложненных**

внеязыковыми различиями, последние, по возможности, должны быть представлены на картах лингвистических атласов, ибо, на наш взгляд, именно таким образом конкретизируется важная мысль Л.Блумфилда о том, что "лингвистическая география способствует лучшему пониманию ***внеязыковых*** (курсив наш - Г.К.) факторов, оказывающих влияние на распространение языковых форм" (Блумфилд Л. Язык. М., 1968, с.378).

9 Ср. формулировку карты № 16: "Название построек *и сооружений* для сушки снопов" (курсив наш - Г.К.) [ДАРЯ III, 43] - при том, что вопрос [Программы, 1947] формулируется так: "Постройки для сушки снопов" [ДАРЯ III, 273]. Следовательно, содержание карты "цементируется" общностью функции, назначения (построек, сооружений и т.д.).

10 [ДАРЯ III, 32].

11 Ср. в.185: "Известно ли общее название грибов..." [ДАРЯ III, 275], в Атласе же представлена карта (№ 87) "***Общие*** (курсив наш - Г.К.) названия грибов", на которой отражены различные варианты понятия «общее название грибов» (см.: [ДАРЯ III, 41]); ср. и в сн.9.

12 В частности, отмечается распространение ***двух*** видов орудия - в виде **прямой** палки (чаще) и состоящего из бьющей части и ручки, соединенных друг с другом **под углом** (соответственно - существуют различия в использовании этих приспособлений [ДАРЯ III, 108]. Хотя подобные замечания собирателей немногочисленны, они отражены, в виде значков, на карте (такие пояснения последовательнее отмечаются в северных, северо-западных и части северо-восточных говорах русской территории). Часто указывается на употребление орудия (=в виде прямой палки) также и для "раскатывания" (=разглаживания) чистого белья, - однако собиратели иногда не делали необходимые пометы, поэтому составитель данной карты оговаривается, что, возможно, "в некоторых случаях на карту попали названия, относящиеся к предмету, которым катают, а не выколачивают белье" (там же). Специально обращается внимание читателя на отвод от картографирования названий 'палки', которой не выколачивают, а толкут белье (в ступе, в проруби и под.), - способ, распространенный в некоторых районах наряду с обычным или вместо него.

13 Если не считать указания, что, например, укр. *праник* и под. является 'деревянным приспособлением, которым стирают белье, а также оббивают лен или коноплю, [АУМ 2, 35]. Здесь же, поскольку карта - словообразовательная, отведены от картографирования названия с другими корнями. В ДАБМ указано: "Никаких замечаний собирателями не сделано" (с.825).

14 От слав. *рьгаti (: рус. *прать*, бел. *праць*, укр. *прати* 'стирать, колотить белье'), подробно о его этимологии у: Фасмер III, с. 355. К этому же гнезду М.Фасмер относит и рус. диал. (северное) *перть* 'жилая карельская изба' (: др.-рус. ***пьрть*** 'баня'; родств. лит. *perti* 'бить, хлестать' и под. (к слав. *рьгаti). О последнем подробно пишет и Ф.П.Филин (см.: [Филин 571-572]).

15 В ДАРЯ обе формы (*праник, пранник*) картографируются одним знаком; они комментируются (на с.109) как "представленные примерно в равном количестве нас. пп. и не разграниченные территориально" (варианты места ударения отмечены в одном пункте - *пра́ник - пр[ъ]ны́к* [юг - с.109]). Заметим, что история образования с *=нн=* неясна, и возможны различные его объяснения. Например, исходной может быть неинфинитивная форма (pra-[n]-nik-ъ - в "обобщающей" транскрипции ОЛА); в то же время можно допустить и процесс ассимиляции (см. и ниже).

16 Здесь и далее используется принятые в русской диалектологии классификация и обозначения диалектных групп (отражены, например, в: Русская диалектология. М., 1973, также - карта). Не учитывается новейший опыт уточнения этой классификации (позволяющий, например, четко обозначить - на основе структурно-типологических признаков - "Западнорусский диалектный тип" - см., например: *Пшеничнова Н.Н.* Структурно-типологическая классификация говоров и диалектное членение русского языка// Исследования по славянской диалектологии. 5. М., 1995).

17 Как эта форма картографируются и некоторые иные, например, *прон'н'ик* (с.825).

18 В западноукраинских говорах на противопоставленность вариантов с *=н=* и *=нн=* совершенно отчетливо накладывается противопоставление и в сфере акцентологии (ударение на корне : ударение на суффиксе) (см.: [АУМ 2, 35]).

19 О *валёк* см.: Фасмер I, с.269; сопоставляется с лит. *veliu, velti* 'валять' и под., также производные; другая ступень - *voluoti* 'катить' и соответствия (подробнее - в статье **вал** II - 'волна' и 'каток, валёк', также рус. *валить* и под. (Фасмер I, 268; ср. и и.-е. соответствия). См. также *валять* (там же с.271).

20 Вокализм первого слога, возможно, - результат ассимиляции.

21 Названия *kijanka* (*kijon[k]a, kjo[n]a* реже - *kijanica, kij,* даже *klo[n]ka* < *kijo[n]ka*), по MAGP , является наиболее частотным в польских говорах и распространным почти повсеместно (t. 6, № 288; кстати, констатируется отсутствие реалии - орудия для выколачивания белья на юго-западе Польши - s. 123). О слав. **kyjanka, *kyjanica* и др. - к **kyjana* (< слав. **kyj* 'палка, дубина' и под. < и.-е. **koų=, *ku=*, связано с **kovati*, - [ЭССЯ 13, 258]; но и – [Топоров [K-L], 238-240] (там же — подробно о балто-славянских соответствиях).

22 На карте ДАРЯ отмечаются следующие словосочетания, имеющие в некоторых случаях значение *терминов*. Ср.: *палка + пральная, колотельная* (*колочельная, колоченная*), *рубашная, платяная.* Некоторые редко употребляющиеся или единичные определения приведены лишь в комментарии - *мыльная, мытная, лопотная* и др. (с.109). Кроме того, отмечаются и описательные наименования (ср. - *палка есть такая, палками выколачивали* под.). Ср. отсутствие подобных пояснений при ***палица.***

[23] Все образования - девербативы и, по-видимому, достаточно поздние. Они связаны с глаголом *колотить* 'бить' и под. Этимологию **koltiti* см. в – [ЭССЯ 10, 156-157]; (последний однако возводится к **koltъ/*kolta/*kolda* 'колода, чурбан' и под., 'дубинка, шест' и др. - см. там же. Далее само **koltъ* считается девербативом от **kol[ti]* + *=t=* [там же, 158]. Следовательно, только рус. диал. ***колот*** реализует *праславянскую* словообразовательную модель (сюда же - твер. *колота* 'валек', бел. *колат* 'шест' и др. - ЭССЯ, там же).

[24] Девербативы от *клепать* 'стучать, бить' и под., из слав. **klepati* - «звукоподражательное» [ЭССЯ 10, 11]. Из множества дериватов к праславянскому фонду восходит лишь модель **klepadlo* (см.: [ЭССЯ 10, 7].

[25] За пределами восточнославянской макрозоны однокоренные в данном значении отмечены в польских говорах, см.: *klepanka, klepadlo, klepacz, klepaczka* (но и - *klapacza, klapak, klapko*)(р-н Познани, Гдыни, Гнезно) [MAGP 6, № 288 и др.].

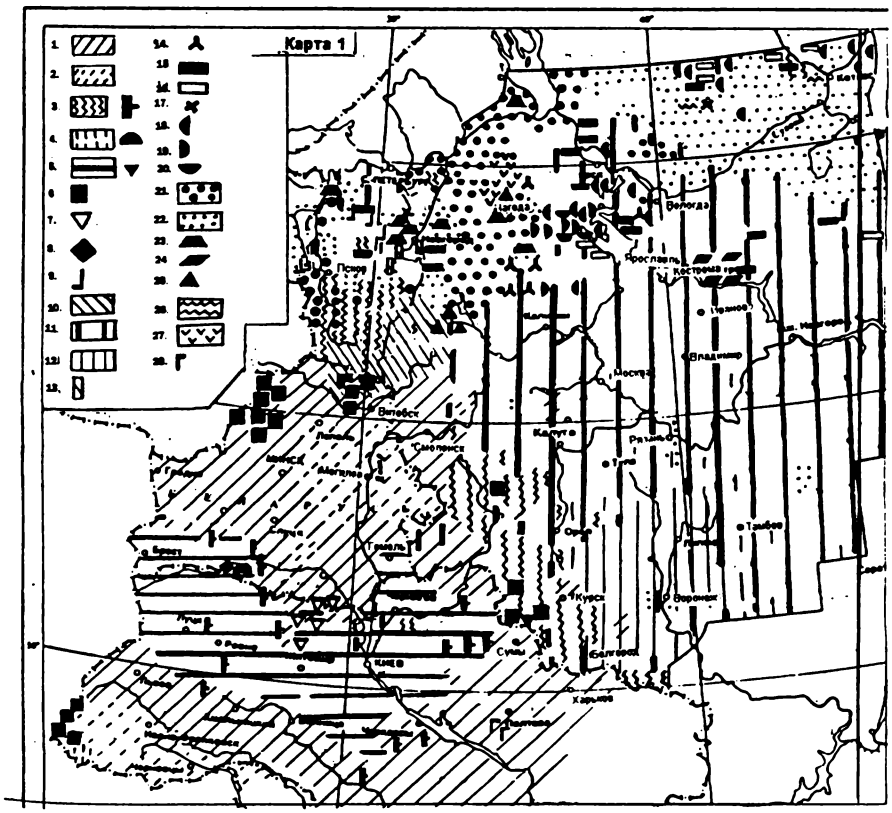
[26] Репрезентант слав. **kopylъ/*kopyl'/*kopylo* < слав. **kopati*; обычными в русском языке значениями продолжений этих единиц являются 'вид лопаты', 'орудие для выдалбливания', но и 'то, что вставлено, вкопано' и под. Ср. рус. 'рукоятка', 'прялка' и др. – [ЭССЯ 11, 31, 32].

[27] Рефлекс слав. **kotъkъ* (< **kotiti* [sę] III 'катить(ся)' (но и 'плодить[ся]' и под.); этот же дериват - с иной семантикой - отражен в рус. ***каток*** 'ворот колодца' (урал.), ***ко́тки*** 'противоштурмовые бревна...'(псковск., XVII в.) и др. [ЭССЯ 11, 213]. Возводится к слав. **katъ* III, и далее - к **kotiti* (sę) [ЭССЯ 11, 212].

[28] Как отражение слав. **korčь/*korča* 'узловатая нижняя часть ствола', но и 'судорога' (далее - к и.-е. **krk=* - "экспрессивному образованию, передающему идею узловатости, верчения" также деноминатив **kъrčiti*) [ЭССЯ 13, 210-211], там же - русские соответствия: диал. *корч* 'пень' и под., *ко́рча* 'выкорчеванный пень', *ка́рча* 'упавшее старое дерево', 'коряга' и др.). О балтийских соответствиях слав. **kъrčь*, **kъrča* (< **kurk-jo*, **kurk-ja*) и о первичной семантике, воплощающей идею "отклонения от обычного", как "обозначение некоего варианта непрямоты (*кривизны*)" см. в: [Топоров [K-L], 313, и особенно – с.316-317]. Там же упоминаются русские дублеты на *звонкий* согласный - ***корга, коржс=*** (ср. и приводимые в ДАРЯ - см. выше); следы их как будто фиксирует и АУМ, см. единичное укр. диал. *'коржик* 'валек' (р-н Житомира – [АУМ I, 141]).

Карта № 1. Названия ‘валька для выколачивания белья’.

1 – *праник*; 2 – *пранник*; 3 – *пральник*; 4 – *праўник*; 5 – *прач*; 6 – *прайник*; 7 – *прачка*; 8 – *прачник*; 9 – *пралка*; 10 – *пралень*; 11 – *валёк*; 12 – *велёк*; 13 – *колотилка*; 14 – *колоталка*; 15 – *колотушка*; 16 – *колотуха*; 17 – другие названия с корнем *колот=*; 18 – *кичига*; 19 – *кичигá, качигá*; 20 – *коршага* и др.; 21 – *палица*; 22 – *палка*; 23 – *клепалка (клепалица)*; 24 – *лоптá (лапта)*; 25 – *пукалка (пукалица)*; 26 – *каток*; 27 – *копыл*; 28 – *доўбишка.*

2. Названия '[озимых] всходов зерновых культур'

Сложным диалектным различиям, источник которых - не столько собственно языковые явления, сколько внеязыковая действительность, которые именуются "лексико-внеязыковыми диалектными различиями", - посвящена вторая карта (=Названия '[озимых] всходов зерновых культур'). В отличие от предшествующей карты, когда мы имели дело с противопоставленными диалектными явлениями, соотносящимися с различиями в самих конкретных "реалиях" (=объектах материальной культуры и под.) - в известной мере и определяемыми этими различиями , - в данном случае языковые различия соотносятся с *общими* особенностями жизни и хозяйственной деятельности людей, а также, в конечном счете (опосредованно), коррелируют с природно-климатическими условиями существования носителей народных говоров. Несомненно, что когда речь идет об отражении особенностей быта и занятий людей (прежде всего это терминология жилых и хозяйственных построек[1], земледелия, животноводства и т.д.), мы должны учитывать значение (и характер) народных традиций, культуры, бытующих в той или иной области, которые - в свою очередь, в виде частных этнографических признаков, - отражают специфику адаптации населения к природным условиям данной местности.

В полной мере это относится и к земледельческой терминологии, которая картографируется в восточнославянских диалектных атласах. Несомненно, перед составителями каждого из них вставал вопрос, в какой мере и каким образом следует учитывать при картографировании *лексики* те признаки, основу которых можно видеть в специфике *природных* условий определенного региона. Особенно важен этот вопрос для русского атласа, - в силу большой величины территории обследования и того, что она располагается в нескольких природно-климатических зонах[2]. Знания о реальном процессе земледельческих работ в Восточной Славии (и особенно - в России) позволяет, по нашему мнению, глубже анализировать лексико-семантические диалектные факты и далее - картографировать их.

Составленная нами сводная карта ВСИ «Названия '[озимых] всходов зерновых культур'» основана на материалах ДАРЯ (№ 47, комм. с.152 и сл., составитель – В.Теплова), ДАБМ (№ 268, "Ўсходы жыта, пшаніцы ўвосень і весной", комм. с.847, составитель – В.Шелег), АУМ 2 (№ 309 "**руно** 'озимі сходи'", комм. с.64, составитель – П.Лысенко), АУМ 2 (№ 319 'то же', комм. с.71, составитель – Я.Закревская)[3]. Таким образом, может показаться, что сопоставление данных атласов базируется на не совсем точных соответствиях в материале, и эта ситуация нуждается в некоторых пояснениях.

Подчеркнем, что в вопроснике русского Атласа [Программа, 1947] вопрос формулируется весьма широко - "...всходы ржи, пшеницы, осенью и

весной" (ДАРЯ III, с. 274). Следствием этого стало отсутствие конкретных сведений (о виде культуры, о времени сева и др.) примерно в 50% ответов, кроме того, имеющиеся ответы не равны по качеству[4]. Отмечается, что в некоторых говорах наблюдаются и различия в терминах-названиях озимых и яровых, в других - наличие подобных названий для озимых и отсутствие - для яровых и под. В то же время не картографируются диалектные соответствия слову *всходы* 'первые ростки семян...', если они зафиксированы наряду с иными словами, и, следовательно, представляют более поздние наименования, может быть , под влиянием литературного языка (см.: ДАРЯ III, с.153)[5]. Несколько иная ситуация зафиксирована в ДАБМ: при формулировке вопроса, совпадающей с русской (№ 191), составители картографировали только названия *озимых* всходов, с подробным комментарием записанных форм и помет - с. 847)[6]. Эти комментарии, действительно, позволяют составить карту, отражающую наименования лишь озимых всходов. Наконец, в АУМ вопрос (№ 27, ср. № 28) требует спрашивать именно о наименовании *озимых* (ржи, пшеницы) и, таким образом, составленные карты наиболее адекватны собранным материалам (см. выше: «**руно** 'озимі сходи'»)[7].

Следовательно, в ВСИ формально сопоставлены как бы не полностью тождественные материалы, однако презентация их на нашей карте эксплицирует такое соотношение нескольких компактных и значительных по величине ареалов, что выявленная ареалогическая ситуация может быть оценена как достаточно объективно отражающая главную тему карты - «названия [озимых] всходов зерновых» (с корректным обобщением видов последних -"рожь" и/ или "пшеница")[8].

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению названий данной реалии, отметим, что на сводной карте, как и на картах национальных атласов, есть некоторые лакуны, которые являются результатом или констатации отсутствия специальных названий для 'осенних всходов', или отвода от картографирования какого-то названия (см. об этом выше, подробнее – в комментариях к соответствующим картам).

1. Наиболее частотными в восточнославянском диалектном континууме являются названия с корнем *зим=* (ср. рус. *о́зимь* из **о зиме́** [Фасмер III, 126]; ср. и *зима* - [Фасмер II, 97].Они отмечены в русской и украинской диалектных зонах. На карте № 47 ДАРЯ даны следующие варианты: *о́зимь* (ж.р., редко - м.р.)[9] (наиболее частотно в данном ареале), *о́земь* (также *о́дземь*)(север); *озимя́* (единичные *зимя́, озимя́, озимья́*) (юг, восток), варианты *озима, озими* (ср. и редко - *озимы,озимья*), единичные и - *ози́мка, озимовка* фиксируются в виде небольших вкраплений в разных частях русской территории. Однако на сводной карте все названия представлены одним знаком (=шриховкой). Южная граница сплошного

распространения указанных названий проходит примерно по югу среднерусских говоров - через север гдовских, включает некоторые псковские (часто параллельно употребляются иные названия - с корнем *зел[ен]=*), островной ареал Себеж - Невель, далее - большинство новгородских и селигеро-торжковских, калининскую (=тверскую) подгруппу, большинство восточносреднерусских говоров (отделы А-В); из южнорусских в данный ареал включается восточная часть рязанских. Следовательно, это название является типичным для средне- и севернорусского наречий (ср. наличие соответствующего однокоренного в литературном языке - ССРЛЯ). Кроме того, в виде небольших анклавов довольно часто названия с корнем *зим=* фиксируются на территории преимущественного употребления форм с корнем *зел(ен)=*, не только в "пограничье" между зонами лексического противопоставления, но и на значительном удалении от него (возможно, как влияние литературного языка?), таковы микроареалы в р-не Новозыбкова, Трубчевска, Рославля, Севска, Орла, далее - Щигры, близ Белгорода, Воронежа, Тамбова, Борисоглебска и др.

По данным АУМ I, названия с данным корнем – *озими'на* (редко - *озимка*) преобладают в говорах Левобережной Украины, с небольшими вкраплениями иных названий (*скоро'да, с'ходи*); на правом берегу Днепра отмечены в р-не Шпола, Чигирин, зап., сев. Киева, также - в р-не Умани, Кировограда, к западу от этого р-на - близ Житомира (Олевск, Коростень), Бердичева.[10] Другой компактный ареал названий с корнем *зим= ([о]зими'на*) - к югу от линии: течение Зап. и Ю. Буга; в Зап. Украине представлены значительные ареалы, где неизвестны специальные названия осенних всходов зерновых (или какие-то названия отведены от картографирования) - см., например, в р-не Львова, также - некоторые бойковские и многие закарпатские говоры. К северу от обозначенной выше границы названия с данным корнем, в качестве единичных фиксаций, - в р-не Шепетовки, Ровно, Владимир-Волынского и др.

2. Значительный и достаточно компактный ареал представляют названия с корнем *рун=*[11]. Наиболее широко они распространены в белорусской диалектной зоне - почти повсеместно, лишь в центре Белоруссии (р-н Слуцк - Бобруйск - Мозырь), также в р-не Гомеля отмечено иное наименование (*=скарада́*), ср. и практически единичное *ўсход(всход*) (см. ниже). Зафиксировано большое число фонетических и др. вариантов, см. - *рун'* (наиболее частотное), *ру́на (ру́н'а, ру́н'ийа), уру́н (уру́н'), уру́но (уру́на), вру́но (вру́на*) . Далее ареал подобных форм продолжается на территории украинских диалектов, ср. варианты *ў'рун', ў'руно, ў'руна* (и производные, например *-[ў]ру'нило[с'а], вро'нило[с'а], повру'нилос* и др. - АУМ II, с.74) и охватывает север Западной Украины -

восточнее линии Камень Каширский - Луцк - Ровно - Шепетовка - Винница - Кодыма - Б.Церковь - Фастов, и далее до границы с Белоруссией; кроме того, вне компактной зоны, отмечаются единичные записи (р-н Могилев-Подольского, Хмельницкого, Умани, также - близ Острога и Кременца. Это значение приводится в словарях, ср., например, *руно* (мн.) 'всходы' [Гринченко 4, 85] и др. На русской территории названия фиксируются крайне редко, фактически, по ДАРЯ, *рунь* 'то же' - лишь на границе с Белоруссией, зап. Смоленска. Слово в интересующем нас значении приведено у В.Даля - арх. *руно* '**ростовая** трава на пожне' (="сеголетнее *руно* у нас богатое, сено будет"); также '(растение) вырванное целиком, с корнями' (="руно гороху") [IV, 114] (там же - и обычное 'шерсть овцы...').

3. Названия с корнем *зел(ен)*=[12]. Распространены преимущественно в пределах русской диалектной зоны - южное наречие и некоторые говоры среднерусского (юг псковских, некоторые селигеро-торжковские, далее - восточносреднерусские [отдел А], а отдельные микрозоны отмечены в р-не Новгорода; также - редко - в севернорусских [р-н Чагода, Вел. Устюг и некоторые др.]. Известны варианты, чаще всего - *зеленя, зелени, зелень*, реже - *зель*, оно отмечено (часто параллельно с названиями с основой *зелен*=) на западе - отдельные гдовские говоры и новгородские, многие псковские, далее - микроарелы в р-не Осташкова и Торжка; в севернорусских - единично - в р-не Будгощ; в комментариях (с.155) упоминаются и варианты, которые не картографируются отдельным знаком - *озель, зеля, на́зеле* и даже - *зелёнка* и под. Аналогичные названия известны за пределами русских диалектов лишь в северовосточных украинских говорах, близ русско-украинской языковой границы (Буда, Шостка, Глухов), ср. и р-н Конотопа, южн. Сум, в р-не Полтавы, Козельска, вост. Канева (АУМ I).

Из названий 'всходов...', имеющих ограниченное распространение в восточнославянских диалектах, упомянем прежде всего бел. *скарада́* и укр. *скоро'да*[13]. На белорусской территории оно фиксируется в центральной части (Слуцк - Бобруйск - Мозырь, р-н Гомеля и Ельска - см. выше), а в украинских говорах - на севере - р-н Чернобыль - Остер - Козельск - Чернигов, также в Житомирском Полесье - в р-не Овруча, Олевска; отдельные микроареалы - близ Сум и Кировограда.

Еще меньшее распространение имеет название *(в)сход(ы)* 'то же' (по-видимому, позднее, возникшее в некоторых диалектах в результате сужения и специализации более общего значения). С одной стороны, оно отмечено в диалектах всех трех языков, вместе с тем отсутствуют достаточно большие и компактные ареалы. В ДАРЯ специально проведен отбор случаев, которые картографируются (если в каком-то говоре это название –

единственное), и которые приведены лишь в комментариях (когда фиксируются лексические варианты), поскольку это слово оценивается как результат влияния литературного языка (с.154). Очень редки записи подобных названий в белорусском - ср. небольшой ареал *ўсход* (*всход*) в р-не Докшиц, Борисова, Минска, Могилева, также в р-не Бреста и др. (с.847). Редко встречаются подобные названия в украинских говорах, в АУМ название *с'ходи* отмечено на северо-востоке (вост. Новгород-Северский), далее микроареал Бахмач - Ромны, вокруг Полтавы, также - р-н Черкасс, Кировограда, Умани, Б.Церкви и некоторые др. В АУМ II варианты *(в)с'ходи, схід (сход)* приведены лишь в комм. (с.74).

Также крайне ограниченно распространение, несомненно, довольно поздних названий, производных от глагола *сеять (сіяти* и под.)(см.: Фасмер III,с.615). Отмечается в нескольких случаях в украинских диалектах - *с'іў'ба, 'с'ійанка*, и, как правило, в виде отдельных локализмов (в западноукраинской зоне)(АУМ II); ДАБМ не фиксирует подобные формы; ДАРЯ дает в комментариях единичное *высевка* (с.155).

Картографирование на карте № 47 ДАРЯ производных от *яр*= (*ярь, яровина, ярица, яря и* под.), как будто не противоречит ее теме (="названия всходов зерновых культур"), однако представляется все же случайным, поскольку, с одной стороны, они имеют определенно другое значение, чем иные противопоставленные явления[14], а, с другой, - примеров фиксации названий ' я р о в ы х всходов' слишком мало, чтобы дать более полную картину аналогичных терминов в русских диалектах. На нашей карте-схеме 2 этих названий нет.

Присутствие на сводной карте малочастотных названий не мешает воспринимать главное в той информации, которую она аккумулирует, а именно - существование (1) русско-украинской параллели - наименование всходов зерновых с помощью корня *зим*=; (2) белорусско-украинской параллели - названия с корнем *рун=;* (3) белорусско-украинской сепаратной параллели - названия с корнем *скород*=; (4) специфически русского наименования - лексемы с корнем *зел(ен)*=. Первые два схождения представляются достаточно старыми (что может свидетельствовать и о древнем характере дифференциации восточнославянского языкового пространства, устанавливаемой на основе соответствующих изоглосс). Весьма старым может быть и русский эксклюзив с корнем *зелен*=(: *зель).* Сепаратное с е м а н т и ч е с к о е схождение бел. *скарада́* ~ укр. *скоро́да,* по-видимому, возникло относительно поздно (в пользу этого говорит характер ареал - компактный и небольшой по величине).

Примечания:

[1] Названиям традиционных построек и помещений в русских диалектах посвящен большой цикл работ О.Н.Мораховской, публиковавшихся в ежегоднике ОЛА и других изданиях ИРЯ РАН, см. также ее монографию: Мораховская О.Н. Крестьянский двор: история названий усадебных участков. М., 1996.

[2] Этот аспект анализировался еще в исследовании "Русские. Историко-этнографический атлас" (М., 1967). Так, констатируется, что на территории, занимаемой русскими, исторически сложились (и развивались) разные системы земледелия - в зависимости от различий природных условий (с.17); этим же в ряде областей (север и центр) определялась и специфика соотношения запахиваемых земель и земель находящихся под паром. Ср., например: "...При позднем созревании яровых хлебов между ярью и озимью должен быть промежуток в одно лето, в течение которого почву соответствующим образом обрабатывали и удобряли" (с.18). Различались по районам также виды озимых и яровых культур, значительные особенности существовали (и еще существуют) в развитии традиционной системы земледелия (с.20 и сл.) и т.д. О разнообразии природных условий занятий сельским хозяйством, что определяло и особенности общественных отношений, см. и в: Русские (серия "Народы и культуры"). М., 1997, с. 158, 160 и сл.; там же – литература.

[3] Там же карта № 292, посвященная семантике слова **руно** (однако ее материал не учитывается при картографировании).

[4] Составитель этой карты ДАРЯ пишет - "...По имеющимся сведениям часто нельзя установить, относится ли название к озимым или яровым посевам; если к озимым, то называются ли соответствующим словом только всходы осенние или только весенние, или те и другие, вместе взятые Известно, что на разных территориях *осенними* могут быть *всходы только ржи, либо* только пшеницы или *обеих этих культур* (курсив наш - Г.К.) , весенними же являются всходы яровых: пшеницы, овса и ячменя" [ДАРЯ III, 152-153].

[5] Основанием служит и то обстоятельство, что эти названия не образуют заметных ареалов (там же).

[6] Отведены от картографирования лишь неточные ответы (ср.- *жы́та ўзышло́* [п.335], *з'ил'ан'ё"ц* [п.337] и др. [с.847]).

[7] Не картографируются лишь спорадически зафиксированные и единичные наименования (например, [АУМ 2, 71]); дополнительный материал содержат и ответы на в. № 176 , посвященный значениям слова *руно*, однако эти данные также не использованы, так как, в основном, фиксируются ответы 'шерсть овцы' (с. 65).

[8] При этом, хотя карта ДАРЯ и не имеет необходимого уточнения, она, благодаря тщательной и глубокой интерпретации составителем ответов фактически отражает названия именно озимых культур. Свидетельством (и показателем) точности указанного анализа является, с одной стороны, четкость противопоставленных на *русской* диалектной территории двух основных ареалов - ***о́зимь*** и под. ~ ***зеленя́*** (зе́лень и под.) (естественно, при наличии некоего "переходного" пояса), а, с другой - существование ареалогически значимой русско-украинской параллели: ***озимь ~ (о)зими'на*** и под. (см. ниже).

[9] При картографировании под этим знаком объединены и редкие формы - *о́дзимь, [а]зи́м, озинь, подзимь* (с.154-155)

[10] В комментариях см. также фонетические, словообразовательные, акцентологические варианты - *'о'зи'мина, о'зима, озіміна, ѡ'зиминдна, ў'зимина, зи'мина* и др.(АУМ II).

[11] По М.Фасмеру (III, 518), который включает в словарь рус. ***рунь*** 'посев, прорастающий осенью' (при бел. ***рунь*** 'ботва хлебных злаков') и сближает с ***рунить*** 'быстро делать' и под. (далее - ***рух, рушить*** - с.524 и сл.), это слово отделено от ***руно*** I 'толпа , множество' и ***руно*** II 'овечья шерсть...' (: *рвать* и под. - там же, с. 518). Специально о бел. ***рунь*** см: [*Мартынаў В.В.* З беларускіх этымалогій // Беларуская лексікалогія і этымалогія.Мінск, 1968, с.101].

[12] В словаре М.Фасмера рассматривается лишь "базовое" прилагательное - *зелёный* [II, 92], Однокоренные не упоминаются. Однако см.: Даль; также - СРНГ.

[13] В словаре М.Фасмера находим два слова - *скорода* I 'полевой дикий лук, чеснок' (заимствование из греческого) и *скорода* II 'борона' (и глагол '*боронить*') - с соответствиями в балтийских и других и.-е. языках [Фасмер III, 652]. Данное диалектное слово не приводится ни здесь, ни в специальной статье В.Меркуловой, посвященной рассмотрению однокоренного рус. *скородь* 'болячка' в кругу родственных слов; ср., например, помимо обычного ***скородить*** 'боронить', также диал.(сев.) 'сбивать граблями сорную

траву' и под.; возводится к слав. **(s)kor=* < и.-е. **(s)ker=* 'драть и под. ' (В сб.: Русские диалекты в лингвогеографическом аспекте. М., 1987, с.211 и сл.

[14] О рефлексах слав. **jarь, *jarina, *jarica* (: **jaro*), - в том числе со значением 'яровой хлеб' и под., см.: [ЭССЯ 8, 180, 172-173, 175]; [Фасмер IV, 559,563].

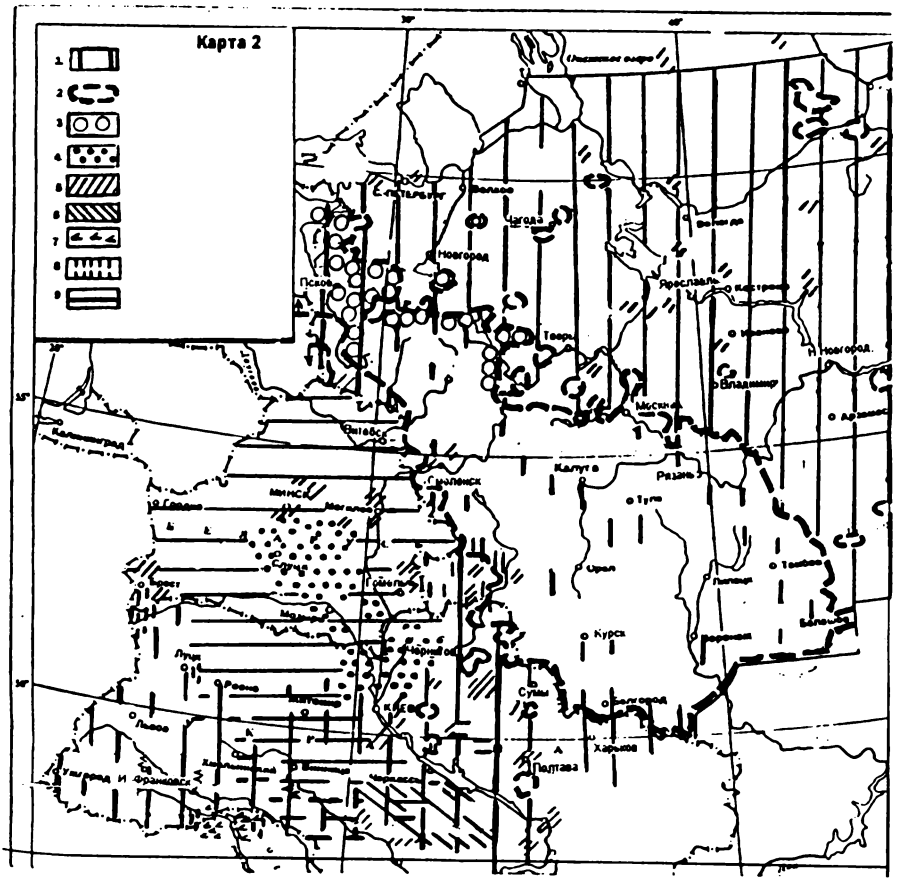
Литература:

[БРС] – Белорусско-русский словарь. 2. Минск, 1989.
[Войтенко] – *Войтенко А.Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991.
[ВСЯ] – Вопросы славянского языкознания. М.
[ЕСУМ] – Етимологичний словник української мови. 1-. Київ, 1982.
[Захарова-Орлова] – *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
[Здобнова] – *Здобнова З.П.* Типология русских говоров в Башкирии. Уфа, 1981 (=Карты к учебному пособию "Территориальное варьирование русского языка в Башкирии").
[Каде-Факторович] – *Каде Т.Х., Факторович Л.Л.* О семантических дифференциальных отношениях в названиях животных в русских кубанских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Мат-лы и иссл. 1992. СПб.,
[КДО] – Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
[Комягина] – *Комягина Л.П.* Лексический атлас Архангельской обл. Архангельск, 1994.
[ЛАЗГ] – *Дзендзелівський Й.О.* Лінгвістичний атлас говорів Закарпатської обл. УРСР. 1. Ужгород, 1958.
[Латта] – *Латта В.* Атлас українських говорів Східної Славаччини. Bratislava, 1991.
[Мельниченко] – *Мельниченко Г.Г.* Лингвистические карты. Приложение к книге "Некоторые лексические группы в северных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII-XIII вв.". Ярославль, 1974.
[ОЛА. Мат-лы и иссл.] – ОЛА. Материалы и исследования. М.
[Псковские говоры] – Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Осло, 1997.
[СБЯ] – Славянское и балканское языкознание. М.
[Срезневский] – *Срезневский И.* Материалы для словаря древнерусского языка. I-III. СПб., 1893-1903.
[СРНГ] – Словарь русских народных говоров. 1-. М.-Л., 1966-.

[ССРЛЯ] – Словарь современного русского литературного языка. 1-17. М., 1950-1965.
[СУМ] – Словник української мови. I-XI. Київ, 1970-1980.
[Топоров] – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. [E-H], М., 1979, [K-L], М., 1980.
[Филин] – *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
[Черных] – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. 1-2. М., 1993.
[Шахматов] – *Шахматов А.А.* Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893 (отд. отт.).
[ЭСРЯ] – Этимологический словарь русского языка. тт. 1-2. М., 1963-1982.
[AGWB] – Atlas gwar W shcodniosłowiańskich Białostocczyzny. t. II. Wrocław – Warszawa и др. 1989.
[AJDT] – *Stieber Z.* Atlas językowy Dawnej temkow szczyzny. I-VIII. tódź, 1958-196....
[Holub-Kopečný] – *Holub J., Kopečný F.* Etymologicky slovník jazyka českého. Praha, 1952.
[Jurišić] – *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. II. Zagreb, 1973.
[MAGP] – Mały atlas gwar polskih. IX. Warscawa, 1975.
[MNyTESz] – Magyar nyelv történéti etimológiai szótára. I-III. Budapest, 1967-1976.
[PSJČ] – Přírucný slovník jazuka českého. I-IX. Praha, 1935-1957.
[Rieger] – *Rieger J.* A lexical Atlas of the Hutsul Dialects of the Ukrainian Language. Warszawa, 1996.
[Rosetti] – *Rosetti A.* Istoria limbii române. III. Bucureşti, 1964.
[Shevelov] – *Shevelov G.J.* A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.
Остальные сокращения см. в издании Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН "Этимология".

Карта № 2. Названия ‘(озимых) всходов зерновых культур’.

1 – *озимь* и под.; 2 – *зелень, зеленя* и под.; 3 – *зель*; 4 – *скарада, скорода*; 5 – *ўсходы, сходи* и под.; 6 – *пари*; 7 – *с’ійанка*; 8 – *сиўба, сіўба*; 9 – *(ў)руно, (ў)руна* и под.

Содержание

Предисловие 3

Список сокращений названий атласов и программ, использованных в монографии 7

Л.Э.Калнынь. Протетические согласные перед лабиализованными гласными 9

Л.Э.Калнынь. Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами 29

Н.Н.Пшеничнова. Согласные на месте древнерусских [ш͡т'ш'], [ж͡д'ж'] 39

Н.Н.Пшеничнова. Утрата [j] и стяжение гласных в глагольных формах 63

Т. В.Попова. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус.лит. *любить* 79

Т.В.Попова. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус.лит. *платить* 105

Т.В.Попова. Флексия глагольной формы 3-го лица единственного числа настоящего времени 130

А.В.Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения 170

Н.Л. Голубева. Флексии звательного падежа 196

Л.Е.Лопатина. Употребление предложно-падежных сочетаний типа *по лесам - по лесах* 229

Л.Е.Лопатина. Родительный падеж в функции прямого объекта 234

Л.Е.Лопатина. Сочетания типа *у меня болит голова – мне галава баліць* (бел.) 245

Л.Е.Лопатина. Словосочетания числительных *два, три, четыре* с существительными 251

И.А.Букринская, О.Е.Кармакова. Названия деревянной посуды, в которой растворяют тесто 257

Г.П.Клепикова. Названия *кукушки* 265

Г.П.Клепикова. Названия *петуха* 277

Г.П.Клепикова. Названия *белки Sciurus* 289

Г.П.Клепикова. Названия ‘валька для выколачивания белья’ и названия ‘[озимых] всходов зерновых культур’ 295

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИЗОГОЛОССЫ. 1998. ВЫПУСК 2.

Утверждено к печати
Научным советом
Института русского языка им. В.В.Виноградова
Российской академии наук

Ответственный редактор Т.В. Попова

Оригинал-макет подготовлен к печати
в отделе диалектологии и лингвогеографии
Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН
Г.Г. Суворовым

Формат 60x84/16. Тираж 500.
Усл. печ. листов 20. Бумага финская офсетная. Печать офсетная.
Заказ 4.
Типография ООО фирма «Испо-сервис»